

ДРЕВНЯЯ БАКТРИЯ

ACADEMIE DES SCIENCES DE L'URSS
INSTITUTE D'ARCHEOLOGIE

LA BACTRIANE ANCIENNE

*

3

Matériaux de l'Expédition archéologique
Afghano-Soviétique

ÉDITIONS «SCIENCE»
MOSCOU 1984

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНЯЯ БАКТРИЯ

*

Вып. 3

**Материалы Советско-Афганской
археологической экспедиции**

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. Т. КРУГЛИКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1984

Сборник содержит материалы археологических раскопок, проводившихся на территории северного Афганистана с 1969 по 1977 гг. Авторы статей публикуют раскопанные ими памятники, относящиеся к эпохе бронзы и античному времени, а также исследования отдельных групп материалов, показывающие близкие черты сходства с культурой народов, населявших южные районы Средней Азии во II тысячелетии до н. э.— I тысячелетии н. э.

Публикуемые материалы имеют большое значение для изучения истории населения Центральной и Средней Азии в эпоху бронзы, а также в греко-бактрийский и кушанский периоды.

ДРЕВНЯЯ БАКТРИЯ

Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. Вып. 3

Утверждено к печати ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Г. Н. Улунян. Художник Н. И. Шевцов
Художественный редактор Н. Н. Власик. Технический редактор Ф. М. Хенох
Корректор А. Б. Васильев

ИБ № 26874

Сдано в набор 04.04.84. Подписано к печати 22.06.84. Т-07399. Формат 84×108^{1/16}
Бумага для глубокой печати. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 16. Уч.-изд. л. 17,8. Усл. кр.отт. 17,66. Тираж 2250 экз. Тип. зак. 126
Цена 2 р. 20 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

РАСКОПКИ МОНУМЕНТАЛЬНЫХ ЗДАНИЙ НА ДАШЛЫ-3

Многолетние раскопки Советско-Афганской археологической экспедиции в пункте Дашлы-3 выявили здесь остатки двух монументальных сооружений. Одно из них, получившее условное название «круглое здание», частично уже опубликовано¹. Настоящая публикация посвящена завершению раскопок на этом памятнике, которые вскрыли примерно четвертую часть бывшего сооружения.

Второе монументальное здание, так называемый дворец, раскопано полностью, однако результаты работы получили в литературе пока лишь самую общую, суммарную характеристику², ниже приводятся первые развернутые результаты этих раскопок.

Пункт Дашлы-3 составляет наиболее северную окраину дашлинского оазиса эпохи бронзы. В течение 1970—1973 гг. здесь проводились широкие раскопки «круглого здания» и лишь в 1973 г. на рядом расположенном холме были предприняты первые, пробные зачистки, выявившие руины какого-то другого монументального здания. Последнее обстоятельство послужило толчком к проведению в 1974—1975 гг. на этом новом объекте больших по масштабам раскопок, в результате которых было полностью вскрыто здание.

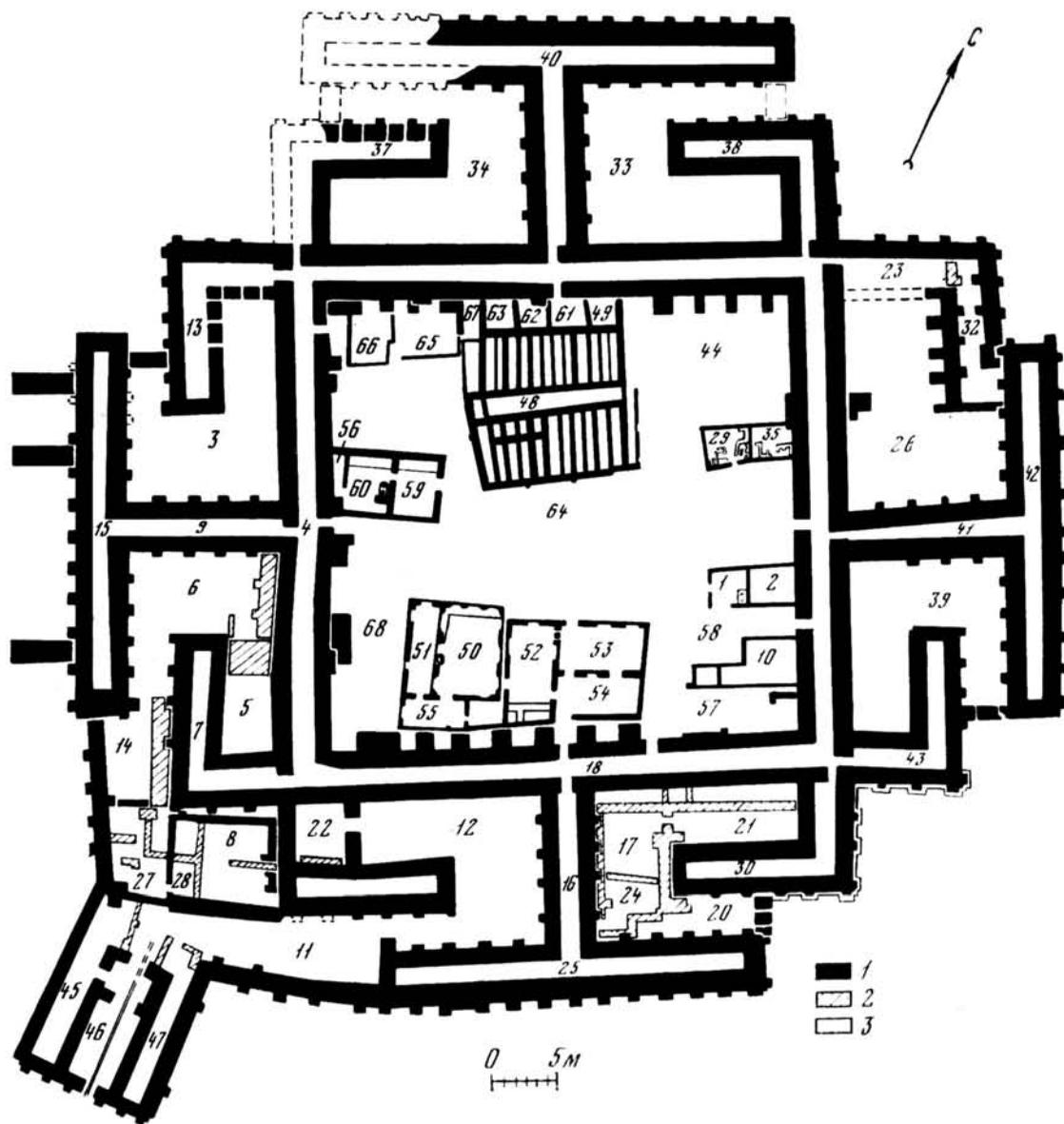
Исследуемое сооружение, предположительно дворец, было возведено на частично уже образовавшихся тонких культурных наслоениях, а не на чисто материковой основе. Раскопанное сооружение представляет собой почти квадрат (88×84 м) с обширным внутренним двором размером 40×38 м (рис. 1).

Стены основного периода раскопанного комплекса сложены из сырцового прямоугольного кирпича (размером 52×24×10; 50×23×11 см; 51×24×11 см) на глиняном растворе. Как правило, поверх кирпичей нанесен толстый слой штукатурки (смесь глины с большим количеством самана) характерного желтоватого цвета. Точно такая же штукатурка была выявлена при раскопках круглого здания на Дашлы-3. Установлено, что в ряде случаев, как, например, на западном и южном фасах стены выкладывались отрезками длиной около 1 м, причем, в некоторых помещениях (помещения 21 и 39) плоскости стен интерьеров облицовывались поставленными плашмя кирпичами. Как правило, полы встрытых помеще-

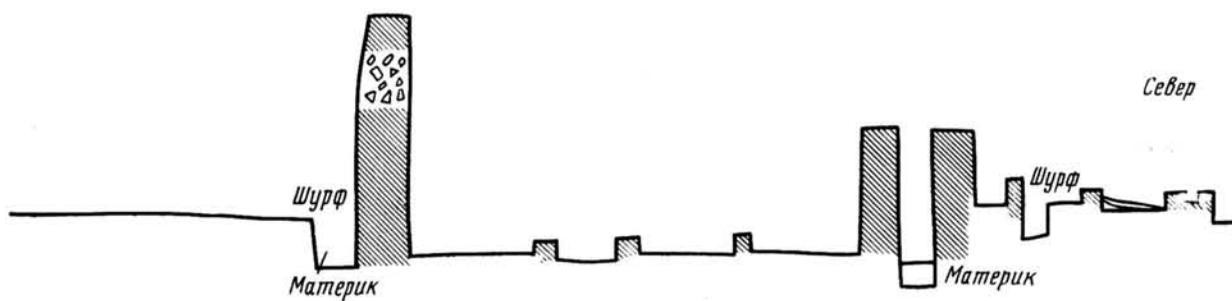
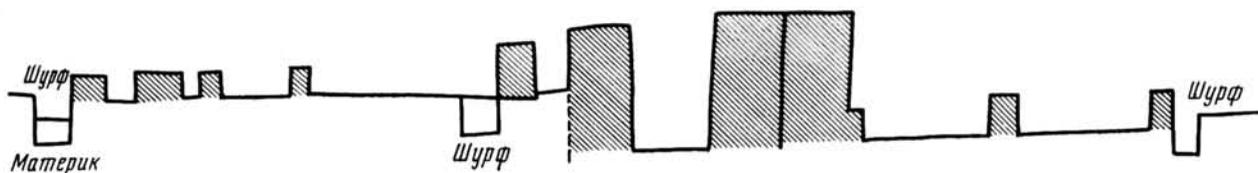
ний — глинобитные, нередко в несколько слоев. Однако в помещениях особого назначения внутреннего двора имеется регулярная выстилка из кирпича. Хотя о характере перекрытий многих помещений судить трудно, в ряде узких, коридорообразных галерей имелись сводчатые перекрытия, о чем свидетельствуют рухнувшие своды, но сохранившие соответствующую систему кладки.

Наконец, отметим, что все здание пережило три периода существования: первый или основной соответствует сооружению монументального здания и его функционированию; второй, или промежуточный, связан с прекращением его существования, когда внутри двора были возведены новые и частично приспособлены старые помещения под обычные жилые постройки рядовых общинников; третий период фиксируется забросом этой планировки и строительством на руинах бывшего двора жилых помещений, составляющих небольшое периферийное поселение. Видимо, существовал еще один строительный горизонт, от которого к моменту раскопок сохранились лишь полы и обрывки стен почти на самой дневной поверхности. После возведения здания, стены его уже вскоре стали «расползаться» в разные стороны так, что к моменту раскопок отдельные стены имели наклон до 15°. Это обстоятельство отчасти объясняется тем, что здание возводилось не на твердой материковой основе, а преимущественно на мусорно-зольных слоях предшествующего времени. Длинные прогоны стен, часто возведенные не вперевязку, а впритык, не обеспечивали необходимой прочности и устойчивости, что и привело к наклону основных стен здания. Это обстоятельство послужило основной причиной того, что обводные коридоры местами сохранили поперечные стеночки; при помощи них пытались предотвратить наклон и падение стен коридоров.

К наиболее раннему из исследованных периодов принадлежит единый архитектурный комплекс с внутренним двором в центре. По четырем сторонам двора располагается достаточно сложная, но однотипная планировка. В центре каждого фаса устроен Т-образный коридор, по обе стороны которого располагается по одному обширному помещению типа зала, внутрь которого вписано узкое Г-образное по-

102

мещение. Стены, как снаружи, так и изнутри декорированы прямоугольными пилястрами. Таков в общих чертах планировочный принцип, положенный в основу каждой из четырех сторон раскопанного сооружения.

Обводной коридор (отграничивающий планировку западного фаса от внутреннего двора) заполнен строительным завалом, от обрушившихся стен и кровли ниже — обычные культурные слои. Внутренние стены обводного коридора покрыты глиняной штукатуркой. От середины помещения 4 отходит Т-образный коридор (помещение 9), стены которого покрыты толстым слоем штукатурки желтого цвета. Сохранившаяся высота коридора 150—170 см от дневной поверхности; внутреннее заполнение состоит из твердой структуры строительного завала, в основном кусков кирпича. На самом полу местами отмечены зольно-мусорные прослойки; показателем вкопанный хум (видимо, относящийся к более позднему периоду), пустотелый внутри, венчик которого находится на одном уровне с полом. Очаг у восточной части — почти на дневной поверхности и бесспорно относится к последующему периоду.

Внешний фас Т-образного коридора (помещение 15) декорирован прямоугольными пилястрами, обмазанными снаружи желтой штукатуркой. Длинные прямоугольные контрфорсы, хотя и пристроены к внешнему фасаду коридора, но имеют с ним один общий уровень основания, так что нижние ряды кирпичей покоятся на мягких зольно-мусорных слоях. Налицо явное доказательство того, что уже вскоре после возведения всего здания, внешняя западная фасовая стена, стоящая на мягких культурных

слоях, стала оседать и отклоняться во внешнюю сторону, что вызвало необходимость возведения 4 длинных пилястр — контрфорсов, местами сохранившихся на высоту 4—5 рядов кирпича. Непосредственно по внешней грани этих контрфорсов в материковом грунте прослежен ров, идущий на глубину, по крайней мере, до 1 м и заполненный золой более позднего происхождения. Показательно, что под самими пилястрами идет лишь тонкий зольный прослой до 15 см, покоящийся на материке. Плохо сохранившаяся стена соединяет между собой помещения 13 и 15, образуя внешний угол всего здания на этом участке.

По обе стороны от коридора (помещение 9) располагается по одному обширному помещению (3 и 6) типа зала с узкими Г-образными помещениями внутри каждого (рис. 2). Зала, находящаяся к югу от коридора (помещение 3), заполнена сверху сплошным кирпичным завалом (возможно специальной забутовкой) очень твердой структуры. На глубине 120 см от дневной поверхности забутовка кончается, и под ней идет очень мягкий слой, состоящий из красно- и чернообожженных пятен, зольных линз, угольков; в южном углу расчищены хумы явно хозяйственного назначения. Судя по тому, что хумы располагаются выше пола и имеют свой горизонтальный уровень, думается, что помещение 3 было частично использовано в последующие периоды. Внутри расчищаемой залы имеются прямоугольные пилястры (по 4 вдоль южной и западной стен), а сами стены сплошь покрыты яркой желтой штукатуркой.

Внутри залы находится узкое помещение 13, заполненное внутри сплошным кирпичным завалом очень твердой структуры, возможно, от забутовки. Расчищенные внутри этого помещения хумы находятся выше уровня основного пола и относятся к последующим перио-

Рис. 1. Общий план дворца

1 — первый строительный период; 2 — строительный период; 3 — строительный период; I — разрез с севера на юг; II — разрез с запада на восток

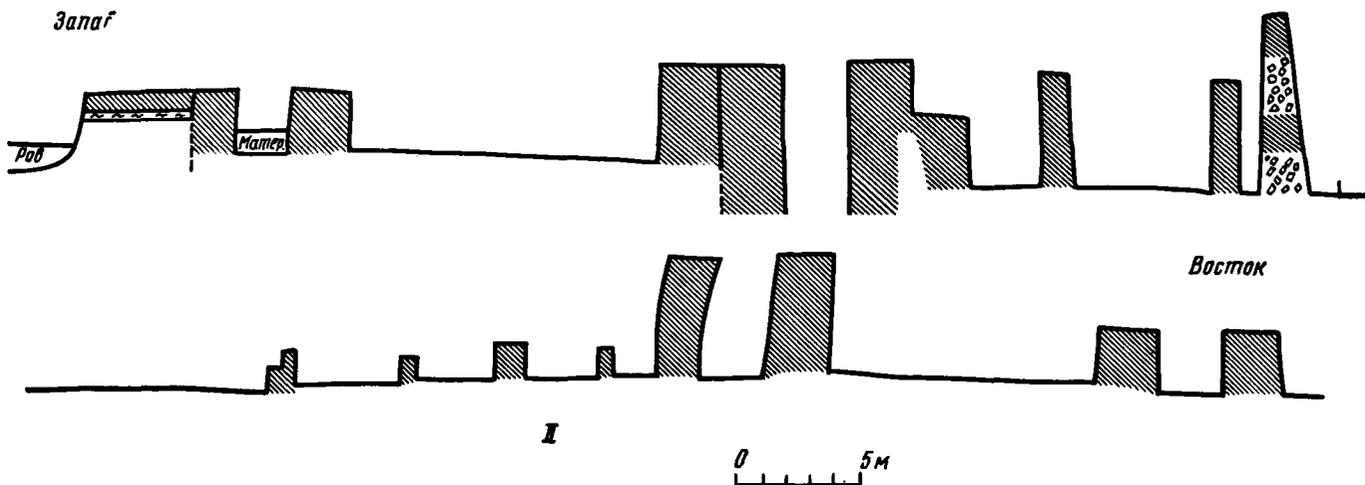

Рис. 2. Общий вид помещения 3

дам обживания памятника, но в пределах эпохи бронзы.

Отметим, что стены Г-образного помещения 13 имеют сквозные отверстия до 20 см шириной, идущие от самого пола и сохранившие глиняную обмазку. Не исключено, что эта стена была сложена не силовым кладкой кирпича, а отдельными кирпичными блоками (длиной 110, 120, 130 см), обмазанными со всех четырех сторон саманной штукатуркой. К моменту раскопок сквозные отверстия оказались заполненными обычными культурными, но очень рыхлыми слоями из смеси золы, комочков глины, угольков, фрагментов керамики. Назначение щелей остается не совсем ясным, хотя, возможно, если не все, то некоторые из них служили для вентиляции помещения, особенно в жаркую погоду, одновременно являясь световыми амбразурами.

Вторая зала (помещение 6) также декорирована изнутри прямоугольными пилястрами (по четыре вдоль северной и западной стен). Сами стены покрыты желтой штукатуркой (рис. 3). Внутреннее заполнение помещения 6 составляют культурные наслоения мягкой структуры мощностью до 1 м (от дневной поверхности), ниже которых и до самого пола идет кирпичный завал средней плотности. Создается впечатление, что это помещение имело два этапа существования в пределах одного

общего периода. Об этом же свидетельствует и мощная кладка контрфорса, пристроенная к восточной стене с двумя пилястрами; основание контрфорса стоит на высоте 70 см от пола, на обычных культурных наслоениях. Отметим, что между основной стеной и пристроенным контрфорсом четко прослеживается желтая полоса былой штукатурки. Интересна стратиграфия слоев, подстилающих контрфорс: непосредственно под нижним кирпичом идет горизонтальный уровень золы и угольков до 10–15 см толщиной, ниже которого до основного пола — куски сырцового кирпича. Как видно, в помещении 6 произошел частичный обвал стен (кирпичный завал от пола до контрфорсов), для чего пришлось пристроить изнутри к восточной стене мощный кирпичный контрфорс, украсив его двумя пилястрами.

Но еще раньше, по всей видимости, стали отклоняться стены обводного коридора, для чего пришлось «вписать» между ними чрезвычайно широкую кирпичную стену — контрфорс, кирпичи которой покоятся на основном полу помещения 6. О том, что эта стена была построена несколько позднее, чем все здание, указывает линия желтой штукатурки, четко прослеживаемая между основными стенами помещений 4 и 7, прилегающими к контрфорсу. В результате встроенная стена образовала глухое помещение 5, причем, у основания восточной стены расчищена кирпичная кладка, при помощи которой пытались предотвратить

Рис. 3. Общий вид раскопок. Вид с юга

падение самой стены обводного коридора, которая к моменту раскопок имеет отклонение до 15° .

Узкое, Г-образное помещение 7 заполнено внутри кирпичным завалом очень твердой структуры. Расчищенные два очага находятся почти на дневной поверхности и, бесспорно, относятся к более поздним периодам. Западная стена этого помещения у основания имеет 6 небольших глухих ниш, расположенных на расстоянии 70–75 см друг от друга. Ниши размером 40×10 см уходят вглубь стены на 60–65 см и заполнены внутри мягкой рыхлой землей и кусочками керамики; назначение их остается не совсем ясным. Внешняя западная грань помещений 7 сохранила пилястры, причем, часть их оказалась заложеной в результате возведения кирпичного контрфорса. Судя по тому, что нижние кирпичи покоятся на основном полу, можно предполагать, что этот контрфорс встроен был уже вскоре после сооружения всего здания. Показательно, что к моменту раскопок контрфорс сам уже имел сильный наклон в сторону помещения 14, свидетельствуя о быстром процессе отклонения стен от первоначального положения.

Если учесть, что общий план исследуемого здания построен на принципах строгой симмет-

рии, то, по аналогии с северным углом внешнего фаса (где поперечная стена соединяет между собой Т-образный коридор и Г-образное помещение), можно ожидать такого же завершения и южного угла; однако вместо этого, от торцевой глухой стены Т-образного коридора отходит пристроенная длинная прямая стена с пилястрами, идущая в южном направлении, образуя помещение 14. О том, что она была именно пристроена, можно судить по тому факту, что основание ее на 35–40 см выше, чем стены Т-образного коридора.

Более того, торцевая глухая стена коридора украшена с внешней стороны пилястрами в виде «ласточкина хвоста» — такое завершение характерно именно для внешних углов исследуемого здания. Плоскость торцевой стены помещения 15 имеет следы обожжения, которые четко прослеживаются между ней и пристроенной стеной помещения 14. Думается, что эта стена была пристроена несколько позднее, в результате чего образовались помещения 14, 27, 8, 28, относящиеся к следующему этапу, но, по-видимому, в пределах основного периода. Помещения 14 и 27 первоначально имели общий проход, позднее заложённый тонкой стеночкой, стоящей на мусорно-золевых слоях. В помещении 27 сохранились стенки того же времени, делящие саму комнату на несколько отсеков; около стенки стоит почти целый хум. О нескольких этапах обживания свидетельст-

вуют добавочные стенки внутри помещения 8, точно так же, как очаг, расчищенный почти на дневной поверхности, покоящийся на мощных мусорных слоях, а не на основном полу и явно относящийся к более позднему времени (рис. 4).

В юго-западном углу исследуемого здания расчищены плохо сохранившиеся стены от бывшего центрального въезда. Предполагаемый въезд или ворота, состоит из трех длинных, узких помещений (45, 46, 47), центральное из которых (помещение 46) имеет проход, ведущий наружу. На полу этого помещения расчищена неглубокая канавка с остатками керамической трубы (кобура), по-видимому, от несохранившейся древней дренажной системы.

Рис. 4. Пилястры северного фаса здания

Рис. 5. Ворота в южном углу здания

Широкий проход ведет в смежное, небольшое помещение с двумя проходами, одно из которых ведет в помещение 45, плохо сохранившееся, стены которого не превышают высоты 1–2 рядов кирпича. За внешним фасом помещения 45 прослеживаются кирпичи, частично стоящие на ребре, по-видимому, остатки рухнувшей наружу стены самого помещения (рис. 5).

Помещение 45 отгорожено от помещения 11 более поздней длинной стеночкой, но первоначально здесь имелся широкий проход. Наконец, помещение 47 почти полностью копирует вышеописанное; узкое, длинное оно заканчивается встроенными стенками с проходом. Южный фас предполагаемого въезда декорирован пилястрами; по три по обе стороны от прохода. Отметим, что от внешней угловой пилястры помещения 45 отходит плохо сохранившаяся прямая стенка, назначение которой остается неясным.

Длинное помещение 11 служит как бы продолжением вышеописанного въезда; его внешняя стена, соединяясь с помещением 25, является вместе с тем и внешним фасом всего южного фронта исследуемого комплекса. За ее внешней гранью южного фаса прослеживаются стены комнаток как более ранние, так и более поздние, но не связанные с самим зданием. Исключение составляет стена, отходящая от пилястры внешней стены помещения 47. Хотя назначение ее остается неясным, сама по себе эта стена не пристроена, а связана кирпичной

кладкой вперевязку с пилястрой, от которой она отходит.

Итак, через предполагаемый въезд можно было попасть в длинное помещение 11 и затем в комплекс помещений южного фаса основу которого составляет Т-образный коридор (помещения 16 и 25), по обе стороны от которого располагаются обширные залы со вписанными в них Г-образными помещениями. Сам коридор состоит из двух частей: центральной части (помещение 16), идущей с севера на юг и перпендикулярно к ней расположенной (помещение 25). В центральной части коридора у основания обеих стен изнутри имеются кирпичные выкладки, возможно, возведенные для предотвращения наклона стен. Между ними — узкая полоска пола шириной до 40—45 см, неудобная для прохода. Центральная часть (помещение 16) заполнена сплошным мусорным слоем, а помещение 25 — кусками сырцового кирпича очень твердой структуры.

Внешняя сторона рассматриваемого коридора вместе с прилегающей внешней стеной помещения 11 украшена 17 пилястрами. Хотя высота пилястр невелика, есть основания предполагать, что они были ступенчатыми, как это достоверно установлено для лучше сохранившихся пилястр юго-восточного угла (помещение 30).

Обширная зала (помещение 12) декорирована изнутри пилястрами (по четыре вдоль южной и восточной стен) причем показательна стратиграфия внутри помещения 12, где углы оказались заполненными упавшими кирпичами и соответственно имели к моменту раскопок плотную структуру, а центральная часть — обычными мягкими мусорно-зольными слоями, что указывает на постепенное разрушение этой части памятника.

Внутри залы находится Г-образное помещение (22), украшенное снаружи пилястрами. Стены его, по-видимому, стали наклоняться внутрь, для предотвращения чего пришлось возвести поперечную стенку, стоящую на накопившихся к тому времени мусорных слоях и относящуюся, таким образом, к более позднему этапу. Показательно, что если другие Г-образные помещения построены за счет продолжения соответствующих стен обводного коридора, то в данном случае этот принцип выдержан лишь отчасти: здесь лишь одна стена является продолжением стены обводного коридора, причем, между залой (помещение 12) и Г-образным помещением (12) имеется проход, однако точное время его устройства остается неясным.

По другую, восточную сторону Т-образного коридора располагается следующая обширная зала, позднее возстроенная внутри добавочными стенками, возможно, выполненными роль контрофорсов. Прилегающая стена коридора

с пилястрами оказалась заложеной добавочной стеной контрофорсом. К торцовой части Г-образного помещения 30 также пристроены стенки, за счет чего образовались помещения 17, 20, 21, 24. Длинная стена встроена параллельно южной стене прилегающему обводному коридору, помещения 18, за счет чего образовалось своеобразное помещение, интересное тем, что оно сохранило «осевшее» сводчатое перекрытие, свидетельствующее о конструкции перекрытий подобных узких коридоров. Судя по регулярной кладке поставленных на ребро кирпичей, это были ложные своды, наиболее ранний пример подобного строительного приема в Бактрии. Все эти встроены относятся к одному периоду перестроек, так как основания их находятся на одном уровне и, возможно, связаны с единым комплексом перестроек этой части здания. Ниже основания этих встроены стенок — сплошной строительный завал средней плотности. Вероятнее всего, перестройки относятся к тому времени, когда эта часть здания оказалась нарушенной. Об этом можно судить по тому факту, что в помещении 21 на полу расчищена кладка кирпичей, поставленных на ребро — скорее всего упавшее сводчатое перекрытие. Сама же длинная стена покоится на этом слое рухнувшего свода, что не оставляет сомнений в соответствующей стратиграфической последовательности. В целом же все встроены стенки сохранились на высоту 5—6 рядов кирпича, т. е. на глубину 70—75 см, фиксируя следующий за основным этап существования данного участка всего сооружения. Добавим, что к этому же периоду относится очаг, пристроенный к стене помещения 21, стоящий на кирпичной платформе высотой в 6 рядов кирпича. Стены помещения 21 облицованы двумя рядами кирпичей, поставленных на ребро (или иначе планшя), что, по-видимому, относится ко времени отмеченных перестроек.

Восточная часть обводного коридора (помещение 25) и Г-образное помещение (30) соединены между собой широкой кирпичной стеной с кирпичным порогом и проходом, ширина которого к моменту раскопок достигала 60 см. Хотя эта соединительная стенка пристроена вперевязку со стенами, судя по общему основанию фундамента, они все были построены одновременно. Думается, что это был проход, предусмотренный по предварительному архитектурному плану, который по мере необходимости закладывался кирпичами, как это и сохранилось к моменту раскопок. Не исключено, что подобные проходы имелись по всем 4 углам здания и лишь плохая сохранность препятствует более определенному заключению. Внешний, юго-восточный угол всего здания сохранил высокие пилястры, которые имеют ступенчатое оформление, внешние завершающие углы здесь

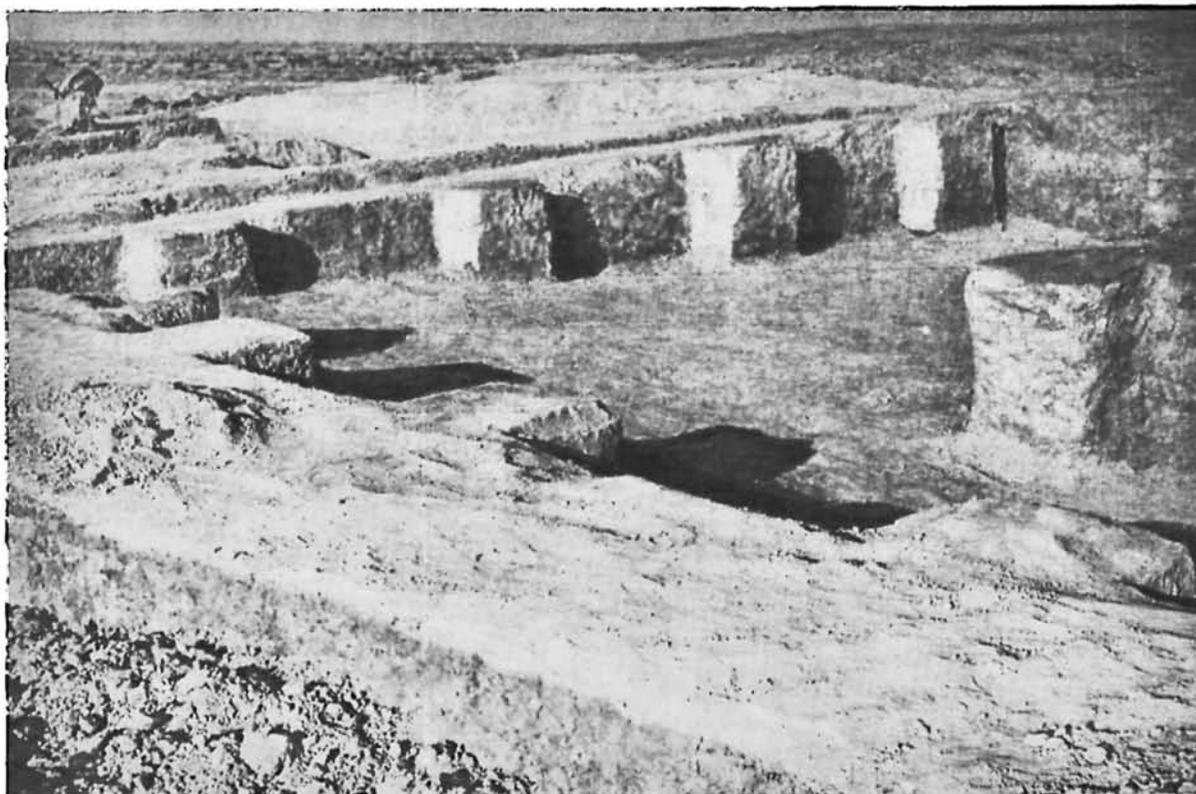

Рис. 6. Общий вид залы

оформлены пилястрами в виде «ласточкина хвоста».

Восточный фас в принципе повторяет вышеописанную планировку: Т-образный коридор (помещения 41, 42) делит всю восточную часть на две неравные части. Внутри коридор заполнен строительным завалом, состоящим в основном из кусков сырцового кирпича. Внешний восточный фас помещения 42 декорирован десятью прямоугольными пилястрами.

В северную сторону от коридора располагается обширное помещение 26 типа зала (рис. 6). Внутри, примерно в середине помещения 26, около стены обводного коридора сохранилась массивная кирпичная структура, пристроенная несколько позднее, назначение которой остается неясным. Внутри помещения 26 заполнено сплошным кирпичным завалом твердой структуры; в северной части этот слой перемежается с мусорно-зольными отвалами. Местами здесь прослеживаются небрежно выделенные хозяйственные очажки — свидетельство более позднего обживания этого участка. В результате вторичного обживания была разрушена стена Г-образного помещения 23, большая часть которой к моменту раскопок не сохранилась. От самого Г-образного помещения сохранилось лишь помещение 32, которое смыкается с коридором 42. Создается впечатление,

что строители ошиблись в расчетах и Г-образное помещение было построено много больших размеров, чем аналогичные по плану помещения в остальных частях исследуемого комплекса. Отличает его от остальных и наличие внутренних пилястр в помещении 32, пигда более в Г-образных помещениях не отмеченных. В южном углу помещения 26 расчищена прямоугольная печь, по относящаяся к последнему периоду обживания памятника.

Думается, что именно ошибки в соответствующих расчетах не позволили строителям распланировать и построить северный угол комплекса по аналогии с остальными тремя углами.

Следующая зала (помещение 39) заполнена сплошным кирпичным завалом, выше которого идет регулярная кладка лежащих на ребре кирпичей. Создается впечатление, что это упавшая на бок стена южной части обводного коридора (помещение 31). Помещения 42 и 43 соединены между собой хорошо сохранившейся поперечной стеной с проходом, оказавшимся аккуратно заложеным кирпичами к моменту раскопок.

Хуже всего сохранился северный фас исследуемого сооружения. Так Т-образный коридор (помещение 36) почти не сохранился в своей северо-западной части (помещение 40), где к моменту раскопок едва намечались следы последнего ряда кирпичей, ниже которого про-

слеживается материковая основа былого естественного всхолмления.

Также плохо сохранилась западная зала (помещение 34), которая была неоднократно использована в последующие периоды, свидетельством чего являются вкопанные вдоль южной стены хумы и мощные мусорно-золевые наслоения, обычного бытового происхождения.

Вписанное внутрь залы Г-образное помещение 37 забито внутри сплошным кирпичным завалом, если не забутовкой, очень твердой структуры. В южной части этого помещения под кирпичной забутовкой обнаружена попка от алебастровой вазы и треугольной формы массивная подделка из прекрасного светлого алебастра с розовыми прожилками; поверхность предмета тщательно заглажена. Хотя между коридором 40 и помещением 37 кирпичи не сохранились, по аналогии с вышеописанными внешними углами и здесь реконструируется широкая соединительная стена.

Другая зала (помещение 33) сохранилась несколько лучше. Сразу же отметим, что внутри на накопившихся мусорно-золевых слоях в более поздние периоды были построены тонкие стенки, образовавшие несколько вытянутых помещений. Судя по характеру найденного материала и стратиграфии слоев, эти встройки осуществлены в то время, когда здание было заброшено в основной период и обжито рядовыми общинниками, обитавшими здесь в эпоху поздней бронзы. Видимо, к этому же периоду относится прямоугольный очаг, пристроенный к внешней стене помещения 38, точно так же, как вкопанные внутрь помещения 33 хумы, частично нарушившие стену помещения 38, что с очевидностью указывает на их более позднее происхождение. Внутри помещения 38 расчищен глиняный тигель с ручкой, внутри которого сохранилась расплавленная, а вокруг расплескавшаяся руда. По всей видимости, это помещение было вторично использовано в последующие периоды для меднолитейного производства. Осталось отметить, что стены помещений 33 и 38 покрыты великолепной саманной штукатуркой желтого цвета. Хотя внешний северо-восточный угол этого фаса не сохранился (кирпич на этом участке полностью развеян процессами дефляции), по аналогии с вышеотмеченными внешними завершениями углов и здесь реконструируется широкая стена, соединяющая между собой помещения 38 и 40.

Как уже отмечалось, центральную часть всего комплекса составляет практически квадратный внутренний двор, ограниченный со всех четырех сторон обводным коридором. Следствие интенсивного обживания памятника в последующие периоды многие его части оказались нарушенными различными перестройками, закладками, так что подчас трудно вычлени-

первоначальную архитектуру комплекса отдельных ее микроучастков.

Тем не менее основной архитектурный принцип выявлен с точностью: обводной коридор (помещение 4, 18, 31, 19) ограничивает архитектуру внутри двора от вышеописанных сооружений внешних фасадов. Стены его изнутри покрыты глиняной штукатуркой, местами прослеживается хорошо сохранившаяся кирпичная выстилка полов, перекрытия имели сводчатую форму. Сразу же отметим, что обводные коридоры были использованы в более позднее время в хозяйственных целях, о чем свидетельствует их стратиграфия: на полах сохранились очажки, золево-мусорные линзы, зернотерки, которые выше местами перекрыты сплошным строительным завалом от обрушившихся стен и перекрытий. Следует отметить также наличие встроенных поперечных стенок внутри обводного коридора, основания которых покоятся на накопившихся мусорных слоях. Думается, что последние могли быть возведены в качестве своеобразных подпорок-контрфорсов, которые должны были предотвратить разрушение все более наклоняющихся стен.

Южный обводной коридор сохранил внутренние поперечные стенки, образующие отсеки, однако стоят эти стенки не на полу, а на тонких мусорных наслоениях и, таким образом, относятся к несколько более позднему периоду. Пол коридора местами сохранил регулярную кладку из сырцового кирпича с глиняной обмазкой, причем на самом полу встречены крупные зернотерки, мусорные линзы, перекрытые сверху сплошным строительным завалом от разрушенных перекрытий. Показательно, что основание коридора утолщено изнутри добавочной кирпичной кладкой, свидетельствующей о попытках укрепить стены и предохранить их от наклона и обрушения. Сам пол прослеживается на глубине между 250—260 см от дневной поверхности. Южный коридор сохранил несколько проходов, из которых наибольший интерес представляют два, устроенные напротив друг друга и ведущие соответственно во внутренний двор (высота 160 см, ширина 90 см) и Т-образный коридор (высота 140 см, ширина 85 см). Оба прохода сохранили пороги, притолки и глиняную обмазку в виде штукатурки по боковым плоскостям. Проход, ведущий во двор к моменту раскопок оказался наглухо заложеным кирпичом, однако рядом к востоку от него расчищен второй проход (высота 140 см, ширина 90 см), видимо, несколько более позднего времени.

Еще два прохода имеются в восточном конце этого коридора: одно ведет в помещение 43 (размером 140×80 см), другое в помещение 30 (размером 140×70 см). Как видно, в целом обводной коридор серией сквозных проходов,

Рис. 7. Общий вид проходов, ведущих из коридора во двор

с одной стороны соединялся с внутренним двором, а с другой — с планировкой Т-образного и Г-образных коридоров (рис. 7).

Следующий восточный обвод также сохранил два входа. Основной размером 160×80 см, напротив которого находится вход в Т-образный коридор, но меньших размеров 120×60 см. Оба входа к моменту раскопок оказались заложеными кирпичами. Проходы из этого обвода в Г-образные помещения сохранились плохо; их примерные размеры в помещении 23 составляют 100×70 см, в помещении 38 составляют 120×60 см. Столь малые размеры проходов скорее всего связаны с последующими ремонтами и дополнительными встройками.

Восточный обвод коридора (помещение 31) сохранил поперечные стеночки явно более позднего происхождения, стоящие на подстилающих им мусорных наслоениях. О том, что северный коридор был интенсивно обжит в последующие периоды, свидетельствует тот факт, что местами зольно-мусорные слои имеют мощность свыше 1 м от пола, а также сохранились почти целые сильно закопченные кухонные сосуды.

Именно в этом восточном обводном коридоре на высоте 230 см от пола удалось выявить начало сводчатого перекрытия, которое представляет собой первый ряд кирпичей, выступающий и нависающий над коридором относительно вертикальной глади самих стен. Эти «ляточные» кирпичи поставлены перпендикулярно относительно кирпичей самой кладки стен, чем создавался технический прием напуска кирпичей, дающих возможность вывести сводчатое перекрытие. Соответствующие подсчеты показывают, что высота внутри коридоров от пола до потолков достигала почти 3 м. В середине восточного обвода из помещения 31 ведет внутрь двора заложённый проход, по-видимому, имевший арочное оформление; боковые плоскости прохода сохранили штукатурку.

Северный обвод (помещение 19) сплошь за-

полнен внутри мусорно-зольными слоями вперемежку с большим количеством битой керамики. В середине, напротив друг друга имеются два прохода, первоначальные размеры которых не сохранились из-за сильных нарушений этой части строений последующими обитателями. То же самое относится и к входам, ведущим в помещения 13 и 37, так как вся северо-западная часть комплекса оказалась нарушенной более поздними очагами и зольно-мусорными отвалами.

Западный обвод (помещение 4) сохранил два главных прохода, хотя и несколько смежных, но расположенных напротив друг друга. Один из них, ведущий во двор, сохранил размеры 150×75 см, второй, соединяющийся с коридором (помещение 9), сохранил лишь ширину, достигающую 80 см. Имеется еще один, но явно более поздний проход в северной части обвода размером 160×80 см, ведущий во двор. Об истинных размерах проходов основного периода можно судить по дверному проему, ведущему в помещение; боковые стороны его сохранили штукатурку, а общие размеры равны 160×100 см.

Даже с учетом вторичных перепланировок и перестроек имеется возможность наметить общую схему системы проходов раскопанного комплекса. Налицо хорошо продуманная чрезвычайно развитая внутри, но максимально замкнутая снаружи система, где основную роль играл обводной коридор.

Охватывая четырехугольник стен внутреннего двора, обводной коридор соединял его со всеми Т-образными и Г-образными помещениями, образуя тем самым единый архитектурный организм. Из этой хорошо продуманной взаимосвязанной лабиринтной системы выпадают обширные залы, как бы полностью изолированные и выделенные из общей архитектурной системы. В свою очередь почти каждая такая зала имела свой отдельный и независимый выход, ведущий непосредственно наружу, чем подчеркивалась их автономность в системе планировки всего комплекса. Это особенно хорошо видно по лучше сохранившимся залам, когда, например, в помещении 39 имеется свой аккуратно заложённый кирпичами проход в юго-восточном углу и в помещении 3, где проход устроен в северном углу. Очевидно, подобная планировка, предусмотренная с самого начала строительства всего комплекса, отражает глубоко продуманную систему, связанную в конечном счете с конкретным назначением отдельных микрокомплексов в общей системе всего сооружения.

К сожалению, внутри этих залов не сохранилось ничего, что указывало бы на их назначение. Эти обширные помещения с ровными, местами выложенными кирпичами полами, скорее всего, не имели постоянных перекрытий,

представляя собой своеобразные внутренние двory. И, возможно, действительно в определенные моменты узкие проходы открывались во внешнюю сторону и через них сюда вступали либо благочестивые паломники, либо свободные граждане местного бактрийского общества, либо иноземные послы.

Исключая до определенной степени восточный обвод, остальные три стены сохранили мощные пилястры, обращенные во внутрь двора. Так у южного обвода расчищено 6 отдельно стоящих пилястров и седьмой больших размеров, возможно, образованный из двух позднее заложённых между собой кирпичами. В таком случае на южном обводе могло быть 8 пилястр, часть из которых в последний период использовалась для устройства между ними хозяйственных очагов, а, возможно, и небольших керамических горнов. Для этого пустое пространство между пилястрами отгораживалось по внешней их плоскости стенкой, а внутри устраивались печки. О длительном их использовании свидетельствует факт наличия двух горизонтов печей, давших в общей сложности зольный слой около 2 м толщины.

Имеются пилястры и вдоль западной стены, причем, к одной из них (наиболее южной) была затем пристроена массивная кирпичная платформа.

О неодиократных пристройках можно судить по пилястрам северного обвода, имеющих разную конфигурацию и относящихся к разным этапам перестроек, но в пределах основного строительного периода. Видимо, имелись они и вдоль восточной стены, но не сохранились к моменту раскопок. Назначение этих мощных пилястр остается не совсем ясным; но при всех возможных предположениях думается, что в основном они выполняли роль контрфорсов, предохраняя обводные стены от возможных обвалов внутрь двора.

Раскопки внутри двора выявили на глубине в среднем между 3—2,5 м общий пол, которому соответствуют основания стен обводных коридоров. Сразу же отметим, что в центре двора этот уплотненный уровень пола подстилают небольшие культурные наслоения предшествующего времени. В других же частях, как например, в северо-западном углу пол практически совпадает с материковым основанием естественного холма, на котором и было возведено все исследуемое сооружение. Начнем обзор строений внутри двора с южного фаса, где располагаются остатки двух, как кажется, разновременных комплексов, каждый из которых включает по 3 комнаты. Наиболее ранний дом включает помещения 52, 53, 54, фундаменты которых практически совпадают с основаниями стен обводных коридоров. Все три помещения имеют взаимосвязанные стены, сложенные из кирпи-

чей размером $45 \times 23 (24) \times 10 (12)$ см с общими проходами. Интерьеры этих помещений покрыты ярко-желтой штукатуркой, причем, судя по общей планировке, центральным являлось помещение 52 с тремя глубокими нишами, начинающимися на высоте 65—70 см от пола. Все три ниши (средние размеры 105×30 см) в плане образуют как бы крестовидную фигуру. Вдоль северной стены устроена кирпичная суфа, обмазанная глиной. К моменту раскопок угол между нишами оказался заложённым битой глиной, причем, на нем находилась на боку половинка крупного хума. Обломки другого хума расчищены были в середине этого помещения; около северной суфы находился небольшой кувшин. Помещение имело несколько входов: два заложённых кирпичами в восточной стене, из которых можно было попасть в помещения 53 и 54 и одно в западной стене. Южная стена помещения 52 первоначально проходила вдоль пилястр (отходящих от самого обводного коридора), со временем она сильно наклонилась внутрь так, что параллельно ей была возведена другая степочка, но более поздняя. Осталось добавить, что пол этого помещения выстлан целыми кирпичами регулярной кладки.

Смежное помещение 53 прямоугольной конфигурации на северной стене имеет две ниши, начинающиеся на высоте 65—70 см от пола, выстланного целыми кирпичами регулярной кладкой. В западной части этой же стены имеется широкий проход с порогом из 3 рядов кирпича, ведущий во внутренний двор. Два прохода в южной стене ведут в следующее прямоугольной формы помещение 54, с единственной нишей, идущей от самого пола. У восточной стены имеется широкая суфа, около южной — почти целый хум. Две ниши в южной стене начинаются на высоте 65 см, причем в основании одной из них расчищены следы от двух бревен, поставленных горизонтально. Сама южная стена пристроена была к двум пилястрам обводного коридора; в ее западном углу имеется дверной проем, выходящий между двух пилястр. Напротив этой двери в стене обводного коридора имеется проход, стены которого сохранили штукатурку. Этот проход показывает как сообщались между собой обводные коридоры с помещениями, расположенными во внутреннем дворе. Проход сохранился полностью: его высота 160 см при ширине в 70 см. Не исключено, что это был центральный проход в южный обводной коридор.

Рассмотренные три помещения, по-видимому, относятся к несколько более раннему времени, чем рядом расположенный микрокомплекс, включающий помещения 50, 51, 55. На это указывает тот факт, что проход, который шел из помещения 52 наружу, в западную сто-

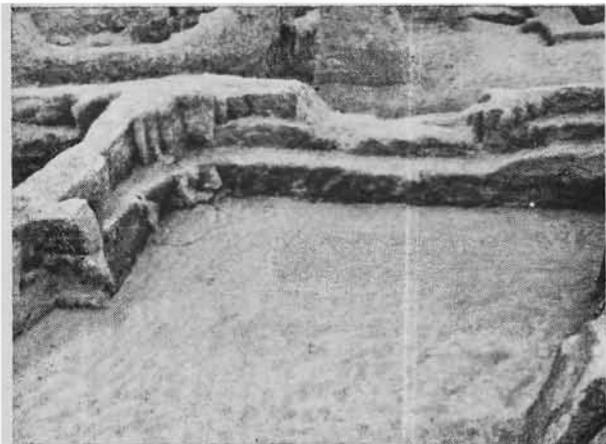

Рис. 8. Помещение 50, вид северной стороны

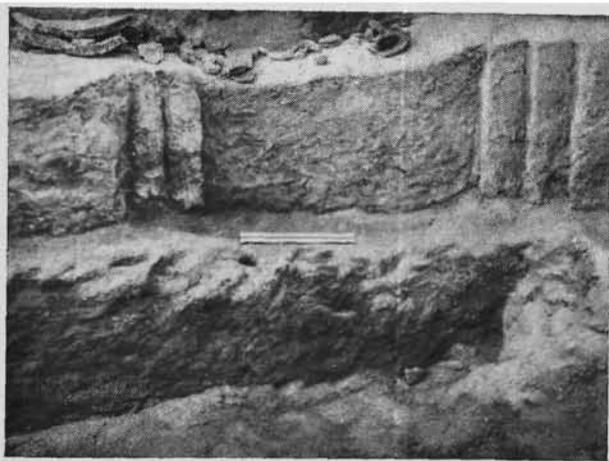

Рис. 9. Помещение 50. Общий вид ниши западной стены

рону, затем оказался застроенным стеной помещения 50. Основания стен всего этого дома возведены не на самом полу двора, а на уже накопившихся культурных наслоениях и пахотятся несколько выше, чем фундаменты вышеописанного дома.

Рассматриваемые помещения 50, 51, 55 общими стенами и проходами образуют взаимосвязанный микрокомплекс, центральное место там занимает прямоугольное помещение 50. Оно выделяется архитектурным декором интерьера. Так, на всех четырех стенах сохранились глубокие ниши, декорированные по бокам ступенчатыми фигурными выступами. Показательна техника кладки кирпича (позволяющая заполнить трехступенчатые углы зеленоватой глиной), образующая фигурные выступы. Так, три такие небольшие ниши имеются на северной стене, причем, здесь они идут не от самого пола, а на высоте 60 см. Точно такие же три широкие ниши имеются на восточной

и западной стенах, где они начинаются на высоте 2 рядов кирпича от пола, причем, на последней средняя ниша оказалась частично нарушенной печкой, устроенной в помещении 51 так, что фигурные выступы сохранились частично. Наконец, на южной стене расширена еще одна ниша и рядом проход в помещение 55. В целом помещение 50 отличается строгой симметричностью расположения ниши и их тщательным, фигурным декором. Плоскости ниши покрыты тонкоотмученной обмазкой (а не обычной толстой штукатуркой), заглаженной до зеркального блеска (рис. 8).

Почти в середине западной стены на полу устроен пристенный очаг-выкладка с общими размерами 80×75 см. Сам очаг образован за счет ограждения этого участка пола глиняным бортиком до 10 см шириной и до 5 см высотой. Внутри очаг слегка обожжен до светло-розового цвета, но без следов копоти, что указывает на то, что в очаге-выкладке не разводили огонь, а в него помещали раскаленные до красного жара угли.

Перед лицевым бортиком очага-выкладки непосредственно в полу устроено узкое, прямоугольное углубление (размером 40×12 см при глубине 8 см), тщательно покрытое глиняной обмазкой. Хотя углубление оказалось полностью заполненным угольками, следов обожжения внутри не имеется, что опять-таки указывает на помещение сюда уже разожженных на стороне углей.

Необходимо отметить, что исключая центральную нишу, обе боковые ниши северной стены сохранили тонкий слой белой слежавшейся золы. Вдоль северной и отчасти западной стенок идет пристроенная суфа, основание которой непосредственно покоится на полу, сплошь выложенным регулярной кирпичной кладкой в два ряда кирпича (рис. 9).

Как оказалось, под этим последним полом идет более древний, состоящий из утрамбованной земляной структуры, в котором имелись ямки-лунки, заполненные угольками и полусожженными костями животных. Одна такая ямка устроена в юго-восточном углу помещения 50, вторая до 0,5 м шириной и 0,3 м глубиной частично заходит под вышеотмеченный очаг-выкладку. В ней также находились угольки, частично спекшиеся полусожженные кости мелких рогатых животных (несколько сочлененных позвонков) и два-три зуба от крупных рогатых животных. Показательно, что эта смесь углей и костей имеет примесь мелких кусочков краснообожженной крошки, возможно пещины. Как и в ранее отмеченных случаях, ямки не несут следов обожжения так, что их содержимое было перенесено из другого места. Учитывая примесь краснообожженной кирпичной крошки, думается, что это остатки жертвенных

Рис. 10. Общий вид внутреннего двора, в центре — стратиграфические останцы

животных, кости которых после ритуальных сожжений на очагах-алтарях (кусочки печины!) были перенесены и засыпаны в ямки-лунки. Радиоуглеродное определение угля из одной ямки-лунки (ЛЕ 1253) дало дату 2110 ± 70 до н. э. из другой (ЛЕ — 1251) — 1350 ± 40 до н. э., так что в предварительном порядке наиболее приемлемой представляется датировка серединой II тысячелетия до н. э.

Стратиграфические работы показали, что под материковой основой идет слой в 25 см толщины, состоящий из кусочков угольков и кирпичей, поверх которого нанесена желтая обмазка пола. Выше был насыпан и утрамбован строительный завал до 0,5 м толщиной. Поверх него идет глиняная обмазка пола до 5—7 см толщиной от помещения 50, интерьер которого имеет еще не фигурные, а простые ниши, причем, у северной стены они начинаются не от самого пола, а выше на уровне 4 рядов кирпича. Именно к этому раннему периоду и относятся очаги-лунки, о которых говорилось выше. В этом же слое была встречена свинцовая поделка в виде миниатюрной фишки круглой в сечении с расширяющимися концами и кремневый наконечник стрелы. В следующий строительный этап пол в помещении 50 был

выстлан кирпичом, поверх которого нанесена желтая, глиняная обмазка, нишам придают фигурные очертания за счет устройства глиняных «уголков», а на полу устраивается очаг-выкладка.

Смежное помещение 51, длинное, узкое, с простыми, а не фигурными нишами и кирпичным полом, до определенной степени напоминает вышеописанное помещение 52.

В помещении 51 у северной стены, на полу находилась глиняная форма для отливки топора-кельта и рядом расплескавшийся металл. У восточной стены расчищена печь, скорее всего, связанная с литьем металла. Имеющиеся прямые археологические факты указывают, что металлообработка здесь производилась не в основной, наиболее ранний, а в более поздние периоды, когда эти помещения были частично использованы в бытовых целях. Сама печь имеет прямоугольную конфигурацию с общими размерами 200×90 см и пристроена к смежной с помещением 50 стене. Она состоит из двух неравных по размерам отделений, из которых большее размером 70×50 см, а меньшее — 95×30 см несколько углублено в прилегающую стену и имеет на полу слой черной золы. Обе камеры разделяет перемычка, образованная за счет устройства глиняного валика. Высота перемычки со стороны большей камеры 35 см, меньшей — 20 см. Внутри обе камеры несут следы

влияния огня, а судя по упавшим кирпичам, печь была перекрыта кирпичным сводом. Думается, что рассматриваемое помещение могло быть частично использовано обитателями второго промежуточного периода, когда здесь устраивается печь для плавки металла. Примерно в середине западной стены помещения 51 имеется проход, ведущий наружу, у его порога на полу была встречена целая каменная «миниаюрная колонка». Наконец, длинное, узкое двойное помещение 55 служило своего рода вестибюлем, из которого приходы ведут в помещения 50 и 51; в западной стене его имеется простая ниша.

Как видно из описания, на этом участке выявлены два строительных микрокомплекса, каждый из которых включает в себя по 3 взаимосвязанных помещения. Вместе с тем отметим, что оба эти микрокомплекса имеют принципиально сходную планировку в виде пары вытянутых комнат с примыкающей одной поперечной комнатой, но с отличной ориентировкой. Для этого достаточно сравнить помещение 55 с двумя проходами, ведущими в смежные 50 и 51 и помещение 52, два заложённых прохода которых ведут в смежные помещения 53 и 54. В этом же юго-западном углу расширена кирпичная платформа, основание которой совпадает с фундаментом примыкающей стены обводного коридора. По-видимому, как и рядом расположенные пиластры, она имела преимущественно техническое назначение для предотвращения падения стены (рис. 10).

К западной обводной стене также пристроена прямоугольная кирпичная платформочка, частично перекрывающая более раннюю. В противоположность вышеописанной, эта платформочка возведена на культурных слоях и, по-видимому, относится к последующим периодам.

Строительный комплекс, примыкающий к западной стене двора, опять включает три помещения 56, 59, 60, связанные между собой дверными проемами. Прямоугольное помещение 59 имеет суфу вдоль северной стены. Смежное помещение 60 также сохраняло пристенную суфу у северной стены на полу комнаты располагается двухчастный очаг, одно отделение которого сильно обожжено. В целом этот микрокомплекс отличается большой простотой интерьеров, но до определенной степени напоминает вышеописанный. Возможно, далее к северо-западу от этого комплекса имелись еще постройки, однако они сохранились частично. На этом месте, но на культурных наслоениях расширена небольшая квадратная комнатка с тонкими небрежно вылепленными стенками, явно относящаяся к более позднему, второму периоду. Судя по размерам, а главное по отверстию у пола и желобку, перекрытому сверху обломками керамики, предназначенному для

стока воды, думается, что это могла быть ванная комната или баня, рядом с которой вырыта яма, условно обозначенная, как хауз. Не исключено, что в этой яме могла храниться вода для ванной; позднее яма была сплошь засыпана черной золой.

Наконец, в северо-западном углу двора сохранились два помещения 65, 66, основания которых покоятся на уровне внутреннего двора, т. е. практически на материке; полы их прорезаны более поздними, по-видимому, хозяйственными ямами. Назначение их остается не совсем ясным (рис. 11).

Но бесспорно особого интереса заслуживают сооружения, примыкающие к середине северного обводного коридора (помещения 48, 49, 61—63). Здесь сохранились остатки не совсем ясной и достаточно сложной конструкции в виде огражденного прямоугольника стен, разделенного в поперечном сечении узким помещением 48. По обе стороны от него располагаются длинные узкие отсеки в числе 18 в северной части и 10 в южной. Сверху отсеки перекрыты поставленными на ребро кирпичами, образующими двускатное перекрытие. Глубина отсеков около 0,5 м, внутри их встречено большое количество костей животных и несколько миниатюрных, игрушечных сосудов. Восточная половина сооружения оказалась перекрытой стеночками, возможно, более позднего периода, в результате чего частично была нарушена и внешняя восточная стена самой конструкции. В целом это необычное по конструкции сооружение пока еще с трудом поддается точному определению. В порядке предположения можно допустить, что это была так называемая «табахана», отопительная система, устраиваемая под полом жилых комнат. В таком случае выше должны были располагаться помещения, полы которых местами сохранились поверх двускатного перекрытия «табахана».

Наконец, раскопки вдоль восточного обвода двора, установили наличие здесь плохо сохранившихся помещений, сильно нарушенных в более позднее время так, что выявленная планировка лишь в общих чертах воссоздает первоначальный тип застройки. Так, вся северная четверть (помещение 44) оказалась нарушенной глубокими ямами глубиной до 2 м, заполненных мусорно-зольными остатками. Радиоуглеродное определение угля из одной такой ямы (JE — 1254) дало дату 2280 — 70 гг. до н. э. В этой же части находятся остатки двух взаимосвязанных помещений 29 и 30, стены которых очень тонкие, сложены лишь в 1 ряд кирпича и возведены на тонких (до 15—20 см) культурных наслоениях, ниже которых идет такыровидный материк. Внутри помещения 29 на тщательно обмазанном глиной полу встроены из поставленных на ребро сырцовых кирпичей

Рис. 11. Общий вид внутреннего двора. Вид с востока

Рис. 12. Общий вид внутреннего двора. Вид с запада

Рис. 13. Помещение восточной части двора

Рис. 14. Помещение восточной части двора

Рис. 15. Помещение восточной части двора

две конструкции, отдаленно напоминающие сложные очаги. Одна из них устроена в южном углу, не несет никаких следов воздействия огня; вторая располагается напротив и частично сохранила следы от слабого огня. Если это помещение имеет вход, ведущий во двор, то второе помещение 30 дверного проема не сохранило, что скорее всего связано с неудовлетворительным состоянием самих стен. В этом помещении, вдоль западной стены также имеются остатки какой-то кирпичной конструкции, а в культурном заполнении встречены обломки глиняной формы для отливки и остатки от расплескавшегося металла. Хотя нет прямых археологических фактов, которые бы указывали к какому времени относятся эти следы металлообработки, думается, что это вторичное использование более раннего помещения под бытовое назначение. С западной стороны от уровня пола двора и под основание стен помещения 35 идет яма, но не нарушившая сами стены. Непосредственно к стене обвода примыкает суфа, сложенная из 5 рядов кирпича и возведена на тонких (до 10 см) культурных наслоениях, ниже которых идет материк.

Следующий микрокомплекс, сохранившийся на высоту двух-трех рядов кирпича, включает помещения 1 и 2, причем, площадь двора между ним и вышеописанным микрокомплексом нарушена двумя мусорными ямами, а в прилегающем восточном фазе обводного коридора имеется проход, ведущий во двор.

Помещение 1 имеет в западной стене дверной проем, ведущий во двор; в северном углу устроен прямоугольный отсек. Пол, выложенный кирпичами, прорезан тремя небольшими поздними ямами, расположенными по диагонали внутри помещения.

Смежное помещение 2 не сохранило дверного проема, внутри ничем не застроено; в южном углу эти помещения были выстроены не на материковой основе, а на уже накопившихся мусорных наслоениях, не превышающих толщину до 15–20 см.

Наконец, третий микрокомплекс расположен далее в южную сторону от вышеописанного, причем обводной коридор этой части двора сохранил заложенный кирпичами проход (рис. 12). К моменту раскопок этот микрокомплекс сохранил лишь одно длинное, неправильной конфигурации помещение 10. Думается, что сохранившаяся его планировка далека от первоначальной, что подтверждается неправильной конфигурацией всего помещения. Западная часть помещения 10 отгорожена поперечной стенкой, за счет чего образовалась маленькая глухая каморка. Внутри помещения 10 у южной стены и снаружи у западной прослежены две глубокие ямы, но не прорезавшие полы и, возможно, относящиеся к предшествующему времени, до

возведения на этом участке рассматриваемых помещений. Здесь же отметим, что вся восточная часть двора оказалась прорезана огромными ямами, до 2,5–3,0 м в диаметре и глубиной до 1 м, выпущенными в материк. В то же время яма в помещении 57 диаметром сверху в 2 м сужается книзу до 1 м при общей глубине 3 м от уровня пола двора. Если учесть, что в следующий за основным промежуточный период именно здесь, в восточной части бывшего двора, располагалась бытовая застройка рядовых общинников, то станет ясным происхождение этих ям, имевших по преимуществу хозяйственное назначение.

Трудно доказать стратиграфическими наблюдениями, но представляется, что из всех описанных строений внутри двора наиболее ранними являются помещения восточной (рис. 13, 14, 15) части, а наиболее поздними — южной. Косвенным свидетельством тому может служить то обстоятельство, что культурные слои, подстилающие помещения южной части, более толстые, чем в восточной, а сами микрокомплексы имеют сложную украшенную интьерьеры, сравнительно с восточными помещениями.

После того как это монументальное сооружение было оставлено, вскоре здесь обосновалась небольшая группа общинников, освоившая для своего существования восточную часть двора. Видимо, частично используя стены основного периода, здесь были возведены помещения жилого и хозяйственного назначения второго или промежуточного периода.

Планировка этого комплекса представлена взаимосвязанными помещениями (1–3, 4) жилого и хозяйственного назначения. Выделяются помещения 1–4 с общими проходами, объединяющими их в единый микрокомплекс. Помещение 2 с пристенным очагом, возможно, являлось кухней. Более сложной конструкции камин-очаг имеется в помещении 28. Помещения 5 и 9 образуют своеобразный коридор, откуда можно было попасть в помещения 7 и 8, где также имеется двухчастный очаг. Длинная, возможно, разграничительная стена отделяет серию помещений 22–27, 32–34 от вышеописанных. Думается, что в этот второй период на этом месте была одна, возможно, две большие, по-видимому, родственные семьи, которые, помимо этого, вторично обжили ряд помещений основного периода. Так, судя по стратиграфическим наблюдениям, по-видимому, именно в этот период в северо-западном углу двора была устроена баня, а в помещении 51 — мастерская по отливке металлических изделий и в том числе топоров-кельтов.

Наконец, к третьему (последнему) периоду относятся строения, обнаруженные на верш холма Дашлы-3, где они в основном ограничиваются пределами внутреннего двора. Не исклю-

чено, что этот строительный комплекс, возведенный на руинах предшествующего, явился следствием увеличения общинников, обитавших в домах промежуточного периода. Поскольку нарощенные культурные мусорно-золевые наслоения на основной площади двора препятствовали расширению строений в горизонтальном направлении, помещения этого уровня были полностью заброшены, была возведена новая архитектура, обозначенная как третий период. Но и эта архитектура не является наиболее поздней и последней в истории существования исследуемого памятника. Уже при зачистке поверхности холма, местами были расчищены промазки полов и обрывки стен высотой более 1 ряда кирпича. Кроме того, при последующих раскопках, часть нижележащих помещений оказалась заполненной сплошной кирпичной забутовкой, что, как правило, делалось при возведении строений последующего времени. Все эти наблюдения заставляют предполагать еще один, самый поздний строительный горизонт, оказавшийся развешенным к моменту раскопок естественными процессами дефляции. Отметим также, что стены этого позднего периода возведены из сырцового кирпича 40×20×11 (12) и 44 (42)×24×12 см.

Переходя к планировке третьего строительного горизонта отметим, что почти посередине, приблизительно по линии север-юг идет улица, делящая всю планировку на две части. Северный конец улицы упирается в поперечные прямоугольные помещения 24 и 29 и двумя узкими улочками продолжается далее в обе стороны. Планировка, расположенная к западу от улицы, состоит из большого количества взаимосвязанных между собой помещений 1–23. Не исключено, что в юго-западном углу располагался двор «Б», внутрь которого несколько позднее было вписано небольшое строение, состоящее из трех комнат (18, 19, 20) различной величины и конфигурации. Все помещения имели бытовое назначение, однако трудно судить с уверенностью о конкретном их назначении. Отметим, что во многих комнатах имеются небольшие очаги двух типов: прямоугольные очаги-выкладки, скорее всего, служившие для обогрева и в таком случае сами помещения являлись жилыми и очаги, устроенные в стенах, служившие для приготовления пищи (1, 81). В некоторых комнатах сохранились почти целые хумы, как правило, стоящие около стен; не исключено, что такие помещения имели преимущественно хозяйственное назначение. Правда, в одном помещении вместе встречены хум и очаг-выкладка, что указывает на более широкое назначение отдельных помещений. Хотя многие комнаты не имеют проходов, думается, что это объясняется в первую очередь плохой сохранностью самих стен, которые за

редким исключением не превышают высоты 2—3 рядов кирпичей, т. е. уровня достаточного для дверных порогов.

Кроме достаточно большого количества битой керамики, здесь найдено две печати. Одна бронзовая, крупная с изображением птицы в центре, обрамленной по кругу волнистым орнаментом. Вторая каменная. В этой же западной части встречены детские захоронения.

Планировка, расположенная к востоку от улицы, также состоит из большого количества взаимосвязанных помещений, явно группирующихся вокруг двора «А». В северо-восточном углу двора располагается крупная печь, стенки которой сильно прокалены, причем следы коричневого обожжения имеются и на примыкающей стене. Вся эта часть двора заполнена толстым слоем слежавшейся золы, причем такой же уплотненной золой засыпано и рядом расположенное помещение, по-видимому, частично заброшенное к тому времени.

В юго-западном углу двора А к стене пристроена полуовальная глинобитная стеночка, напоминающая очаг-выкладку, но без следов золы внутри.

Здесь же отметим, что крупная прямоугольная печь, аналогичная вышеописанной, расположена в помещении 30. Здесь эта печь как бы «вписана» в стену и прилегающую пилластру: внутри этого помещения и в рядом расположенных прослеживаются мощные зольные отвалы. Отметим, что обе эти печи не относятся к типу гончарных горнов и, возможно, служили для приготовления пицци в течение длительного времени для большого круга лиц. На это указывают мощные зольные отвалы, для накопления которых потребовалось длительное время.

В целом же вскрытая планировка третьего строительного горизонта представляет собой обычную застройку — место обитания рядовых общинников. Не исключено, что деление улицей ее на две примерно равные части указывает на существование двух групп обитателей, а, судя по сплошной застройке, возможно, близких родственников. Можно допустить, что эта архитектура служила местом обитания двух больших семей кровных родственников, которые вели общее хозяйство и проживали еще «под одной крышей».

В процессе раскопок было выявлено всего несколько древних захоронений, получивших сквозную нумерацию.

Погребение 1, кенотаф, находилось на остатках стены восточного фаса (помещение 39). Четко читается прямоугольная могильная яма размером 150×65 см и глубиной около 45 см. Внутри находилось шесть сосудов, каменная «колонка», каменная «гиря» и 6 кремневых наконечников стрел.

Погребение 2 включает частично сохранив-

шийся скелет на глубине 0,15 м от поверхности, на правом боку, ноги скорченные, руки согнуты в локтях; хотя череп не сохранился, скелет был ориентирован головой на север. Погребальный инвентарь составляет кубок на ножке и глубокая ваза.

Погребение 3 обнаружено под полом строений третьего строительного горизонта. Это детский скелет, скорченный на левом боку, руки согнуты так, что кисти находятся перед грудью. Погребальный инвентарь включает две вазочки.

Погребение 4 встречено среди строений третьего строительного горизонта. Это скелет грудного ребенка, помещенный в хумчу.

Погребение 5 находилось рядом с 4 и также представляет собой захоронение грудного ребенка в хумче.

Погребение 6 встречено во втором слое, в углу помещения 22. Это детский скелет на правом боку, скорченный, ориентирован головой на восток, без инвентаря.

Погребения 7 и 8, два детских скелета, встречены в помещении 26, лежащих в одинаковой позе: на правом боку, скорченные, головой на северо-восток, без погребального инвентаря.

Погребение 9, выпускной кенотаф в помещении 34 восточного комплекса; в могильной яме находятся 6 крупных сосудов.

Находки, сделанные на этом памятнике, в целом немногочисленны и по преимуществу относятся не к первому, основному, а последующим периодам.

Каменные изделия. Темно-зеленый, почти черный стеатит широко использовался для изготовления биконических пряслиц или, скорее, миниатюрных наверший (рис. 16, 5, 11), всегда имеющих сквозное отверстие. Поверхность их тщательно заглажена и нередко украшена кружковым орнаментом (по три кружка на каждой плоскости колуса). На отдельных экземплярах желобки кружков заполнены белой или красной пастой, что и может указывать на их назначение в качестве наверший. Лишь один подобный экземпляр имеет не кружковый, а нацарапанный орнамент в виде пятилучевой звезды, нанесенный на обе плоскости (рис. 16, 11). Диаметр этих изделий варьирует в пределах 2—4 см. Наряду с такими, встречены биконические пряслица, выточенные из белого алебаstra и не имеющие никакого орнамента.

Выделяется крупная лазуритовая подвеска из верхнего слоя ромбической формы со сквозным отверстием; лицевая сторона инкрустирована белыми костяными кружочками (возможно, из слоновой кости) в количестве 13 кружочков (рис. 16, 8).

Стеатит достаточно широко использовался и для изготовления небольших печатей с гра-

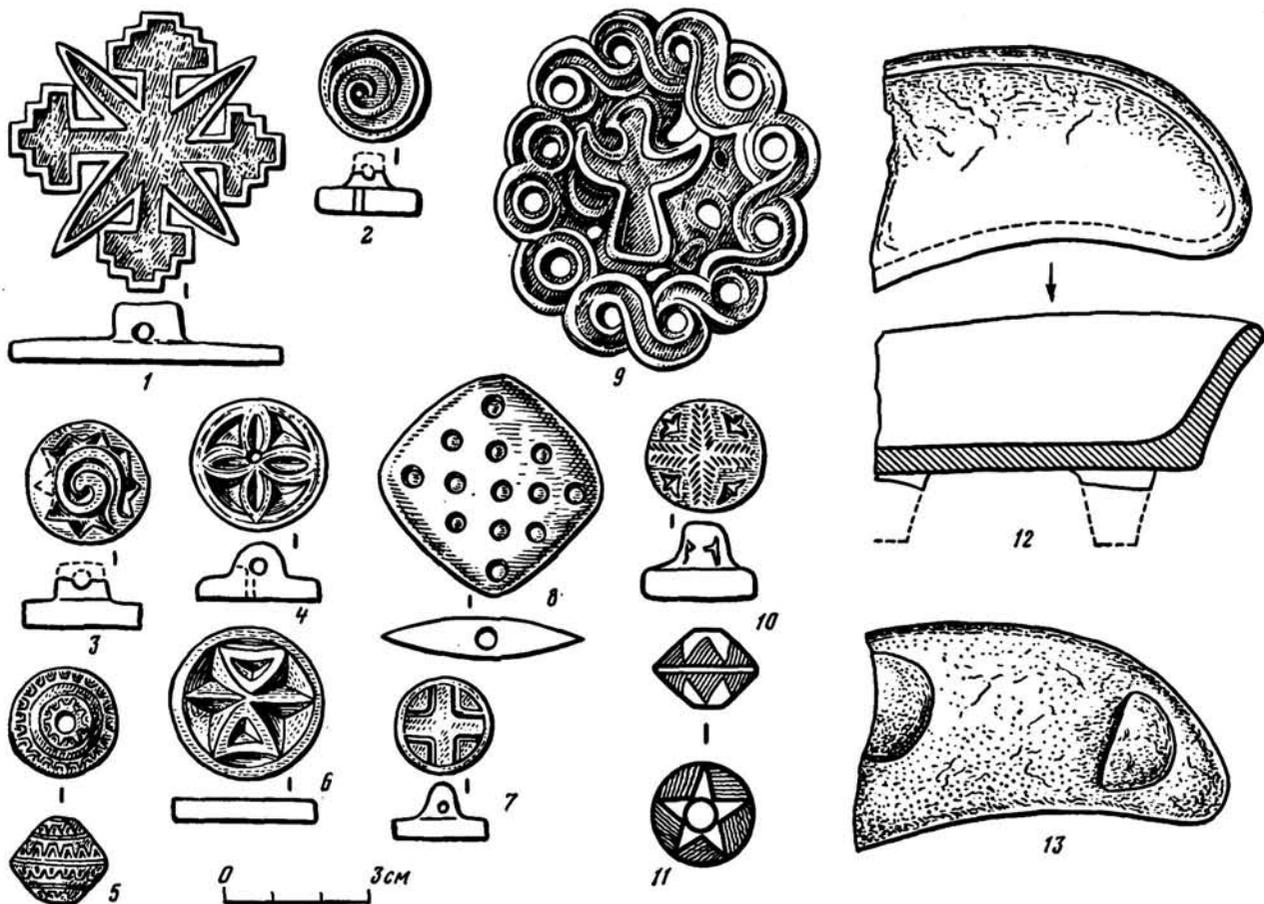

Рис. 16. Медно-бронзовые печати (1, 9), фаянсовые печати (2, 3, 4, 6), стеатитовая печать (10), стеатитовые пряслица (5, 11), лазуритовая подвеска (8) и керамическое изделие (12)

вированным орнаментом на лицевой стороне и петелькой-ручкой с оборотной стороны. На одной такой печати грубой гравировкой нацарапан крест, причем, свободные поля украшены мелкими треугольниками. На другой темно-зеленой стеатитовой печати также вырезан крест, но более простой формы.

Четыре печатки изготовлены из фаянса, причем, две из них имеют сходный орнамент. Одна такая фаянсовая печатка найдена в помещении 12 третьего периода, на лицевой стороне которой вырезан орнамент в виде спирали, обрамленной по кругу треугольными зубчиками (рис. 16, 3). На втором экземпляре (диаметр 2 см) имеется такая же спираль, но без зубчатого оформления (рис. 16, 2).

Третья фаянсовая печатка круглой формы сохранила на лицевой стороне резной орнамент в виде 4-лепестковой розетки (рис. 16, 4). Видимо, сходный орнамент имелся и на четвертом образце, от которого сохранился лишь небольшой фрагмент.

Особняком стоит поделка, выточенная из

белого алебаstra и отдаленно напоминающая миниатюрный башмачок; сохранилось несквозное отверстие, возможно, от крепления штырем.

Из помещений 10, 17, 18, 21 происходят кремневые отщепы, нуклеусы, в том числе один карандашевидный нуклеус.

Кроме того, из погребения 1 происходят великолепно ретушированные струйчатой техникой наконечники стрел, как правило, с выделенным черешком. Эти изделия изготовлены из высококачественного коричневого кремня.

Особо следует отметить находки каменных так называемых миниатюрных колонок, встречаемых как в слоях, так и в погребении 1. Как правило, они сделаны из твердых пород камня (исключая алебастровый экземпляр из погребения 1), имеют форму вытянутого цилиндра до 30–35 см высотой. Наряду с ровными стволами таких цилиндров, более часто встречаются такие экземпляры, средняя часть которых плавно утоньшена. На торцовых частях всегда имеется по одному неглубокому желобку. Хотя «миниатюрные колонки» известны давно (Южный Афганистан, Северо-Восточный Иран, Южный Туркменистан) назначение их до сих пор не совсем ясно. Одна такая колонка встречена в помещении 50, другая в погребении 1, что

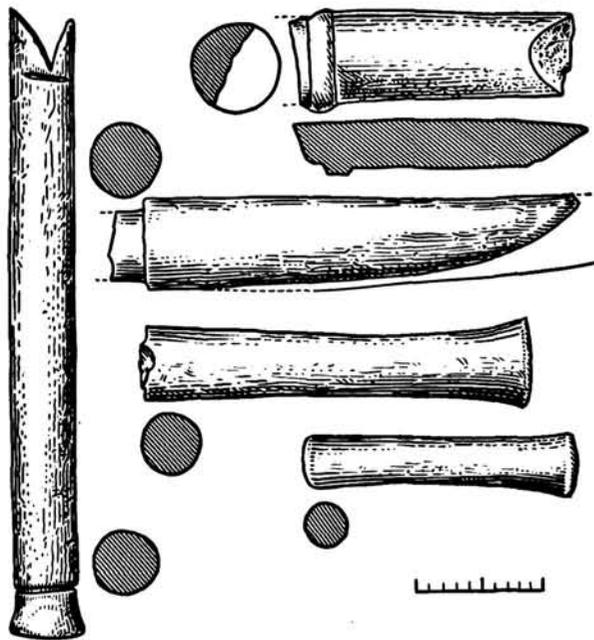

Рис. 17. Обработанные сланцевые пlectры, предположительно от мебели

в совокупности может указывать на особое их назначение. Вместе с тем, две миниатюрные колонки, найденные в мусорных слоях, сплошь покрыты мелкими выщерблинами, явно вторичного происхождения.

В погребении 1 вместе с миниатюрной колонкой находился массивный алебастровый диск со следами неглубоких желобков.

Выделяется массивное изделие подтреугольной формы, выточенное из светлого с розовыми прожилками алебастра и тщательно заполированного. Гладкие плоскости не сохранили никаких других следов, так что назначение изделия остается неясным.

Венчик белого алебастрового сосуда с выделенным бортиком и ножка вазы из того же материала указывают на существование парадных каменных сосудов. Особого интереса заслуживает каменное изделие в виде почки, вытесанное из темного слатита. Наружный бортик его украшен нацарапанными треугольниками, заштрихованными внутри в косую сетку.

Наконец, в обводных коридорах и помещениях второго и третьего периодов встречены массивные ладьевидные зернотерки и небольшие округлые со стесанными краями терки.

Из темно-зеленого мягкого сланца изготовлены длинные цилиндрические пlectры, круглые в сечении с тщательно заполированной поверхностью (рис. 17). Ни один из них не сохранился целым, так что наиболее сохранившийся экземпляр достигает длины 33 см, и при

диаметре 3,8 см. Одно такое изделие обломано с одного конца, зато на втором имеется кольцевой желобок, а сама торцовая часть тщательно зашлифована. Другой экземпляр зашплен с одного конца, но и он не сохранился полностью. Назначение подобных изделий остается неясным. Наконец, из темно-зеленого сланца изготовлен, по-видимому, серп (сохранившаяся длина его 30 см, ширина 5,5 см) с заостренным рабочим краем. Единичные бусины выточены из лазурита и сердолика; имеются две фаянсовые бусинки.

Костяные изделия. Среди предметов, изготовленных из кости, первое место по количеству занимают рога оленей и джейрапов, широкие концы которых имеют ровный спил, а более узкие — следы заполированности от работы. Лишь одно такое изделие сохранило сквозное отверстие и ровные спилы с обеих концов. Не исключено, что часть крупных рогов использовалась в хозяйстве, в том числе при обработке земли.

Встречены своеобразные проколки, изготовленные из трубчатых костей, распиленных вдоль; как правило, один конец заострен, а другой расширен в виде лопаточки. Все они тщательно обработаны и несут следы заполированности, особенно в рабочей части. Встречен один астрагал, боковые стороны которого спилены и слегка заглажены.

Среди костяных изделий, бесспорно выделяется одно в виде квадратной пластинки со срезанными углами. На лицевой стороне сохранился резной кружковой орнамент, образующий крест; изделие, по-видимому, изготовлено из слоновой кости и сильно заполировано.

Металлические изделия. Из меди и бронзы изготовлены в основном украшения, печати, оружие, много реже орудия производства. Наиболее распространены длинные булавки, один конец которых утолщен, а второй — уплощен так, что имеет форму подтреугольной формы лопаточки. Наряду с ними встречены и булавки с заостренным концом и биконическим навершием (рис. 18, 2, 10, 12, 16, 20, 24, 25).

В верхнем слое холма и южном обводном коридоре найдено по одному однопотинному металлическому серпу (рис. 19, 2). Оба они имеют слегка изогнутое лезвие, с редкими широкими зубьями и ручками, с загнутыми концами. Выделяется орудие в виде секача подтреугольной конфигурации с длинной изогнутой ручкой (рис. 18, 18).

По-видимому, к орудию труда следует отнести и лезвие металлической лопаты или кетменя. Хотя верхняя часть обломана, сохранившийся фрагмент имеет размеры 15 на 12,5 см, причем, рабочий край заострен и слегка загнут.

При раскопках, преимущественно в верхнем слое, встречено несколько металлических печат-

тей. Найдено пять целых и несколько фрагментов того же типа; все они отлиты перегородчатой техникой разной степени сложности.

Одна такая *печать*, диаметром 5,5 см, отлита в виде двух, вписанных друг в друга крестов, причем, концы одного из них оформлены ступенчатыми пирамидками-навершиями. Печать отлита прорезной техникой (рис. 16, 1).

Вторая печать сохранилась частично (диаметр 7,5 см), выполнена в прорезной технике и, видимо, имела геометрический узор.

Третья печать (диаметр 7,5 см) округлой формы сохранила в центре фигуру орла с расставленными в стороны крыльями, по кругу пущен спиралевидный узор (рис. 16, 9).

Четвертая печать (диаметр 2,2 см) на лицевой стороне сохранила узор в виде простого креста, концы которого перехвачены полумесяцами.

Накопеч, *пятая печать* круглой формы настолько сильно коррозирована, что орнамент с точностью не читается; думается что и здесь изображена была крестовидная фигура.

Медно-бронзовое оружие представлено в основном обоюдоострыми кинжалами с закругленными плечиками и плоскими в сечении узкими черешками. В одном случае такого типа кинжал имеет широкую плоскую рукоять со сквозным отверстием на конце; лезвие сохранило четко выраженное ребро. Наиболее крупный кинжал имеет лезвие длиной 25 см (рис. 19, 1). Общеизвестно как сложно отделить обоюдоострые кинжалы от наконечников дротиков или коний; тем не менее одно такое изделие ромбическо-вытянутой формы, видимо, действительно являлось накопечником.

О местном изготовлении металлических изделий, помимо вышеприведенных следов металлообработки, свидетельствуют глиняные формы, одна из которых сохранилась совершенно целой. Она изготовлена из глины с большой примесью самана, тщательно покрыта глиняной же обмазкой и предназначалась для отливки топоров-кельтов. Об этом же свидетельствует находка глиняного ковша с массивной расширяющейся на конце ручкой и остатками расплавленного металла внутри.

Единичные украшения представлены бусами, выточенными из бирюзы, лазурита, сердолика. Выделяется массивная лазуритовая подвеска, лицевая часть которой инкрустирована белыми, пастовыми кружочками, образующими форму креста.

Сквозное отверстие для продевания шнура просверлено по диагонали.

Среди мелкой пластики выделяются две статуэтки, выточенные из мягкого белого алебастра. Одна из них изображает фигурку стоящей собаки, с выделенными глазами, торчащими вверх ушами и заброшенным на спину хвостом.

Глаза и шея (ошейник?) раскрашены черной краской (рис. 20, 2).

Вторая фигурка передает образ мирно сидящего барана с круто загнутыми рогами и согнутыми под себя ногами (рис. 20, 3).

Особый интерес представляют фрагменты, видимо, наборной мозаики, найденной в «табахана». Хотя до нас сохранилось всего лишь несколько относительных крупных фрагментов, представляющих собой плоские ганчевые плитки, лицевая сторона которых заглажена, а оборотная «шершавая» явно предназначалась для закрепления на месте. Сами плитки выпилены по контуру так, что в одном случае четко прослеживается силуэт горбатого быка, рога которого процарапаны глубокой резьбой. Другие фрагменты также сохранили мягкие криволинейные контуры от каких-то фигур, причем, плоскости их гравированы рисунками трилистников. Думается, что скобинированные с плитками, выточенные из других материалов, в целом они составляли красочные панно мозаик и, возможно, облицовывали интерьеры особых помещений или поверхности каких-то культовых предметов. Горбатая фигура быка, видимо, индийской породы, рисунки трилистников (предположительно листьев пинала) могут указывать на влияние, идущее из долины Инда, городской харашпской цивилизации.

Керамический комплекс всех трех строительных горизонтов практически неотличим друг от друга. Основные формы представлены вазами и кубками на высоких стройных ножках; глубокими мисками, чашами. Показательно почти полное отсутствие ручек и орнаментов: лишь на одном обломке сохранился процарапанный рисунок, отдаленно напоминающий лебедя (рис. 21). Особо следует упомянуть зпаки, нацарапанные на сосудах чаще всего на донцах (рис. 22), что исключает их назначение в качестве орнаментов.

Монуументальное здание на Дашлы-3 (рис. 26), хотя и обнаруживает некоторые частные аналогии в соответствующей архитектуре сопредельных стран (и в первую очередь Месопотамии)³, в целом пока представляет собой уникальное явление, что в сильной степени затрудняет определение его назначения. Тем не менее уже сейчас можно сделать некоторые предварительные выводы. Совершенно очевидно, что это было не частное, а общественное здание, в сооружении которого принимали участие практически все дееспособное население дашлинского оазиса. Как монументальное сооружение общественного назначения оно могло быть либо культовым, либо светским, либо, наконец, совмещать в себе обе эти функции. Если теперь обратиться к раскопанной планировке, то нетрудно убедиться, что ее общий план выдержан в выработанном веками устоявшемся

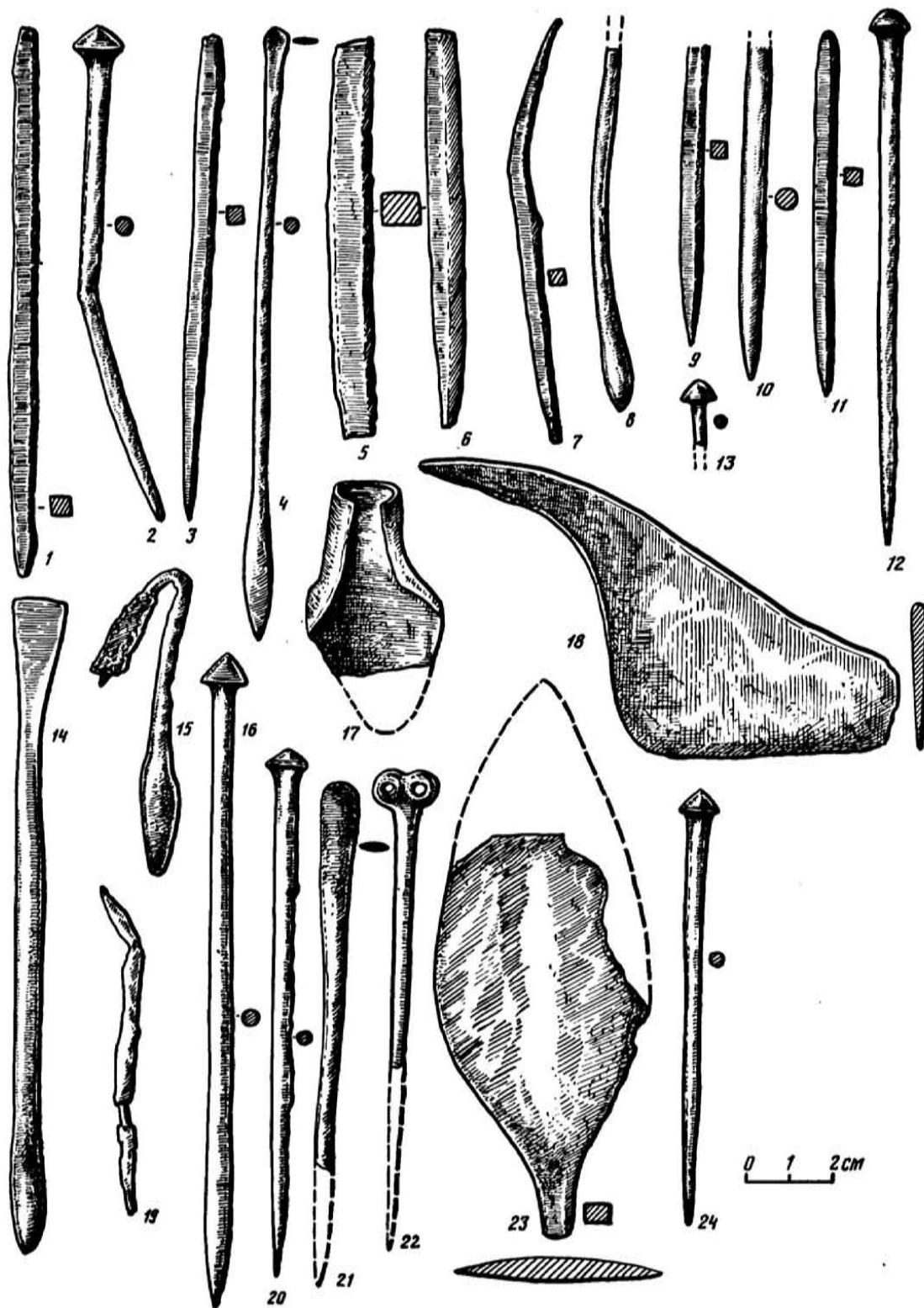

Рис. 18. Медно-бронзовые изделия. Булавки (2, 4, 8, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 20, 22, 24); инструменты (1, 3, 5, 6, 7, 9, 11, 17, 19, 21); Секач (18), наконечник копья (23)

каноне, построенном на принципе симметрии внешних четырех фасов, где каждая сторона практически точно повторяет все остальные. По существу эту внешнюю (по отношению к внутреннему двору) схему составляют квадрат обводного коридора с Г-образными и Т-образными коридорами, практически непригодными для обыденной жизни. А. Амброс обратил наше внимание на то, что общая схема в миниатюре близко напоминает рисунок квадрата с отходящими от его углов «усиков», а от середины каждой стороны Т-образных рисунков, что в совокупности является символом женского начала у многих древнеземледельческих племен. Добавим, что близкий по рисунку символ встречается в орнаментах туркменских (особенно текинских) ковров, что, возможно, не случайно.

В то же время хорошо продуманная, каноническая планировка внешних фасов резко контрастирует с «хаотической» застройкой внутреннего двора. Здесь мы видим несколько микрокомплексов, судя по всему, застраивавшихся последовательно по мере необходимости или разрушения более ранних. Так, даже вдоль южного фаса двора мы имеем два последовательно построенных микрокомплекса, включающих помещения 52, 53, 54 и 50, 51, 55. Планировка строений у северной стены двора (табахана) резко отличается от остальных микрокомплексов. В предварительном порядке можно предположить, что в целом раскопанное здание имело дворцово-культовое назначение. Внутри двора находилась резиденция местного владельца и его клана, которая проживала в здании над табахана. В свою очередь микрокомплексы, безусловно имевшие культовое назначение (вспомним помещение 50 с ямками-лунками под полом), могли являться святилищами типа домашних часовенок, предназначенных для клана владельца. И лишь сооружение, расположенное вне двора, по всем его 4 фасадам предназначалось для культовых церемоний всех обитателей оазиса. Думается, что раскопанное сооружение могло совмещать в себе две функции: светская резиденция владельца и культовое, храмовое здание. В таком случае здесь мог обитать вождь-жрец со своим кланом, а пункт Дашлы-3 выделяется в административно-культурный центр в системе всего дашлинского оазиса.

Следующее монументальное сооружение (рис. 23), условно обозначенное как «круглый храм» уже получило свою развернутую публикацию¹ так, что осталось лишь отметить результаты раскопок западного сектора, где было встречено большое количество впускных погребений.

Как уже отмечалось «круглое здание» с башенками составляет лишь центральную часть

(рис. 27; 25; 26), вокруг которой широким поясом и опять-таки по кругу располагается серия помещений бытового назначения, нередко сохранивших вкопанные в полы хумы, пристенные кухонные очаги, хозяйственные отсеки. Обращают на себя внимание в целом большие размеры помещений, сочетающиеся с дворами. Первое кольцо помещений (помещение 21—35; 65—76; 107, 108) раскопано недостаточно полно, чтобы можно было делать общие выводы. Более широко раскопана архитектура второго кольца, где может быть выделено несколько возможно обособленных жилых микрокомплексов. Один такой «жилой массив» (помещения 36—54, 112), достаточно компактный, сохранил помещения различного назначения, группирующиеся вокруг вытянутого внутреннего двора (помещение 37). В одной комнате имеется кухонный очаг (помещение 49), в другой (помещение 37) — вкопанные хумы. Видимо, к этому же массиву относится серия помещений (51—54, 112), возможно, пристроенных несколько позднее. Вместе с тем, показательно, что это не был наглухо изолированный и полностью ограниченный комплекс: наоборот, три широких прохода ведут в смежные комплексы. Так один проход ведет в помещение 115, по-видимому, двор, вокруг которого в свою очередь группируются помещения 95—110, составляющие следующий жилой комплекс. Здесь также имеются хозяйственные комнаты с хумами (помещение 104) и двойными кухонными очагами (95, 96, 103), предназначенные для приготовления пищи. Показате-

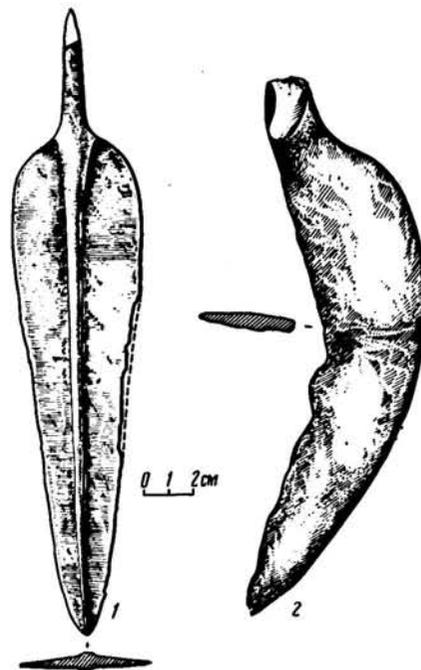

Рис. 19. Медно-бронзовый княжал (1) и серп (2)

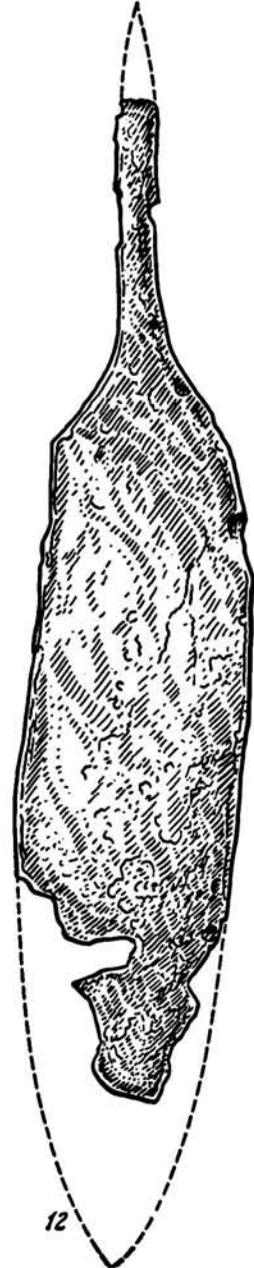
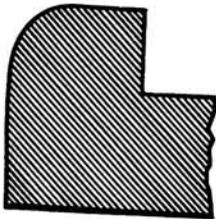
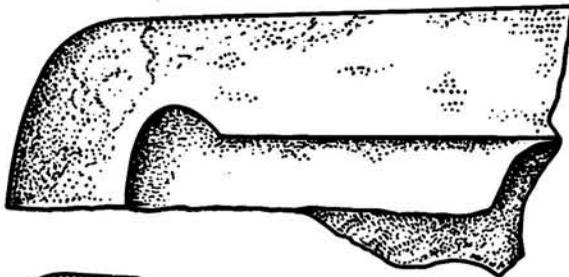
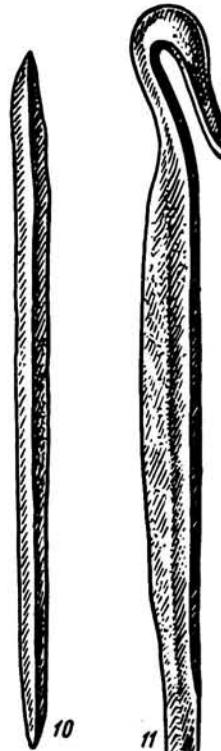
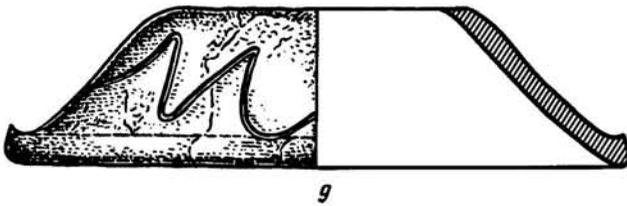
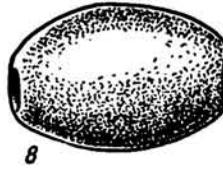
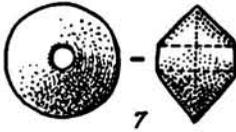
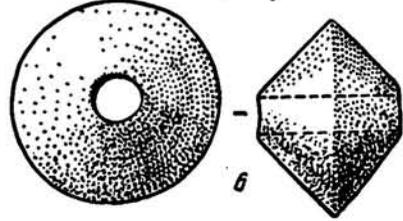
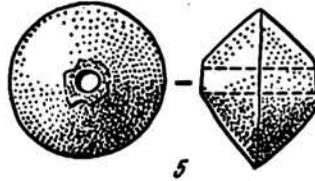
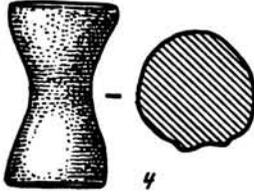
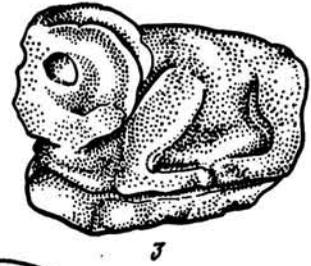
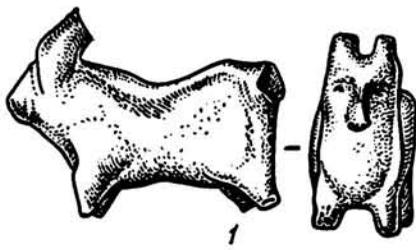

Рис. 20. Терракотовая (1) и алебастровые (2, 3) фигурки животных, керамические поделки из помещения 50 (4), стеатитовые пряслица (5, 6, 7), каменная бусина (8), керамическая подставка (9), медно-бронзовые изделия (10, 11, 12), обломок керамической формы для отливки изделий (13)

лен очаг во дворе (помещение 105), по-видимому, рассчитанный для общего пользования. Дверные проходы соединяют комнаты в серию взаимосвязанных помещений единого комплекса.

Строения третьего кольца помещений вскрыты частично, но и здесь как будто намечаются отдельные жилые комплексы, как например, помещения 63, 64, 113; помещения 55—62; возможно, помещения 76—89, полностью не раскопанные. Все вскрытые здания обнаруживают следы многочисленных и неоднократных перестроек, а внутреннее заполнение их представляет обычные мусорно-золистые остатки, так характерные для обычных бытовых поселений.

Периферийные по отношению к круглому зданию компаты, к моменту раскопок сохранились настолько плохо, что не всегда позволяют определить конфигурацию самих помещений. Это в особенности касается широкой прямой стены, определяемой, как внешняя, от которой по существу сохранились лишь отпечатки самых нижних кирпичей характерного темного цвета на желтоватом фоне материкового такыра. Поэтому трудно судить с уверенностью о назначении широких «пилястр», выступающих далее наружу, а это могли быть специальные контрфорсы или упавшие мощные конструкции сырцовых кирпичей. Но одно остается несомненным, что в противоположность кольцевым, это была бесспорно прямая стена, причем траншея за ее внешним фасом выявила глубокий ров, заполненный мусорными отбросами, под которыми прослеживаются глинистые прослойки, приписанные водой.

Судя по полученным данным, можно предполагать, что по внешнему фасау весь этот архитектурный комплекс был заключен в мощный кирпичный футляр, дающий в плане гигантский квадрат (130—150 м в стороне), у основания которого, возможно, проходил глубокий ров, наполненный водой. Очевидно, центральное круглое здание играло сакральную роль — здесь проходили культовые церемонии и располагались помещения особого назначения, где совершались ритуальные церемонии. Иное впечатление производит обычная рядовая планировка выделенных комплексов, располагавшихся далее по периферии вокруг центральной части, но нигде не соприкасаясь с ней. Здесь, помещения жилого и хозяйственного назначения с обширными внутренними дворами по существу представляют собой структуру обычного бытового поселка. Думается, что это действительно была

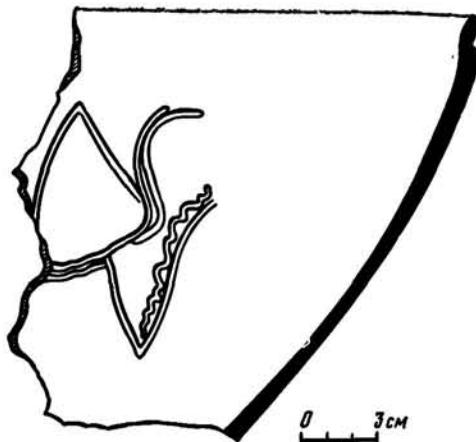

Рис. 21. Рисунок на стене сосуда

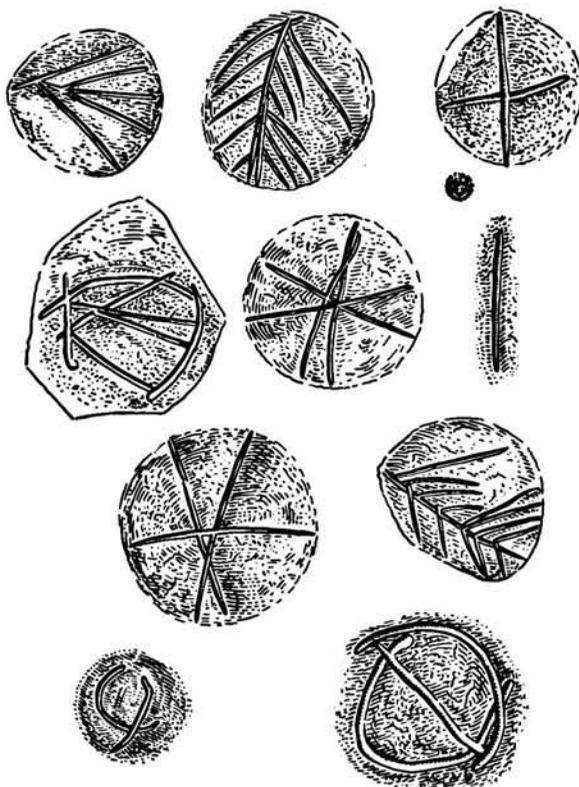

Рис. 22. Нацарапанные знаки на керамике

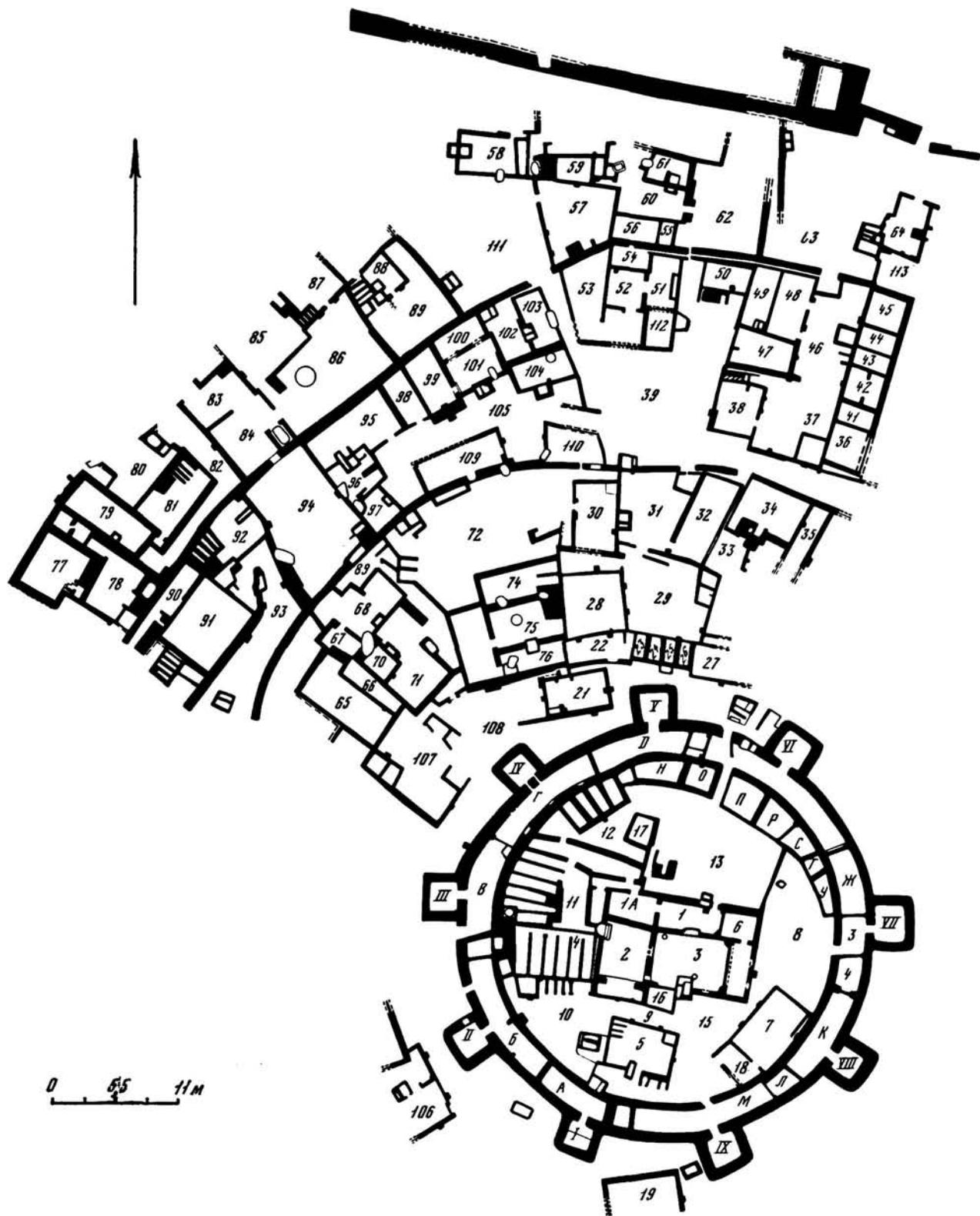

Рис. 23. Общий план раскопанной части храма

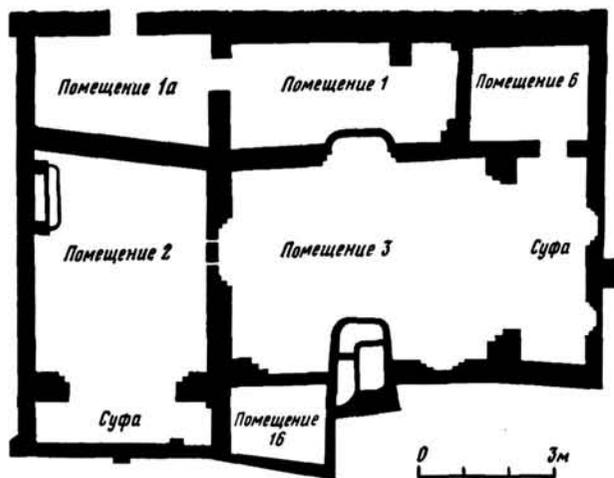

Рис. 24. Центральная часть храма

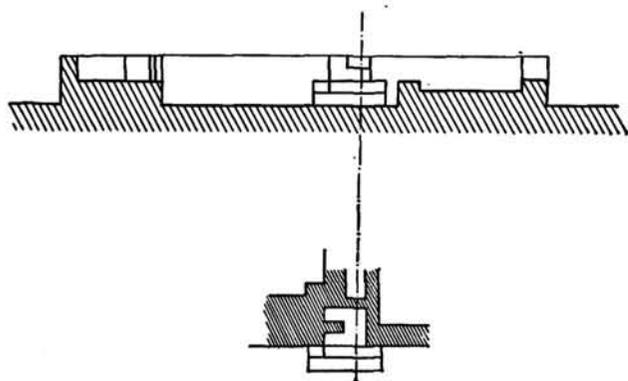

Рис. 25. План и разрезы алтаря

рядовая застройка, где проживали обитатели как-то связанные с самим храмом: это могли быть жрецы, храмовые служки, короче, лица, так или иначе принимавшие участие в его обслуживании. Учитывая огромные размеры жи-

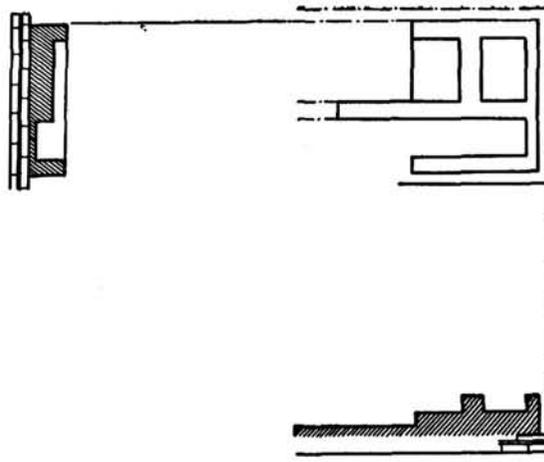

Рис. 26. План и разрез алтаря северной стены помещения 3

лой части сравнительно с культовой, кажется, что большая его часть была населена рядовыми общинниками, занимавшимися обычным земледельческо-скотоводческим хозяйством, напоминающая до определенной степени храмовое хозяйство передовых центров Древнего Востока. Когда это сооружение находилось в руинах, оно было приспособлено по-видимому рядовыми обитателями рядом расположенного бывшего дворца под некрополь, о чем свидетельствует большое количество могил, встреченных при раскопках круглого здания.

¹ Сарияниди В. И. Исследование памятников дашлинского оазиса.— В кн.: Древняя Бактрия. М., 1976, с. 43—86.

² Сарияниди В. И. Памятники монументальной архитектуры древней Бактрии.— СА. 1977. № 1.

³ Сарияниди В. И. Памятники монументальной архитектуры Бактрии.— СА. 1977. № 1.

RÉSUMÉ

«LES FOUILLES DES BATIMENTS MONUMENTAUX SUR DACHLY-3»

par V. I. Sarianidi

Au cours de ses travaux la Mission archéologique soviétoafghane a découvert et partiellement investigué au nord de l'Afghanistan, sur les terres d'origine de la Bactriane, l'oasis de Dachly englobant plusieurs sites de l'âge du bronze.

Un intérêt particulier est suscité par les monuments d'architecture monumentale fouillés sur Dachly-3. Là deux bâtiments se dressent l'un près de l'autre. Le premier qu'on a baptisé à titre de convention «le bâtiment

ronde» a été déjà l'objet de publication¹. Par le présent article est achevée la publication complète des documents concernant cette construction. L'article comporte la description de l'oeuvre d'architecture récemment dégagée qui constitue, au total, une quatrième de l'ancien bâtiment.

¹ Sarianidi V. I. Issledovaniya pamiatnikov Dachlinsko-go oasissa.— Drévnnyaya Baktriya. Moscou, 1976.

On publie la reconstruction, due aux fouilles, de tout le bâtiment rond qui était plutôt un temple consacré au culte de pyrolâterie. Une fois l'édifice abandonné, sur ses ruines les habitants d'un village voisin ont installé un petit cimetière.

En même temps la partie essentielle de l'article est consacrée à la première publication détaillée des matériaux des fouilles du second bâtiment qu'on a nommé conventionnellement «palais» et qui est situé sur Dachly-3. Cet édifice, d'un plan presque carré, a conservé une vaste cour centrale qui était en partie occupée par des locaux de destination culturelle et probablement civile. Les constructions entourant la cour des quatre côtés furent montées de façon étonnamment analogue: au milieu de chaque face fut construit un couloir en T. Des deux côtés du corridor se disposaient des salles spacieuses où, à l'intérieur, il y avait des pièces en II. Toutes les quatre faces communiquaient, par l'intermédiaire des passages, à un couloir périphérique qui embrassaient la cour centrale intérieure de tous les côtés. L'architecture du bâtiment est caractérisée par un rythme sobre de lignes où les niches et les hauts pilastres élancés alternent tout en créant le jeu du clair-obscur et en brisant ainsi la monotonie des plans des murs de face.

Le caractère fermé du plan de l'ensemble est accentué par les hauts murs sobres de ses faces extérieures formant un carré où ce n'est qu'à l'angle méridional que se dresse, à proximité de la porte, une puissante construction faisant saillie à l'extérieur. Le fossé rempli

d'eau creusé à la base des murs de face jouait le même rôle en entourant tout le bâtiment comme pour le séparer du monde extérieur.

Le plan de tout cet édifice monumental fouillé était conçu selon les principes de canons uniques qui supposaient l'existence des traditions d'architecture séculaires. Notamment certains couloirs longs et étroits n'avaient certainement aucune destination domestique mais furent construits compte tenu des canons d'architecture élaborés. Tout cela ainsi que l'existence de petites chapelles semble désigner une destination religieuse du bâtiment. Cependant certains ensembles montés dans la cour auraient pu être les constructions ordinaires à l'usage d'habitation et de ménage en faisant partie de la résidence séculière d'un souverain bactrien local. Il paraît qu'en somme ce fût un bâtiment culturel faisant aussi office d'un palais. Là séjournaient le souverain avec tout son clan de régisseurs qui représentaient une administration locale. Dans le bâtiment on aurait organisé des réceptions mondaines et des cérémonies religieuses. Dans les deux cas le souverain local aurait pu jouer le rôle principal tout en réunissant, en sa personne, les fonctions laïques et celles de culte.

Au total, les constructions monumentales de Dachly-3 donnent lieu à considérer ce site comme un centre administratif et culturel particulier de tout l'oasis de Dachly et probablement de toute la Bactriane quand, à l'âge du bronze, les sites des agriculteurs sédentaires commençaient à surgir dans cette région.

БРОНЗОВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ИЗ ЮЖНОЙ БАКТРИИ

Бронзовые наконечники стрел, которые в литературе принято объединять под общим названием «бронзовые наконечники стрел скифского типа», явление чрезвычайно широкое в территориальном отношении. На обширных пространствах степей, пустынь и древнеземледельческих оазисов Евразии в раннежелезном веке наблюдается поразительное единство этих наконечников как в типологическом, так и в хронологическом отношении. Это единство не исключает, однако, и региональной специфики, выражающейся не только в наличии или отсутствии стрел тех или иных типов, но и в количественном соотношении между типами наконечников и в некоторых, пока еще трудно уловимых, различиях в смене одних типов другими.

Исследование этих наконечников стрел в пределах всего ареала их распространения — фундаментальная задача будущих исследований, решению которой должны предшествовать региональные разработки накопленного материала. В настоящее время уже имеется типолого-хронологические классификации передне-восточных¹, скифских², савромато-сарматских³, среднеазиатско-казахстанских⁴ и южносибирских⁵ наконечников стрел.

В результате широкой исследовательской деятельности в Северном Афганистане Французской археологической миссии (DAFA) и Советско-Афганской археологической экспедиции (СААЭ) было установлено, что ареал распространения наконечников «скифского типа» включает и территорию Северного Афганистана. Появилась необходимость в типологической и хронологической классификации этих наконечников. Опытом в этой области и является предлагаемая вниманию читателей статья.

В работе использованы материалы, полученные СААЭ в 1969—1977 гг. при исследовании южнобактрийских городищ и поселений Дильберджин, Джига-тепе, Емши-тепе, Кутлуг-тепе, Алтын-10, Дашлы-6, Тилля-тепе, а также находки, обнаруженные во время разведочных работ, проведенных экспедицией в районе города Ташкурган⁶.

Разработка хронологии бронзовых и железных наконечников стрел должны базироваться на выделении гомогенных комплексов. Однако если в курганах они естественным образом объединены в подобные комплексы (колчаные

наборы, комплексы находок в погребениях), причем, гомогенные свойства сохраняют наборы наконечников стрел даже в ограбленных курганах, выделение комплексов в многослойных оседло-земледельческих археологических памятниках осложнено целым рядом факторов, обусловленных спецификой многослойных археологических объектов с остатками сырцово-архитектуры⁷. Систематические наблюдения, сделанные при раскопках многослойных археологических объектов в Северном Афганистане, показывают, что одной из особенностей подобных объектов является использование остатков глиняных конструкций из предшествующих культурных напластований для формовки кирпича-сырца, приготовления глиняного раствора и т. п. в каждый последующий период. В подобной ситуации происходит постоянное перемещение, иногда многократное, мелких археологических объектов, к каковым относятся и наконечники стрел из ранних в более поздние слои. Поэтому вопрос о выделении комплексов, обладающих гомогенными свойствами по материалу многослойных оседлоземледельческих поселений, с остатками сырцово-архитектуры, требует крайней осторожности и индивидуального анализа в каждом отдельном случае.

Тем не менее мы имеем примеры упрощенного подхода к датировкам наконечников стрел, найденных на многослойных археологических памятниках с остатками сырцово-архитектуры, когда наконечники без всяких оговорок датируются по времени слоя, в котором они были найдены. В тех случаях, когда датировка по типу наконечника явно противоречит дате по слою, конструируются гипотезы о переживании в отдельных регионах определенных типов наконечников, в частности гипотеза о переживании в Средней Азии двухлопастных втульчатых наконечников стрел⁸.

Принципы построения хронологической классификации наконечников стрел в данной работе базируются на выделении наборов и сравнительно-типологическом анализе и опираются на общую дату комплекса лишь в тех случаях, когда наконечники обнаружены на однослойном памятнике, где полностью исключена вероятность перемещения наконечников из разрушенных более ранних слоев в более поздние.

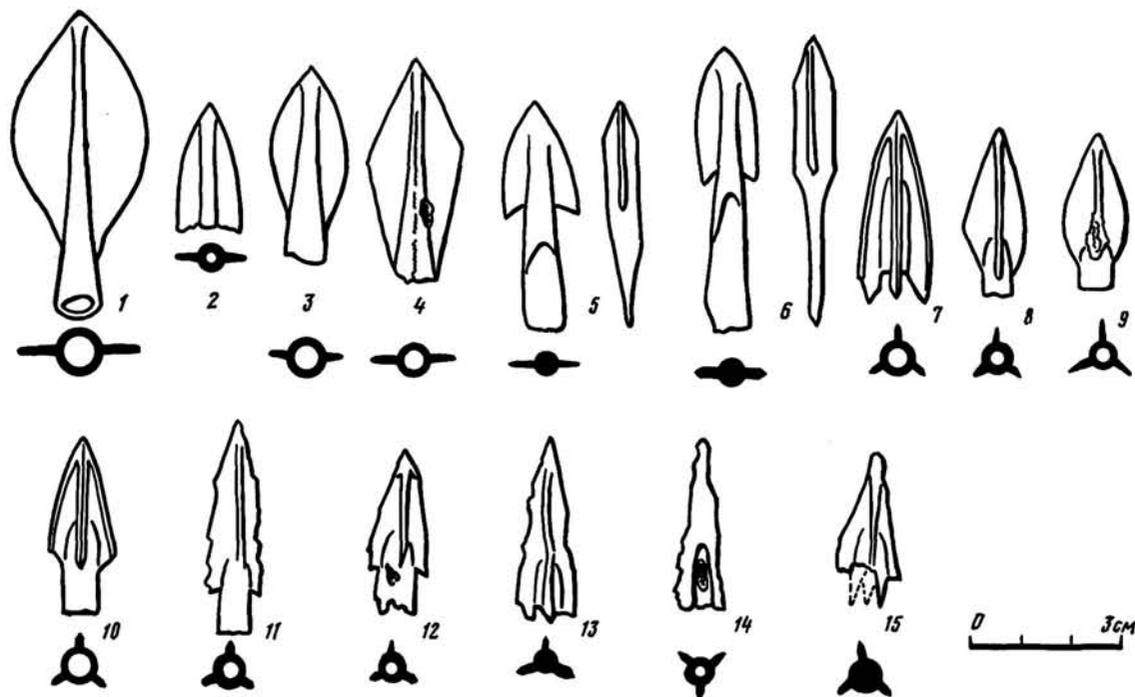

Рис. 1. Наборы наконечников стрел

1—6 — Кутлуг-тепе; 7—10 — Алтын-10; объект 2; 11—15 — Ай-ханум; арсенал (1—15)

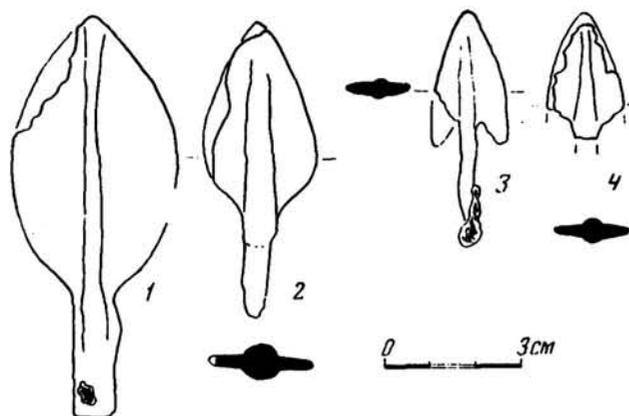

Рис. 2. Наконечники стрел эпохи бронзы (1—4)

По условиям нахождения анализируемый материал неравноценен. Небольшая группа наконечников представлена случайными находками. Основная масса исследуемых наконечников стрел обнаружена в культурных слоях. Индивидуальный анализ условий их залегания показал, что на многослойных городищах Дильберджин, Джига-тепе и Емши-тепе дата наконечника, установленная на основе сравнительно-типологического анализа, и дата слоя, где он найден, не совпадает, т. е. наконечники обнаружены во вторичном залегании и не могут рассматриваться в качестве наборов.

Наборами, можно полагать, являются наконечники с Кутлуг-тепе, Алтын-10, объект 2 и Ай-ханум, арсенал.

На Кутлуг-тепе В. И. Сарияниди выделяет два строительных периода и датирует их серединой I тысячелетия до н. э.⁹ Вероятно, эта дата справедлива лишь для второго периода. Что касается первого периода, то он должен быть отнесен к доахеменидскому времени. Основанием для этого может служить материал, попавший в наслоения II периода из разрушенных культурных слоев I периода.

Как будет показано ниже, сравнительно-типологический анализ наконечников стрел из Кутлуг-тепе позволяет относить их к одному времени, более раннему, чем весь комплекс материала II периода, т. е. к I строительному периоду Кутлуг-тепе. Это позволяет рассматривать их в качестве набора. В наборе шесть наконечников (рис. 1, 1—6).

Алтын-10 — комплекс памятников в Дашлинском оазисе, состоит из нескольких самостоятельных объектов, датирующихся серединой I тысячелетия до н. э. Объект II является остатками неперестраивавшегося археологически однослойного сооружения¹⁰, что позволяет рассматривать найденные здесь наконечники в качестве набора. В наборе четыре наконечника (рис. 1, 7—10).

Ай-ханум. Наконечники происходят из раскопок однослойного археологического объекта — арсенала, датирующегося II в. до н. э. Условия находки наконечников, по наблюдениям авторов раскопок, позволяют считать бронзовые

наконечники принадлежащими к единому набору из одного колчана". В наборе 23 бронзовых наконечника (рис. 1, 11—15).

Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии представлены типами и их вариантами, совпадающими в массе своей с аналогичными типами и вариантами бронзовых наконечников из других областей общего ареала наконечников стрел «скифского типа». Это обстоятельство позволяет для характеристики южнобактрийских наконечников использовать классификации, разработанные на другой региональной основе.

В основу классификации положена четырехчленная схема, использованная К. Ф. Смирновым для классификации савроматских наконечников стрел. Материал разделен на группы — по характеру насада, на отделы — по характеру поперечного сечения головки, на типы — по форме головки и характеру выступания втулки, на варианты — по форме бойка, наличию шипов и прочим элементам.

В целом схема классификации выглядит следующим образом.

Группа А — втульчатые

Отдел I — двухлопастные или плоские

Тип 1 — с листовидной головкой и выступающей втулкой.

Тип 2 — с листовидной головкой и слабо выступающей или срезанной втулкой.

Тип 3 — с узкой ланцетовидной головкой и выступающей втулкой.

Тип 4 — с ромбовидной головкой и слабо выступающей или срезанной втулкой.

Тип 5 — со сводчатой головкой и выступающей втулкой.

Отдел II — трехлопастные

Тип 1 — с листовидной головкой и выступающей втулкой.

Тип 2 — с листовидной головкой и слабо выступающей или срезанной втулкой.

Тип 3 — со сводчатой головкой, трехгранным бойком и выступающей втулкой.

Тип 4 — со сводчатой головкой и выступающей втулкой.

Тип 5 — с треугольной головкой и разрезной выступающей втулкой (с «лапками»).

Тип 6 — с треугольной головкой и выступающей втулкой.

Тип 7 — со сводчатой головкой и скрытой втулкой.

Отдел III — трехгранные

Тип 1 — с треугольной головкой и выступающей втулкой.

Тип 2 — со сводчатой головкой и скрытой втулкой.

Отдел IV — четырехгранные

Тип 1 — со сводчатой головкой и скрытой втулкой.

Группа Б — черешковые

Отдел I — двухлопастные или плоские

Тип 1 — со сводчатой головкой и щипастым основанием.

Отдел II — трехгранные

Тип 1 — со сводчатой головкой и круглым в сечении черешком.

Как мы увидим ниже, генезис ряда типов южнобактрийских наконечников может быть связан с наконечниками, распространенными в Южной Бактрии в эпоху бронзы. Поэтому рассмотрению наконечников раннежелезного века я счел необходимым предпослать сводку известных к настоящему времени наконечников стрел и дротиков из Южной Бактрии эпохи бронзы.

Наконечники стрел эпохи бронзы

Древнейшие металлические наконечники стрел в Южной Бактрии относятся к эпохе бронзы. В типологическом отношении они подразделяются на две основные группы: группа I — двухлопастные втульчатые; группа II — двухлопастные черешковые.

Группа I представлена очень крупным листовидным наконечником с выступающей втулкой и жилкой через все перо. Вероятно, это наконечник дротика (рис. 2, 1). Найден в разграбленной могиле эпохи бронзы в Дашлинском оазисе. Длина наконечника 88 мм, максимальная ширина 34 мм, длина пера 58 мм, диаметр втулки 8 мм. Полагают, что этот тип наконечников возникает в середине II тысячелетия до н. э. в среде андроповских племен¹².

В средней Азии такие наконечники были распространены в конце эпохи бронзы (конец II — начало I тысячелетия до н. э.). По мнению Е. Е. Кузьминой, этот тип связан своим происхождением с северными районами степей Евразии, а появление их в слоях оседлоземледельческих поселений она связывает с движением скотоводов на юг¹³.

Группа II представлена двумя типами наконечников.

Тип 1. С листовидной головкой, жилкой через все перо и круглым в сечении черешком с упором (рис. 2, 2). Такой наконечник найден в 1973 г. на Дильберджине в слоях 1 горизонта раскопа С III, датирующегося III—IV вв. до н. э. Наконечник массивный, лопасти толстые, литьей в двусоставной литевой форме. Длина наконечника 59 мм, длина пера 38 мм, максималь-

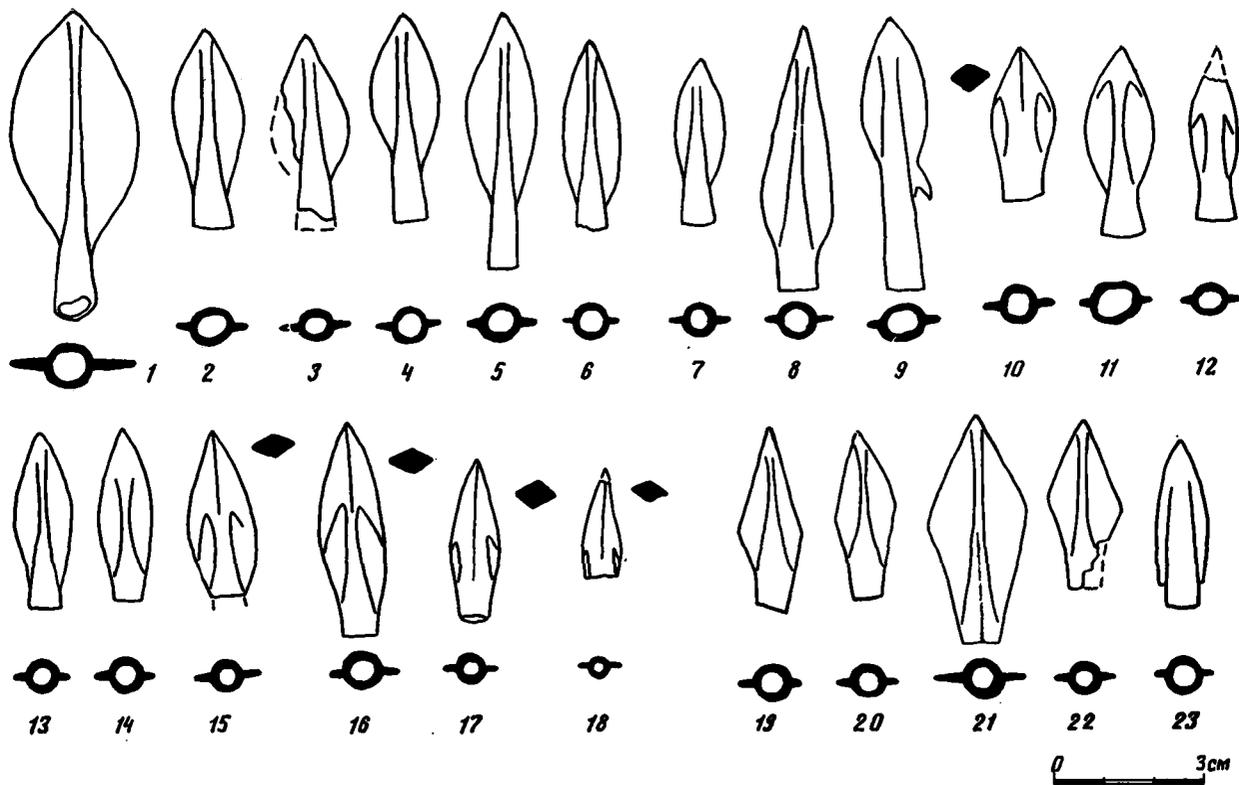

Рис. 3. Двухлопастные втульчатые наконечники стрел (1—23)

ная ширина 22 мм. Часть лопасти и острие сточены.

В различных вариантах этот тип наконечника известен на Переднем Востоке¹⁴. В Средней Азии находки наконечников стрел подобного типа ограничены. Они отмечены в Южной и Юго-Западной Туркмении (слой VI поселения Намазга-тепе, Мадау-депе)¹⁵ и в Приаралье (поселение Якке-Парсан-2).

М. А. Итина в связи с анализом яккепарсанского наконечника отметила, что этот тип не характерен для степных культур бронзового века Средней Азии и Казахстана¹⁶. Е. Е. Кузьмина полагает, что данный тип наконечников сложился у оседлых земледельцев юга Туркмении во второй половине II тысячелетия до н. э. и присутствовал здесь до начала железного века¹⁷.

Тип 2. С треугольной головкой с хорошо выделенными жальцами, жилкой через все перо, круглым в поперечном сечении длинным черешком (рис. 2, 3). Обнаружен при раскопках Тилля-тепе в 1969 г. в IV ярусе шурфа 1. Дата слоя: период Тилля-2 — 1000—600 гг. до н. э.¹⁸ Сходные наконечники для эпохи поздней бронзы мы находим в древней Маргиане, в слоях Яз-1 (900—650 гг. до н. э.)¹⁹, в Закавказье²⁰, в Иране²¹.

Единичные находки подобных наконечников отмечены и в Евразийских степях²². Однако обильные южные находки оставляют пока более вероятной гипотезу южного (Передневозосточного) происхождения описанных наконечников.

Необходимо также отметить находку черешкового наконечника с жилкой через все перо, всего вероятнее, относящегося к типу 2 нашей классификации. Это наконечник, найденный на Тилля-тепе в 1969 г. в помещении 6 раскопа 1. Края у основания пера и черешок обломаны, что затрудняет типологическое определение наконечника (рис. 2, 4). Дата слоя — период Тилля-2 — 1000—600 гг. до н. э.²³

Таким образом, для эпохи поздней бронзы Южной Бактрии мы можем констатировать признаки влияния, с одной стороны, передневозосточной традиции изготовления бронзовых наконечников стрел (группа II, типы 1, 2) и Евразийской степной традиции (группа I, тип 1), — с другой. Впоследствии, однако, развитие бронзовых наконечников стрел происходит во многом аналогично эволюции их в степях Евразии. Если на Переднем Востоке в начале I тысячелетия до н. э. бронзовые наконечники стрел начинают заменяться железными, то в Евразийских степях в этот период они только начинают входить в широкое употребление²⁴. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем в Северном Афганистане.

Таблица 1 Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии. Индивидуальные данные

№ п/п	Группа	Отдел	Тип	Вариант	Время и место находки	Длина, мм		Ширина, мм	Диаметр втулки	Дата слоя	Рис.	Публикация
						наконечника, мм	головки					
1	A	I	1	a	1973 г. Кутлуг-тепе, II строит. период	56	46	25	9	Середина I тыс. до н. э.	3, 1	<i>Сарианиди В. И.</i> Древние земледельцы Афганистана. М., 1977, с. 121.
2	»	»	»	б	»	38	28	14	7	»	3, 2	<i>Сарианиди В. И.</i> Указ. соч. с. 121
3	»	»	»	»	1970 г. Дильберджин, случайная находка	37	28	16	8	»	3, 3	Не публиковался
4	»	»	»	»	1977 г. Дильберджин, раскоп CVIII, башня 11	40	28	13	7	IV-III вв. до н. э.	3, 4	Не публиковался
5	»	»	»	»	Ай-Ханум, административный квартал, помещение 9	47	36	14	7	2-я половина III в. до н. э.	3, 5	<i>Gouin Ph.</i> Les petits obets MDAFA, Fouilles d' AiKhanoum 1. Paris, 1973, t. XXI, p. 195-197, fig. 41, 027
6	»	»	»	»	1977 г. Джига-тепе, посление, дом I, помещение I, пол 3	36	32	11	6	III-IV вв. до н. э.	3, 6	Не публиковался
7	A	I	1	б	1972 г. Дильберджин, р. V, нам. 50, строит. период	32	22	10	6	3-я четверть II-I вв. до н. э.	3, 7	<i>Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А., Дильберджин.</i> М., 1977, с. 17-20
8	»	»	»	»	1972 г. Дильберджин, р. С II, верхний слой	50	44	13	8	III-IV вв. н. э.	3, 8	Не публиковался
9	»	»	»	в	1972 г. Дашлы-14, шурф 1	52	30	12	9	Раннеахемедское время	3, 9	Не публиковался
10	»	»	»	г	1974 г. Дильберджин, р. С V, башня	29	23	13	7	III-IV вв. н. э.	3, 10	Не публиковался
11	»	»	»	д	1970 г. Дильберджин, случайная находка	36	27	13	8	-	3, 11	Не публиковался
12	»	»	»	»	1972 г. Дильберджин, р. V, пом. 50, I строит. период	33	25	10	8	3-я четверть II-I вв. до н. э.	3, 12	<i>Кругликова И. Т., Дильберджин.</i> М., 1977, с. 17-20
13	»	»	2	a	1938 г. Шахри-Бану	34	32	11	6	I в. до н. э. - IV в. н. э.	3, 13	Fouilles dans le site de Shahr-i-Banu et sondages au Zakertépé (Rapport de J. Carl, 1938). - MDAFA, Paris, 1959, t. VIII, p. 59-73
14	A	I	2	б	1970 г. Дильберджин, случайная находка	32	32	10	6	-	3, 14	Не публиковался
15	»	»	»	в	1970 г. Дильберджин, случайная находка	-	-	11	-	-	3, 15	Не публиковался
16	»	»	»	»	1970 г. Дильберджин, случайная находка	40	40	12	7	-	3, 16	Не публиковался
17	»	»	3	a	1974 г. Дильберджин, р. С V	31	26	9	6	III-IV вв. н. э.	3, 17	Не публиковался
18	»	»	»	»	1973 г. Дильберджин, р. С III, помещение № 34, I горизонт	-	-	-	8	III-IV вв. н. э.	3, 18	Не публиковался
19	A	I	4	a	1970 г. Дильберджин, округа, случайная находка	35	27	12	7	-	3, 19	Не публиковался
20	»	»	»	»	»	32	25	10	6	-	3, 20	Не публиковался
21	»	»	»	»	1972 г. Кутлуг-тепе, помещение № 12	42	42	16	6,5	Середина I тыс. до н. э.	3, 21	Не публиковался
22	»	»	»	»	1977 г. Дильберджин, р. С. VIII, 3 горизонт	32	-	13	7	III-IV в. н. э.	3, 22	Не публиковался

№ п/п	Группа	Отдел	Тип	Вариант	Время и место находки	Длина, мм		Ширина, мм	Диаметр втулки	Дата слоя	Рис.	Публикация
						наконечника, мм	головки					
23	»	»	5	а	1977 г. Наиб-4, случайная находка	32	28	9	7	Найден на ахеменидском городище	3, 23	Не публиковался
24	А	II	1	а	1976 г. Дильберджин, раскоп 1, храм, помещение 4	41		13	8	III-IV вв. до н. э.	4, 1	Не публиковался
25	»	»	»	»	1971 г. Дильберджин, раскоп VI, помещение 2	35		8	7	III-IV вв. н. э.	4, 2	Не публиковался
26	»	»	»	»	1972 г. Дильберджин, раскоп С II, помещение 1	32		10	7	III-IV вв. н. э.	4, 3	Не публиковался
27	»	»	»	»	1969 г. Емши-тепе, раскоп III, оборонительная стена, квадраты 1, 2	32		11	6	IV-V вв. н. э.	4, 4	Не публиковался
28	»	»	»	»	1970 г. Дильберджин, раскоп II, проход в помещение № 8	29		9	5	III-IV вв. н. э.	4, 5	Не публиковался
29	»	»	2	а	1970 г. Дильберджин, округа, стена оазиса, шурф 2	36		12	7	Античное время	4, 6	<i>Кругликова И. Т., Дильберджин. М., 1974, с. 11, 12, рис. 6, 3</i>
30	»	»	»	»	1972 г. Дильберджин, раскоп I, помещение 2, в кладке стены	34	-	13	7	III-IV вв. до н. э.	4, 7	Не публиковался
31	»	»	»	»	1974 г. Джига-тепе, помещение № 35, глубина 9,38 м	34	-	10	7	III-V вв. н. э.	4, 8	Не публиковался
32	»	»	»	»	1972 г. Дильберджин, раскоп С II, помещение 2	36	-	11	6	III-IV вв. н. э.	4, 9	Не публиковался
33	»	»	»	»	1970 г. Емши-тепе, раскоп IV, горизонт I, помещение 4	35	-	14	8	IV-V вв. н. э.	4, 10	Не публиковался
34	»	»	»	»	1970 г. Дильберджин, городище, случайная находка	25	-	10	6	-	4, 11	Не публиковался
35	»	»	»	»	1974 г. Дильберджин, раскоп X, из печи, глубина 3,2 м	29	-	10	6	III-IV вв. н. э.	4, 12	Не публиковался
36	»	»	»	»	1972 г. Дильберджин, раскоп СII, помещение 10	26	-	9	6	IV-V вв. н. э.	4, 13	Не публиковался
37	»	»	»	»	1972 г. Дильберджин, раскоп IV, помещение 3	25	-	9	6	III-IV вв. н. э.	4, 14	Не публиковался
38	»	»	»	»	1972 г. Алтын-10, объект 2, верхний слой	33	-	10	6	Середина I тыс. до н. э.	4, 15	<i>Сарианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана, с. 123 и сл.</i>
39	»	»	»	»	1972 г. Алтын-10, объект 2, верхний слой	29	-	13	7	»	4, 16	<i>Сарианиди В. И. Указ. соч., с. 123 и сл.</i>
40	А	II	3	а	1970 г. Дильберджин, городище, случайная находка	37	-	11	6	Середина I тыс. до н. э.	5, 1	Не публиковался
41	»	»	»	»	1977 г. Джига-тепе, поселение, дом I, в сырцовый кладке помещения 10	34	-	13	9	IV-V вв. н. э.	5, 4	Не публиковался

№ п/п	Группа	Отдел	Тип	Вариант	Время и место находки	Длина, мм		Ширина, мм	Диаметр втулки	Дата слоя	Рис.	Публикация
						наконечника, мм	головки					
42	»	»	»	»	1976 г. Дильберджин, раскоп I, помещение 4	57	48	13	10	III–II вв. до н. э.	5, 5	Не публиковался
43	»	»	»	б	1975 г. Дильберджин, раскоп С VI, оборонительная галлерей	35	—	11	6	III–IV вв. н. э.	5, 2	Не публиковался
44	»	»	»	»	1970 г. Емши-тепе, раскоп V, I горизонт	39	—	13	8	IV–V вв. н. э.	5, 3	<i>Кругликова И. Т.</i> Кушанское городище Емши-тепе в Северном Афганистане.— КСИА, вып. 136, с. 104 и сл.
45	»	»	4	а	1977 г. Джига-тепе, цитадель, помещение 35, завал над полом I.	41	—	13	7	IV–V вв. н. э.	5, 6	Не публиковался
46	»	»	»	»	1972 г. Алтын-10, объект 2, верхний слой	35	—	12	8	Середина I тыс. до н. э.	5, 7	<i>Сарианиди В. И.</i> Указ. соч. с. 123 и сл.
47	»	»	»	б	1972 г. Дильберджин, раскоп С II, помещение 12	28	—	11	7	IV–V вв. н. э.	5, 8	Не публиковался
48	»	»	»	а	1978 г. Ай-Ханум, арсенал	32	—	13	7	II в. до н. э.	5, 9	<i>Bernard P. et autres.</i> Campagne de Fouille 1978 à Aï Khanoum (Afghanistan).— Bulletin de l' Ecole Française. Paris, 1980, t. LXVIII, pl. XXI, 2 (var), p. 55.
49	»	»	»	»	Ай-Ханум, административный квартал, помещение 3	32	—	14	8	II в. до н. э.	5, 10	MDAFA, Fouilles, d' Aï Khanoum, I, Paris, 1973, t. XXI, p. 195, fig. 41, 026, p. 105–111.
50	»	»	6	а	1972 г. Дильберджин, раскоп V, помещение 50, в засыпке над полом	39	—	11	8	3-я четверть II–I вв. до н. э.	5, 11	<i>Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А., Дильберджин. М., 1977, с. 17–20.</i>
51	»	»	»	»	1970 г. Дильберджин, раскоп II, башня 1	33	—	11	8	III–IV вв. н. э.	5, 12	Не публиковался
52	»	»	»	»	1972 г. Дильберджин, раскоп С II, помещение 1	35	—	10	5	III–IV вв. н. э.	5, 13	Не публиковался
53–67	»	»	»	»	1978 г. Ай-Ханум, арсенал	26–45	—	—	—	II в. до н. э.	5, 14–15	<i>Bernard, P. et autres.</i> Ibid., pl. XXI, 1, 1 (var), p. 54.
68	»	»	»	б	1970 г. Дильберджин, городище, случайная находка	33	—	10	Длина стороны втулки 7	—	5, 16	Не публиковался
79	»	»	»	в	1972 г. Наиб-4, случайная находка	28	—	13	6	—	5, 17	Не публиковался
70	»	»	7	а	1974 г. Дильберджин, раскоп V, помещение 4, у прохода в коридор	38	—	11	7	3-я четверть II–I вв. до н. э.	5, 18	<i>Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А.</i> Дильберджин. М., 1977, ч. 2, с. 12–20, рис. 15, 6.
71	»	»	»	б	1973 г. Дильберджин, раскоп С III, I горизонт, восточный раскоп, помещение 47	33	—	11	6	III–IV вв. н. э.	5, 19	Не публиковался

№ п/п	Группа	Отдел	Тип	Вариант	Время и место находки	Длина, мм		Ширина, мм	Диаметр втулки	Дата слоя	Рис.	Публикация
						наконечника, мм	головки					
72	»	»	»	»	1972 г. Дильберджин, раскоп II, помещение 27, завал	29	—	13	7	III—IV вв. н. э.	5, 20	Не публиковался
73	»	»	»	»	1974 г. Дильберджин, раскоп С V, башня	32	—	11	6	III—IV вв. н. э.	5, 21	Не публиковался
74	»	»	»	»	1974 г. Джига-тепе, цитадель; помещение 11, верхний уровень заполнения	42	—	14	7	III—IV вв. н. э.	5, 22	Пугаченкова Г. А. Жига-тепе. — В кн.: Древняя Бактрия, 1979, вып. 2, с. 75, рис. 11, 2
75	»	»	»	»	1972 г. Алтын-тепе, объект 2, верхний слой	38	—	12	7	Середина I тыс. до н. э.	5, 23	Сарианиди В. И. Указ. соч., с. 123 и сл.
76—82	»	»	»	»	1978 г. Ай-Ханум, арсенал	33—37	—	—	—	II в. до н. э.	5, 24—25	Bernard P. et autres. Ibid., pl. XXI, 2, 2(val), p. 55.
83	»	III	I	а	1976 г. Дильберджин, раскоп I, храм, помещение 4	28	23	12	6	III—II вв. до н. э.	6, 1	Не публиковался
84	»	»	2	а	1973 г. Дильберджин, раскоп С III, 1 горизонт, помещение 47	34	—	13	4	III—IV вв. н. э.	6, 2	Не публиковался
85	»	»	»	б	1974 г. Джига-тепе, внешнее кольцо построек, башня № 6, в песке у основания башни	28	—	11	5	—	6, 3	Пугаченкова Г. А. Указ. соч., с. 74, рис. 11, 1
86	»	IV	1	а	1977 г. Дильберджин, раскоп С VIII, в промоне	28	—	10	5	—	6, 4	Не публиковался
87	6	I	1	а	1972 г. Кутлуг-тепе	54	26	13	—	Середина I тыс. до н. э.	6, 5	Сарианиди В. И. Указ. соч., с. 121
88	»	»	»	»	1972 г. Кутлуг-тепе, помещение 29	43	21	14	—	» »	6, 6	» »
89	»	II	1	а	1971 г. Дильберджин, раскоп VI, помещение 2	—	—	—	—	III—IV вв. н. э.	6, 7	Не публиковался

Наконечники стрел раннежелезного века

Группа А — втульчатые

Отдел I — плоские или двухлопастные

Тип 1. С лавролистной головкой и выступающей втулкой. Подразделяется на пять вариантов, различающихся по ширине и длине головки, наличию или отсутствию крючка-шипа, по поперечному сечению бойка (табл. I, 1—12).

Вариант а. Очень крупный с широким пером втульчатый двухлопастный наконечник с лавролистной головкой, выступающей втулкой, переходящей в узкую жилку-валик, проходящую через все перо до бойка. Жилка сужается кверху (рис. 3, 1). Наконечник литой, вероятно, в двусоставной разъемной литой форме.

Вариант б. Втульчатые двухлопастные на-

конечники вытянуто-листовидной формы с выступающей втулкой, переходящей в узкую жилку-валик, доходящую до бойка. Жилка обычно сужается кверху, однако на некоторых экземплярах после сужения она вновь начинает расширяться к бойку (рис. 3, 2—8). Наконечники литые, вероятно, в разъемной двусоставной форме.

Вариант в. Втульчатый двухлопастный бронзовый наконечник стрелы с лавролистной головкой, длинной выступающей втулкой и шипом у основания одной из лопастей. Втулка переходит в толстую жилку-валик, проходящую через все перо и немного не доходящую до бойка (рис. 3, 9). Наконечник литой.

Вариант г. Широкий массивный втульчатый двухлопастный бронзовый наконечник с лавролистной головкой и выступающей втулкой.

Втулка цилиндрическая. Боек утяжеленный, в поперечном сечении ромбический. Плоскости лопастей отделены от бойка ассиметричным арочным уступом (рис. 3, 10). Наконечник литой.

Вариант д. Втульчатые двухлопастные бронзовые наконечники стрел с лавролистной головкой и выступающей втулкой. Боек утяжеленный, линзовидный в поперечном сечении, втулка длинная, доходящая до массивного бойка, расширяющаяся к основанию. Плоскости лопастей отделены от бойка ассиметричными арочными уступами (рис. 3, 11–12). Наконечники литые.

Наконечники стрел с листовидным пером и выступающей втулкой распространены на обширных пространствах Евразии как в областях с кочевым, так и с оседлоземледельческим населением. Дата наконечников этого типа обычно не выходит за пределы VIII–VI вв., хотя отдельные экземпляры их находят и в комплексах V в. до н. э.

Генезис бронзовых наконечников стрел этого типа связывают в основном с восточными районами Евразии. Ряд исследователей отмечает здесь наличие прототипов подобных наконечников еще в эпоху бронзы. К. А. Акишев отмечает наличие двуперых втульчатых наконечников еще для наборов XIII–X вв. до н. э., полагая казахстанские двуперые наконечники самыми древними из всех известных на территории СССР²⁵. В Средней Азии двухлопастные втульчатые наконечники также восходят в эпоху бронзы²⁶. В. М. Массон отмечает их наличие в слоях Яз-1, датированных 900–650 гг. до н. э.²⁷ В Хорезме прототипы подобных наконечников появляются в комплексах эпохи поздней бронзы. Двухсоставные литые формы и сами наконечники были обнаружены при раскопках поселения начала I тысячелетия до н. э. Якке-Парсан-2²⁸.

Наибольшую близость к прототипам бронзового века обнаруживают экземпляры с жилкой через все перо, являющиеся, вероятно, наиболее ранним. Все остальные варианты, представляя собой развитие этой исходной формы, должны относиться к более позднему времени. Это обстоятельство уже отмечено И. Н. Медведской, указавшей, что двухлопастные наконечники с жилкой через все перо являются более ранними, чем наконечники с утяжеленной головкой, представляющие уже усовершенствованную форму двухлопастного наконечника²⁹. Еще далее на восток прототипы наконечников этого типа отмечены в Минусинской котловине, где они также существуют с эпохи бронзы³⁰.

В южнорусских степях наконечники стрел этого типа не имеют прототипов эпохи бронзы, что позволило ряду исследователей высказать мысль о том, что у скифов Причерноморья и

у савроматов этот тип наконечников является привнесенным с востока³¹.

В Северном Афганистане мы также имеем прямые прототипы данному наконечнику в материалах эпохи бронзы (рис. 2, 1), что позволяет включить Северный Афганистан, наряду со Средней Азией, Казахстаном и Южной Сибирью, в ареал ранних типов бронзовых двухлопастных наконечников.

В анализируемой коллекции наиболее архаичен *наконечник варианта а* (рис. 3, 1), который ближе всего можно поставить к описанному выше наконечнику эпохи бронзы. Архаическим элементом является наличие жилки, проходящей через все перо до бойка. По наблюдениям И. Н. Медведской, этот признак характерен для наконечников VIII в. до н. э. К началу VII в. до н. э. наконечники с жилкой через все перо начинают смешаться наконечниками с утяжеленной головкой³².

Анализируемый наконечник обнаружен в наборе (рис. 1, 1–6), который может быть датирован VIII–VII вв. до н. э. К. Ф. Смирнов отмечает чрезвычайную архаичность облика таких наконечников, указывая на отдельные находки подобных экземпляров наконечников на поселениях эпохи поздней бронзы в Северном Казахстане и в Минусинской котловине, где они датируются карасукско-тагарским временем.

Среди лавролистных плоских втульчатых наконечников Кавказа и Скифии экземпляров, подобных анализируемому, нет. В пределах савроматского ареала известна одна находка наконечника подобного типа, происходящая из погребения рубежа VI–V вв. у с. Сара на Южном Урале. По наблюдениям К. Ф. Смирнова, «лавролистные стрелы» этого варианта встречаются редко и только в Восточной части Евразии — от Южного Урала до Минусинска³³. В Средней Азии они известны, например, в дельте Мургаба, в Семиречье и в Хорезме (на поселениях амирабадской культуры)³⁴. Анализируемый наконечник отличается от известных в Скифии и на Кавказе и может быть включен в группу доскифских лавролистных плоских втульчатых наконечников восточной части Евразии. Генетическая зависимость савроматского наконечника от исходных восточных и, возможно, южнобактрийских образцов очевидна.

Наконечники варианта б меньших размеров, но сохраняют тот же архаический признак — жилку, проходящую через все перо и доходящую до бойка (рис. 3, 2–8). Жилка обычно сверху сужается, однако на нескольких экземплярах она после максимального сужения к бойку вновь начинает расширяться. Вероятно, эта тенденция приводит в дальнейшем к формированию наконечников с утяжеленной го-

ловкой, выделенных в нашем материале в варианты «г» и «д» (рис. 3, 11–12).

Круг аналогий для наконечников этого варианта чрезвычайно широк, практически в пределах всей Евразии. В Средней Азии они отмечены в сакских могильниках Памира и Ферганы. Они, в частности, найдены в наборе VII в. до н. э. из могильника Айдын-куль³⁵. На нижней Сырдарье в наборах VII–VI и VI вв. до н. э. из курганов 39 и 84 могильника Уйгарак³⁶. И. Н. Медведская относит набор наконечников из Айдын-куля I к началу периода VIII–VII вв. до н. э., а уйгаракские наборы — к середине этого периода³⁷. Листовидные втульчатые наконечники с жилкой через все перо известны далеко на востоке в Минусинской котловине в комплексах VII–VI вв. до н. э. и среди случайных находок. Н. Л. Членова допускает возможность датирования более крупных по размерам наконечников данного варианта I типа — VII в. до н. э. В целом плоскую двухлопастную форму наконечников для Минусинской котловины Н. Л. Членова считает характерной для VII–VI вв. до н. э.³⁸

В Хорезме подобные наконечники отмечены среди находок с разновременных архаических поселений в окрестностях Адамли-калы³⁹, а также на поселении Куюсайской культуры Куюсай-2, где они датированы VII — первой половиной VI вв. до н. э.⁴⁰ И. Н. Медведская относит куюсайский набор к VIII–VII вв., к середине этого периода⁴¹.

У савроматов Поволжья и Самаро-Уральской области находки наконечников этого варианта представлены единицами, датируются в пределах VII–VI и VII вв. до н. э., единичные экземпляры отмечены в комплексах V в. до н. э.⁴² И, наконец, у скифов Причерноморья наконечники данного варианта (отдел I, тип. 2, вариант 1) также отмечены для VII–VI вв. до н. э., в памятниках V в. до н. э. их находки чрезвычайно редки⁴³. Подобные наконечники известны также в памятниках ананьинской культуры Волго-Камья, где они датируются VIII–VII вв. до н. э.⁴⁴

Наконечник варианта в представлен в нашем материале единственным экземпляром (рис. 3, 9). Данный тип наконечников широко распространен. На востоке он известен в Монголии⁴⁵. Находки этих наконечников отмечены в памятниках тагарской культуры Минусинской котловины. Н. Л. Членова полагает, что здесь двухлопастные втульчатые наконечники с шипом появились в VI в. и встречаются в комплексах V в. до н. э.

В Казахстане двухлопастные наконечники с шипом распространяются в VII в. до н. э. Значительным количеством экземпляров они представлены, в частности, в наборе VII–VI вв. до н. э. из кургана 5ж могильника Карамурун 1.

М. К. Кадырбаев и К. А. Акишев считают, что истоки этой формы наконечников находятся в Казахстане, указывая на находку плоского наконечника с шипом из могильника Бегазы, датирующегося эпохой поздней бронзы X–VIII вв. до н. э.⁴⁶

Необходимо отметить, однако, что если среди минусинских наконечников мы находим прямые аналоги исследуемому экземпляру, то казахстанские наконечники отличаются от него укороченной втулкой и шипом, опущенным ниже края втулки. Кроме того, североафганский наконечник имеет жилку через все перо, а на казахстанских экземплярах головки наконечников утяжеленной ромбической или линзовидной в поперечном сечении формы.

В Средней Азии эта форма чрезвычайно редка. Мне известен лишь один экземпляр плоского наконечника с укороченной втулкой и шипом, опущенным ниже края втулки, происходящий из могильника Шаймак, датируемого VI в. до н. э.⁴⁷ Подобные наконечники — частая находка в памятниках ананьинской культуры, где они датируются VII в. до н. э.⁴⁸ В отличие от исследуемого экземпляра, шип у ананьинских наконечников находится не на основании пера, а на втулке, и опущен ниже ее края.

У савроматов находки наконечников интересующего нас типа немногочисленны и датируются в пределах VIII–VI вв. до н. э.⁴⁹ В западной части скифского мира находки подобных наконечников отсутствуют.

Таким образом, на основании аналогий данный тип наконечников в пределах всего арсала датируется VII–VI вв.

Наконечник варианта г представлен одним экземпляром (рис. 3, 10). Аналогичный наконечник известен в Северной Бактрии, он происходит из слоя Кобадиян I — VII–V вв. до н. э. на городище Калаи-Мир. Б. А. Литвинский полагает возможным датировать этот наконечник VI в. до н. э.⁵⁰

В Хорезме подобные наконечники имеются среди случайных находок на городище Кой-Крылган-кала. С. П. Толстов опубликовал этот наконечник без датировки. В. М. Массон пытался использовать эту находку в качестве обоснования своего тезиса о длительном переживании двуперых наконечников стрел в Средней Азии. Он датировал наконечник временем не ранее IV–III в. до н. э.⁵¹ На неправомерность подобного упрощенного подхода к датировке наконечника уже указала М. Г. Воробьева⁵². Более справедлива для него дата VII–VI вв. до н. э.⁵³

Два дефектных экземпляра подобных же наконечников имеются среди находок из архаического поселения Дингильдже V в. до н. э.⁵⁴ Эти наконечники, всего вероятнее, перемещены из более ранних слоев и даже имеют следы вто-

ричной (один наконечник сточен) обработки, исключающей их применение по прямому назначению. У савроматов подобные наконечники стрел появились в VII в. до н. э. и продолжали бытовать в VI в. до н. э.⁵⁵ Однако савроматские стрелы отличаются по пропорциям. Они более вытянуты, чем североафганские и среднеазиатские. У скифов также имелись в VII—VI вв. до н. э. близкие по форме наконечники, однако они обычно имели боковой шип на втулке. Единичные находки подобных наконечников стрел отмечены здесь и для V в. до н. э.⁵⁶

Наконечники варианта д (рис. 3, 11—12). Аналоги в Согде в слоях Афрасиаб-1⁵⁷, датирующихся в настоящее время VII—VI вв. до н. э.⁵⁸ В Хорезме близкий наконечник обнаружен при раскопках Кой-Крылгап-калы в переотложенном состоянии. Авторы раскопок и публикации датируют указанный наконечник VIII — началом VII вв. до н. э.⁵⁹ Другой наконечник подобного типа, датируемый Б. И. Вайнберг VII — первой половиной VI в. до н. э., а И. Н. Медведской — концом VIII — началом VII вв. до н. э.⁶⁰ найден в Хорезме на поселении Куясай-2. У савроматов подобный наконечник отмечен в комплексе второй половины VI в. до н. э.⁶¹ И, наконец, необходимо указать на наличие аналогичных наконечников в курганых комплексах апаньинской культуры, относимых к VII в. до н. э.⁶²

В установлении времени бытования в Южной Бактрии наконечников типа I мы можем опираться также на дату, устанавливаемую по набору из Кутлуг-тепе (рис. 1, 1—6). По всему комплексу находок он был датирован серединой I тысячелетия до н. э.⁶³

В анализируемом наборе нет трехлопастных и трехгранных наконечников. Он состоит из плоских с ромбическим и лавролистным пером втульчатых наконечников и двухлопастных черешковых. Судя по среднеазиатско-казахстанским материалам, дата наборов с таким составом не выходит за пределы VIII—VII вв. до н. э. Замена черешковых наконечников втульчатыми трехлопастными и трехгранными происходит в VI в. до н. э.⁶⁴ Следовательно, весь набор с Кутлуг-тепе мы можем отнести к доахеменидскому периоду, датировав его VIII—VII вв. до н. э.

Тип 2. С овальной или лавролистной головкой, обрезанной или слабо выступающей втулкой. Подразделяется на три варианта, различающиеся по поперечному сечению бойка, по ширине и длине головки. Наконечники литые в двухсоставной разъемной форме (табл. I, 13—16).

Вариант а. Втульчатый, двухлопастной наконечник стрелы с обрезанной втулкой и жилкой-валиком через все перо, постепенно сужающейся от основания втулки к бойку (рис. 3, 13).

Вариант б. Втульчатый двухлопастной наконечник стрелы с обрезанной втулкой. Широкая втулка постепенно сужается к середине пера и вновь расширяется по направлению к бойку, линзовидному в поперечном сечении (рис. 3, 14).

Вариант в. Втульчатые двухлопастные наконечники стрел с обрезанной втулкой. Широкая втулка постепенно сужается к середине пера и расширяется к бойку, ромбическому в поперечном сечении. Плоскости лопастей отделены от массивного бойка арочным несимметричным уступом (рис. 3, 15—16). Наконечники литые в разъемной двухсоставной форме. Этот тип бронзовых втульчатых наконечников известен еще с эпохи бронзы на очень широкой территории. В Средней Азии его прототипы известны в памятниках эпохи поздней бронзы. Подобные наконечники, датируемые эпохой поздней бронзы, известны по всей территории срубной и андроновской культур⁶⁵. В эпоху раннего железа эта форма доживает до V в. до н. э., но встречается очень редко, наибольшее распространение получает в VI в. до н. э.

В исследуемой серии наиболее архаичен наконечник варианта а, обнаруживающий наибольшую типологическую близость к наконечникам эпохи поздней бронзы, имеющий жилку-валик, доходящую до конца пера. Аналогичные наконечники в Средней Азии были обнаружены в Хорезме на архаическом поселении Дингильдже и на нижней Сырдарье в могильнике Айгарак в кургане 84, датирующемся VI в. до н. э.⁶⁶ В савроматском комплексе наконечник подобного типа был в кургане 12 Покровского могильника на Нижней Волге (второй половины VI в. до н. э.)⁶⁷, а в татарской культуре в комплексе V в. до н. э.⁶⁸ Остальные варианты этого типа, имеющие утяжеленную головку и обладающие вследствие этого лучшими баллистическими свойствами, вероятно, представляют дальнейшее развитие варианта а.

Наконечники варианта в находят аналогию в комплексе VI в. курганного могильника Уйгарак⁶⁹, савроматских курганых комплексах VI и V в. до н. э. Нижнего Поволжья и Южного Приуралья⁷⁰. В Южной Сибири наконечники с утяжеленной головкой найдены в татарских комплексах⁷¹.

Исследователи не имеют единого мнения по вопросу происхождения данного типа наконечников. К. Ф. Смирнов считает, что родиной этого типа стрел является пояс степей Евразии, откуда они «...вместе с другими скифскими стрелами ранних форм попадают на Передний Восток»⁷². Н. Л. Членова, наоборот, полагает, что «с территории Ближнего Востока листовидные втульчатые наконечники стрел, по-видимому, и попадают в наши степи, уже в середине II тысячелетия до н. э., может быть, через

Среднюю Азию»⁷³. Б. А. Литвинский, пытаясь примирить эти две крайние точки зрения, пишет: «...следует полагать, что именно на территории степного пояса Евразии, включая Среднюю Азию, складывались различные типы наконечников стрел на базе местных позднебронзовых... и, добавим мы, в обстановке воздействия образцов переднеазиатского оружия»⁷⁴.

Наиболее адекватно современный уровень информации по вопросу происхождения втульчатых двухлопастных наконечников стрел отражает точка зрения Н. А. Аванесовой, которая, совершенно справедливо отвергая ближневосточную гипотезу происхождения этих наконечников, полагает, что «...родиной втульчатых наконечников стрел, особенно листовидных, вероятно, надо считать территорию, занятую в древности андроновскими племенами»⁷⁵.

Тип 3. Втульчатые двухлопастные с узкой ланцетовидной головкой и выступающей втулкой, бронзовые, литые в разъемной двухсоставной литейной форме наконечники стрел. Боек массивный, ромбический в поперечном сечении. Лопасты очень маленькие (рис. 3, 17, 18).

Форма редко встречающаяся. По К. Ф. Смирнову, восходит к эпохе поздней бронзы, к наконечникам стрел срубной и андроновской культур степного Поволжья и Казахстана⁷⁶. Аналогичный наконечник известен из Южной Туркмении среди случайных находок с Яз-депе⁷⁷. Близкие наконечники имеются в сакских погребениях Памира. Однако они отличаются тем, что имеют жилку-валик через все перо, а не утяжеленный боек, как на анализируемых экземплярах и наконечнике с Яз-депе. Кроме того, на одном памирском наконечнике имеется шип на втулке. Памирские наконечники датируются между VII и V вв. до н. э.⁷⁸ У савроматов мы находим аналогичные наконечники с утяжеленной ромбической в поперечном сечении головкой. Они датируются VII—V вв. до н. э.⁷⁹

Таким образом, мы можем датировать наконечники 3 типа VII—V вв. до н. э., отметив, что утяжеленная головка свидетельствует уже о том, что это не самые ранние в указанных хронологических рамках наконечники стрел. Вполне очевидно, что залегание их в слоях III—IV вв. н. э. является вторичным.

Тип 4. Втульчатые, двухлопастные бронзовые наконечники с пером ромбической формы, со срезанной или слабо выступающей втулкой. Втулка переходит в узкую жилку-валик, проходящую через все перо до бойка (рис. 3, 19—22). Наконечники литые в двухсоставной разъемной литейной форме. На некоторых экземплярах на втулке хорошо видны литейные швы (рис. 3, 21). Представлен одним вариантом (табл. 1, 19, 22).

Ромбические наконечники распространены

почти столь же широко, как и двухлопастные листовидные. Однако в отличие от последних находки их за немногими исключениями в комплексах немногочисленны. Они встречены в Туве, Минусинской котловине, на Алтае, в Казахстане, Средней Азии, Приуралье и Поволжье, Северном Причерноморье, на Кавказе, в Передней Азии⁸⁰. Дата их в пределах всего ареала определяется VII — началом VI вв. до н. э. Генезис этих наконечников связывают обычно с эпохой поздней бронзы⁸¹. В качестве исходного района для наконечников стрел с ромбовидной головкой называют Сибирь и Центральную Азию, связывая их зарождение с карасукской культурой⁸². В Южной Башкирии мы не имеем для этих наконечников местных прототипов эпохи бронзы. Один из наконечников исследуемой серии был обнаружен в уже упоминавшемся наборе с Кутлуг-тепе, датированном VIII—VII вв. до н. э.

Тип 5. Наконечник двухлопастной со сводчатой головкой, узкими толстыми лопастями, на нижней части которых неявно выраженные зачаточные шипы с выступающей втулкой (рис. 3, 23). Наконечник литой (табл. 1, 23).

К. Ф. Смирнов в своей классификации савроматских наконечников стрел, выделяющий аналогичные наконечники в тип 9, считает, что это редкая разновидность, характерная более для юга Восточной Европы (Скифии и Северного Кавказа), чем для восточных областей. Указывая на отсутствие прототипов анализируемым наконечникам в материалах эпохи бронзы, К. Ф. Смирнов рассматривает их как результат развития архаических лавролитных наконечников стрел⁸³. Он отмечает, что в савроматских курганах подобные наконечники обнаружены в Поволжье в комплексах конца VI—V вв. до н. э., имеются они и в скифских курганах VI — начала V в. до н. э., в ананьинской культуре на Каме⁸⁴, в Минусинской котловине в Сибири⁸⁵. В Средней Азии наконечников подобной формы нет.

На основании аналогий мы можем датировать анализируемый наконечник VI—V вв. до н. э.

В целом аналогии двухлопастным втульчатым наконечникам стрел из Южной Бактрии укладываются в пределах VIII—V вв. до н. э. Однако сопоставление наборов с Кутлуг-тепе и Алтын-10 позволяет несколько ограничить эту дату. Ниже будет показано, что в набор с Алтын-10 входят наконечники, характерные для Ахеменидской Южной Бактрии. Государство Ахеменидов, как известно, сформировалось на протяжении короткого времени с 550 до 512 гг. до н. э. В этот период в его состав входит и Южная Бактрия. Эти события сопровождаются коренными сдвигами в материальной культуре. Сопоставление наборов с Кутлуг-тепе и Ал-

тын-10 показывает, что наряду с прочими изменениями происходит и смена типов бронзовых наконечников стрел, которую, следовательно, мы должны датировать второй половиной VI в. до н. э.

Таким образом, наш анализ двулопастных втульчатых наконечников из Южной Бактрии позволяет прийти к следующему заключению.

1. В целом все наконечники стрел I отдела можно датировать VIII — первой половиной VI в. до н. э. В этих пределах можно выделить более ранние и более поздние наконечники. Наиболее ранними являются наконечники с жилкой через перо листовидные и ромбические. Производными от них являются листовидные с утяжеленной головкой, а также со сводчатой головкой и зачаточными шипами.

2. Наиболее ранние листовидные наконечники стрел имеют местные южнобактрийские прототипы в материалах эпохи поздней бронзы. Возможно, Южная Бактрия входила в ареал, где этот тип наконечников сформировался.

3. Набор наконечников с Кутлуг-тепе, куда входят листовидные и ромбические, очевидно, характеризует набор, характерный для доахеменидской Южной Бактрии. По составу набора и наличию черешковых наконечников он обнаруживает большую близость с наборами Средней Азии и Казахстана, чем с восточноевропейским.

4. В целом наконечники отдела I входят в обширный ареал доскифских (доахеменидских) бронзовых втульчатых наконечников стрел.

Отдел II. Трехлопастные

Тип 1. С листовидной головкой и сильно выступающей втулкой (рис. 4, 1—5). Лопастей на большинстве экземпляров очень тонкие. Однако имеются и более массивные (рис. 4, 3) экземпляры с заточенными бойком и ребрами лопастей. Наконечники литые в трехчастной литейной форме, в ряде случаев (рис. 4, 1, 3, 5) сохранились литейные швы, расположенные на трех сторонах втулки по оси лопастей. Представлены одним вариантом (табл. I, 24—28).

Ареал исследуемого типа наконечников охватывает обширную территорию от Переднего Востока до Южной Сибири. Однако количественные характеристики для отдельных регионов этого обширного ареала различны. Полагают, что районы массового распространения этого типа наконечников более ограничены и охватывают передний Восток, Иран и южные области Средней Азии⁸⁸. Это определение требует некоторых уточнений. В Средней Азии многочисленные находки наконечников интересующего нас типа отмечаются не только на юге, но и на севере. В Хорезме — на архаических поселениях Кюзелигыр и Дингильдже⁸⁷.

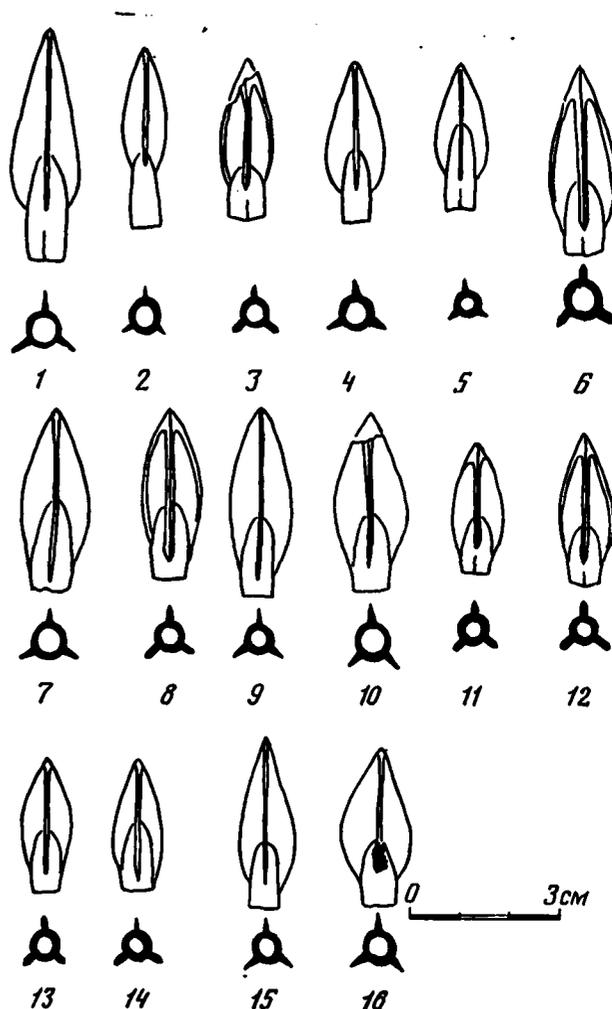

Рис. 4. Трехлопастные втульчатые наконечники стрел с листовидной головкой (1—16)

В Туркмении — на территории древней Маргианы, на городищах Яз-тепе и Эрк-кала⁸⁸.

Единичными находками представлены анализируемые наконечники в кочевнических памятниках Средней Азии и Казахстана. Они были найдены на сакских стоянках Кайрак-Кумов в Северном Таджикистане и датированы VI—IV вв. до н. э.⁸⁹ и на так называемых «плаковых» курганах на Инкардарье (Нижняя Сырдарья), где они датированы VI—V вв. до н. э.⁹⁰

В Афганистане аналогичные наконечники найдены в Афганском Сенстане в Нади-Али, в слоях, датированных с VIII в. до н. э. Однако слой Нади-Али II, откуда происходят интересные нас наконечники, как это показали В. М. Массон и И. Н. Медведская, должен датироваться более поздним временем⁹¹. На Ближнем Востоке наконечники этого типа мы находим в Ираке на городище Тель Рифаат в слоях IX—VII вв. до н. э.⁹²

Большое количество трехлопастных наконечников архаических скифских типов найдено в Иране, где они датируются в пределах конца VII—V вв. до н. э.⁹³ В Скифии и прикубанских степях они характерны для конца VII—VI вв. до н. э., а единично встречаются и в первой половине V в. до н. э.⁹⁴ Немногочисленны находки подобных наконечников у савроматов Поволжья и Самаро-Уральской области, где они использовались в конце VII—VI вв. до н. э. и единично в V и даже IV вв. до н. э., причем, в это время, по наблюдениям К. Ф. Смирнова, появляются экземпляры укороченных пропорций с короткими массивными ребрами⁹⁵. Следует заметить, что если среди савроматских наконечников анализируемого типа преобладают варианты с боковым шипом на втулке, то среди южнобактрийских наконечников эти варианты отсутствуют полностью. Нет их и среди наконечников Маргианы и Хорезма.

Втульчатые трехлопастные наконечники стрел с листовидной головкой и с выступающей втулкой имеются в раннеананьинских памятниках, датируемых рубежом VII—VI вв. до н. э.⁹⁶ В Южной Сибири в тагарской культуре находки этих наконечников стрел единичны и датируются VI в. до н. э.⁹⁷

Таким образом, на основании аналогий мы можем датировать интересующие нас наконечники рубежом VII—VI вв.—началом V в. до н. э.

Анализ немногих наборов, имеющих в Южной Бактрии, подтверждает эту дату. Так, трехлопастные наконечники отсутствуют в доахеменидском (VIII—VII вв. до н. э.) наборе с Кутлуг-тепе. Они есть в наборе, происходящем из раскопок ахеменидского городища Алтын 10, объект 2, датирующемся серединой I тысячелетия до н. э. Интересно заметить, что подобное же явление мы фиксируем и в Хорезме. Втульчатые трехлопастные с листовидной головкой и выступающей втулкой наконечники отсутствуют в доахеменидском наборе с поселения Кююсай⁹⁸ и довольно многочисленны в культурных слоях таких памятников ахеменидского времени, как Кюзели-гыр и Дингильдже⁹⁹. То же мы видим и в Маргиане. В доахеменидских слоях Яз-1 подобных наконечников стрел нет. В ахеменидских слоях Эрккалы они отмечены многократно.

Отмеченная закономерность может свидетельствовать только об одном: распространение втульчатых трехлопастных с листовидной головкой и выступающей втулкой бронзовых наконечников стрел в Бактрии, Маргиане и Хорезме, а также, вероятно, и во всех среднеазиатских оседлоземледельческих областях, связано с входжением в состав державы Ахеменидов.

Тип 2. Втульчатые, трехлопастные на-

конечники стрел со срезанной или слабо выступающей втулкой (рис. 4, 6—16). Очертания головки лавролистные, или близкие к овалу. Лопасты у большинства наконечников тонкие. Однако имеются более массивные экземпляры с заточенными лопастями и трехгранным бойком, выделенным заточкой. Наконечники литые в трехсоставной литейной форме, на втулках многих наконечников сохраняются по три литейных шва, идущих по оси лопастей. Представлены одним вариантом (табл. I, 29—39).

В Средней Азии находки подобных наконечников известны в Маргиане, на городище з-дене и Эрк-кала¹⁰⁰. Многочисленны находки наконечников этого типа на архаических поселениях Хорезма. Они, в частности, обнаружены при исследовании комплекса памятников в урочище Дингильдже и датированы VI—V вв. до н. э.¹⁰¹ В Согде они обнаружены на Афрасиабе и датированы концом VI—первой половиной V вв. до н. э.¹⁰²

В Фергане такой наконечник был в кургане 76 Актамского могильника, который Б. А. Литвинский относит к VI—V вв. до н. э.¹⁰³ В Причерноморье подобный наконечник найден в Келермесском кургане¹⁰⁴. Немногочисленные находки таких наконечников у савроматов датируются концом VI—первой половиной V вв. до н. э.¹⁰⁵ В Южной Сибири также единичные находки отмечены в Минусинской котловине¹⁰⁶.

Исследуя вопрос об ареале подобных наконечников, К. Ф. Смирнов отмечает, что они не характерны для Сибири, Казахстана, Среднего Урала и Прикамья. Н. Л. Членова, разрабатывая тот же вопрос, пишет о том, что трехлопастные листовидные наконечники стрел характерны для сравнительно небольшой территории, охватывающей Ближний Восток, Иран и южный районы Средней Азии¹⁰⁷. Эту характеристику ареала следует несколько дополнить, поскольку многочисленные находки наконечников исследуемого типа мы находим в Хорезме и в Афганистане. Легко заметить, что этот ареал совпадает с границами государства Ахеменидов.

Наконечники стрел, интересующие нас, хорошо представлены в ахеменидском Персеполе. Интересно заметить, что ахеменидские воины использовали не только стрелы, но и более крупные наконечники дротиков аналогичной формы^{107a}. Этот тип наконечника, по наблюдениям многих исследователей, является одной из характерных форм вооружения ахеменидских воинов и широко распространен во всех странах с оседло-земледельческим населением, вошедших в состав государства Ахеменидов. В районах с кочевым населением эти наконечники массового распространения не получили.

Анализ тех немногих наборов, которые мы имеем в Южной Бактрии, позволяет полагать,

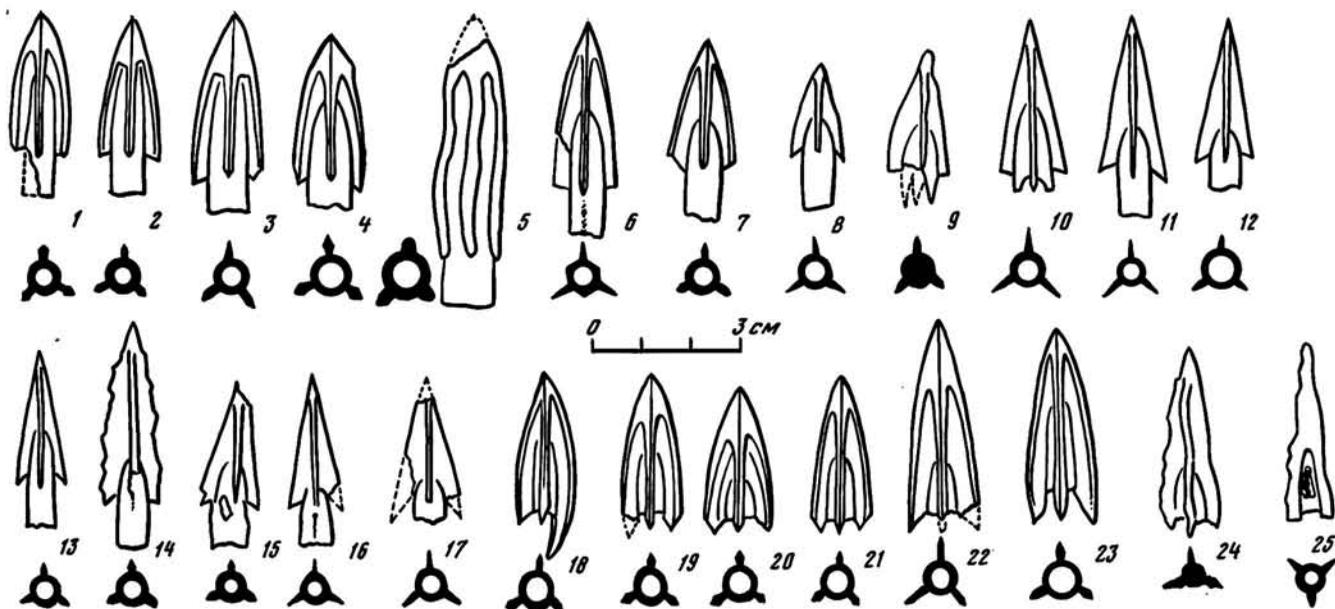

Рис. 5. Трехлопастные наконечники стрел с выступающей или скрытой втулками, сводчатой или треугольной головками (1—25)

что появление и распространение здесь исследуемого типа наконечников связано с вхождением Северного Афганистана в состав государства Ахеменидов. Эти наконечники отсутствуют в доахеменидском наборе с Кутлуг-тене, они есть в наборе, происходящем с такого бессорно ахеменидского памятника, как Алтын-10, объект. 2. Аналогии и набор позволяют датировать время бытования этих наконечников в Южной Бактрии второй половиной VI—V вв. до н. э. Аналогичную картину мы наблюдаем и в Хорезме, где подобный тип наконечников отсутствует в доахеменидском куюсайском наборе, однако их много на архаическом (время вхождения Хорезма в государство Ахеменидов) поселении Дингильдже.

Тип 3. С выступающей втулкой, массивной, сводчатой головкой с трехгранным бойком, переходящим в массивные ребра-лопасти, обычно заостренные на концах (рис. 5, 1—5; табл. I, 40—44). Ребра лопастей и боек обычно заточены. Наконечники литые в трехсоставной разъемной литейной форме — на втулке на нескольких экземплярах сохранились литейные швы, расположенные по оси лопастей.

По способу оформления нижней части бойка выделено два варианта: вариант а — с дуговидным, арочным вырезом в основании бойка (рис. 5, 1, 4, 5), вариант б — с прямым вырезом в основании бойка (рис. 5, 2—3).

Круг аналогий для данного типа наконечников относительно невелик. В Средней Азии наконечники стрел того и другого вариантов име-

ются в Хорезме на архаическом поселении Дингильдже, датируемом V в. до н. э. Южнобактрийские наконечники варианта а соответствуют хорезмийским вариантам III, 3¹⁰⁸, савроматским типа 5Б, которые, как отмечает К. Ф. Смирнов, происходят из колчанов конца VII—V вв. до н. э.¹⁰⁹ Наконечники варианта б тождественны хорезмийским бронзовым наконечникам типа III 4¹¹⁰, сакским с нижней Сырдарьи, датирующимся VI в. до н. э.¹¹¹, савроматским типа 5В, происходящим из курганов VI—V вв. до н. э.¹¹².

Необходимо заметить, что в классификациях хорезмийских и савроматских наконечников стрел подобные наконечники отнесены в отдел трехгранных. Мне представляется более правильным относить их в отдел трехлопастных, поскольку у этих наконечников трехгранным является только боек, но не вся головка стрелы. Эти наконечники, очевидно, занимают промежуточное положение между трехгранными и трехлопастными. На это обстоятельство уже обратил внимание К. Ф. Смирнов, отметивший, что в данном случае мы имеем «...сочетание втульчатой трехгранной формы с трехлопастной».

В целом, северо-афганские наконечники исследуемого типа, вероятно, можно датировать VI—V вв. до н. э.

Тип 4. С выступающей втулкой, сводчатой головкой. Основания лопастей примыкают ко втулке под тупым углом. Ребра лопастей и слабо выделенный трехгранный боек заточены. Сильно выступающая втулка шестигранная или круглая. Наконечники литые в трехсоставной литейной форме. На втулке по оси лопастей литейные швы (рис. 5, 6—8; табл. I, 45—47).

По характеру оформления нижней части лопастей наконечники этого типа можно подразделить на два варианта: а) с лопастями, примыкающими ко втулке под прямым или тупым углом (рис. 5, 6, 7); б) с лопастями, примыкающими ко втулке под острым углом и образующими шипы (рис. 5, 8).

Тип трехлопастных наконечников со сводчатой головкой и выступающей втулкой в различных вариантах имеет весьма широкое распространение. В Средней Азии различные варианты наконечников подобного типа отмечены в оседлоземледельческих поселениях Маргианы и Хорезма. В Маргиане они обнаружены на городище Эрк-кала, в Хорезме серия их, датированная VI—V вв. до н. э., происходит из урочища Дингильдже¹¹³. М. Г. Воробьева отмечает чрезвычайно широкое распространение наконечников этого типа в Хорезме.

Абсолютно преобладающим типом являются эти наконечники в кочевнических курганах Устюра V—IV вв. до н. э.¹¹⁴ Многочисленны они и в кочевнических древностях Казахстана¹¹⁵. В сакском могильнике Уйгарак они обнаружены в курганах, датированных VI—V вв. до н. э.¹¹⁶ В Сибири находки подобных наконечников единичны, они также в целом датируются VI—V вв. до н. э.¹¹⁷

Широко распространены наконечники анализируемого типа в пределах савроматского ареала. Наиболее широко используются эти наконечники савроматскими лучниками в VI—IV вв. до н. э. Встречаются они и в раннепрорховских погребениях IV—III вв. до н. э., однако в этот период они уже вытесняются здесь наконечниками стрел с узкой треугольной головкой¹¹⁸. В Скифии VI—V вв. до н. э. также были известны наконечники стрел этого типа, однако здесь они не получили широкого распространения¹¹⁹. В Южной Бактрии их найдено всего три. Вариант а в хорезмийском материале может быть сопоставлен с вариантом 2 типа VI, датированным V в. до н. э.¹²⁰ В савроматском материале подобные наконечники выделены в разновидность Б, типа б, распространенную в конце VI—V в. до н. э.¹²¹ У скифов этот вариант распространен с конца VI в. до н. э.¹²² У саков Приаралья отмечен в курганах второй половины VI в. до н. э.¹²³ Наконечник варианта б соответствует в хорезмийском материале варианту 1 типа б¹²⁴, в савроматском материале — типу бА¹²⁵. Широко распространен в сакских памятниках Восточного и Центрального Казахстана¹²⁶, нижней Сырдарьи¹²⁷. Индивидуальной особенностью анализируемого наконечника являются тонкие лопасти, тогда как во всех остальных случаях наконечники имеют массивные лопасти с заточенными ребрами.

Тип 5. Трехлопастные наконечники с тре-

угольной головкой, слабо выступающей, с тремя короткими «лапками», втулкой (рис. 5, 9, 10; табл. I, 48—49). В Хорезме подобный наконечник был обнаружен на поверхности центрального здания Кой-Крылган-калы¹²⁸. В Фергане два аналогичных наконечника были найдены при раскопках Актаского могильника¹²⁹. На Алтае подобный наконечник был обнаружен в одном из курганов могильника Шарт, датированного А. Н. Бернштамом VI—V вв. до н. э.¹³⁰ На Памире такие наконечники найдены в могильниках Тегерман-Су и Андемин-1, датированных VI—V вв. до н. э.¹³¹

Приведенный нами список очерчивает ареал данного типа наконечников, включающий Среднюю Азию от Хорезма до Памира. Находка наконечников с «лапками» на втулке при раскопках Ай-ханум расширяет границы этого ареала до Северного Афганистана. Исследователи единодушно отмечают, что такой признак, как лапки на втулке, является специфической особенностью. Однако Б. А. Литвинский склонен ограничивать эту специфику лишь районами Памира и Ферганы, И. Н. Медведская — «восточными районами Средней Азии», Н. Г. Горбунова наличие лапок считает «местной среднеазиатской особенностью»¹³².

Все среднеазиатские аналогии исследуемому наконечнику укладываются в хронологические рамки VI—IV вв. до н. э. На Ай-ханум как отдельные находки, так и колчаный набор датируются II в. до н. э. Различие в хронологии среднеазиатских наконечников с «лапками» и южнобактрийских может свидетельствовать, что на Ай-Ханум эти наконечники распространяются из Средней Азии. Обращает на себя внимание их обнаружение только на одном из археологических памятников Южной Бактрии — городище Ай-ханум, которое исследователи полагают остатками греческого города. По мнению некоторых исследователей, находки на этом городище как наконечников с «лапками», так и других наконечников скифских типов, могут свидетельствовать об использовании греческими властителями Ай-ханум сакских воинских контингентов — выходцев из Средней Азии¹³³.

Тип 6. С треугольной головкой и выступающей втулкой (рис. 5, 11—17; табл. I, 50—69). Основания лопастей примыкают к втулке под острым углом, образуя шипы, лопасти тонкие, без заточки, втулка круглая или близкая к треугольной (рис. 5, 14). Наконечники литые в разъемной трехсоставной литейной форме — на нескольких экземплярах на втулке сохранилось по три литейных шва, проходящих по осям лопастей. Разделены на три варианта: а) с сильно выступающей втулкой (рис. 5, 11—15); б) с треугольной в сечении втулкой (рис. 5, 16); в) со слабо выступающей круглой втулкой (рис. 5, 17). Наконечники стрел с уз-

кой треугольной головкой и выступающей втулкой использовались ахеменидскими лучниками. В Скифии такие наконечники стрел распространяются с VI в. до н. э. У савроматов также распространение этих стрел начинается с VI в. до н. э., а в последующие века происходит нарастание их количества в колчанах. В IV — начале III в. н. э. такие стрелы являются преобладающими у савроматских лучников¹³⁴. От скифов эти стрелы, вероятно, попадают к племенам апаньинской культуры, где их находки датируются VII—VI вв. до н. э.¹³⁵ В Средней Азии находки подобных наконечников отмечены на городище Эрк-кала и в слоях V в. до н. э. усадьбы Дингильдже¹³⁶.

Найденные на Памире и в Фергане наконечники стрел, которые Б. А. Литвинский относит к рассматриваемому типу¹³⁷, вероятно, следует выделять в совершенно другой тип по такому специфическому признаку, как наличие разрезной втулки. Сравнение их с хорошо разработанной скифской и сарматской шкалой позволяет в качестве вероятной предложить для них дату V — начало III в. до н. э.

Нахождение трехлопастных наконечников с треугольной головкой и выступающей втулкой в колчанном наборе из арсенала Ай-ханум позволяет в качестве верхней хронологической грани для этих наконечников в Южной Бактрии полагать II в. до н. э. В айханумском наборе наконечники этого типа являются абсолютно преобладающими (15 из 23).

Несколько отличается от наконечников рассматриваемой серии экземпляр, найденный на городище Наиб-4 (рис. 5, 17; табл. I, 69). Он имеет более короткую втулку и широкую треугольную головку.

Тип 7. Стройные, вертикально вытянутые, втульчатые трехлопастные наконечники стрел со сводчатой головкой, массивными лопастями, завершающимися снизу шпями, скрытой втулкой. Наконечники литые в разъемной трехчастной литейной форме, бойки и ребра лопастей заточены (табл. I, 70—82). *Вариант а* (рис. 5, 18) с одним длинным шпием на одной из лопастей. *Вариант б* (рис. 5, 19—25) — с тремя симметричными шпями.

Вариант а рассматриваемого типа наконечников является, вероятно, специфической южнобактрийской разновидностью анализируемого типа наконечников стрел. Наконечники стрел варианта б, напротив, имеют довольно широкий круг аналогий. В Средней Азии они известны в ее западных районах в оседло-земледельческих поселениях древних Маргианы и Хорезма. В Маргиане они имеются среди случайных находок с цитадели Яз-депе, а также среди находок из слоев Яз-III, датируемых В. М. Массоном 450—350 вв. до н. э.¹³⁸ По мнению некоторых исследователей, эта дата пуж-

дается в уточнении в сторону удревления. М. Г. Воробьева, в частности, полагает, что наконечники с Яз-депе могут датироваться VI или VI—V вв. до н. э.¹³⁹ Аналогичные наконечники были найдены также на городище Эрк-кала и датированы II в. до н. э. — III в. н. э.¹⁴⁰ По типу они скорее могут быть датированы VI—V вв. до н. э.

В Хорезме часть наконечников этого типа представлена случайными находками с древнехорезмийских городищ¹⁴¹, но особую ценность представляют находки на архаическом поселении Кюзелигыр, поскольку исследователи рассматривают всю совокупность наконечников, происходящих отсюда, как гомогенный набор, датируемый VI—V вв. до н. э. или даже только VI в. до н. э.¹⁴²

Большим количеством находок представлены наконечники этого типа в усадьбе Дингильдже и на одноименной усадьбе V в. до н. э.¹⁴³, обнаружены они и в сакских погребениях начала VI в. до н. э. могильника Уйгарак¹⁴⁴. У савроматов Приуралья и Поволжья подобные наконечники появляются в VI в. до н. э., наибольшее распространение получают в V в. до н. э., их мало в колчанах IV—III вв. до н. э., а во II в. до н. э. они исчезают вовсе. Ранние экземпляры наконечников крупные, хорошо обработанные, в IV—III вв. наконечники мельчают, ухудшается качество их обработки¹⁴⁵. Находки подобных наконечников отмечены на ахеменидских памятниках Ирана, в частности в сокровищнице Персеполя, где они отнесены к редкому типу наконечников иноземного происхождения¹⁴⁶. К. Ф. Смирнов полагает, что первоначально эти наконечники появляются в восточных областях Евразии — Урале, Западной Сибири, Казахстане и, отчасти, Средней Азии¹⁴⁷. М. Г. Воробьева более четко ограничивает первоначальный ареал подобных наконечников Уралом, Приуральем, западными районами Средней Азии (Хорезм и Маргиана)¹⁴⁸.

Один из наконечников интересующего нас типа обнаружен в наборе, происходящем с городища Алтыш-10 (рис. 1, 7—10). Алтыш-10, объект II — памятник однослойный, просуществовавший сравнительно недолго¹⁴⁹, поэтому наконечники стрел, полученные при его раскопках представляют вполне гомогенный набор. Прежде всего обращает на себя внимание отсутствие в нем двухлопастных втульчатых наконечников доахеменидских типов. Уже одно это обстоятельство позволяет исключить вероятность датировки VII в. до н. э., хотя наличие в наборе лавролистных втульчатых трехлопастных наконечников казалось бы допускает возможность такой даты. Однако трехлопастные со скрытой втулкой сводчатые наконечники появляются не ранее VI в. до н. э. и его при-

сутствие в наборе полностью устраняет вероятность датировки VII в. до н. э. Эти наконечники, появившись в VI в. до н. э., получают полное развитие в V в. до н. э. В IV—III вв. их мало, во II в. до н. э. они исчезают совсем. Ранние экземпляры крупные, хорошо обработанные, с IV—III вв. наконечники мельчают, ухудшается качество обработки. Южнобактрийская серия представлена в основном хорошо

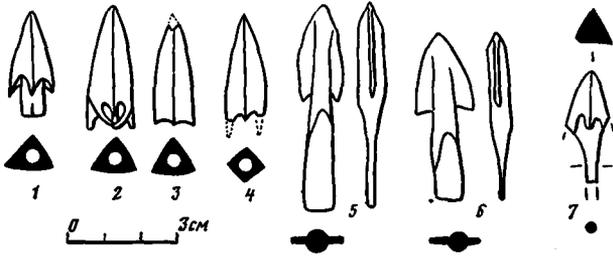

Рис. 6. Треугольные и четырехгранные втульчатые, двухлопастные и трехгранные черешковые наконечники стрел (1—7)

обработанными крупными экземплярами и, вероятно, в целом может быть датирована VI—V вв. до н. э. Однако сравнение набора в целом с набором такого памятника, как Кюзелигыр¹⁵⁰, позволяет ограничить дату набора наконечников с Алтын-10 одним VI в. Действительно, мы имеем в обоих наборах одинаковые типы наконечников. И там и здесь отсутствуют треугольные наконечники (тип XIII, по К. Ф. Смирнову), распространяющиеся только с V в. до н. э. Они, например, уже имеются в наборе V в. до н. э. усадьбы Дингильдже. Все это позволяет считать Алтын-10 памятником, синхронным Кюзелигыру, и в качестве такого датировать его VI в. до н. э., а если учитывать время вхождения Южной Бактрии в государство Ахеменидов, то дату можно ограничить до второй половины VI в. до н. э. Подобно тому как в ахеменидский Иран эти наконечники считаются занесенными с севера, в Южной Бактрии их появление также обусловлено связями с Маргианой, Хорезмом, а через них, вероятно, с сако-савроматским миром Приаралья и Южного Приуралья.

Несколько отличаются от остальных наконечников описываемого типа наконечники стрел из арсенала Ай-ханум (рис. 5, 24—25). Головка у этих экземпляров приобретает треугольные очертания, лопасти становятся значительно тоньше, заметно ухудшается качество обработки наконечников. Как уже отмечалось, дата айханумского набора II в. до н. э. является, вероятно, верхней хронологической гранью для наконечников этого типа в Южной Бактрии.

Тип 1. С выступающей втулкой, треугольной головкой с дуговидными вырезами базы (рис. 6, 1; табл. I, 83). Данный тип наконечников известен в комплексах конца VII—первой половины VI в. до н. э. в Скифии и на Кубани¹⁵¹, а также у савроматов на р. Иловле¹⁵². Однако основная масса наконечников этого типа происходит из комплексов конца VI—V вв. до н. э. К. Ф. Смирнов отмечает, что отдельные экземпляры подобных наконечников встречались и в колчанах IV—II вв. до н. э. Однако наиболее близкими к дильберджинскому наконечнику являются наконечники из кургана, раскопанного в 1927 г. в бывшей Соболевской волости, датируемого V в. до н. э.¹⁵³

Близкие по форме, но со сводчатой, а не треугольной головкой наконечники известны из кургана VI в. до н. э. могильника Уйгарак¹⁵⁴. К тому же типу принадлежит и наконечник из Кайрак-Кумов, имеющий сводчатую трехгранную головку, шестигранную выступающую втулку и датируемый VI—IV вв. до н. э.¹⁵⁵ Аналогичный наконечник в Хорезме найден на такырах близ Беркут-калы¹⁵⁶.

Однако наиболее близки дильберджинскому из приведенного перечня савроматские стрелы V в. до н. э. из бывшей Соболевской волости. Видимо, эта аналогия определяет и дату исследуемого наконечника.

Тип 2. Наконечники стрел сводчатой формы со скрытой втулкой, дуговидным вырезом базы или опущенными вниз шипами (табл. I, 84, 85).

Вариант а — с опущенными вниз шипами (рис. 6, 2).

Вариант б — с дуговидным вырезом базы (рис. 6, 3).

Вариант а близок савроматским наконечникам с дуговидным вырезом базы, хотя в целом эти наконечники имеют меньшие абсолютные размеры и несколько иные пропорции. Анализируемый наконечник более стройный, вытянутый по вертикали. Поволжские экземпляры более приземистые. Подобные наконечники найдены в составе колчанов из кургана VI в. до н. э. у хут. Черниговского¹⁵⁷, в Приаралье подобный наконечник происходит из кургана V в. до н. э.¹⁵⁸

Вариант б имеет более многочисленные аналогии. Довольно много подобных наконечников у савроматов, причем все находки, близкие анализируемому (крупные экземпляры с длинными шипами), происходят из кургана VI в. до н. э. у хут. Черниговского и из кургана конца VI—начала V в. до н. э. у с. Сара¹⁵⁹. В Средней Азии два аналогичных наконечника (длиной 31 и 32 мм) найдены на Кувинском городище. Б. А. Литвинский на основании ана-

логий из Персеполя и савроматских курганов Приуралья датирует эти наконечники V—IV вв. до н. э.¹⁶⁰, хотя необходимо заметить, что в савроматских курганах подобные наконечники найдены в комплексах VI—V вв. до н. э.

На Переднем Востоке эта форма наконечников очень редка. Один наконечник происходит из Вавилона, где он был найден вместе с архаическими скифскими стрелами¹⁶¹, три наконечника найдены в сокровищнице Персеполя¹⁶².

Отдел IV. Четырехгранные или ромбические

Тип 1. Сводчатый ромбический наконечник со скрытой втулкой и шипами более длинными на двух ребрах (рис. 6, 4; табл. I, 86). Данный тип наконечников мало распространен. Тожественный экземпляр найден на такыре у городища Беркут-кала в Хорезме¹⁶³. Аналогичный наконечник, выделенный в IV тип четырехгранных, известен в могильнике Уйгарак, где он происходит из комплекса второй половины VI в. до н. э.¹⁶⁴ Единственный наконечник того же типа известен в VI—V вв. до н. э. в савроматском комплексе кургана Ново-Кумакского могильника под Орском. В классификации К. Ф. Смирнова это тип 3 отдела четырехгранных наконечников, а его форма происходит от архаических костяных наконечников восточных областей Евразии¹⁶⁵. Судя по приведенным аналогиям, исследуемый наконечник может быть датирован VI—V вв. до н. э.

Группа Б. Черешковые

Наконечники этой группы занимают крайне незначительное место в общей массе бронзовых наконечников стрел из Южной Бактрии. Пока учтено всего 3 экз.

Отдел I — двулопастные или плоские

Тип 1. Со сводчатой головкой, шипастым основанием и жилкой через все перо. Лопасты срезаны под острым углом к черешку, образуя опущенные жальца. Черешок длинный, круглый в верхней части. Почти от основания головки срезан с двух сторон, что придало черешку клиновидную форму (рис. 6, 5—6; табл. I, 87, 88).

Ареал подобных наконечников охватывает Среднюю Азию, Казахстан и Южную Сибирь. В Казахстане такой наконечник найден в Семипалатинской области у курорта Аул в смешанном комплексе¹⁶⁶. К. А. Акишев счел возможным датировать появление подобных наконечников в Казахстане XIII—X вв. до н. э., что вызвало справедливые возражения¹⁶⁷.

Другой аналогичный наконечник найден в комплексе VII—VI вв. до н. э. в кургане 5ж могильника Карамуруп (Центральный Казахстан)¹⁶⁸.

Серия наконечников VI в. до н. э. обнару-

жена в курганах 70 и 84 сакского могильника Уйгарак¹⁶⁹. Б. А. Литвинский, со ссылкой на неопубликованные материалы С. А. Ершова, называет находку аналогичных наконечников на такырах у Беркут-калы¹⁷⁰. Несколько наконечников были найдены вместе с архаической керамикой в урочище Дингильдже, где они датированы VII—VI вв. до н. э.¹⁷¹

Серия наконечников анализируемого типа найдена на Памире в кургане X курганного могильника Памирская I. Первоначально этот комплекс был датирован V—IV вв. до н. э., однако впоследствии он был передатирован VII—VI вв. до н. э. или даже одним VII в. до н. э.¹⁷²

На трассе Большого Ферганского канала наконечник был обнаружен в переотложенном состоянии и отнесен к «доскифскому» времени¹⁷³.

В Южной Сибири аналогичные наконечники стрел представлены лишь случайными находками. Тем не менее Н. Л. Членова крупный наконечник с жилкой через все перо относит к эпохе бронзы, а более мелкие экземпляры с выделенным бойком (утяжеленной головкой) относит к VII—VI вв. до н. э.¹⁷⁴

Близкие по типу наконечники найдены в Монголии¹⁷⁵. Однако их форма имеет существенные отличия.

Исследователи, анализируя наконечники подобного типа, выделяют различные разновидности по форме головок (со сводчатой, треугольной, башневидной или крышевидной головками). Однако одновременно отмечено, что этот признак обусловлен случайными факторами, форма головок непостоянна и в зависимости от превратностей заточки может легко переходить одна в другую¹⁷⁶. Вполне вероятно, что на протяжении «жизни» наконечника при условии неоднократной заточки головки его форма может изменяться неоднократно и, видимо, ее изменение не отражает реальных хронологических различий между типами, выделенными по этому признаку. Эти различия выражаются, вероятно, в деталях, улучшающих баллистические свойства наконечников. В рассмотренной серии имеются экземпляры, у которых жилка-валик проходит через все перо, и имеющие выделенного бойка, и экземпляры с выделенным бойком, утяжеляющим головку и улучшающим баллистические свойства наконечника. «Для такого действенного оружия, каким является наконечник стрелы, видимо, был важен принцип устройства, определяющий его баллистические данные в определенных условиях. И только совокупность определенных причин заставляла изменять этот принцип (усовершенствование лука, оборонительного доспеха и т. п.). И если говорить о хронологическом различии одного и того же типа, надо

иметь данные, более четко характеризующие функциональную эффективность наконечника стрелы. Логично допустить, что развитие военного дела шло по линии усовершенствования и поэтому трудно предположить, что после оптимальной формы пачинали использовать менее эффективную»¹⁷⁷.

Таким образом, если в целом анализируемый тип наконечников мы можем датировать в пределах VII—VI вв. до н. э., то экземпляры с жилкой через все перо (без утяжеленного бойка) должны быть датированы в этих пределах более ранним временем. К этой разновидности относятся и оба наконечника из Кутлуг-тепе с жилкой через все перо. Наконечники же с выделенным бойком (утяжеленной головкой) представляют более поздний вариант.

М. К. Кадырбаев и М. Г. Воробьева полагают, что данный тип наконечника появился как производный тип, сочетающий, по М. К. Кадырбаеву, признаки двуперого, втульчатого и трехперого черешкового, по М. Г. Воробьевой — элементы четырехгранных и черешковых двухлопастных¹⁷⁸. Однако мне представляется более вероятной их генетическая связь с некоторыми типами наконечников, известных в эпоху поздней бронзы на территории Северного Афганистана¹⁷⁹, юга Средней Азии¹⁸⁰, в Закавказье¹⁸¹ и Иране¹⁸² и последующее развитие от варпантов с неутяжеленной головкой к вариантам с утяжеленной головкой.

Описанные два наконечника входят в набор с Кутлуг-тепе (рис. I, 1—6), который в целом характеризуется рядом чрезвычайно архаических черт, присущих этому виду вооружения еще с эпохи бронзы. Исследователь Кутлуг-тепе В. И. Сарипиди выделил в его строительной истории два периода. Второй, связанный с использованием заброшенного здания, достаточно определенно датируется ахеменидским временем по найденой в помещении второго строительного горизонта керамике. Что касается набора наконечников, то его архаический облик не позволяет датировать его столь поздно. Вероятно, наконечники перемещены из слоев I строительного периода в слой II при перестройках, происходивших в этот последний период, и датируют основное здание I строительного периода.

Проведенный анализ наконечников показал, что они характеризуются многими признаками, свойственными еще для эпохи бронзы. Вместе с тем они имеют также и признаки, присущие для самых архаических комплексов раннежелезного века. Все это вместе взятое позволяет в качестве вероятной даты набора наконечников с Кутлуг-тепе и здания I периода предложить рубеж эпохи бронзы и раннего железа, т. е. VIII—VII вв. до н. э. и полагать этот набор характерным для доахеменидской Бактрии.

Тип 1. Со сводчатой головкой и круглым в сечении черешком. Массивный боек, треугольный в поперечном сечении, переходит к лопасти, образованной вырезом у основания головок. Экземпляр, к сожалению, дефектный, обломан низ головки и часть черешка (рис. 6, 7; табл. I, 89).

В период с конца IV по II в. до н. э. в Южной Бактрии происходит постепенный процесс вытеснения бронзовых наконечников железными черешковыми. Чтобы проследить этот процесс, мы можем опереться на материалы исследования Дильберджики и Ай-Ханум. Судя по материалам Дильберджики, процесс замены бронзовых наконечников железными завершается уже в конце IV — начале III в. до н. э. Датировать это явление позволяет находка на городище Дильберджики в раскопе I остатков храмового арсенала, в состав которого, наряду с другими видами вооружения, входили и многочисленные железные наконечники стрел. В большинстве случаев они обнаружены во фрагментах или совершенно искажены коррозией. В массе находок удалось однако зарегистрировать 232 экз., сохранившихся настолько, что позволяют описать форму и размеры. Стратиграфически они не представляют единого комплекса, а рассеяны по разным полам, помещениям и закладкам греко-бактрийского и перестроенного в кушанский период храма. Причем, в кушанском храме они в основном обнаружены в сырцовых закладках и между полами, что позволяет говорить о том, что они были перемещены сюда из более ранних построек при перестройках храма в кушанский период. Время перестроек датировано монетами Куджулы Кадфица. В первоначальном залегании эти наконечники обнаружены в слоях греко-бактрийского времени, датированных монетой Евтидема.

В типологическом отношении вся серия наконечников довольно единообразна, что может указывать и на ее хронологическое единство. Вероятнее всего, в данном случае мы имеем хронологически единый комплекс храмового арсенала, частично нарушенный во время перестройки, произведенных в кушанский период. Основной датой комплекса в этом случае должна служить дата наиболее раннего слоя, где эти стрелы находятся в первоначальном залегании. Таковым является слой греко-бактрийского периода.

Как мы видели выше, анализируя бронзовые наконечники стрел Южной Бактрии, наиболее поздние их разновидности по аналогиям датируются IV—III вв. до н. э. Находка дильберджикинского арсенала позволяет более четко хронологически разграничить бронзовые и же-

лезные наконечники стрел для этого района. Эта смена, вероятно, происходит в конце IV — начале III в. до н. э. По материалам раскопок Ай-ханум этот процесс выглядит несколько иначе. Здесь в комплексе арсенала, датируемого II в. до н. э., была обнаружена серия наконечников стрел, состоящая из 132 экз. железных и 23 бронзовых¹⁸³. Эти факты позволяют полагать, что процесс смены бронзовых наконечников был не единовременным. Если в одних районах Южной Бактрии бронзовые наконечники выходят из употребления еще в конце IV — начале III в. до н. э., то в других их использование в ограниченных масштабах продолжается вплоть до II в. до н. э.

Подведем некоторые итоги нашему анализу бронзовых наконечников стрел из Южной Бактрии.

В эпоху бронзы Южная Бактрия, наряду со Средней Азией и Казахстаном, сыграла определенную роль в создании доскифского (доахеменидского по отношению к Южной Бактрии) набора бронзовых наконечников стрел. Для ряда типов южнобактрийских бронзовых наконечников эпохи раннего железа мы находим местные южнобактрийские прототипы эпохи бронзы.

Процесс эволюции бронзовых наконечников стрел в Южной Бактрии можно разделить на три основных периода, характеризующихся определенными наборами: а) доахеменидский — VIII — первая половина VI в. до н. э. Набор Кутлуг-тепе; б) ахеменидский — вторая половина VI — V в. до н. э. Набор Алтып-10; в) греко-бактрийский — IV — II в. до н. э. Набор Ай-ханум.

Сравнительный анализ североафганской классификационной шкалы с другими региональными классификациями позволяет говорить о том, что североафганская шкала характеризуется теми же признаками, что и казахстанско-среднеазиатская: для той и другой характерны черепковые наконечники стрел и наконечники с разрезной втулкой, неизвестные в скифо-савроматских комплексах.

В конце IV — II в. до н. э. завершается цикл развития бронзовых наконечников стрел Южной Бактрии раннего железного века и их полностью вытесняют железные наконечники стрел. Процесс замены неравномерен, в то время как в одних районах в этот период уже безраздельно господствуют железные наконечники, в других, наряду с массовым использованием железных, продолжают в ограниченных масштабах использоваться бронзовые.

¹ *Sulimirski T.* Scythian antiquities in Western Asiae. — *Artibus Asiae*. Ascona, 1954, vol. XVII/3—4, p. 282—317; *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство (Урарту). М., 1959, с. 237—239; *Cleuziou S.* Les pointes de flèche en métal au Proche et Moyen — Orient des origines à la période achéménide, thèse de 3e cycle inédite. Paris, 1974; *Résumé dans le colloque Le Plateau iranien et l'Asie central des origines à la conquête islamique*. Paris, 1977, p. 187—189.

² *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. — САИ, 1964, вып. Д1—4.

³ *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов. — МИА, 1961, № 101; *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры. — САИ, 1963, вып. Д1—40.

⁴ *Акишев К. А., Куцаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963; *Маргулян А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Орозбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966; *Литвинский В. А.* Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время. — МКТ, Душанбе, 1968, вып. 1.

⁵ *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племени тагарской культуры. М., 1967, с. 40—65.

⁶ Эти материалы автор имел возможность изучить непосредственно во время полевых исследований СААЭ, в фондах Института археологии и Национального Музея в Кабуле. По публикациям были частично использованы материалы DAFA, полученные при исследовании Ай-Ханум и Шахри-Бану.

⁷ *Медведская И. П.* Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана. — СА, 1972, № 3, с. 80, 81, 87.

⁸ См., например, приемы датирования наконечников стрел: *Усманов З. И.* Эрка кала (по материалам ЮТАКЭ) 1955—1959 гг.). — ТЮТАКЭ, Ашхабад, 1966, т. XII, с. 64—68, рис. 33а; *Массон В. М.* Древнесельскохозяйственная культура Маргианы. — МИА, 1959, № 73, с. 47, 48. Критику этих положений см.: *Мед-*

ведская И. П. Некоторые вопросы... с. 87; *Воробьева М. Г.* Дингильдже, Усадьба I тысячелетия до н. э. в древнем Хорезме. М., 1973, с. 197, 204, 205.

⁹ *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1977, с. 117—121.

¹⁰ *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы... с. 121—127.

¹¹ *Bernard P. et autres.* Campagne de fouille 1978 à Aï-Khanoum (Afghanistan). — *Bulletin de l'École française d'Extrême Orient*. Paris, 1980, T. LXVIII, p. 51—60.

¹² *Аванесова Н. А.* К вопросу о бронзовых стрелах стениных племен эпохи бронзы. — Тр. СамГУ, 1975, вып. 270, с. 38, табл. 2.

¹³ *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. — САИ, 1966, вып. В4—9, с. 33—37.

¹⁴ *Przeworski S.* Die Metallindustrie Anatoliens in der Zeit von 1500—700 vor. chr. Leiden, 1939, f. 58; *Ridgeway W.* The early Age of Greece I, 1939, Abb. 57; *Gross F. M., Milik J.* A topological study of the El Khadr javelin- and arrow-heads. *Annual of the Department of Antiquities of Jordan*, 1956, vol. III, pl. III; *Loud G.* Megiddo II. Seasons of 1935—39. *Oriental Institute publications*. Chicago, 1948, pl. 176, 48, 49.

¹⁵ *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия... с. 33, табл. VI, 14; *Массон В. М.* Памятники культуры арханчского Дахистана в Юго-Западной Туркмении. — ТЮТАКЭ, Ашхабад, 1956, т. VII, с. 421, рис. 36.

¹⁶ *Ирина М. А.* Поселение Якке-Парсан — 2. — МХЭ, 1963, вып. 6.

¹⁷ *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия... с. 33.

¹⁸ *Сарианиди В. И.* Раскопки Тилля-тепе в Северном Афганистане. М., 1972, с. 8, 24; рис. 21, 4.

¹⁹ *Массон В. М.* Древнесельскохозяйственная культура... табл. XXXIII, 3, 4, с. 48.

²⁰ *Куртин В. А.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, т. I, рис. 85, 4, 5, 6.

²¹ *Ghirshman R.* Fouilles de Sialk pres de Kashan, vol. I,

- II.—Musée du Louvre. Série archéologique. Paris, 1938—1939, vol. IV—V, tabl. XXXIX, 453; *Медведская И. Н.* Металлические наконечники стрел Переднего Востока и Евразийских степей II — первой половины I тысячелетия до н. э.—СА, 1980, № 4, с. 27, рис. 1, IV.
- 22 *Аванесова Н. А.* К вопросу..., с. 38—39, табл. 2, XX, XXI.
- 23 *Сарианиди В. И.* Раскопки Тилля-тепе..., с. 6, 24, рис. 14, 7.
- 24 *Медведская И. Н.* Металлические наконечники..., с. 29.
- 25 *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура..., с. 116.
- 26 *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия..., табл. VI.
- 27 *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура..., с. 47, 48.
- 28 *Игина М. А.* Поселение Якке-Парсан — 2..., с. 123, рис. 12, 3.
- 29 *Медведская И. Н.* Некоторые вопросы..., с. 83, 84.
- 30 *Членова Н. Л.* Происхождение..., с. 51.
- 31 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 42; *Медведская И. Н.* Некоторые вопросы..., с. 83, 88—89.
- 32 *Медведская И. Н.* Некоторые вопросы..., с. 89.
- 33 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 39, рис. 2А, 1.
- 34 *Массон В. М.* Поселения поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба.—КСИИМК, 1956, 64, с. 64, рис. 24; *Бернштам А. Н.* Труды Семпреченской археологической экспедиции «Чуйская долина».—МИА, 1950, № 14, табл. ХLI, 1—10; *Бернштам А. Н.* Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня.—СА, 1949, XI, с. 348, таблица-вклейка 21 и 65; *Игина М. А.* Поселение Якке-Парсан-2..., с. 122, 123, рис. 12, 1; 13, 5.
- 35 *Литвинский Б. А.* Оружие..., с. 90, 91, табл. 7, 4—5.
- 36 *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—VI вв. до н. э.—ТХАЭЭ, М., 1973, VIII, с. 89, табл. XIII; 9; табл. XX, 9.
- 37 *Медведская И. Н.* Некоторые вопросы..., с. 89.
- 38 *Членова Н. Л.* Происхождение..., с. 46, 51, табл. XIII, 11, 20; табл. XIV, 31;
- 39 *Воробьева М. Г.* Дингильдже, табл. I, А1 I; Б, 48.
- 40 *Вайнберг Б. И.* Памятник раннего железного века в Северной Туркмении.—Каракумские древности, Ашхабад, 1977, вып. 5, с. 43, рис. 2, 1, 2, 4, 5.
- 41 *Медведская И. Н.* Некоторые вопросы..., с. 89.
- 42 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 38, рис. 11, В, 1; рис. 12, 3, 1; табл. I, Б, 1, 7, 9; табл. I, Г, 2, рис. 16А, 2. В табл. I вариант с жилкой через все перо отмечен только для VII в. до н. э.
- 43 *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов, с. 18, 21, табл. 5; 6, 3, 6—8, II, 3; табл. 7, А, 4.
- 44 *Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи позднего железа VIII—VI вв. до н. э. М., 1977, с. 207, рис. 24, В, 2, 3; рис. 77, 2—4.
- 45 *Кисилев С. В.* Монголия в древности.—Известия АН СССР, сер. история и философия, М., 1947, т. IV, № 4, с. 364, рис. 3 (верхний ряд, второй наконечник справа); нижний ряд, четвертый наконечник справа); *Волоков В. В.* Бронзовые наконечники стрел из музея МНР.—Монгольский археологический сборник, М., 1962.
- 46 *Маргилан А. Х., Акишев К. А., Кадирбаева М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура..., с. 376—379, рис. 58, верхние два ряда наконечников; *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура..., с. 118.
- 47 *Литвинский Б. А.* Оружие..., рис. 7, 9; *Ой же.* Древние кочевники «Крыши мира», М., 1972, с. 29.
- 48 *Халиков А. Х.* Волго-Камье..., с. 207, рис. 209, II, 11.
- 49 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 38, рис. II, Г, 1; рис. 15, Б, 1.
- 50 *Забелина Н. И.* Раскопки на городище Калаи Мир.—Тр. Таджик. археологич. экспедиции.—МИА, 1953, № 37, с. 295; *Дьяконов М. М.* Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобандиан).—Тр. Таджик. археологич. экспедиции.—МИА, 1953, № 37, с. 280, рис. 19, первый наконечник сверху; *Литвинский Б. А.* Оружие..., с. 90.
- 51 *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948, с. 88, рис. 24; *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура..., с. 47.
- 52 *Воробьева М. Г.* Дингильдже, с. 205.
- 53 *Кой-Крылган-кала* — памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н. э.—IV в. н. э.—ТХАЭЭ, М., 1967, т. V, с. 133.
- 54 *Воробьева М. Г.* Дингильдже, с. 195, табл. I, А, 3, 4.
- 55 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 38, 39, рис. 11, В 2—3, 12, А 1, 15, А, 4.
- 56 *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов, с. 18, 21, табл. V, отдел 1, тип 2, варианты 1, 2.
- 57 *Кабанов С. К.* Изучение стратиграфии городища Афраснаб.—СА, 1969, № 1, с. 184, рис. 4, 1.
- 58 *Филанович М. И.* К характеристике древнейшего поселения на Афраснабе.—В кн.: Афраснаб, Ташкент, 1969, вып. 1, с. 212; *Тереножкин А. И.* Вопросы преемственности и хронологии древнейшего Самарканда.—СА, 1972, № 3, с. 93, рис. 1, 1.
- 59 *Кой-Крылган-кала*, с. 132, 133, рис. 53, 1.
- 60 *Вайнберг Б. И.* Памятник..., с. 43, рис. 2, 32; *Медведская И. Н.* Некоторые вопросы..., с. 89.
- 61 *Смирнов К. Ф.* Вооружение..., с. 38—39, рис. 14, Б 1.
- 62 *Халиков А. Х.* Волго-Камье..., с. 207, рис. 77, 1, 5.
- 63 *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы..., с. 121.
- 64 *Медведская И. Н.* Некоторые вопросы..., с. 81.
- 65 *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия..., с. 33, 34, табл. VI; *Литвинский Б. А.* Оружие..., с. 36, рис. 4; *Массон В. М.* Памятники культуры архаического Дахестана..., с. 409, 437, 438, рис. 36, второй наконечник слева; *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 40.
- 66 *Воробьева М. Г.* Дингильдже, с. 195, табл. 1, 5; *Вишневская О. А.* Культура сакских племен..., с. 89, табл. XX, 10.
- 67 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 40, рис. 12, И.
- 68 *Членова Н. Л.* Происхождение..., с. 46, 47, табл. 13, 35.
- 69 *Вишневская О. А.* Культура сакских племен..., с. 91, табл. XX, 11.
- 70 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 50, рис. 15, 2; 19, А; 1, 2.
- 71 *Членова Н. К.* Происхождение..., с. 46, 47, табл. 13, 21, 22; табл. 14, 4. Необходимо отметить, что Н. Л. Членова полагает, что наконечники с пером, форма которого приближается к ромбическому (утраченная головка), более архаичные, датирующиеся, возможно, еще концом VII в. до н. э.
- 72 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 40.
- 73 *Членова Н. Л.* Происхождение..., с. 57, 60, 61.
- 74 *Литвинский Б. А.* Древние кочевники «Крыши мира», с. 92.
- 75 *Аванесова Н. А.* К вопросу о бронзовых стрелах..., с. 37, 38.
- 76 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 40, 41.
- 77 *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура..., табл. XXXIV, 3.
- 78 *Литвинский Б. А.* Оружие..., с. 91, 92, табл. 7, 8, 9.
- 79 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 40, 41, рис. 11, Б, 10, табл. I, 15.
- 80 *Черников С. С.* Загадка Золотого Кургана. М., 1965, с. 46—49, 178—183.
- 81 *Либеров П. Д.* Хронология памятников Приднепровья скифского времени.—В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии, М., 1954, с. 154; *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 41, 42; *Черников С. С.* Загадка Золотого Кургана, с. 46—49, 178—183; *Литвинский Б. А.* Оружие..., с. 92; *Тереножкин А. И.* Киммерийцы, Киев, 1976, с. 136, 137; обзор «евразийских» прототипов эпохи бронзы в

- ки: *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 41, 42, табл. 1.
- ⁸² *Тереножкин А. И.* Киммерийцы, с. 136, 137, 139.
- ⁸³ *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 43, 44, табл. I, Г.
- ⁸⁴ *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, 1952, № 20, с. 90, табл. XIX, 7.
- ⁸⁵ *Martin. L'age du bronze au Musée de Minousinsk. Stockholm. 1893. pl. 26, 15* (ссылка, по К. Ф. Смирнову). Аналогия в Средней Азии, на которую ссылается К. Ф. Смирнов, основана скорее на недоразумении. На этом наконечнике перо обломано, а реконструируемый А. Н. Бернштамом контур ближе к листовидному, чем к сводчатому.
- ⁸⁶ *Членова Н. Л.* Происхождение..., с. 51.
- ⁸⁷ *Воробьева М. Г.* Дингильдже, с. 196, табл. I, 6, 7, 8, 10, 11.
- ⁸⁸ *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура..., табл. XXXIV, 9; *Усманова З. И.* Эрк-кала..., с. 64, 65, 66, рис. 3а. Пять наконечников справа, третья группа б (датировка З. И. Усмановой этих наконечников II в. до н. э. ошибочна).
- ⁸⁹ *Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А.* Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962, с. 220, табл. VIII, с. 6, 7, 8; табл. 53, 6, 7, 8; *Литвинский Б. А.* Оружие..., с. 94, табл. 4, 15.
- ⁹⁰ *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 181, 182, рис. 104, В, второй наконечник слева.
- ⁹¹ *Ghirshman R. Fouilles de Nad-i-Ali dans le Seistan Afghan.— Revue des Arts Asiatiques, 1939, t. XIII, N 1, pl. V; Ghirshman R. Recherches prehistoriques dans la partie afghane du Seistan.— MDAFA, Paris, 1959, t. VIII, p. 43, 46, fig. g4, Na 14, NA 25, fig. g6, NA 41, NA 42; Массон В. М.* Древнеземледельческая культура..., с. 46, 60; *Медведская И. Н.* Металлические наконечники..., с. 32.
- ⁹² *Williams S. Preliminary Report of the excavations of Tell Rifaat.— Iraq, 1961, XXIII, pt. 1, pl. XL, 04.*
- ⁹³ *Медведская И. Н.* Металлические наконечники..., с. 32, 33. Здесь же сводка находок трехпластных втульчатых наконечников архаических скифских типов в Иране.
- ⁹⁴ *Мелюкова А. И.* Вооружение савроматов, с. 19 и 21.
- ⁹⁵ *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 44, 45, рис. 14, Б 5; рис. 15, Б, 2; рис. 16, А, 4.
- ⁹⁶ *Халиков А. Х.* Волго-Камье..., с. 210, рис. 77, 30.
- ⁹⁷ *Членова Н. Л.* Происхождение..., с. 48, 49, табл. XIII, 30.
- ⁹⁸ *Вайнберг Б. П.* Памятник..., рис. 2;
- ⁹⁹ *Воробьева М. Г.* Дингильдже, с. 196.
- ¹⁰⁰ *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы..., табл. XXXIV, 12; *Усманова З. И.* Эрк-кала..., с. 64—66, рис. 3а, семь наконечников слева, группа III, тип а.
- ¹⁰¹ *Воробьева М. Г.* Дингильдже..., табл. 1А, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19; табл. 1Б, 18, 39, 68, 64, 77, 93; с. 197, 205.
- ¹⁰² *Тереножкин А. И.* Вопросы периодизации..., с. 93, 94, рис. 1, 2—4.
- ¹⁰³ *Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г.* Актамский могильник.— КСИИМК, 1957, 69, с. 80, 86—88, рис. 29, 9; *Литвинский Б. А.* Оружие..., с. 95, 96, табл. 4, 18.
- ¹⁰⁴ *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов, с. 19, табл. V, I; табл. I на с. 17.
- ¹⁰⁵ *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 46, рис. 22, Б, 8, рис. 16, Б, 57; рис. 18, Б, 7; рис. 21, А, 13, 23.
- ¹⁰⁶ *Членова Н. Л.* Происхождение..., с. 48, 49, табл. XIII, 31, 32.
- ¹⁰⁷ *Членова Н. Л.* Происхождение..., с. 51.
- ^{107a} *Schmidt E. The treasury of Persepolis and the other discoveries in the Homeland of the Achaemenians. Chicago, 1939, p. 47, fig. 28; Schmidt E. Persepolis, vol. II, pl. 76, 3.*
- ¹⁰⁸ *Воробьева М. Г.* Дингильдже..., с. 200, табл. I, А, 56—58; I, Б, 1, 19, 99.
- ¹⁰⁹ *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 52—53.
- ¹¹⁰ *Воробьева М. Г.* Дингильдже..., с. 200, табл. I, А, 59—63; I, Б, 13, 21, 31, 76, 80.
- ¹¹¹ *Вишневская О. А.* Культура сакских племен..., с. 90, табл. XIII, 48; XXV, 9.
- ¹¹² *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 52, 53.
- ¹¹³ *Усманова З. И.* Эрк-кала..., с. 65, рис. 33а, группа III Б, два наконечника слева; *Воробьева М. Г.* Дингильдже..., с. 198—199, табл. 1А, 23—26.
- ¹¹⁴ *Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. Ташкент, 1978, рис. 30, 3—4; 53, 1; 54.*
- ¹¹⁵ *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура..., с. 120, 124; *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура..., с. 352, 357, 380; рис. 46, 12, 15—18, 20.
- ¹¹⁶ *Вишневская О. А.* Культура сакских племен..., с. 89, 90, табл. XIII, 36—42.
- ¹¹⁷ *Членова Н. Л.* Происхождение..., с. 44, табл. 12, тип. А/VIII.
- ¹¹⁸ *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 46—48, табл. II.
- ¹¹⁹ *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов, с. 28, рис. 1, отдел II, тип. 3, варианты 1 и 2, табл. 6, И7; О, 21, 22; табл. 7, Б, 10; М, 3; с. 19, 21.
- ¹²⁰ *Воробьева М. Г.* Дингильдже, с. 198, 199, табл. I А, 33—34, Б, 49, 90.
- ¹²¹ *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, табл. II.
- ¹²² *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов, тип 3, варианты 1 и 2.
- ¹²³ *Вишневская О. А.* Культура сакских племен..., табл. XXV.
- ¹²⁴ *Воробьева М. Г.* Дингильдже..., с. 198, 199, табл. 1А, 23—38.
- ¹²⁵ *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, табл. II.
- ¹²⁶ *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура..., с. 73, рис. 65, табл. на с. 117; *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура..., рис. 46.
- ¹²⁷ *Вишневская О. А.* Культура сакских племен..., табл. XXV.
- ¹²⁸ *Кой-Крылган-кала, с. 134, рис. 53, 3.*
- ¹²⁹ *Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г.* Актамский могильник, с. 83, рис. 29, 10 и с. 86; *Горбунова Н. Г.* Культура Ферганы в эпоху раннего железа.— АСГЭ, Л., 1962, вып. 5.
- ¹³⁰ *Горбунова Н. Г.* Культура Ферганы..., с. 104, 105; *Бернштам А. П.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая.— МИА, 1952, № 26, с. 199, 200.
- ¹³¹ *Бабиев А.* Археологические разведки на Памире в 1961 г.— Труды ИИ АН Тадж. ССР, Душанбе, 1964, т. XLII, рис. 2, 6, с. 27, 29; *Литвинский Б. А.* Древние кочевники..., табл. 34, 10, 12, с. 97; *Он же.* Оружие..., табл. 7, 10, 12, с. 96, 97.
- ¹³² *Литвинский Б. А.* Древние кочевники..., с. 97; *Медведская И. Н.* Некоторые вопросы..., с. 88; *Горбунова Н. Г.* Культура Ферганы..., с. 105.
- ¹³³ *Bernard P. et autres. Campagne de fouille 1978.— BEFEO, p. 58.*
- ¹³⁴ *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов..., с. 21. *Смирнов К. Ф.* Вооружение..., с. 48, 49.
- ¹³⁵ *Халиков А. Х.* Волго-Камье..., с. 210, 211, рис. 77, 20, 29, 24, 31.
- ¹³⁶ *Усманова З. И.* Эрк-кала..., рис. 33а, группа III Б, четыре наконечника справа, с. 65; *Воробьева М. Г.* Дингильдже, с. 199, табл. 1, А, 37; 1, Б, 22, 34, 43.
- ¹³⁷ *Литвинский Б. А.* Оружие..., с. 96, 97.
- ¹³⁸ *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы..., табл. XXXVI, 13, 14, рис. 12, с. 48.
- ¹³⁹ *Дьяконов П. М., Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы (рецензия).— ВДИ, 1960, № 3, с. 198, 199; *Воробьева М. Г.* Дингильдже, с. 205.
- ¹⁴⁰ *Усманова З. И.* Эрк-кала..., рис. 33а, группа IIIА, с. 65, 66.

- ¹⁴¹ Толстов С. П. Древний Хорезм, рис. 26, нижний ряд, второй наконечник справа.
- ¹⁴² Толстов С. П. По древним дельтам..., с. 97, 98, рис. 4, 2, 4, 8, 9, 10; *Медведская И. Н.* Некоторые вопросы..., с. 36.
- ¹⁴³ *Воробьева М. Г.* Дингильдже, с. 199, 200, табл. 1, А, 42—45, 1, Б, 25, 31, 55, 73.
- ¹⁴⁴ *Вишневская О. А.* Культура сакских племен..., с. 90, 123, табл. XX, 13; XVIII, 24.
- ¹⁴⁵ *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 50, 51, табл. III.
- ¹⁴⁶ *Schmidt E.* Persepolis, vol. II, pl. 176, 12, p. 99.
- ¹⁴⁷ *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 50.
- ¹⁴⁸ *Воробьева М. Г.* Дингильдже, с. 199, 200.
- ¹⁴⁹ *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана, с. 123 и сл.
- ¹⁵⁰ Толстов С. П. По древним дельтам..., с. 97, 98, рис. 44; *Медведская И. Н.* Некоторые вопросы..., с. 86.
- ¹⁵¹ *Rau P.* Die Gräber der frühen Eisenzeit in Unteren Volga — gebeit. Pokrowsk, 1929, taf. I, 1F; taf. II, 3; taf. III, 1g. *Иллінська В. А.* Курган Старша Могіла — пам'ятник архаїчної Скіфії.— Археологія. Київ, 1951, т. V, с. 201, табл. II, 22.
- ¹⁵² *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, табл. IV, Б, 1.
- ¹⁵³ Там же, с. 52, рис. 49, Б, 23—30.
- ¹⁵⁴ *Вишневская О. А.* Культура сакских племен..., с. 90, табл. XIII, 45—47; XXV, 7, 8.
- ¹⁵⁵ *Литвинский Б. А., Окладников А. П., Рапов В. А.* Древности Кайрак-Кумов, табл. VIII, № 10, с. 220, табл. 53, 11.
- ¹⁵⁶ Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 129, рис. 73, нижний ряд, третий справа.
- ¹⁵⁷ *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов..., рис. 15, 20, 21.
- ¹⁵⁸ Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта, рис. 39, 1.
- ¹⁵⁹ *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, рис. 15, А, 18, 19 и рис. 21, Б, 41, 43, 45.
- ¹⁶⁰ *Литвинский Л. А.* Оружие..., с. 98.
- ¹⁶¹ *Koldewey R.* Das wieder erstehende Babilon. Berlin; Leipzig, 1913, s. 256, abb. 184.
- ¹⁶² *Schmidt E.* Persepolis, vol. II, Contents of the Treasury and other discoveries. The University of Chicago oriental Institute publications, Chicago; Illinois, 1957, vol. LXIX, pl. 76, 13.
- ¹⁶³ Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 129, рис. 73, нижний ряд, пятый наконечник справа.
- ¹⁶⁴ *Вишневская О. А.* Культура сакских племен..., с. 91, табл. XIII, 50; XXV, 13.
- ¹⁶⁵ *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов..., с. 59, 126, рис. 24, А, 53.
- ¹⁶⁶ *Белослюдов Б. А., Максимова А. Г.* Древнее поселение у курорта «Аул».— Известия АН Каз. ССР, № 108, сер. археол. Алма-Ата, 1951, с. 128—129, вып. 3, табл. I, 12.
- ¹⁶⁷ *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура..., с. 116, табл. на с. 116, 117, наконечники стрел XIII X вв. до н. э., № 8; *Литвинский Б. А.* Оружие..., с. 99; *Вишневская О. А.* Культура сакских племен..., с. 92.
- ¹⁶⁸ *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура..., с. 376, 378, рис. 5, нижний ряд, крайний наконечник слева.
- ¹⁶⁹ *Вишневская О. А.* Культура сакских племен..., с. 92, 122, табл. XVIII, 25, 26, 28, 29; табл. XX, 14—22.
- ¹⁷⁰ *Литвинский Б. А.* Оружие населения Памира и Ферганы..., с. 99.
- ¹⁷¹ *Воробьева М. Г.* Дингильдже, с. 202—204; табл. I, А, 83, 84, 91, 92.
- ¹⁷² *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки..., с. 310, рис. 135, 1—5, с. 325; *Членова Н. Л.* Место культуры Тувы скифского времени в ряду других «скифских» культур Евразии.— Учен. зап. ТНИИЯЛИ, Кызыл, 1961, IX, с. 141; *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура..., с. 387; *Медведская И. Н.* Некоторые вопросы..., с. 89.
- ¹⁷³ *Оболдуева Т. Г.* Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала.— Тр. Ин-та истории и археологии АН Уз. ССР. Ташкент, 1951, т. IV, с. 17, табл. VI, 8.
- ¹⁷⁴ *Членова Н. Л.* Происхождение..., с. 41, 45, табл. 12, 1, 9, 10.
- ¹⁷⁵ *Волков В.* Бронзовые наконечники стрел..., рис. 4, 1—2.
- ¹⁷⁶ *Вишневская О. А.* Культура сакских племен..., с. 91, 92.
- ¹⁷⁷ *Медведская И. Н.* Некоторые вопросы..., с. 82.
- ¹⁷⁸ *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура..., с. 376; *Воробьева М. Г.* Дингильдже, с. 204.
- ¹⁷⁹ *Сарианиди В. И.* Раскопки Тилля-тене..., с. 6, 24; рис. 14, 1, рис. 21, 4.
- ¹⁸⁰ *Миссон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргуланы, табл. XXXIII, 3, 4; *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия..., с. 33, табл. VI, 31, 43.
- ¹⁸¹ *Курфин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети, рис. 85, 4, 5, 6.
- ¹⁸² *Ghirshman R.* Fouilles de Sialkpre's de Kashan. Musée du Louvre série archeologique. Paris, 1938—1939, v. IV—V, pl. XXXIX, 453.
- ¹⁸³ *Bernard P. et autres.* Campagne de fouille 1978.— BEFEO, p. 57, 58.

RÉSUMÉ

«LES POINTES DE FLÈCHE PROVENANT DE LA BACTRIANE DU SUD»

par V. N. Yagodine

Dans l'article il est question des documents recueillis au cours des recherches des sites urbains et ceux villageois de l'Afghanistan du nord: Dilbarjin, Djiga-tépé, Emchi-tépé, Koutloug-tépé, Altyné — 10, Dachly — 6, Tilla-tépé et des documents des prospections archéologiques dans la région de la ville de Tachkourgan. Les documents mis en évidence lors des fouilles sur les sites ur-

bains de Ai-Khanoum et Sakhry — banu ne sont utilisés que partiellement.

Les conditions de la découverte de tous ces documents ne sont pas analogues (voir tabl. 1). Le groupe peu nombreux de pointes de flèche est représenté par de trouvailles isolées. Le nombre prédominant de pointes est livré par des couches archéologiques des sites urbains et

de ceux villageois. Les pointes en provenance de Koutloug-tépé (fig. 1, 1-6), Altyne — 10, objet de fouilles 2 (fig. 1, 7-10), Ai-Khanoum, arsenal (fig. 1, 11-15) forment ensembles.

Les plus anciennes pointes de flèche en bronze, provenant de la Bactriane du sud, sont rattachables à l'Age de Bronze tardif. Typologiquement on les subdivise en deux groupes: I — bilobées, à douille d'emmanchement (fig. 2, 1); II — bilobées, à pédoncule (fig. 2, 2, 3, 4). L'analyse effectuée donne lieu à supposer que l'ensemble de pointes de flèche en bronze provenant de la Bactriane du sud de l'Age de Bronze tardif fut formé sous l'influence, d'une part, de la tradition de l'exécution des pointes de flèche en bronze du Proche Orient (groupe II, types 1, 2) et, d'autre part, de la tradition de l'Eurasie, celle steppique (groupe I, type 1).

L'analyse de tout l'ensemble de pointes en bronze découvertes en Bactriane du sud permet de tirer les conclusions principales ci — dessous mentionnées: 1) A l'Age de Bronze la Bactriane du sud, aussi bien que l'Asie centrale et le Kazakstan, joua le rôle bien défini dans la création de l'ensemble de pointes de flèche en bronze, rattachable à l'époque antérieure aux Scythes (aux Achéménides pour la Bactriane du sud). Pour plusieurs types des pointes de flèche en bronze provenant de la Bactriane du sud, datées des débuts de l'Age de Fer, nous avons trouvé les prototypes locaux de la Bactriane du sud remontant à l'Age de Bronze. 2) Le processus de l'évolu-

tion des pointes de flèche en bronze, recueillies sur les sites de la Bactriane du sud, peut être subdivisé en trois périodes essentielles qui, chacune, a leur propre ensemble: a) antérieure aux Achéménides (VIIIe — première moitié du VIe siècles avant notre ère. L'ensemble de Koutloug-tépé); b) sous les Achéménides (la seconde moitié des VIe — Ve siècles avant notre ère. L'ensemble d'Altyne — 10); c) gréco — bactrienne (IVe — IIe siècles avant notre ère. L'ensemble d'Altyne — Khanoum). 3) L'analyse où l'on compare l'échelle de classification adoptée en Afghanistan du nord avec celles des autres régions permet d'affirmer que l'échelle afghane a les memes caractéristiques que celle de Kazakstan et de l'Asie centrale: pour l'une et l'autre sont propres les pointes de flèches à pédoncule et à douille d'emmanchement entaillée qui font défaut dans les ensembles scytho — saoumates. 4) A la fin de IVe — IIe siècles avant notre ère le cycle de l'évolution des pointes de flèche en bronze provenant de la Bactriane du sud et rattachable aux débuts de l'Age de Fer s'achève. Et elles sont complètement remplacées par les pointes de flèche en fer. Le processus de la substitution n'est pas partout le même: tandis que dans telles ou telles régions les pointes de flèche en fer sont de prédominance écrasante, dans les autres, à la même époque, parallèlement à l'utilisation commune des pointes de flèche en fer, on emploie toujours celles en bronze, mais beaucoup moins.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ДИЛЬБЕРДЖИНА

Городище Дильберджин расположено в северо-восточной части обширной долины, раскинувшейся между Аму-Дарьей на севере и отрогами Гиндукуша на юге. В условиях равнинной местности оборона населенных пунктов могла строиться только за счет возведения искусственных сооружений. Городище Дильберджин имеет в плане почти квадратную форму со сторонами длиной от 383 до 393 м (рис. 1). Стены города были ориентированы почти по странам света с отклонениями на 20° к западу и югу. В настоящее время городские укрепления возвышаются над современной поверхностью пустыни на 6–7 м. Большой частью стены сохранились в виде валов и только в северо-западной части и в юго-восточном углу городища они возвышаются над современной поверхностью земли. По всему периметру городских укреплений хорошо прослеживаются прямоугольные башни, выступающие за линию стен. По каждой стороне городских стен насчитывается по 12 башен, не считая двойных башен у северо-восточных и южных ворот, а также угловых башен. Башни расположены друг от друга на расстоянии 17–20 м. В некоторых местах городские стены имеют глубокие проемы. Два таких проема видны в центре восточной стены, один — в центре южной и три — по западной сторонам. По-видимому, часть их образовалась в результате каких-то осадных операций или обвалов стен вследствие ветхости, довершенных потом действиями ветров и дождей. Другие, как показали в дальнейшем исследовании на южном флане стены, могли быть местами древних ворот. С внешней стороны фортификационных сооружений прослеживается небольшое по глубине, но довольно значительное по ширине понижение поверхности земли. Вероятно, оно является остатками рва, окружавшего городские стены и дополнявшего оборонительные сооружения города. Такие рвы, выполнявшие как оборонительные функции, так и служившие местом выборки глины для изготовления строительных материалов (пахсы, сырцовых кирпичей) при возведении в городе различных построек, достаточно распространены в практике среднеазиатского градостроительства¹.

В центре городской территории расположена цитадель, достигающая высоты около 16 м. Она представляет собой холм округлой формы,

диаметром поверху приблизительно 165 м (рис. 1). На верхних склонах цитадели имеются глубокие расщелины: по две на южной, восточной и западной сторонах и одна на северном склоне, образовавшиеся, скорее всего, в результате обвалов стен и последующего размывания их водой. На месте самой глубокой расщелины, находящейся на южном скате и имевшей изогнутую Г-образную форму, предполагался вход в крепость, что впоследствии подтвердилось раскопками. Вокруг массива цитадели видно еще одно понижение уровня дневной поверхности. Оно указывает на наличие в древности еще одного рва. Рвы цитаделей, дополнявшие рвы вокруг городских стен, засвидетельствованы на городищах Дальверзин-тепе, Зар-тепе и Яванском².

Севернее городища в направлении с запада на восток проходила оборонительная стена оазиса³.

За период 1971–1976 гг. было исследовано пять участков оборонительных стен нижнего города и три участка на цитадели (рис. 1).

Укрепления нижнего города

Большой участок городских укреплений раскопан в северо-восточном углу городища (рис. 2, 3)⁴. Здесь впервые были обнаружены ранние городские стены и установлено, что северная и западная линии стен дошли до нас в значительно перестроенном виде.

Первый период. К самым ранним остаткам оборонительных сооружений, зафиксированных здесь, относится исследованное И. Т. Кругликовой помещение 8, представлявшее собой внутреннюю камеру башни каких-то ранних укреплений (рис. 2). Ее размеры — $4,5 \times 3,6$ м⁵. Стены башни сохранились на высоту 3,8–4 м. Входы в башню находились в юго-западном углу. Один проход вел в западном, другой — в южном направлениях. На полу южного прохода были найдены глиняные ядра. Еще один проход, ведущий во внутреннее помещение более поздней башни 8б, обнаружен в северной стене. Цоколь башни сложен из расширяющихся книзу рядов пахсы, стены из чередующихся рядов высотой по 0,5 м кладки из сырцовых кирпичей, размерами $0,41(0,42) \times 0,41(0,42) \times 0,8(0,09)$ м и пахсы. Внешняя сторона во-

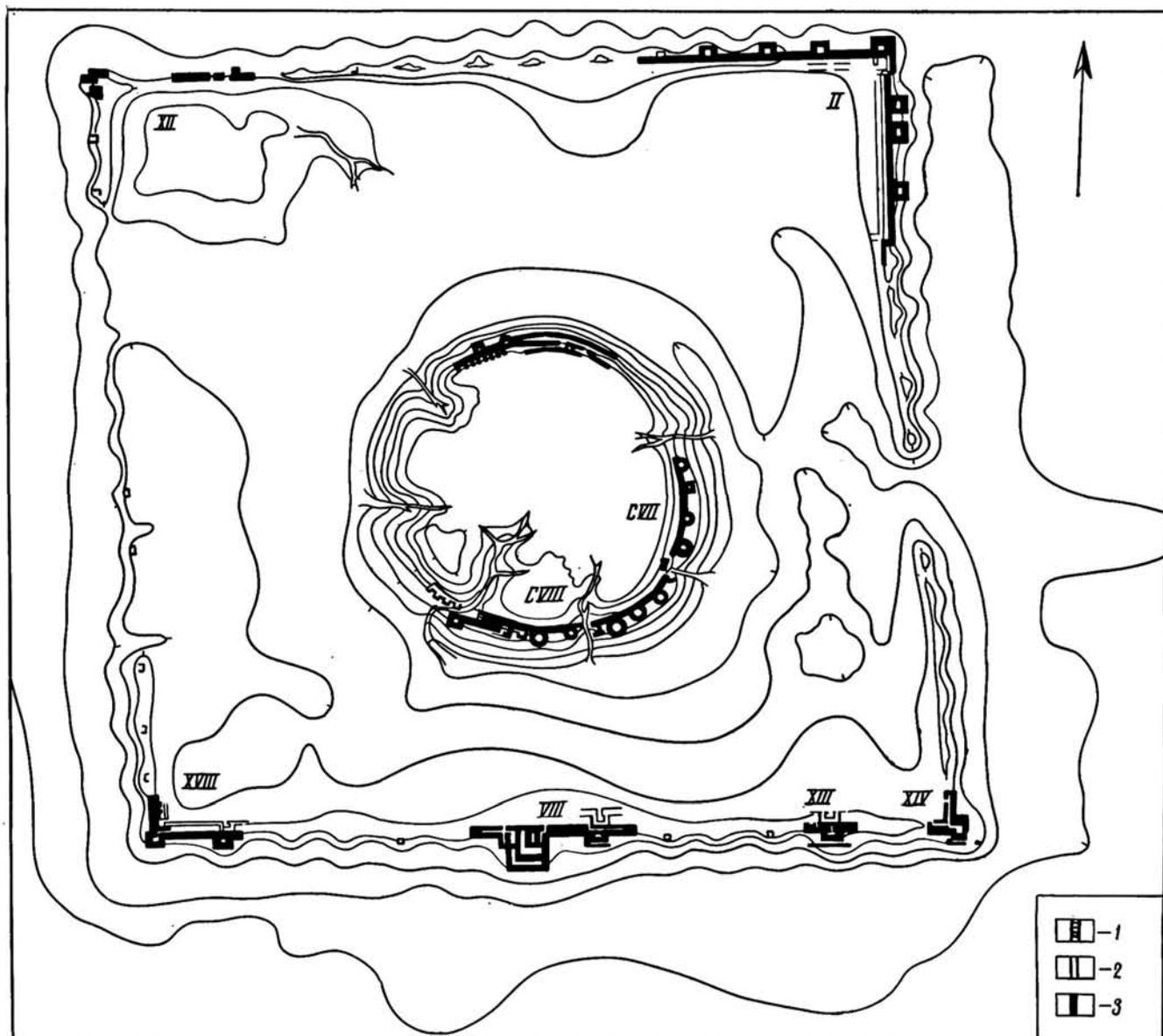

Рис. 1. Общий план укреплений Дильберджина

1 — укрепления ахеменидского времени; 2 — греко-бактрийские укрепления; 3 — укрепления кушанского периода

сточной стены башни украшена тремя широкими пилястрами (рис. 2). Ширина угловых пилястров 0,7–0,8 м, центральной — 1,25 м. Каждая из пилястр, выступающая в среднем на 0,15 м, разделена небольшим вертикальным углублением в центральной части и несколько сужается кверху.

На плоскости стены размещалось восемь узких стреловидных бойниц, которые имели сквозные проемы лишь в верхней треугольной части, тогда как нижние щелевидные части были декоративными и заглублялись в стену

всего на 0,05–0,10 м (рис. 4, 1, 2, 3). Некоторые из бойниц, как показывают угловые амбразуры, могли быть ложными. На южной стене, у юго-восточного угла, расчищена еще одна аналогичная пилястра. По-видимому, следы подобных пилястр следует видеть в двух небольших выступах на западной стене. На северной стороне башни пилястры не были обнаружены, поскольку позднее к этой стене была пристроена новая башня, а образовавшийся между стенами башен шов, в котором они должны были просматриваться, тщательно заложен сырцовыми кирпичами.

Прием оформления крепостных башен и стен пилястрами изредка встречается в практике античного среднеазиатского фортификационного искусства. Так, простые прямоуголь-

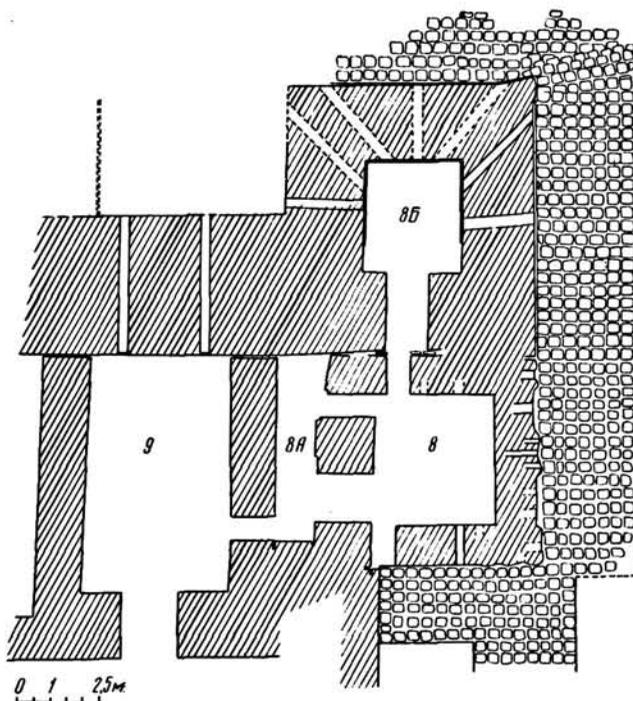

Рис. 2. План башен северо-восточного угла

ные пилястры имели стены и башни парфянской крепости Дурнали. Пилястры имеют и стены другой позднепарфянской крепости Чильбурдж, а башни ее оформлены полуколонками⁶. Пилястры засвидетельствованы в Хорезме, на городище Топрак-Кала и на городище Кызыл-Кала, относимом С. П. Толстым к кушаноафригидскому времени. Там пилястры оформляют не только башни, но и стены⁷. Наиболее схожи по оформлению с нашей башней башни Дурнали. В обоих случаях на фасадных сторонах имеются по три пилястры и помимо боевых бойниц устроены ложные, совершенно идентично размещенные. Вместе с тем имеются и существенные различия: бойницы крепости Дурнали были равномерно углублены в толщу стен, тогда как у нашей башни нижние части бойниц лишь слегка заглублялись в стену и только верхние части уходили в стену дальше. Пилястры Дурнали имели единую поверхность, а пилястры башни на городище Дильберджики были расчленены на три вертикальные части: две выпуклые — по бокам и одна, углубленная в центре.

Топографическое обследование городища Дильберджики показывает, что широкая галерея, частично раскопанная И. Т. Кругликовой⁸, представляет собой уникальное явление, не наблюдаемое в других местах города. Трудно объяснить, исходя только из целей обороны, необходимость возведения именно на этом

участке столь трудоемкого сооружения, как галерея пролетом почти 3 м. Хотя подобные галереи встречаются в практике среднеазиатского фортификационного искусства (Гяур-Кала, Джанбас-Кала)⁹. Но на перечисленных памятниках галереи тянулись по всей линии укреплений. В Дильберджикине галерея могла возникнуть в ходе окружения всей территории города крепостными стенами, когда старые укрепления еще существовали. Может быть, поэтому город не получил строгого квадратного плана и его юго-восточный угол несколько смещен к востоку. На это указывает и неодинаковая ширина галереи. Как показали исследования в южной части раскопа, внутреннее помещение галереи имело ширину 2,95 м, а у северного конца 2,75 м. Все это свидетельствует о том, что при постройке новых городских стен строители включили в их систему и ранние укрепления. Но поскольку направление старой стены несколько отличалось, юго-восточный угол города был отнесен несколько к востоку и помещение галереи сужалось к северу.

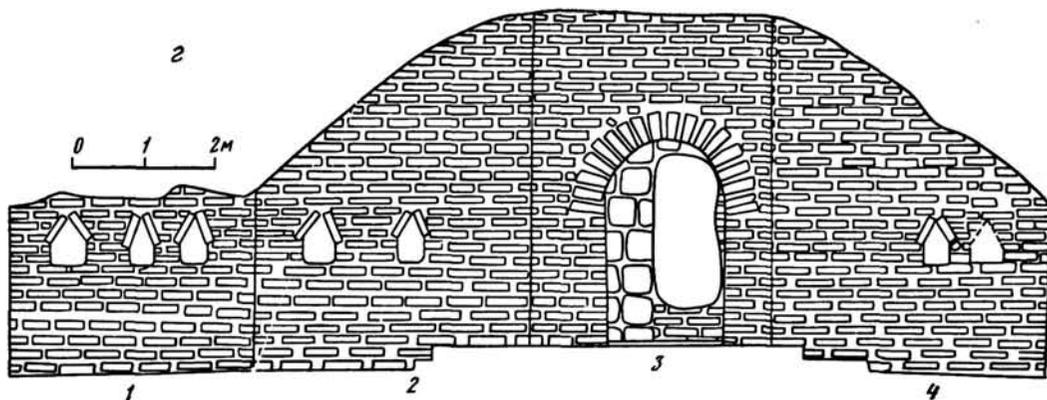
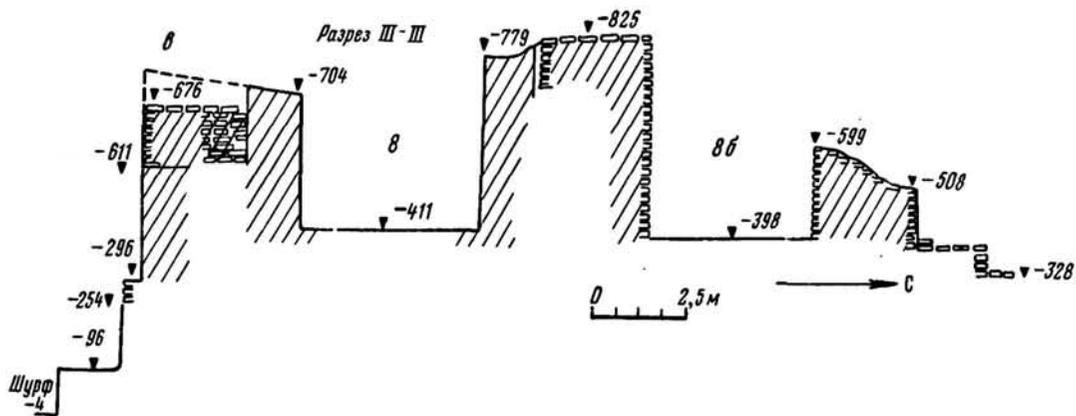
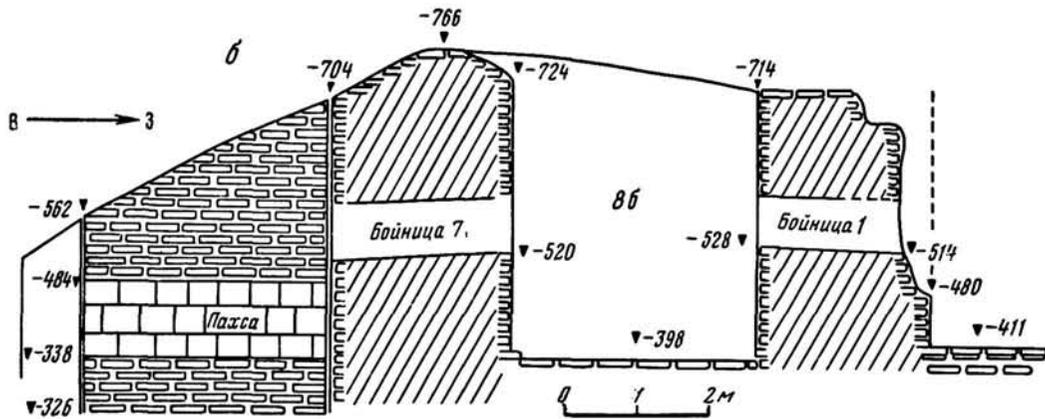
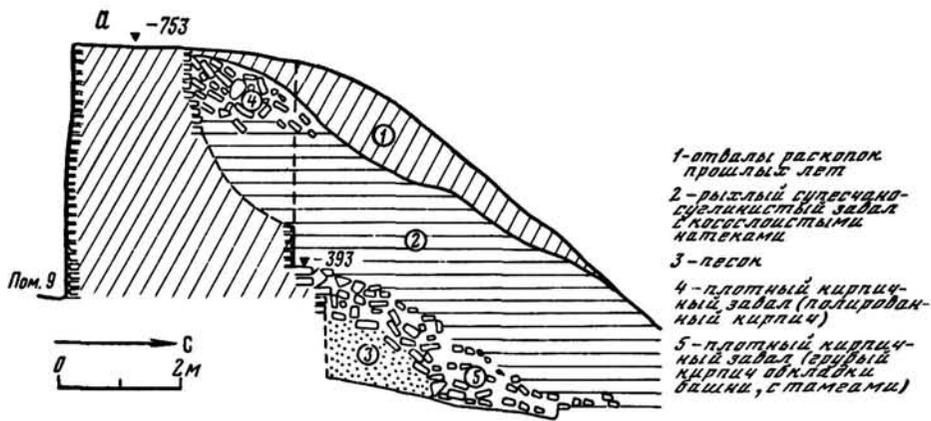
Судя по рельефу местности, галерея тянется с севера на юг, почти на 95 м. У ее южного края прослеживается всхолмление, идущее от нее под прямым углом на запад. Такое же небольшое всхолмление прослеживается в направлении север—юг в 40—50 м западнее храма у северной городской стены. В результате получается прямоугольное пространство со сторонами 110 м (с севера на юг) и 140 м (с востока на запад). Как показал шурф, заложенный на месте предполагаемого юго-восточного угла укрепления, галерея городской стены упирается своим южным концом в мощную сырцовую закладку. Можно ожидать, что она скрывает остатки другой угловой башни, аналогичной башне 8.

В 1977 г. на западной стороне этого массива, внизу, обнаружен угол пахсовой стены, идущей в западном направлении. Продолжение этой стены зафиксировано в двух шурфах, заложённых южнее храма. В верхней части сохранились незначительные остатки галереи. В целом данная стена прослежена на расстоянии 120 м.

Проведенные в 1977 г. исследования в северо-восточном углу городища выявили остатки ранних укреплений по северной и восточной сторонам города. От них сохранился лишь цоколь, лежащий ниже полов помещений северного пристенного комплекса и широкой восточной галереи. Остатки северной стены находятся

Рис. 3. Разрезы укреплений северо-восточного угла

а — через северную стену с юга на север; б — через башню 8Б с запада на восток; в — через башни 8,8Б с юга на север; г — фасады стен внутри башни 8Б (1 — северной, 2 — восточной, 3 — южной, 4 — западной)

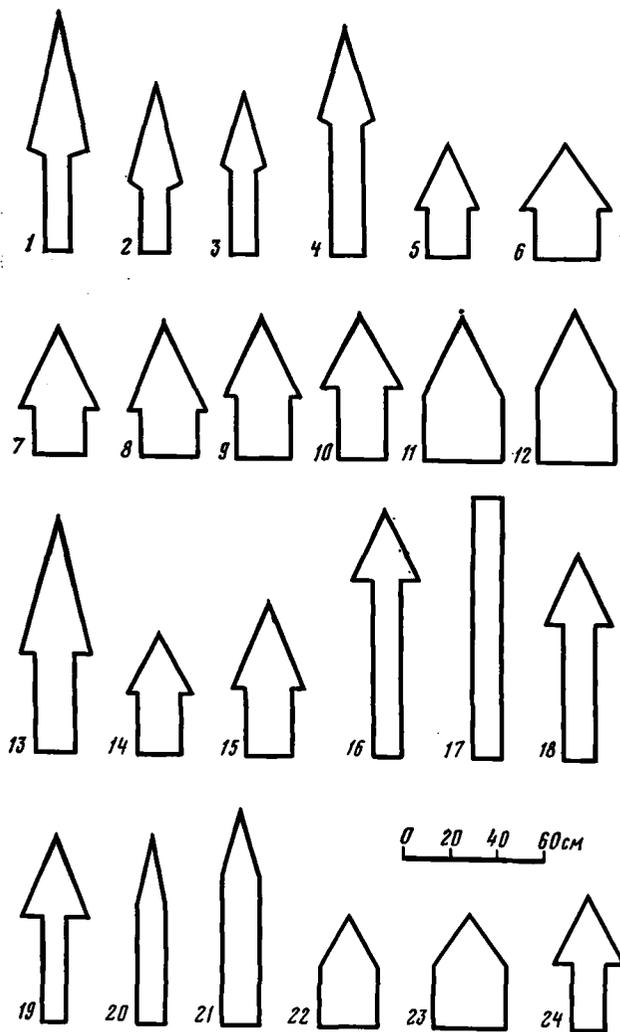

Рис. 4. Типы бойниц оборонительных стен Дильберджины

1—4 — бойницы греко-бактрийского периода (1, 2, 3 — раскоп II, башня 8; 4 — раскоп XVIII, башня); 5—24 — бойницы кушанского периода; 5, 6 — раскоп XVIII, городская стена; 7, 8 — раскоп XVIII, коридор в башню; 9 — раскоп XIII, башня; 10 — раскоп XIII, городская стена; 11, 12 — раскоп II, башня 8Б; 13 — раскоп XIII, городская стена (снаружи); 14 — раскоп XIV, городская стена (внутри); 15 — раскоп XIV, башня; 16 — раскоп VIII, верхний ярус раннего бастиона (внутри); 17 — раскоп VIII, верхний ярус раннего бастиона (снаружи); 18 — раскоп VIII, нижний ярус раннего бастиона; 19 — раскоп VIII, поздний бастион; 20—24 — бойницы цитадели (20, 21 — раскоп CVIII, нижний ярус поздней стены; 22 — раскоп CVIII, верхний ярус поздней стены; 23 — раскоп CVII, башня IV; 24 — ранняя галерея)

в 2,00—2,60 м южнее линии поздней городской стены. Стена шириной 6 м сохранилась на высоту 2,30 м. В помещении 16 древняя стена имеет выступ наружу, длиной 2,60 м, шириной 6,50 м. Вероятно, он представляет собой остатки башни. Цоколь древней стены обнаружен и под полом галереи, вдоль восточной стены северо-восточного угла. Большая часть ее была

уничтожена в ходе последующих строительных работ. Нижняя часть внутренней стены поздней галереи, по-видимому, является рудиментом ранней городской стены. Древние укрепления имели внутрстенные галереи, шириной 1,50 м. Угловая башня 8 сообщалась с галереей узкими проходами в юго-западном углу ее. Сохранившиеся остатки древних стен сооружены из пахсы, лежащей непосредственно на поверхности древнего такыра.

Гораздо более полные данные о конструкции ранних оборонительных сооружений Дильберджины получены при исследовании южной городской стены (рис. 5—7). В юго-западном углу городища ранние стены прослежены на расстоянии около 40 м (включая две башни). Здесь в противоположность остаткам ранних стен, раскопанных в северо-восточном углу, расчищены верхние части укреплений. Стены были сооружены из пахсы. Внизу они имели скошенный цоколь, высотой около 2,50 м. Наклон поверхности цоколя составляет 25 см на 1 погонный метр. Выше находится вертикальная кладка, также из пахсы. Она сохранилась на высоту 1,50 м. Поверхность стены снаружи оформлена неглубокими пилястрами и чередующимися с ними углублениями. Они примерно одинаковые по ширине 2—2,30 м и по глубине 0,20—0,30 м. Наиболее близкое устройство городских стен мы находим в Балхе (Бактры I), где они также имели скошенный цоколь и возвышающуюся над ним отвесную кладку с широкими выступами¹⁰. Аналогичное членение внешнего фаса как указывалось выше, имеют стены Дурнали и Чилбурджи. Как показывает отрезок западного фаса стены, пилястры имели по одной устроенной в центре бойнице. Сохранились только нижние части бойниц. Но по аналогии с бойницами башен, нужно предполагать, что они имели сильно вытянутую стреловидную форму, причем сами бойницы были устроены в небольших (0,75 м шириной) и неглубоких (0,05—0,10 м глубиной) нишах. Нижняя грань бойниц имела значительный наклон кнаружи. Из-за незначительной сохранности верхних частей стен, бойниц в углублениях стен обнаружено не было. Однако есть основания полагать, что они здесь были. Во-первых, как показывает устройство угловых башен, бойницы располагались как на их пилонах, так и в промежутках между ними. Во-вторых, для среднеазиатского фортификационного искусства более характерным было размещение бойниц на расстоянии около 2 м¹¹. Если допустить, что бойницы были не только на пилонах, но и в центральных частях углублений между ними, то расстояние от одной бойницы до другой как раз будет составлять 2 м. В-третьих, в Дурнали и Чилбурджи, где было подобное наружное оформление крепост-

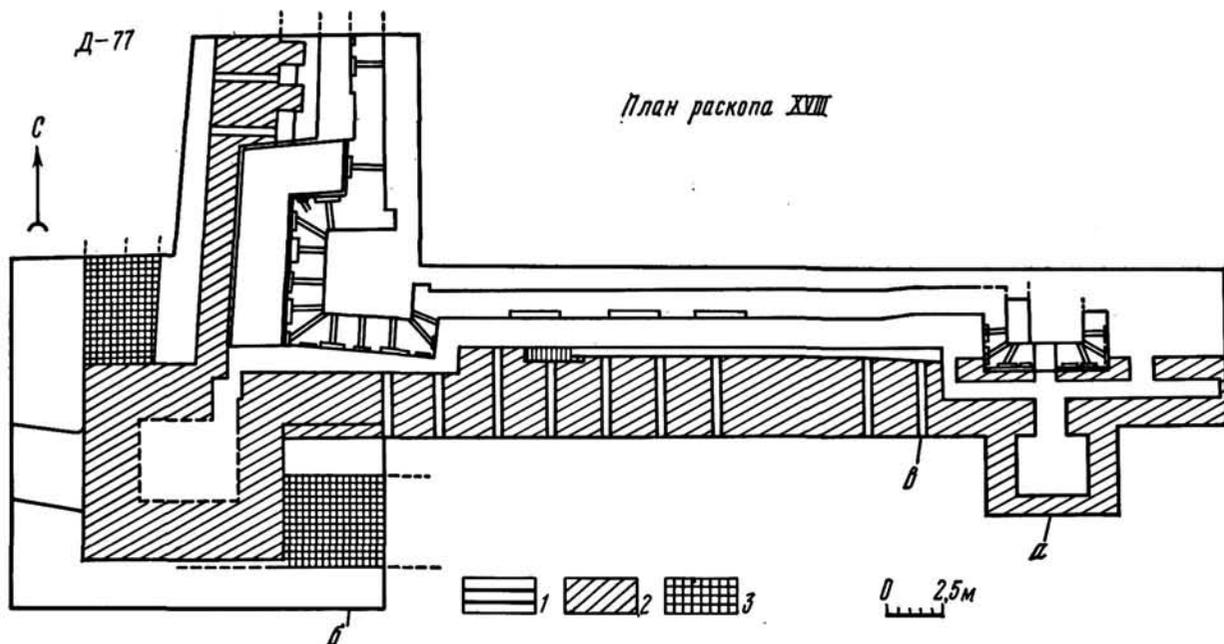

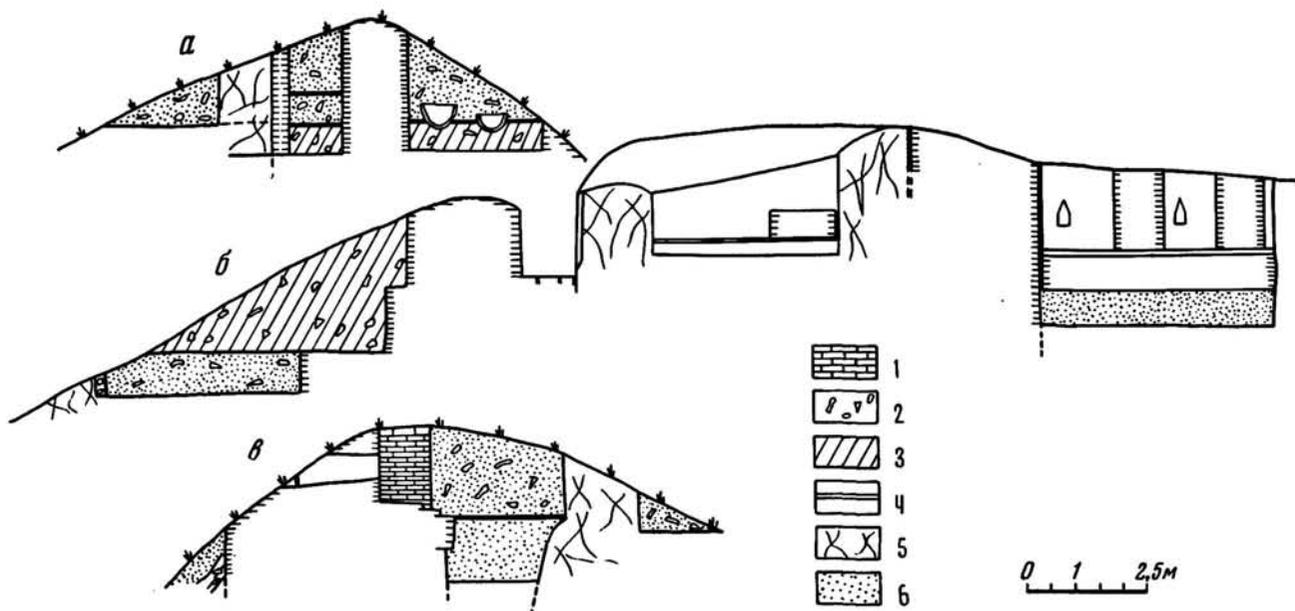
Рис. 5. Укрепления юго-западного угла. План раскопа XVIII

1 — ранняя стена; 2 — поздние стены; 3 — внешняя стена последнего периода

План раскопа XVIII

Рис. 6. Разрезы укреплений на раскопе XVIII

а — с севера на юг; б, в — с юга на север
 1 — кладка из сырцовых кирпичей; 2 — супесь с включением кусков сырцовых кирпичей; 3 — суглинок с включением кусков сырцовых кирпичей; 4 — глинобитные полы; 5 — пахса; 6 — надувной песок

ных сооружений, бойницы имелись как на пилонах, так и в углубленных промежутках между ними¹².

Стена с бойницами составляла внешнюю стену городских укреплений. Ее толщина, судя по западному отрезку, раскопанному в юго-за-

падном углу городища, составляла 1,50 м. Вдоль нее по-видимому, тянулась галерея (рис. 7).

В юго-западном углу расчищены остатки угловой башни. Внутрибашенная камера имела размеры, близкие северо-восточной башне — 4,20×3,70 м. Стена башни толщиной 1,50 м

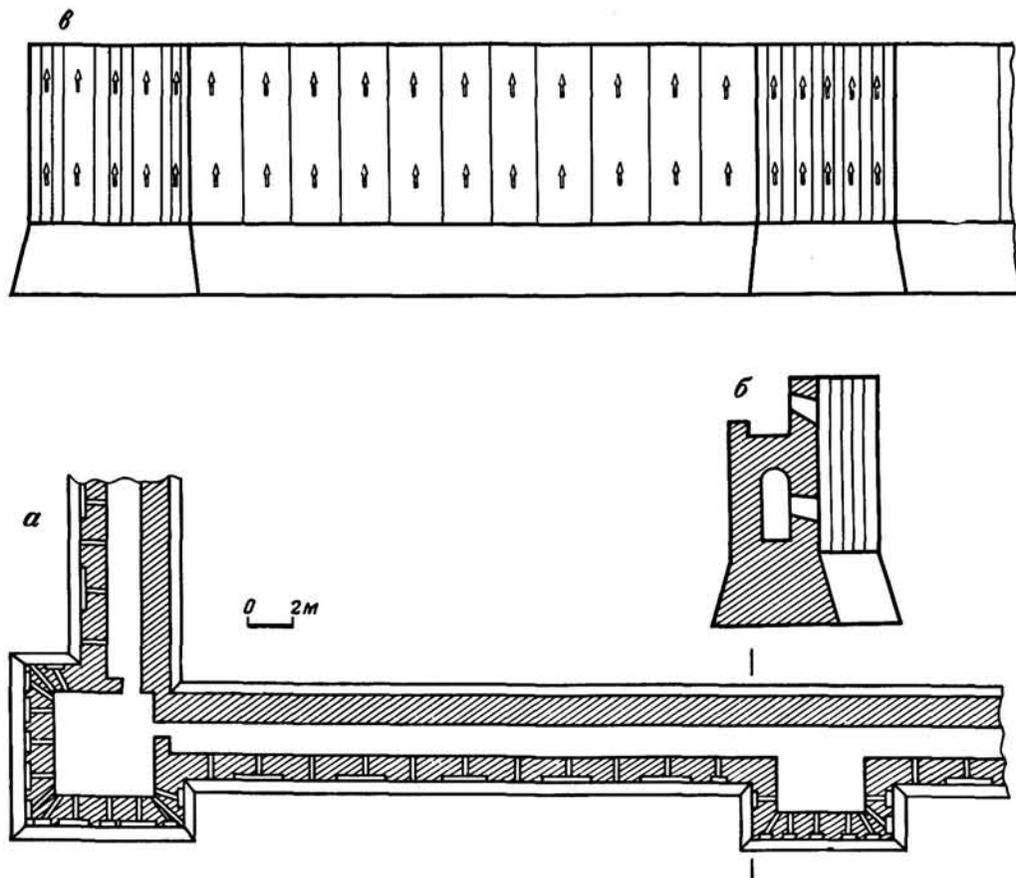

Рис. 7. Реконструкция греко-бактрийских оборонительных сооружений юго-западного угла Дильберджина
 а — план; б — разрез; в — вид с угла

прослежена на высоту 1,70–2,50 м. Цоколь башни, представляющий собой сплошную паховую кладку, расширялся к основанию. Верхняя вертикальная часть была выполнена сочетанием пахсы и сырцовых кирпичей, размерами 0,49 (0,50) × 0,49 (0,50) × 0,08 (0,09) м и 0,49 (0,50) × 0,35 (0,36) × 0,08 (0,09) м. С наружной стороны стены башни были оформлены вертикальными пилястрами, аналогичными пилястрам северо-восточной башни. По западному и южному фасадам было по три пилястры, по северному — две и на восточной стороне — одна. В центре каждой пилястры и углубленного поля между ними расчищено по одной стреловидной бойнице. Помимо подлинных бойниц, по углам имелось по одной ложной. Все бойницы были вытянутой стреловидной формы (рис. 4, 4).

В 25 м к востоку от юго-западной угловой башни обнаружена башня шириной 5,75 м, защищавшая подступы к южной стороне города. Она выступает за линию стены на 2,5 м. Тол-

щина ее стены 1,20 м. Внутрибашенное помещение имеет размеры 3,50 × 2,50 м. Ее наружные стены также были декорированы неглубокими пилястрами. По южной стене было три пилястры, а по западной и восточной — по две. Прослежены остатки шести бойниц. На западной и восточной сторонах было по одной прямой и одной косоугольной бойнице, на южной — две косоугольные бойницы. По всей видимости, в центральной части южной стены имелась еще одна прямая амбразура, которая впоследствии была уничтожена прорубленным в стене проходом.

На раскопе XIII также зафиксированы остатки ранней городской стены и башни (рис. 8–10). Они в значительной мере разрушены в ходе поздних перестроек. В западной части раскопа стена сохранилась лишь на высоту около 2 м. Ширина ее достигает 7,50 м. В восточной части раскопа стена прослежена на высоту 3 м. Наружная грань стены расширяется к основанию. В центре раскопа расчищены остатки прямоугольной башни шириной 6,50 м. Несколько большая ширина данной башни по сравнению с вышеописанной, объясняется тем, что от нее

сохранился главным образом цоколь, который как известно, расширялся к основанию, тогда как размеры первой башни взяты по верху. При строительстве поздней оборонительной линии, юго-западный угол башни, по-видимому, частично обрушился и поэтому был срезан. На пахсовых остатках нижней части башни, вплотную примыкавших к внутренней поверхности поздней стены, отчетливо прослеживаются следы использовавшихся для этого инструментов. Лучше сохранившаяся восточная стена башни включена в кладку поздней оборонительной стены.

Обследование стен на раскопке VIII, проведенное нами, позволило выявить остатки еще одной ранней башни. В ней следует видеть помещение 37, лежащее позади восточной башни у поздних главных городских ворот (см. рис. 70 и 72 к статье Г. А. Пугаченковой). Внутренние размеры его 4,50×3,20 м. Стены сложенные из пахсы, имеют толщину 1,50 м. Особенно интересна южная стена этого помещения. С наружной стороны (со стороны узкого коридора, ведущего к поздней башне и на верхнюю площадку) она кирпичная, тогда как остальной массив ее пахсовый. За счет ряда кирпичей она утолщена до 2,40 м. Аналогичная картина наблюдается на раскопках XIII и XVIII, в тех местах, где перед ранними башнями имелись коридоры, ведущие во внутрибашенные камеры поздних укреплений. Это можно объяснить лишь тем, что при позднем строительстве достаточно хорошо сохранившиеся остатки ранних стен включались в систему новых укреплений. При этом оплывшие под воздействием ветров и дождей внешние поверхности древних стен облицовывались в один ряд сырцовыми кирпичами.

На раскопке X расчищена стена, сложенная из комбинированной кладки пахсы с сырцовыми кирпичами, размерами 0,45×0,45×0,10 м; 0,42(0,40)×0,42(0,40)×0,10 м, и часть башни, выступающей на 2,50 м от линии городской стены. На раскопке XIV расчищен фас массивной пахсовой стены с прослойками из сырцовых кирпичей, лежащий на расстоянии 1,75 м от поздней городской стены. Следует отметить, что во всех местах ранние укрепления лежат позади поздних городских стен на расстоянии от 1,30 м до 1,90 м.

Таким образом, ранние городские стены окружали город со всех сторон. Кроме того, северо-восточный угол был отгорожен от остальной городской территории собственными стенами, аналогичной конструкции с единым пахсовым цоколем, что свидетельствует об одновременности строительства.

Спустя какое-то время городские укрепления в некоторых местах ремонтировались. Следы ремонтных работ прослежены в юго-запад-

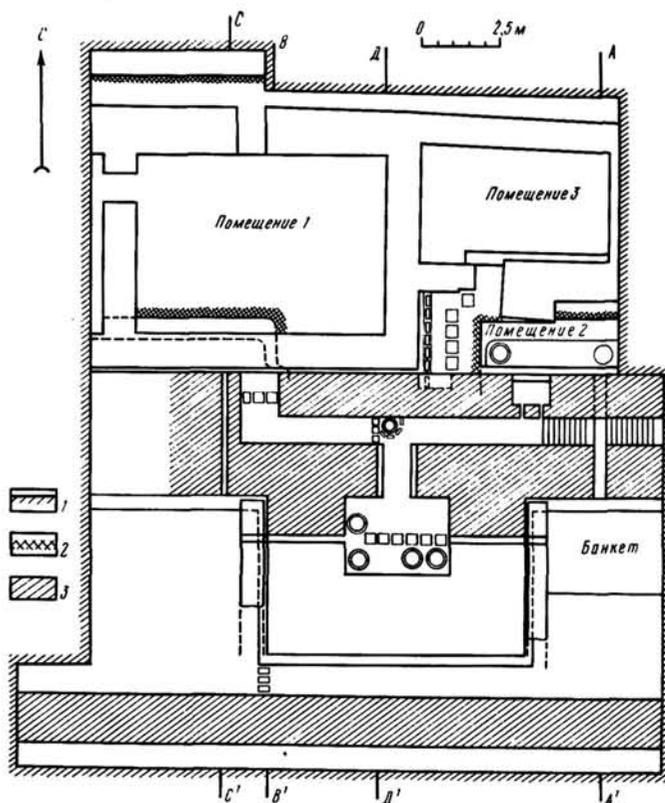

Рис. 8. Укрепления южной городской стены. Раскоп XIII

1 — граница раскопа; 2 — ранние укрепления из пахсы; 3 — поздние оборонительные стены

ном углу городища (рис. 5). Они заключались в обкладке снаружи западной и северной сторон угловой башни дополнительным напирем из сырцовых кирпичей размерами: 0,42(0,43)×0,42(0,43)×0,10(0,4) м. Сырцовая обкладка имела толщину от 2,50 до 3 м. На всех кирпичах обкладки имеются вдавленные знаки в виде якоря, эллипса и небольшого кружка. Кирпичи обкладки закрыли амбразуры ранней башни, что наводит на мысль о временном характере восстановительных работ.

Второй период. Следующий период существования городских укреплений Дильберджина связан с окружением всей городской территории новыми крестными стенами. Ко времени строительства старые стены города еще достаточно хорошо сохранились, но, по-видимому, уже не отвечали требованиям обороны. Новая линия крепостных стен была возведена на considerable расстоянии перед старыми укреплениями, с которыми строители вынуждены были считаться.

Как указывалось выше, на восточной стороне северо-западного угла образовалось длинное узкое помещение, которое было превращено в галерею. Сверху галерея была перекрыта чет-

вертным цилиндрическим сводом. Внешние и внутренние стены галерей достигали толщины 3 м. Учитывая ширину самой галереи, общая ширина оборонительной линии города достигала здесь почти 9 м. Наличие в верхней части остатков свода свидетельствует о существовании наверху открытой площадки, снабженной бруствером с зубцами или с бойницами. Сохранившаяся высота городской стены (7,22 м) и наличие бруствера позволяют предполагать, что высота городских стен на данном участке могла достигать 9 м. Снаружи, по низу стены, выложенной сырцовыми кирпичами, проходил цоколь высотой 1 м и шириной 0,5 м. Подобный цоколь обнаружен и вдоль южной стены.

На восточном фесе городских укреплений раскопаны две (не считая угловой) прямоугольные башни шириной по 7 м, выступающие на 6 м за линию стены¹³. Каждая башня имела по одной прямоугольной камере, размерами 3,75×4,75 м. Хорошо сохранились только первые этажи, тогда как от верхних помещений до нас дошли лишь незначительной высоты стены. Межэтажное сообщение в башнях осуществлялось посредством узких внутренних лестниц. В северо-восточном углу северной башни расчищено начало такого входа, ведущего вниз. На полу второго этажа одной из башен лежала груда глиняных ядер для метания рукой или при помощи пращи.

Описанные башни располагались рядом друг с другом. Между ними находился проезд шириной 3,75 м. На линии городской стены проезд немного сужался. В месте сужения проезд был перекрыт полуциркулярной аркой. Таким образом, здесь находились одни из городских ворот.

Для укрепления городских ворот Хорезма, Парфии, Бактрии и Кушанского государства более характерно возведение сложных привратных лабиринтов¹⁴.

Однако иногда ворота, как и на городище Дильберджин, размещались между двумя башнями. Подобное устройство ворот встречается в фортификации Хорезма (Базар-Кала, Ангка-Кала, Кой-Крылгап-Кала, Хазарасп, Капарас)¹⁵. Ворота, расположенные между башнями, встречаются в парфявском зодчестве (Дура Европас, Хатра, Кырк-тепе)¹⁶, а также в фортификационном искусстве Кушан (Кум-Кала)¹⁷. Для защиты ворот в нижних камерах было по три стрельчатых бойницы, обращенных в проезд. Вследствие плохой сохранности стен вторых этажей количество и расположение амбразур верхнего яруса установить не удалось. В 25 м к югу от южной башни городских ворот обнаружено начало еще одной башни.

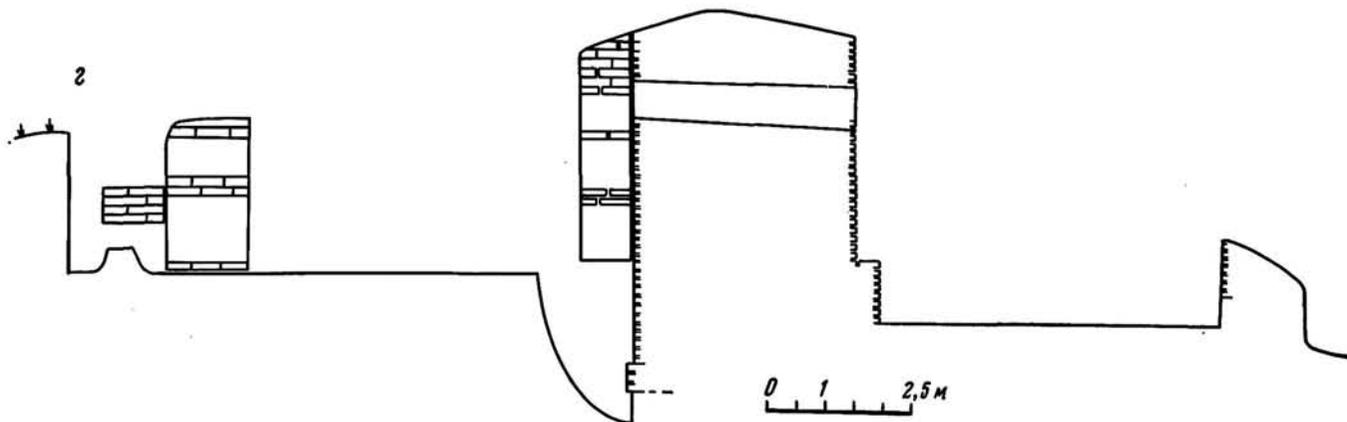
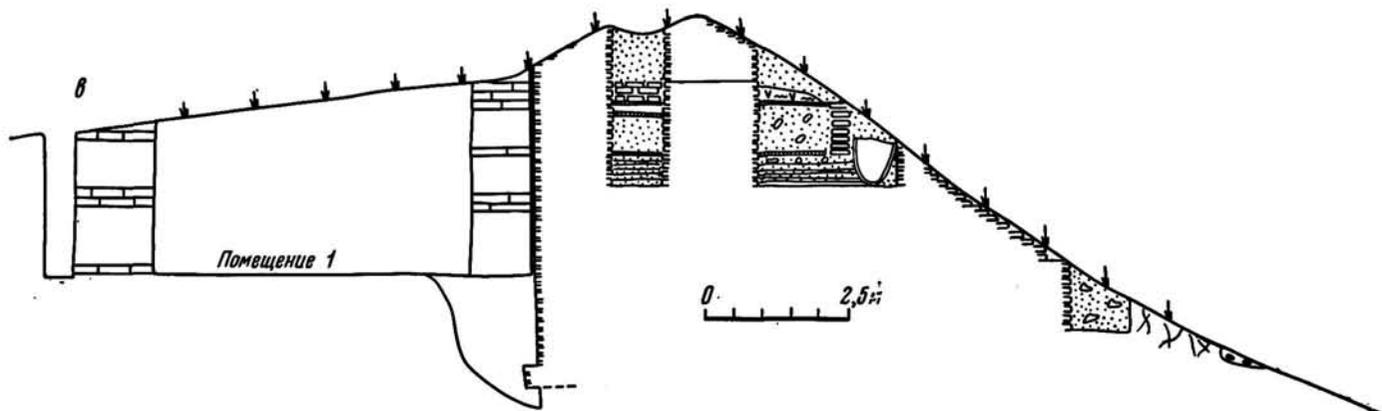
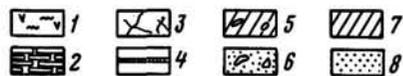
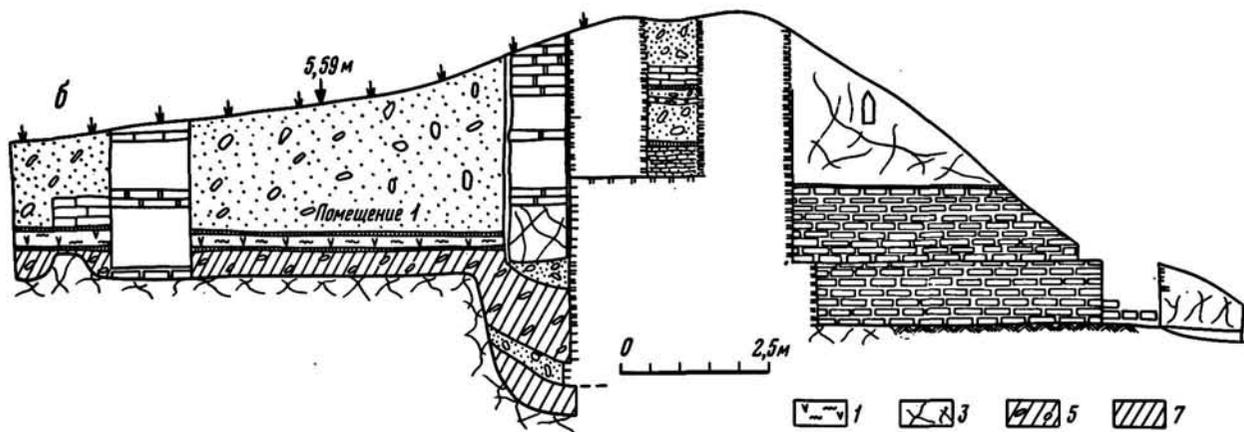
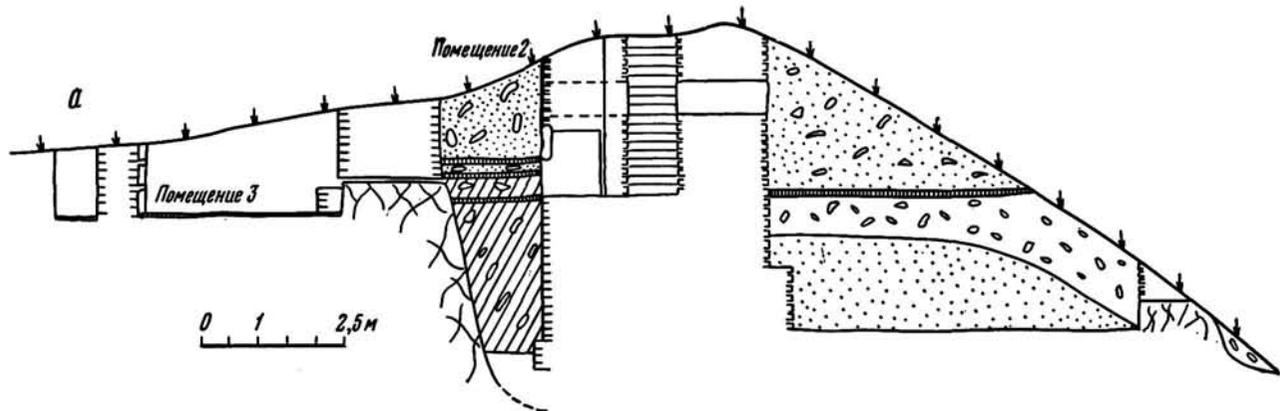
Северная стена расчищена сверху на расстоянии около 100 м, а у северо-восточной угловой башни на участке, протяженностью в 5,6 м

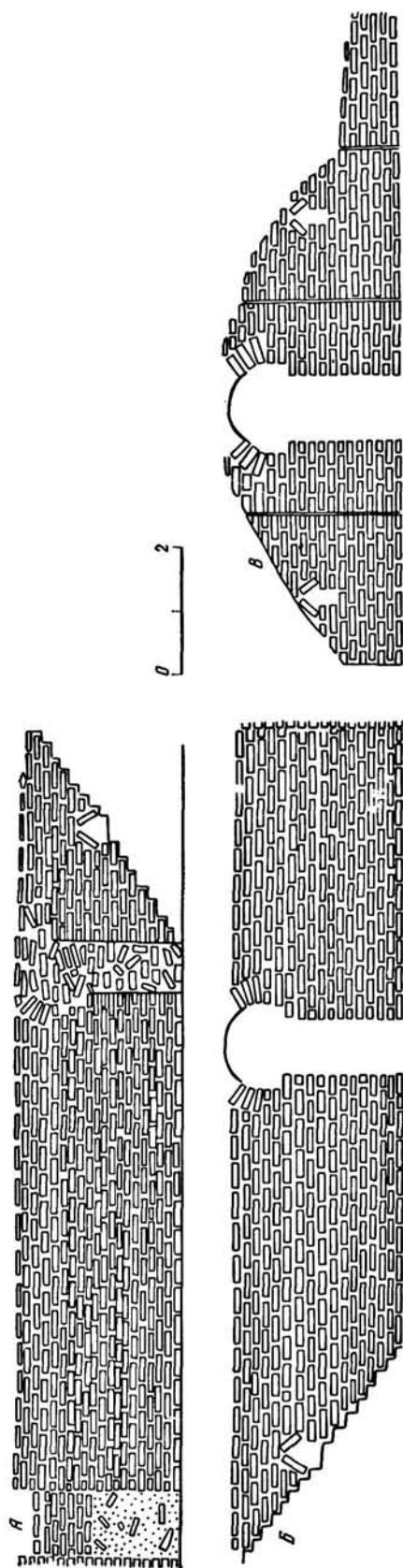
она раскопана до основания. Внешний фасад ее почти полностью разрушен и зафиксирован только на глубине 2,7—3,55 м. Наибольшая высота сохранившейся части внешнего фасада 0,85 м (5—6 рядов кирпичей). Ниже прослежены еще пять рядов кладки, но они образуют два уступа с внешней стороны стены. Первый уступ, высотой в два кирпича, выступает на 0,4 м, другой, высотой в три кирпича, образует уступ в 0,25 м. Ниже идет прослойка кирпично-глинистого завала, толщиной 0,10—0,15 м, а под ним желтовато-зеленый насыпной песок с редкими включениями кусков сырцовых кирпичей и фрагментов керамики. Паличие этих прослоек под основанием городской стены, свидетельствует о существовании какого-то более раннего сооружения, разрушенного к моменту ее строительства. Таким сооружением, вероятнее всего, была предшествующая крепостная стена, синхронная башне 8. Толщина северной стены городища 4 м. Наличие в верхней части трещины, проходящей почти по середине стены, заставляет думать, что стена расслоилась по старому сплошному шву. Северная стена и примыкавшие к ней башни сложены из сырцовых кирпичей с заглаженными поверхностями, размерами: 0,39(0,40)×0,39(0,40)×0,14(0,12) и 0,39(0,40)×19,5×0,14(0,12) м. Кирпичи скреплены толстыми слоями (2—4 см) раствора коричневого цвета.

Наиболее сложные перестройки при создании новой линии укреплений были проведены на северо-восточном углу городища (рис. 2, 3). В связи с тем, что башня раннего укрепления (помещение 8), включенная в систему новых укреплений, оказалась внутри города, появилась необходимость создания новой башни. Эта башня (помещение 8б) шириной 7,5 м выступает за линию северной стены на 4 м. Ее восточная стена составляет единую линию с восточной стеной башни 8. Толщина стен башни колеблется от 2,25 м до 2,38 м. Внутрибашенная камера имеет размеры 2,29×3,40 м. Сырцовые кирпичи и техника их укладки аналогичны кирпичам и кладке северной и других участков городской стены. При строительстве башни между северной стеной ранней башни и южной стеной новой башни образовался достаточно широкий шов, который был заложен постав-

Рис. 9. Разрезы укреплений на раскопе XIII

а — через помещения 2, 3, южную оборонительную стену и переднюю стену по линии А—А₁; б — разрез через помещение 1, южную стену и переднюю стену по линии В—В₁; в — разрез по линии Д—Д₁; г — разрез по линии С—С₁; 1 — супись с горельефными включениями; 2 — кладка из сырцовых кирпичей; 3 — пахса; 4 — глинобитный пол; 5 — суглинок с кусками кирпичей; 6 — супись с кусками кирпичей; 7 — коричневый суглинок; 8 — песок

лепными на ребро кирпичами. Пол башни был выложен кирпичами и слегка обмазан сверху. На восточной и западной стене башни имелось по две бойницы — одна прямая и одна косая. На северной стене три бойницы — одна прямая и две косые, расходящиеся от нее веером. Все бойницы пятиугольной формы, довольно широкие и имеют легкий наклон к наружной части стены (4, 11, 12). Бойницы расположены таким образом, что три воина, стоящие по восточной, северной и западной стенам, могли вести наблюдение и обстрел подступок к углу, не сходя с места из всех бойниц одновременно.

В южной стене башни был устроен проход, шириной 1,30 м и длиной 2,30 м, перекрытый арочным сводом. При его устройстве была прорублена северная стена помещения 8 на ширину 0,75 м. Причем пол в этой части прохода был на 0,5 м выше пола прохода, устроенного в южной стене башни 8б.

Вдоль северной стены города, кроме угловой, раскопаны еще три прямоугольных башни, размером 7×4 м¹⁸. Первоначально башни были, по-видимому, двухэтажными, но стены сохранились лишь на высоту до 2 м. Полностью расчищены две башни, вход в которые был из помещений 13 и 21. Внутри башен было по одному прямоугольному помещению, размерами $3,3 \times 2,8$ м. Отличительной особенностью башен северной стороны городских укреплений является размещение их стрелковых камер. Они наполовину или на две трети своей ширины углублены в толщу оборонительной стены. Скорее всего это обстоятельство может свидетельствовать об утолщении стены в более поздние периоды. Входы в башни шли через узкие проходы, перекрытые арочными сводами. Так как пол в башне около помещения 21 был выше уровня пола самого помещения, в проходе были сделаны три ступеньки. Башни имели прямые и косые бойницы «домикобразной» формы, которые не всегда удавалось проследить из-за многочисленных поздних построек и покрытия стен глиняными обмазками. Одна косая бойница, идущая под углом 45° от линии стены в северо-восточном направлении, расчищена в восточной стене башни за помещением 21. В северных стенах башен имелись по три бойницы, а в западных и восточных стенах — по две. По-видимому, их устройство аналогично устройству бойниц в башне 8б. Для более удобного размещения стрелков и увеличения секторов обстрела, стены внутри башен в местах нахождения амбразур имели небольшие ниши. Три ниши обнаружены по северной стене башни около помещения 21 и по одной на запад-

Рис. 10. Раскоп XIII. Фасы стен

а — северной стены коридора; б — южной стены коридора; в — фасы стен внутрибашенного помещения

ной и восточной стенах башни, расположенной за помещением 13. Такие стрелковые ниши часто встречаются при устройстве бойниц и крепостных сооружений Средней Азии (Чильбурдж, Джанбас-Кала) ¹⁹.

Другой отрезок городских укреплений был исследован в центре южной городской стены. Раскопки Г. А. Пугаченковой показали, что первоначально оборонительные сооружения здесь состояли из стены, фланкированной башнями ²⁰. В районе башен были расчищены узкие галереи, которые, как предположила Г. А. Пугаченкова, проходили в толще всей южной стены ²¹. Толщина галерей колебалась от 0,80 до 1 м. В некоторых местах галерей имелись лестницы для подъема на верхний уровень стены. Однако галерей и лестницы, как показали дальнейшие исследования, имелись только позади башен. Для обстрела осаждающих в стене были узкие стреловидные бойницы. Такая бойница обнаружена к востоку от восточной башни.

Одновременно со стеной были возведены три прямоугольные башни. Башни, в отличие от стен и башен Ай-Ханум ²² и Кей-Кобаднаха ²³ были сложены вперевязь со стеной и из кирпичей тех же размеров. Одна башня расположена в восточной части раскопа и две — в западной. Вход в восточную башню был из галереи, проходившей позади башен. Стены башни сохранились на высоту около 4 м. На восточном фасае башни расширена стреловидная амбразура, фланкирующая подступы к городской стене. Вероятно, подобная бойница находилась и на западной стене башни. Ввиду плохой сохранности стен, бойницы на южной стене и остатки второго этажа обнаружены не были.

На расстоянии 21 м к западу от восточной башни раскопаны две однотипные квадратные башни, сохранившиеся на высоту около 7 м и городские ворота между ними (см. рис. к статье Г. А. Пугаченковой). Обе башни, выступавшие на 7 м за линию городских стен, имели размеры 10,7×10,7 м. Каждая башня обладала двумя прямоугольными помещениями в нижнем и верхнем этажах. Переходы с этажа на этаж осуществлялись по лестницам, размещенным в узких помещениях (9 и 10). Нижние помещения отделялись от верхних коробовыми сводами. Как показывают начальные ряды свода, расширенные в помещении 3 восточной башни городских ворот, верхние помещения имели подобные перекрытия. На основании остатков верхних сводов можно предполагать, что башни ворот обладали тремя ярусами для размещения защитников. Нижние помещения башен, фланкирующих городские ворота, имели по одной прямой и двум косым стреловидным бойницам. Кроме того, нижнее помещение (17) восточной башни было снабжено еще одной косой бойницей, защищавшей подступы к воро-

там. Гораздо сложнее было устройство амбразур в нижнем помещении (13) западной башни. Помимо уже упомянутых бойниц, обращенных на юг, здесь были сделаны две прямые и две косые прямоугольные бойницы, выходящие в проезд ворот. Кроме того, помещения первого этажа восточной башни имели щелевидные световые люки, размещенные несколько выше стрелковых амбразур. Бойницы второго яруса сохранились лишь в восточной башне ворот. Восточное помещение этой башни имело одну прямую и одну косую амбразуры, лежащие на высоте 1 м от уровня пола и обращенные на юг. Западное помещение имело две косых и одну прямую бойницы.

Между описанными башнями находился проезд городских ворот, шириной 3,8 м. В северной части проезд сужался за счет двух пилонов, выступающих с каждой стороны на 0,5 м и шириной по 1,8 м. Над ним обнаружены остатки полукруглой арки, сложенной из поставленных тычком сырцовых кирпичей. Именно здесь находилось место городских ворот. В дальнейшем проезд вновь расширяется до своей прежней ширины. Из западной башни выходило в проезд четыре (две прямые и две косые) прямоугольные бойницы со скошенной нижней гранью.

Дополнительные данные для выяснения конструкции южной оборонительной стены города получены при работах на раскопе XIII (рис. 8—10). Вскрытая здесь городская стена, протяженностью 15,5 м представляла собой единую сплошную конструкцию, толщиной 3,9 м, а не стену с внутренней галереей, как предполагала раньше Г. А. Пугаченкова ²⁴. С наружной стороны стена имела цоколь высотой 1,05 м, выступающий наружу на 0,3—0,4 м. Стена внизу достигала толщины 5,20 м. Одна бойница находилась рядом со входом в галерею, ведущую в башню и на верхний ярус стены. Она была стреловидной формы, высотой 0,6 и шириной 0,2 м (рис. 4, 10, 13). Другая бойница аналогичной формы шириной 0,4 м найдена у лестницы, ведущей на верхнюю площадку стены. Она, помимо своих оборонительных функций, вероятно, выполняла роль светового люка для освещения лестницы. Крепостная стена, прослеженная на высоту 5,4 м, сложена из сырцовых кирпичей прямоугольной формы, размерами 0,38 (0,39)×0,12 (0,13) м; 0,38 (0,39)×0,19 (0,18,5)×0,12 (0,13) м с заглаженными поверхностями. Кирпичи уложены на глиняном растворе, швы между кирпичами 0,02—0,03 м.

Вперевязь со стеной была возведена прямоугольная башня, шириной 8,2 м, выступающая за линию стен на 5 м. Толщина стен ее 2,5 м. Внизу, с наружной стороны, башня, как и стена, имела цоколь высотой 1,05 м и шириной с южной стороны 0,45 м, а с западной и восточ-

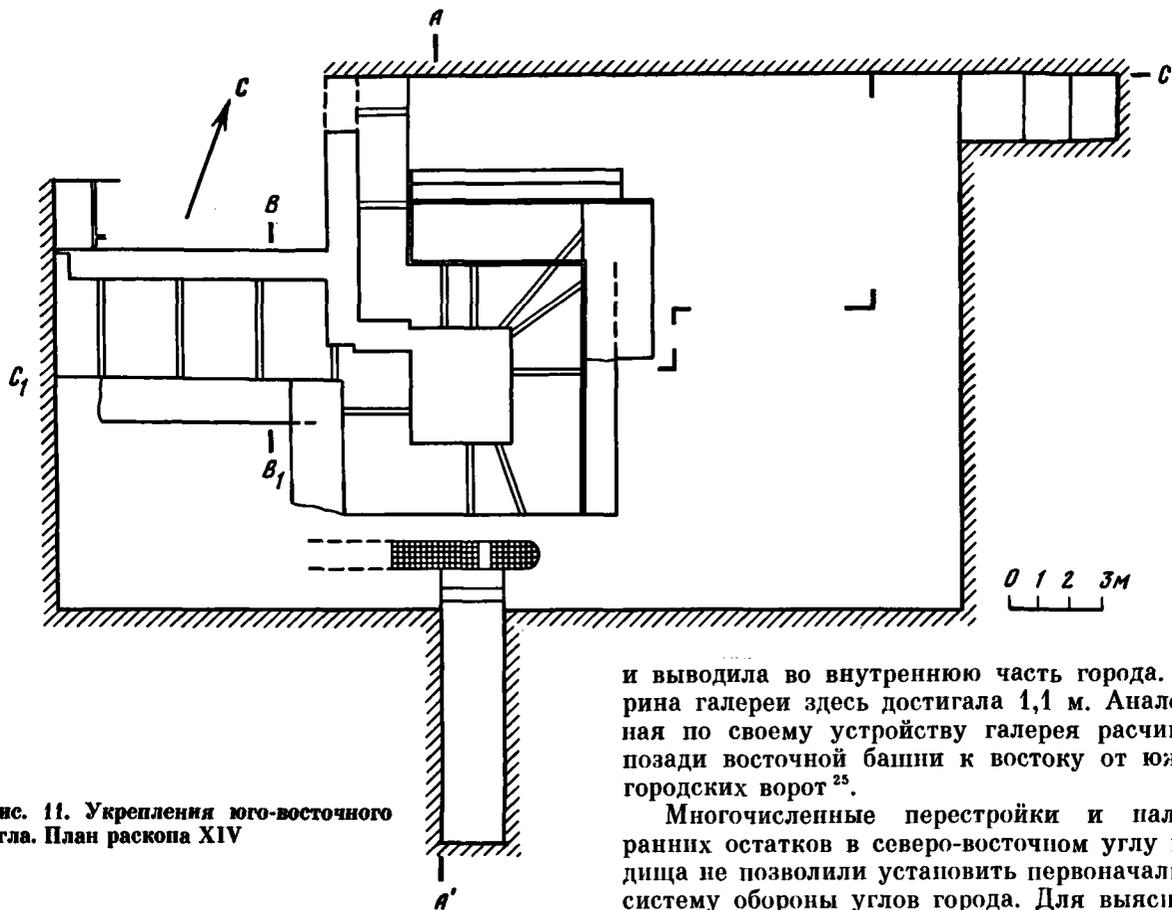

Рис. 11. Укрепления юго-восточного угла. План раскопа XIV

ной — 0,25 м. Внутри башни находилось прямоугольное помещение размерами 3,3×2,5 м. Пол башни, а также пол галереи, ведущей в башню и на верхний ярус стены, был выстлан сырцовыми кирпичами. На западной и восточной стенах внутрибашенной камеры, на высоте 1,2 м от уровня пола обнаружены по одной прямой стреловидной бойнице (рис. 4, 9). Вход в башню шел через узкий проход (шириной 0,95 и длиной 1,7 м), перекрытый арочным полукруглым сводом. Незначительная сохранность южной стены башни не позволила проследить бойницы на этой стене. Возможно, что здесь, как и на северной стене башни 86, имелось три амбразуры, расходящихся веером.

Позади башни в толще стены проходила узкая галерея, шириной 0,8 м и длиной 13,5 м (рис. 8). В ее восточном конце находилась лестница в 17 ступеней, ведущая на верхний ярус оборонительной стены. У основания лестницы в северной стене галереи имелся проход, ведущий во внутрь города. На полу этого прохода было найдено около 30 глиняных ядер диаметром от 0,04 до 0,14 м. В западном конце галерея поворачивала под прямым углом на север

и выводила во внутреннюю часть города. Ширина галереи здесь достигала 1,1 м. Аналогичная по своему устройству галерея расчищена позади восточной башни к востоку от южных городских ворот²⁵.

Многочисленные перестройки и наличие ранних остатков в северо-восточном углу городища не позволили установить первоначальную систему обороны углов города. Для выяснения этой задачи в 1976—1977 гг. было предпринято исследование юго-восточного (раскоп XIV) и юго-западного углов города (раскоп XVIII).

Раскопками в юго-восточном углу было установлено, что одновременно со строительством городских стен на самом углу была возведена почти квадратная в плане башня 8,20 м по восточному фасу и 8 м по южному (рис. 11, 12). Башня выступала на 4,30 м от плоскости южной городской стены и на 5,75 м от плоскости восточной. Толщина стен башни от 2,10 до 2,40 м, высота — 3,5—5,50 м. Размеры внутрибашенной камеры 3,30×3,80 м. На северной стене две прямых и одна косая бойницы, на восточной и южной расширены по одной прямой и одной косой бойнице. В западной стене обнаружена одна прямая бойница. Все они пятиугольной формы (рис. 4, 15). Несомненно, что количество амбразур было большим, но из-за разрушения стен они не сохранились. Исходя из местоположения сохранившихся бойниц, можно предполагать, что на восточной стене имелись ближе к юго-восточному углу еще одна прямая и одна косая бойницы. Южная стена башни, по-видимому, также имела еще одну прямую и одну косую бойницы и юго-западного угла башни, а на западной стене,

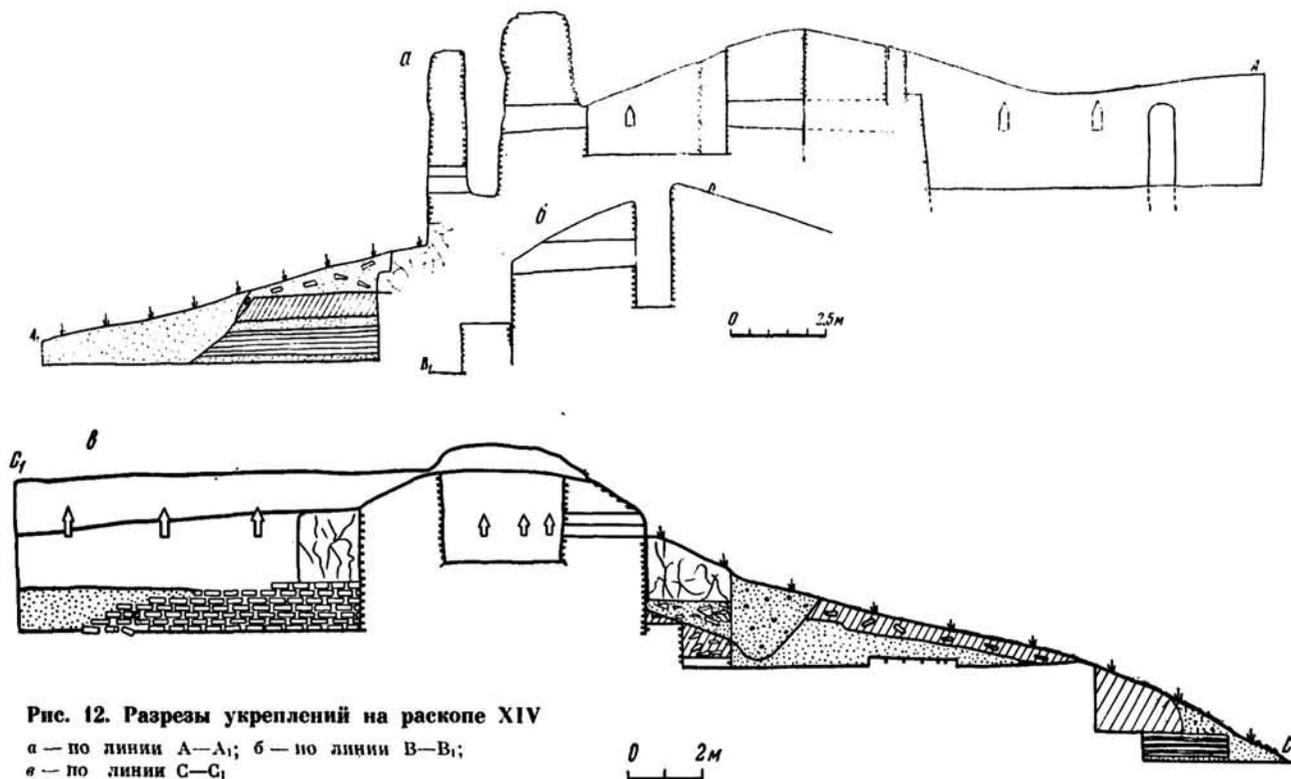

Рис. 12. Разрезы укреплений на раскопе XIV

а — по линии А—А₁; б — по линии В—В₁;
в — по линии С—С₁

возможно, имелась одна косая бойница, обращенная к юго-западному углу. Для их обслуживания требовалось пять — семь воинов.

Судя по начальным кирпичам свода, в проходе, ведущем в башню, она имела два этажа. Вход в камеру находился в северо-западном углу. Он представлял собой узкий коридор шириной 0,95 м и длиной 1,75 м. В западной части проход соединялся с узкой галереей, проходившей в восточной стене города от северо-восточного угла башни. Ее ширина 1,05 м. Длина коридора, включая лестницу в его северном конце, составляла 14 м. По восточной стене коридора прослежены три прямые стрельчатые бойницы, лежащие друг от друга на расстоянии 2,80 м (рис. 4, 14). Одна из них (южная) была впоследствии закрыта нахсовой обкладкой стен башни. В южном конце коридора имелась еще одна бойница, фланкирующая плоскость западной стены башни. В северном конце галереи обнаружены остатки лестницы, ведущей наверх, и дверной проем в сторону внутренней части города. И лестница, и проем были впоследствии разрушены при устройстве дренажного канала. На расстоянии 2,10 м от южного конца описанного коридора в западном направлении проходил другой коридор, шедший вдоль южной городской стены. Оба коридора соединялись друг с другом под прямым углом. Ширина второго коридора 1 м (в восточной части) и 0,85 м (в западном кон-

це). Этот коридор длиной 8,25 м у западного конца поворачивал на север. Он имел три бойницы, расстояние между которыми — 2,35 и 2,25 м. Толщина южной и восточной городских стен, раскопанных около угловой башни, не была одинаковой. Так, толщина восточной стены 3,80 м, а южной — 4,50 м (включая коридоры). Башня и стены сложены в той же технике и из таких же кирпичей, как и северная стена города и башня 86 и южная стена и башни южной стороны (раскоп VIII, XIII). Как показали шурфы к югу от башни и восточнее ее северо-восточного угла, башня была сооружена на глинобитной платформе, состоящей из прослоек желтой и красноватой глины толщиной 0,05—0,10 м. В этих же шурфах было прослежено и начало рва, окружавшего стены города. Ров перед южным фасом городских укреплений начинался на расстоянии 7 м от южной стены башни. Ров перед восточным фасом башни проходил на расстоянии 10 м. Начало рва обнаружено в шурфе у северо-восточного угла города и в шурфе, перерезавшем северную городскую стену, недалеко от северо-западного угла (раскоп XII), а также перед укреплениями юго-западного угла. Таким образом, мы можем утверждать, что понижение, прослеживаемое вокруг внешних сторон города, является остатками залившего и засыпанного песком и мусором рва, дополнявшего оборонительные сооружения Дильберджина²⁶. Подобным образом был защищен

и юго-западный угол города (раскоп XVIII) (рис. 5, 16). В самом углу находилась почти квадратная башня, южная стена которой, длиной 9,5 м, выступала на 5,65 м от фаса южной стены города, а западная, длиной 9 м, — на 5,25 м от линии западной городской стены. Толщина башни достигала 2,15–2,50 м. Плохая сохранность башни не позволяет говорить что-либо конкретное об устройстве внутрибашенной камеры и ее бойницах. С восточной стороны в башню вел извилистый узкий коридор, шириной от 0,75 до 1,15 и длиной 11 м. В коридоре было две бойницы, обращенные на юг (рис. 4, 7, 8). По-видимому, была еще и третья бойница и на западной стене. В западном конце коридор поворачивал на юг и вел в башню. Длина этого отрезка составляла 2,15 м, ширина — 0,90–1,30 м. По обеим сторонам этого прохода имеются выступы, аналогичные выступам прохода в юго-восточную башню. Башня и стены сложены из кирпичей размерами: $0,39(0,38) \times 0,39(0,38) \times 0,13(0,12)$ м; $0,39(0,38) \times 0,19(0,18,5) \times 0,13(0,12)$ м. Южная городская стена имела толщину 3,60 м, а у самой юго-западной башни 2,65 м. На расстоянии 2–2,25 м друг от друга располагались стреловидные бойницы (рис. 4, 5, 6). Вблизи от входа в коридор, ведущий в башню, находилась лестница для прохода на верхнюю площадку стены. В 25 м к востоку от угловой башни были обнаружены остатки еще одной прямоугольной башни. Расчищено только внутрибашенное помещение размерами $4 \times 2,75$ м. В башню вел узкий Г-образный коридор шириной 1 м. Он двумя входами соединялся со стрелковой площадкой. Еще один вел во внутрибашенную камеру, а четвертый был прорублен в центре южной стены ранней башни. Внутрибашенная камера ранней башни, по-видимому, была превращена в караульное помещение или арсенал. В восточном конце этого коридора, вероятно, находилась лестница, шедшая на верхний ярус стены.

Иное устройство имела западная крепостная стена. Толщина ее 3 м. Защитники западного фаса располагались в нишах, лежащих друг от друга на расстоянии 1 м и имевших глубину 1,10–1,20 м. Вдоль ниш шел кирпичный пол. В каждой нише была одна прямая бойница, расстояние между бойницами 2–2,25 м.

Как уже отмечалось выше, поздняя крепостная стена была выстроена перед ранними укреплениями, которые в момент строительства еще были достаточной высоты и поэтому были включены в систему новой оборонительной линии. Пространство между старой и новой стенами было засыпано или обломками сырцовых кирпичей, как на южной стороне города, или песком, как на западной. Поверх этой засыпки, на высоте 0,50–0,70 м от низа бойниц были устроены глинобитные полы, дополнявшиеся в не-

которых местах кирпичными отмошками. Таким образом, пространство между старой и новой стенами превратилось в стрелковые площадки. В настоящее время невозможно определенно сказать были ли эти стрелковые площадки перекрыты кирпичными сводами или легкими деревянно-глинобитными навесами. Общая толщина крепостных стен города достигала 10 м. Наличие лестниц и остатков сводов в коридорах, ведущих в башни, свидетельствует о наличии верхнего яруса обороны. По-видимому, по вершине стены проходила открытая площадка, защищенная бруствером с зубцами или с бойницами. Высота стен превышала 9 м. Внутрибашенные камеры ранних укреплений были превращены либо в караульные, либо в арсенальные помещения. Для сообщения их с новыми стрелковыми площадками в них прорубаются дверные проемы. Так как ранние башни своими стенами прерывали сообщение между соседними куртинами, впереди них, в толще новой стены были устроены узкие коридоры, шедшие в обход древних башен. Но поскольку новые башни находились непосредственно перед старыми из коридоров шли проходы и в новые внутрибашенные камеры. В этих же коридорах находились и лестницы, ведущие на верхний ярус стены. Коридоры были перекрыты полуциркулярными сводами из кирпичей.

Третий строительный этап связан с аварийным состоянием укреплений, вызванным ремонтными работами. В ходе этих работ угловая северо-восточная башня и северная часть восточной стены обложены снаружи мощным кирпично-нахсовым панцирем (рис. 2). Он состоит из слоя кирпичей, высотой 0,62 м, затем слоя нахсы, высотой 2,20 м. Вдоль восточного фаса северо-восточного угла толщина этого панциря достигает 4 м. У северной стены башни 86 панцирь сохранился на ширину 2,10–2,20 м. По-видимому, эта обкладка охватывала западную стену башни и часть северной городской стены. На это указывает мощный слой сырцового завала, обнаруженный в этой части раскопа. У юго-восточного угла башни 8 прикладка делает уступ на 2,8 м к западу. Далее она продолжается уже как восточная оборонительная стена города. Кирпичи, из которых сооружена обкладка отличаются по своим размерам и глине от кирпичей северо-восточной угловой башни и северной стены города. Они имеют размеры: $0,35 \times 0,35 \times 0,10$ м; $0,36 \times 0,36 \times 0,10(0,11)$ м; $0,37 \times 0,37 \times 0,10(0,11)$ м. Большая часть кирпичей имеет на одной из поверхностей различные знаки. Всего зарегистрировано 42 типа знаков на кирпичях. По наиболее распространенные из них семь. Аналогичные знаки на кирпичях встречаются и на других раскопах городища Дильберджин²⁷.

Одновременно были предприняты работы по

усилению юго-восточного и юго-западного углов города. Восточная стена юго-восточной башни и южная городская стена обкладываются сырцовыми кирпичами размерами: $0,39 \times 0,39 \times 0,42$ м (рис. 11). Толщина обкладок 1,05 м (по восточной стене башни) и 1,35 м вдоль южной стены города. Обкладка вдоль южной городской стены прослежена на расстоянии 6,20 м. Причем, ее высота понижается к западу. Если у башни она равна 1,40 м, то у западного края она достигает 0,12 м (один кирпич). Прикладки у восточной стены сохранились на высоту 1,15 м. Все это свидетельствует о том, что впоследствии она была разобрана.

Сырцовые прикладки высотой 0,3–0,8 м и шириной 1,75 м обнаружены и у юго-западной угловой башни (рис. 5). Отсутствие подобных утолщений стены у южных городских ворот и на раскопах II и VIII свидетельствует о том, что эти работы проводились главным образом для усиления обороны углов и не были повсеместными.

Четвертый строительный период. Произведены наиболее существенные перестройки фортификационных сооружений. Две башни, служившие первоначально для защиты южных ворот города, превращены в единый мощный бастион, посредством строительства с внешней стороны башен широкой галереи, выступающей к югу на 6,5 м (см. рис. 17). При строительстве галереи применялся сырцовый кирпич размерами $0,36(0,35) \times 0,36(0,35) \times 0,40(0,41)$ м. Галерея охватывала лишь фас восточной башни и проезд ворот, создавая вместе с ним Г-образное помещение. Большая часть южного фаса западной башни оставалась открытой, образуя с западной стеной галереи прямой угол. Стены галереи были снабжены бойницами, расположенными в два яруса. Все бойницы были прямые, причем, форма нижних амбразур — стреловидная, тогда как верхние изнутри были стреловидными, а снаружи — прямоугольными (рис. 4, 16–18). Поскольку раскопками не обнаружено никаких следов или гнезд для устройства балок перекрытия, можно предполагать, что размещение стрелков у верхних бойниц обеспечивалось легким деревянным обводом на столбах. Внутри помещения галереи, вдоль стен проходила приступка, шириной 0,45 и высотой 0,5 м. На первом этапе галереи было десять бойниц по южной стене и по три бойницы на западной и восточной стенах. На втором ярусе имелось пять бойниц по южному фаса, три — по восточному и две — по западному. Одновременно в западной части галереи был вырыт колодец диаметром 1 м, для снабжения гарнизоном бастиона водой.

Другая важная перестройка заключалась в переносе места городских ворот (см. статью Г. А. Пугаченковой). Участок городской стены

был разобран до уровня ее цоколя на пирину 6,5 м. Из разобранных кирпичей по обе стороны проезда возводятся массивные пилоны, толщиной 6–7 м. С наружной стороны насыпается отлогий пандус из утрамбованной глины.

По-видимому, прежних городских степ было уже недостаточно для надежной обороны города. Поэтому с наружной стороны стены, по обе стороны от новых ворот и по западному фаса башни, расположенной восточнее проезда, возводятся нахсовая обкладка толщиной 1 м. Первоначально она была истолкована как остатки позднего ремонта и обкладки башни и стены²⁸. Однако если по обе стороны городских ворот нахса вплотную примыкает к городской стене, то перед южным фасом башни, к востоку от проезда, она несколько отступает к югу: у юго-западного угла башни — на 0,30 м, у юго-восточного — 0,70 м. В дальнейшем она идет параллельно городской стене, превращаясь в самостоятельную стену. Значительный участок этой стены толщиной 1,50 м открыт на раскопе XIII (рис. 8; 9, а, б). Стена, прослеженная в длину более чем на 20 м, лежит в метре от южного фаса башни и в 6 м южнее городской стены. Ее нижняя часть на высоту 0,50 м состоит из нахсы, а выше, от 0,40 до 1 м лежит сырцовая кладка. В юго-восточном углу на раскопе XIV (рис. 11 и 12, а), в 0,90 м южнее угловой башни сохранился кусок стены высотой 5 м и толщиной 1 м. В ее нижней части — нахса, прослеженная на 2 м западнее останца. Сохранилась одна стреловидная бойница. Сходность конструкции и совпадение направлений остатков южных степ на раскопах XIII и XIV свидетельствует о том, что они были частями одной длинной стены. Куски ее прослежены и в юго-западном углу городища на раскопе XVIII (рис. 5) и у западной городской стены (раскоп X). В юго-западном углу она подходила вплотную к южной стене угловой башни. В дальнейшем, она, вероятно, огибала башню и тянулась и по ее западному и частично северному фасадам. На расстоянии 3,5 м от северо-западного угла башни она поворачивала в северном направлении и проходила перед основной городской стеной. Толщина ее также была 1–1,50 м. Аналогичным было ее устройство и у юго-восточного угла, где у восточного фаса юго-восточной башни обнаружены остатки стены толщиной 1 м, идущей вплотную вдоль восточной стены башни. После сооружения передней стены, потребность в кирпичных обкладках угловых башен отпала и они были насех разобраны, а кирпичи, скорее всего, пошли на строительство новой стены. Судя по высоте останца у юго-восточного угла башни, передняя стена достигала высоты около 6 м. Все пространство между основной линией укреплений и новой стеной было засыпано песком на высоту 1,70 м.

Поверху был устроен глинобитный пол, на котором располагались воины, ведшие обстрел неприятеля через бойницы в нижней части стены. Для прохода на эту линию обороны в некоторых местах основной стены были прорублены узкие проходы, как например, севернее юго-восточной башни шириной 0,80 м (рис. 12, а). Ниже этого прохода была прорублена дренажная канава для отвода сточных вод.

Одновременно закладываются северо-восточные ворота, в которых была оставлена только узкая калитка шириной 1,15 м. После возведения этой стены общая толщина оборонительных сооружений Дильберджина превысила 17 м. Следует напомнить, что стены такого крупного городского центра, каким являлся Мерв, имели толщину 15 м²⁹.

Окружение города двумя линиями укреплений не является чем-то необычным для азиатского вообще, и средневекового в частности, фортификационного искусства. Эта традиция прослеживается на обширной территории (от Месопотамии до Центральной Азии) и на протяжении значительного отрезка времени (I тыс. до н. э.— начало I тысячелетия н. э.). Вавилон VII—VI вв. до н. э. был защищен тремя оборонительными стенами³⁰. Как показывают ассирийские рельефы, такой прием использовался в индийской фортификации³¹. По свидетельству Геродота, носящему, правда, скорее легендарный, чем реальный характер, столицу Мидии Экбатаны окружало семь стен, окрашенных в разные цвета³². Одна из столиц ахеменидской державы — Сузы была укреплена тремя линиями крепостных стен, расположенных ступеньками на террасах³³. Основная крепостная стена парфянского города Хатра в некоторых местах была усилена еще одной стеной³⁴. Дополнительная стена была обнаружена при раскопках Кухпы-Кала³⁵ бактрийской крепости конца II — начало I в. до н. э. Однако наибольшее развитие этот элемент фортификационного искусства получает в средневековый период³⁶.

На основании характера повреждений сырцовых кладок на восточной стене бастиона и восточной башни Г. А. Пугаченкова пришла к выводу, что эти разрушения произошли в ходе осадных операций и под воздействием стенобитных машин³⁷. Новые данные, полученные автором настоящей работы в ходе последующих раскопок, подтверждают и дополняют данное положение. По-видимому, с этими разрушениями связана гибель передней стены. Следы повреждений обнаружены на юго-восточной угловой башне и на раскопе XIII.

Спустя какое-то время предпринимаются восстановительные работы. Остатки разрушенной передней стены почти повсеместно срываются до пахсового цоколя. Уровень земли между линией основных укреплений и передней

стены повышается за счет засыпки обломками сырцовых кирпичей на высоту 0,75 м. Верхняя часть башни на раскопе XIII обкладывается пахсовой обкладкой толщиной 0,80 м (рис. 8). Толщина пахсовых обкладок юго-восточной угловой башни не была одинаковой. Вдоль задней стены она была лишь 1,60 м, а по северному и восточному фасадам она достигала толщины 2,10 м. На южной стороне сохранялась часть передней стены. Пахсовые обкладки закрыли амбразуры, идущие из восточного коридора юго-восточной угловой башни на южную и восточную стороны. Но в то же время амбразуры самой башни были продолжены в пахсовых обкладках башни на раскопе XIII (рис. 8). Поскольку передняя стена перестала существовать, то проходы, ведущие к бойницам, в ней закладываются. Так были заложены калитка, оставленная первоначально при закладке проезда северо-восточных ворот и проход, прорубленный в предшествующий период севернее юго-восточной угловой башни.

Предпринимается реконструкция раннего бастиона (раскоп VIII). Вдоль южной и западной стен старого бастиона из кирпичей размерами 0,33 (0,34) × 0,33 (0,34) × 0,09 (0,1) м пристраивается новая Г-образная галерея, шириной несколько более 3 м (см. статью Г. А. Пугаченковой, рис. 2). Стены ее достигали толщины около 2,5 м. С наружной стороны южной стены сооружается из сырцов цоколь, высотой 0,5 м и шириной 1,5 м. В этом цоколе прокладывается водосток из трех половинок хумов. Южный фас нового сооружения был значительно шире старой галереи. При этом его восточная стена образовывала единую линию с восточными стенами башни и старого бастиона, тогда как южная стена охватывала уже больше половины южного фаса западной башни раннего периода. Новая галерея, как свидетельствуют обнаруженные в ее северной стене гнезда деревянных балок, лежащие на высоте 4—4,3 м от уровня пола, также была двухэтажной. К сожалению, стены верхнего этажа сохранились на очень небольшую высоту, что не позволяет судить о расположении и количестве бойниц верхнего яруса. На первом этаже имелось четыре прямых амбразуры, находящиеся на западной стене, и шесть прямых и одна косая бойница на южной. На восточной стене было устроено в середине две прямые и по краям две косые бойницы. Все бойницы имели стреловидную форму (рис. 4, 19).

Новые постройки появляются и с внутренней стороны города. Одновременно производятся частичные перестройки старых помещений. Почти везде были подняты уровни полов. Для прохода в новую галерею в южной стене помещения 13 прорубается проход, частично уничтоживший ранние бойницы. На втором этаже

такой проход делается в западной стене первой галереи.

Последние работы по укреплению городских стен Дильберджины прослежены у юго-восточного угла городища. Там с северной стороны угловой башни была проложена сырцовая обкладка толщиной 1 м из кирпичей размером 0,35 (0,36) × 0,35 (0,36) × 0,09 (0,10) м.

Следующий этап существования оборонительных сооружений связан с оборонительными действиями жителей города. Почти на всех вскрытых участках городских укреплений обнаружены глиняные ядра диаметром от 0,03 до 0,16 м. Они зафиксированы в одном из проходов, ведущих в башню северо-восточных ворот, в коридорах позади юго-восточной угловой башни и башни на раскопе XIII, в помещении 21 позади бастиона у главных ворот, на верхнем уровне пола ранней юго-западной башни и на полу галереи вдоль западной городской стены. Находки значительного количества ядер на полях свидетельствуют о том, что они были приготовлены для отражения неприятеля. Однако несмотря на принятые меры, город был взят и подвергся разрушению.

После этого разгрома городу, по-видимому, было запрещено иметь фортификационные сооружения. Башни и коридоры, ведущие к башням и на верхний ярус, постепенно заполняются надувным песком, кусками рухнувших сырцов с затечными прослойками.

При следующих строительных работах закрываются проходы, ведущие в галереи позади башен. Особенно это наглядно прослеживается на раскопе XIII (рис. 8). Западный вход в галерею был закрыт посредством строительства пахсовой стены с чередующимися прослойками сырцовых кирпичей вплотную к внутренней стороне поздней оборонительной стены. При этом ранняя оборонительная стена, служившая впоследствии задней стеной галереи, срывается почти до основания. Восточный проход, ведущий в этот же коридор, также закладывается, и в нем устраивается кормушка для скота. Но наибольшие изменения происходят вдоль северного фаса стены в северо-восточном углу. Древняя стена, являвшаяся задней стеной галереи, срывается. Поверхность земли нивелируется за счет засыпки глиной и сырцовых отмолок, и на ней возводятся пристенные помещения. Кирпичи этих стен примыкали впритык к городской стене или пристраивались к дополнительному панцирю, утолщавшему стену с внутренней стороны. В ходе этих перестроек бойницы, оказавшиеся высоко над уровнем полов помещения, были заложены кирпичами и скрылись под глиняными обмазками. Пристенные помещения северо-восточного угла превращаются в единый священный комплекс. Городские укрепления потеряли свои оборонительные функции и яв-

лялись скорее просто оградой, чем надежной защитой для городского населения от внешних врагов.

На последнем этапе своего существования внутрибашенные камеры и коридоры позади них используются в качестве жилых и хозяйственных помещений. Как показали раскопки южного фаса городских укреплений, на высоте 0,50 и 1,50 м от уровня их первоначальных полов устраиваются легкие глинобитные полы, строятся поперечные стенки, устанавливаются хумы и устраиваются очаги.

Впоследствии остатки укреплений используются для совершения погребений. Одно такое погребение обнаружено на стене бастиона у южных ворот, другое — во внутрибашенном помещении ранней юго-западной башни.

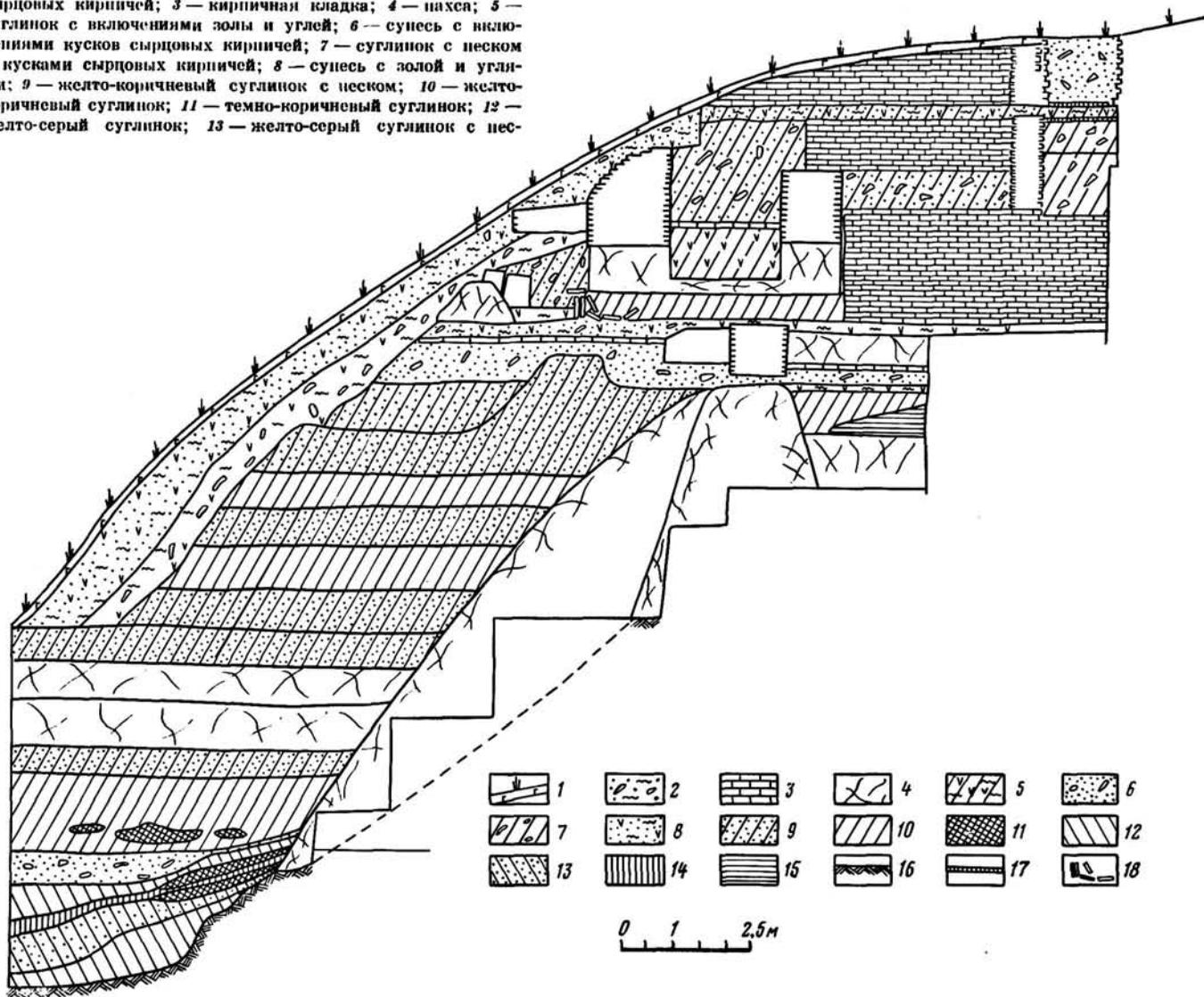
Укрепления цитадели

Остатки оборонительных сооружений цитадели прослежены на северном, восточном и южном склонах холма. К первому строительному периоду, судя по глубине залегания и по находкам относится стена, обнаруженная в юго-восточной и южной частях холма. Эта древнейшая стена представляет собой сплошной пахсовый массив из желто-зеленой материковой глины (рис. 13). Поверхность этой стены шириной 1,80 м лежит на глубине 7,32 м от самой высокой точки холма или на высоте 9,04 м над уровнем такыра вне городища. Стена постепенно расширяется к основанию, достигая толщины 4 м. Она прослежена на высоту 4,60 м. Стена лежит на материке, по-видимому, на естественном холме. Стена расчищена в длину на 6 м. Другой фрагмент этой стены обнаружен в проеме ворот, ведущих на цитадель. Общий ход стены и расположение найденных отрезков показывает, что она окружала почти всю территорию поздней цитадели. Монументальность ее бесспорно свидетельствует в пользу оборонительного характера стены. Пахса, по мнению Г. А. Пугаченковой, служила основным материалом среднеазиатской архитектуры при сооружении крепостных стен до III в. до н. э.³⁸ Каков мог быть общий вид поселения, окруженного этой стеной, можно представить, если обратиться к памятникам доазиатского периода. На территории древнего Хорезма имеется городище Кырк-кыз-кала. Оно состоит из цитадели овальной формы (30×40 м) и прорывающего с северо-запада укрепленного рабата³⁹. По мнению С. П. Толстого, оно принадлежит к периоду VI—I вв. до н. э. Работами ЮТАКЭ обследовано раннеантичное городище Султандешт, состоящее из укрепленной центральной части, обнесенной глинобитным валом диаметром около 100 м, и расположенных вокруг усадеб и городище Эрк-кала, окруженное земляным валом⁴⁰.

Рис. 13. Профиль стратиграфического шурфа. Раскоп CVII

1 — гумус; 2 — сунесь с включением углей, золы и кусков сырцовых кирпичей; 3 — кирпичная кладка; 4 — нахса; 5 — суглинок с включениями золы и углей; 6 — сунесь с включениями кусков сырцовых кирпичей; 7 — суглинок с песком и кусками сырцовых кирпичей; 8 — сунесь с золой и углями; 9 — желто-коричневый суглинок с песком; 10 — желто-коричневый суглинок; 11 — темно-коричневый суглинок; 12 — желто-серый суглинок; 13 — желто-серый суглинок с песком;

14 — светло-серый суглинок; 15 — серо-зеленый суглинок; 16 — материк; 17 — глинобитные полы; 18 — завал сырцовых кирпичей

Впоследствии было предпринято укрепление ранней стены. Для этого с внешней стороны стены пристраивается мощная нахсовая прикладка из такой же желто-зеленой такырной глины. Прикладка начинается с самого верха первоначальной стены и идет вниз с меньшим уклоном, чем первая. Прикладка прослежена на высоту 9,20 м. Основание ее лежит на материковом грунте на глубине 16,74 м от верха цитадели. Таким образом, она охватывала не только древнюю стену, но и склон холма. Находки в толще прикладки фрагментов ахеменидской керамики заставляют нас также отнести время ее сооружения к периоду Ахеменидов. Непосредственно от основания нахсы прикладка начинается ров. В настоящий момент он

прослежен в длину на 5,50 м и до глубины 2,35 м. Как отмечала В. Л. Воронина, специально исследовавшая среднеазиатскую фортификацию рабовладельческого и средневекового периодов, круглые в плане цитадели явление редкое⁴¹. Однако такой план цитадели не был чем-то уникальным. Круглую цитадель имела античная Маргиана. Но возникновение Эрк-калы относится еще к середине I тысячелетия до н. э. Округлые очертания цитаделей засвидетельствованы на городищах: Анау, Койне-кала, Гек-тепе, развившихся на месте поселений предшествующего периода⁴². Не вызывает сомнений, что и цитадель Дильберджикина обязана своей формой круглому в плане ахеменидскому укреплению. Традиция возведения круглых

сооружений на территории Южной Бактрии имеет глубокие корни. Ее начало уходит в эпоху бронзового века — так называемое «круглое здание» на поселении Дашлы⁴³. Но наибольшее широкое распространение этот тип сооружений получил в ахеменидский период. Круглое в плане здание раскопано на памятнике Кутлуг-тепе. Внешняя оборонительная стена ахеменидского городища Алтын-Дилляр-тепе была круглой и усилена полукруглыми башнями⁴⁴. Круглыми были ограды ахеменидских сооружений на памятниках Чор-Булак и Аранжа. Эта традиция сохраняется и в кушанскую эпоху (городище Емши-тепе⁴⁵, Джига-тепе⁴⁶).

Второй период. Спустя некоторое время цитадель Дильберджица подвергается коренной перестройке. Остатки древних укреплений и жилых домов засыпаются слоями глины и глины с песком толщиной 0,50—0,90 м (рис. 13). Они прослежены на глубину более 11 м. Горизонтальное залегание этих слоев и тот факт, что они поднимались лишь на небольшую высоту над ахеменидскими сооружениями, свидетельствует об их искусственном происхождении и их назначении скрыть под собой всякие следы ранних построек. В результате создания такой платформы площадь цитадели несколько расширилась: в восточном направлении на 7 м, в южном на 3 м. Однако никаких монументальных построек, связанных с ней, не обнаружено. Строительные остатки, лежащие выше этой платформы, крайне не выразительны и носят скорее временный характер.

Возможно, что пахсовые стены выполняли оборонительные функции по отношению к поселению, находившемуся на цитадели (рис. 13). К ним в первую очередь относится пахсовое основание стены толщиной 1,50 м и высотой, с внешней стороны, — 1,50 м, перекрывающее непосредственно остатки ахеменидских укреплений. Выше ее на 0,70 м найдены остатки другой пахсовой стены высотой 1 м и толщиной от 0,70 м по верху до 1,50 м в основании. Остатки этой стены зафиксированы на южной, восточной и северной стенах, и везде они лежат ниже основания более поздней по времени оборонительной стены и чуть выступая впереди нее.

Следующий — третий этап существования укреплений на цитадели ознаменовался сооружением мощной стрелковой галереи, кольцом окружавшей всю территорию холма⁴⁷. Большой участок протяженностью около 75 м раскопан на северном склоне в течение 1974—1975 гг. (рис. 14, 15). Общая ширина галереи 4,5—4,75 м, ширина внутрестенного пространства 1,8—2 м. Наружная стена галереи толщиной 1,6—1,75 м состояла из слоя пахсы высотой 1 м, на которую была уложена сырцовая кладка из кирпичей, размерами 0,36 (0,35) × 0,35 (0,36) × 0,10 м. С наружной стороны галереи южный

и северный участки были усплены контрфорсами размерами 2—2,5 × 0,6 м и отстоящими друг от друга на расстоянии 2,5—3 м. На уровне начала сырцовой кладки через интервалы в 0,8—1 м сделаны стреловидные бойницы (рис. 4, 24). Для придания галереи большей прочности в некоторых местах внутри нее были сооружены небольшие пилоны. В настоящее время трудно сказать, была ли стрелковая галерея единой или она разделялась на ряд изолированных участков. Судя по наличию внутренних пилонов скорее всего в этих местах имелись деревянные двери, разъединявшие отдельные участки. Значительная высота сохранившихся в некоторых местах стен галереи наводит на мысль, что она, по-видимому, была двухэтажной. Второй этаж мог, скорее всего, представлять собой просто открытую площадку с бруствером для защиты оборонявшихся.

Другой крупный отрезок оборонительных сооружений раскопан по восточной стороне холма, общей протяженностью около 100 м (рис. 16—19). Внешняя стена оборонительной галереи здесь большей частью разрушена и сохранилась на высоту 0,4—0,5 м. Однако в юго-восточной части цитадели на протяжении 9 м галерея сохранилась хорошо. В стратиграфическом профиле на раскопе CVII ясно видно, что перед началом сооружения стен галереи были проведены планировочные работы. При этом верхние части ранних стен были срезаны. Затем набросаны сырцовые кирпичи и их куски и насыпается слой глины. Вся эта субструкция достигала толщины около 0,7 м. В местах, где имелись глубокие ямы, как например, к югу от башни VI, укладывались кирпичи. В юго-восточном углу внешняя стена галереи сохранилась на высоту 3,5 м. Нижняя часть стены сложена из пахсы высотой 1 м. Стена, шириной 1,65 м, сложена из сырцовых кирпичей размерами 0,4 (0,39) × 0,4 (0,39) × 0,12 м. На высоте 1,7 м от основания стены были устроены стреловидные бойницы, высота которых снаружи достигала 0,7 м. По-видимому, нижняя грань бойниц имела скос наружу. Бойницы располагались на расстоянии 1,10—1,30 м одна от другой. Снаружи стена галереи была обмазана глиняной штукатуркой.

Третий участок, где были найдены остатки галереи, лежит на южном склоне холма (рис. 20, 21). Здесь вскрыт главным образом внешний фас стены на расстоянии 75 м. Нижняя часть ее также имела пахсовый цоколь высотой 1,30 м, снабженный контрфорсами через каждый 2—3 м. Выше лежит сырцовая кладка из кирпичей.

Стреловидные бойницы здесь находились на расстоянии 0,80—1 м одна от другой. Около выезда на цитадель раскопано два смежных помещения галереи шириной около 2 м. По другую

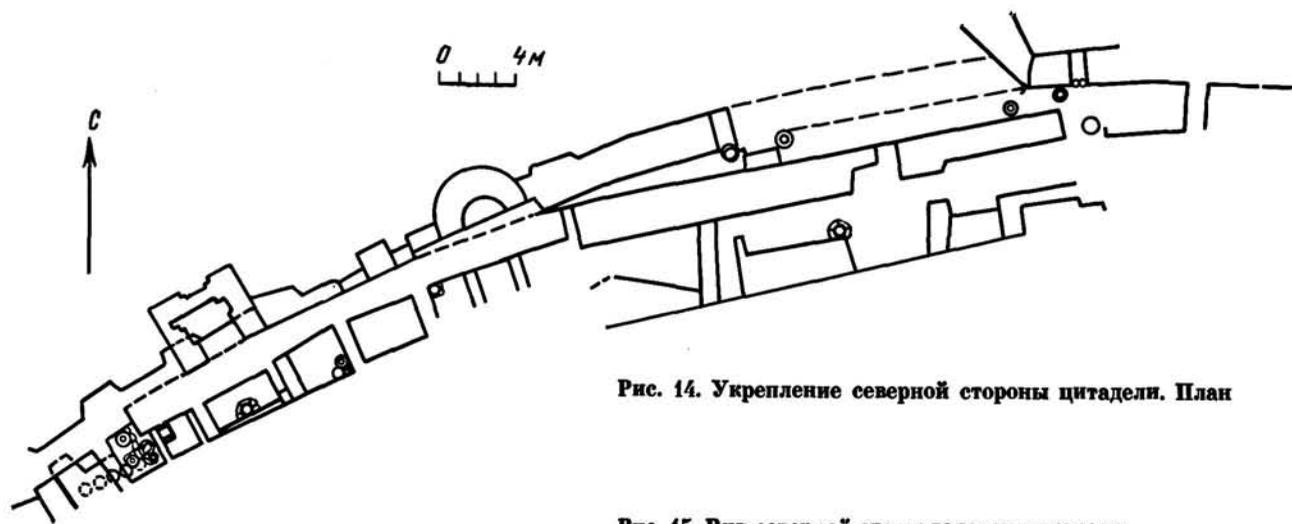
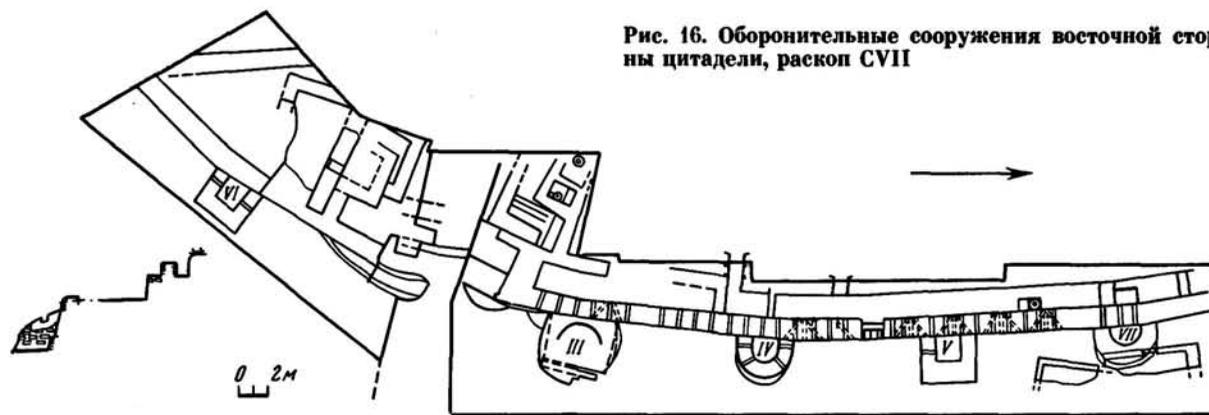

Рис. 14. Укрепление северной стороны цитадели. План

Рис. 15. Вид северной стены галереи цитадели

Рис. 16. Оборонительные сооружения восточной стороны цитадели, раскоп CVII

сторону въезда па цитадель пайден пахсовый цоколь стены с контрфорсами. По форма этих контрфорсов несколько отличалась от вышеописанных. Они более узкие (1,50 м) и выступают от линии стены на 1,80—1,90 м и вместо обычных 0,60—1 м.

В глубоком шурфе на южном склоне найдена внутренняя стена галереи шириной 1,20 м и высотой от 0,20 до 1,50 м.

Через некоторое время галерея теряет свои оборонительные функции. Посредством строительства поперечных стенок галерея превращается в анфиладу смежных помещений, уровень пола в которых был поднят на 1 м. Кое-где во внешней стене ее прорубаются узкие дверные проемы (в помещениях 171 и 200). Вдоль стен уступаиваются вкопанные по плечики хумы (рис. 22). Потерявшие свое первоначальное значение бойницы, закладываются кусками кирпичей и замазываются изнутри глиняными обмазками. Однако несмотря на превращение стрелковой галереи в хумханы, имеются данные о том, что стены продолжали выполнять свои оборонительные функции. На это в первую очередь указывает сохранившаяся высота стен — до 4 м. Кроме того, превращение галерей в хумханы, как показывают помещения 171 и 199, предшествовало разрушению внешней стены ее. Сам факт проведения каких-либо осадных действий был возможен лишь при сохранении галерей оборонительного характера.

Четвертый этап истории существования укрепления цитадели связывается с какими-то осадными операциями. Надвигающаяся военная угроза заставила жителей провести подготовительные мероприятия. Все проделанные ранее проходы в стене закладываются сырцовыми кирпичами. Возможно, кое-где был проведен ремонт укреплений. Но, как показывают раскопки, эти меры не спасли обитателей города от разгрома. В центре северного склона цитадели обнаружена штольня длиной почти 5 м, вырубленная в твердом глинистом грунте, ниже подошвы стены галереи. Штольня, высотой больше человеческого роста, врезается наполовину внутреннего пространства галереи. По всей видимости, она является остатками подкопа под галерею. В результате этого подкопа была обрушена северная стена помещения 171. Западнее подкопа, на расстоянии около 16 м наружная стена разрушена почти до основания. Не сохранилось здесь и хумов, которые обычно заполняли внутренние пространства помещений. В то же время севернее линии внешней галереи были встречены мощные глинистые завалы. По-видимому, они образовались в результате обвала стен. Такой завал с внешней стороны стены мог возникнуть только в результате действия ворона (горпагона), тогда как под воздействием тарана стена должна была рушиться

во внутреннюю сторону. Таким образом, осада велась с использованием разнообразных технических приемов. Захват города сопровождался значительными разрушениями, на что указывают архитектурные детали, несомненно относящиеся к этому времени и использованные для фундаментов и замощения вымостки при строительстве жилых комплексов вышележащего строительного горизонта.

Через некоторое время после разгрома города, жизнь в нем возобновляется. На цитадели вокруг вновь отстроенных жилых кварталов возводится новая оборонительная стена. Перед началом ее строительства были проведены планировочные работы, которые заключались в заполнении кусками кирпичей остатков галерей в тех местах, где стены еще возвышались на значительную высоту, а в местах их полного разрушения насыщается мусорный грунт с большим количеством горелых прослоек и кусками рушенных сырцов. Новая стена также была округлой в плане. Однако ее окружность не всегда в достаточной мере выдерживалась. В некоторых местах стене придавали изогнутую форму. Но иногда она состояла из серии прямых отрезков, соединяющихся друг с другом под очень тупыми углами. Стена толщиной от 1,35 до 2,25 м была сложена из сырцовых кирпичей и их половинок различных стандартов: $0,35 \times 0,35 \times 0,10$; $0,39 (0,37) \times 0,39 (0,37) \times 0,10 (0,12)$ м. Там, где степы галереи были хорошей сохранности, поздняя оборонительная стена была встроена во внутреннее пространство галереи, в местах полного разрушения стен галереи новая ставилась на специально насыпанный грунт. Таким образом, на отдельных участках поздняя стена, хотя бы в своей нижней части могла достигать внушительной толщины — около 5 м. В целом в строительстве степы чувствуется какая-то небрежность, вызванная, вероятно, поспешностью ее сооружения.

На восточной и южной сторонах цитадели поздняя стена перекрывает остатки галерей. Причем, как видно на участке к югу от башни VII, в тех местах, где стены галерей хорошо сохранились, они были включены в систему новых укреплений (рис. 19). На степе за башней VII ясно видно, как на полого понижающуюся к северу поверхность внешней стены галереи были паложены кирпичи поздней степы. Шов между этими разновременными кладками достаточно четко просматривается. В то же время по верху стены галерей в юго-восточной части цитадели никаких следов поздней кладки не прослеживается.

Большая часть укреплений, исследованных на восточном склоне, относится к поздним периодам. Ниже 4—5 рядов кладки поздней степы сложены из сырцовых кирпичей, размерами $0,36 (0,34) \times 0,36 (0,34) \times 0,10$ м. Затем был уло-

жен слой пахсы толщиной 0,2–0,8 м. Выше вновь лежит сырцовая кладка, но уже из кирпичей других стандартов: 0,39×0,39×0,10(0,12) м. Подошва этой стены покоится на мусорном, золистом грунте с горелыми прослойками общей толщиной 0,5–0,8 м. В ходе возведения стены на таком непрочном подстиле, основания прясел стен, между позднее пристроенными башнями, просели вниз (рис. 18). Вероятно, за счет укладки нижних рядов сырцов и слоя пахсы над ними достигалось выравнивание поверхности перед возведением кирпичной кладки самой стены. На высоте 1–1,5 м от основания стены находились стреловидные бойницы, шириной 0,15–0,20 м. Их нижняя и верхняя грани имели значительный скос наружу, поэтому их высота внутри галереи была 0,25–0,30 м при ширине 0,20–0,18 м, а высота снаружи достигала 0,85–0,90 м при ширине 0,15–0,10 м (рис. 4, 20, 21). Выше описанных амбразур, в местах, где стена сохранилась, найден второй ряд бойниц стреловидной формы, но меньших размеров: высота их 0,25–0,40 м при ширине 0,15 (чаще) и 0,20 (реже) (рис. 4, 22). С наружной стороны амбразур верхнего яруса размещались в простенках между бойницами нижнего ряда. С внутренней стороны галереи три амбразуры верхнего яруса помещались между двумя соседними бойницами нижнего ряда амбразур. Две крайние бойницы верхнего яруса расходились лучами от центральной бойницы, направленной прямо. Судя по своим конструкциям, амбразуры нижнего ряда предназначались для поражения противника, преодолевшего ров вокруг цитадели и поднимавшегося к стене. Из амбразур верхнего

ряда просматривается местность с внешней стороны рва, т. е. они предназначались для обстрела дальних подступов к цитадели. Расположение бойниц внутри галереи таково, что один воин, не двигаясь с места, легко держал под наблюдением пространство, видимое из всех пяти амбразур, и мог в случае надобности вести стрельбу из лука в любом нужном направлении. Подобные пучки бойниц располагались на расстоянии 3 м друг от друга. В промежутках между этими гнездами бойниц имелось по одной амбразуре подошвенного боя. В случае крайней необходимости тот или иной воин мог сместиться влево или вправо и обстрелять неприятеля из соседних нижних бойниц. Стена сохранилась на высоту от 2 до 3,5 м. Посредине восточного фаса стены имелась вылазная калитка шириной 1,60 м. Калитка была перекрыта полуциркульным сводом, от которого сохранилось три начальных ряда кирпичей. Впоследствии калитка закладывается кирпичом. По обеим сторонам калитки имелось по одной прямой бойнице ближнего боя, а южнее ее вверху была сооружена еще косая бойница, направленная в сторону калитки. Таким образом, воины, защищавшие позднюю оборонительную стену, располагались на расстоянии 3 м. В местах нахождения входов и вылазных калиток их размещение могло быть более частым. Установив длину окружности цитадели, можно провести подсчет количества воинов, необходимых для ее защиты. Диаметр крепостной стены цитадели равняется приблизительно 165 м, а длина окружности — 518,2 м. Учитывая, что воины, защищавшие стену, находились друг от друга на расстоянии 3 м, мы узнаем,

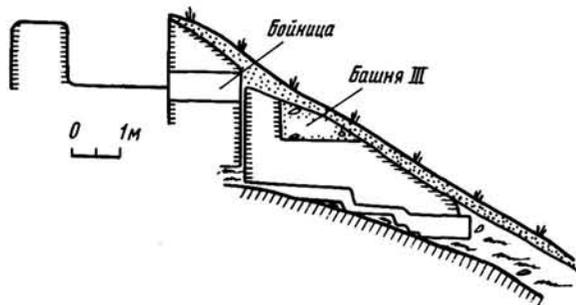

Рис. 17. Раскоп CVII. Разрез через восточную стену цитадели и башню 3

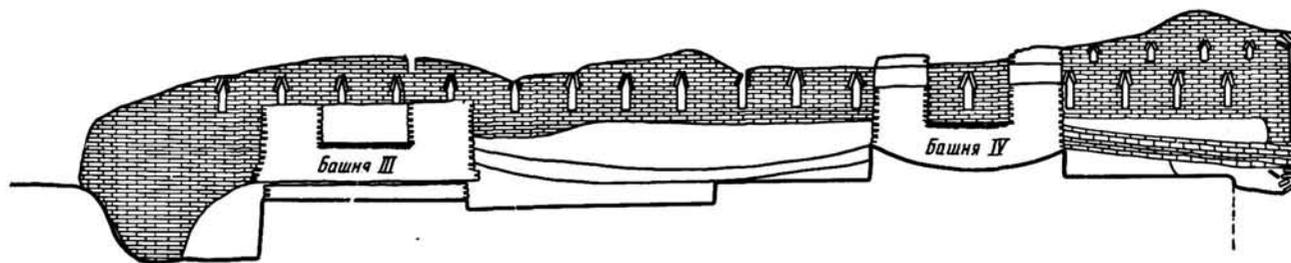

Рис. 18. Наружный фас восточной стены цитадели. Раскоп CVII. Северная часть

что для защиты ее требовалось 172 воина. Допустив, что на каждой из сторон света в стене были вылазные калитки, одна из которых должна быть выездными воротами, и что для их защиты требовалось дополнительное количество воинов (по 1—2 на каждую калитку и 5—10 человек для защиты ворот) можно предположить, что в минуты опасности на стенах цитадели стояло от 180 до 190 защитников. К этому числу следует добавить воинов, составляющих резерв на случай прорыва неприятеля и для вылазок. Численность этого резерва невозможно подсчитать. Однако можно предполагать, что общее число необходимых защитников вряд ли превышало 240—250 человек. В это число не следует включать воинов, которые укрылись в цитадели после захвата противником нижних городских укреплений.

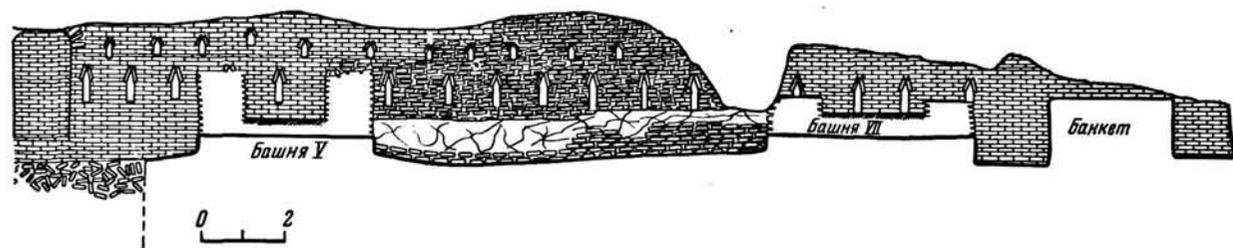
Значительный отрезок поздней оборонительной стены протяженностью около 100 м вскрыт на южном склоне (рис. 20, 21). Стена толщиной от 1,50 до 2 м сохранилась на высоту 1,50—2 м. Она также сложена из разноформатных кирпичей $0,35(0,39) \times 0,35(0,39) \times 0,10(0,12)$ м. Причем, здесь наблюдается такая же картина, как и на восточной стороне — кирпичи меньших размеров ($0,34—0,36$) составляют большинство в нижних рядах кладки, тогда как кирпичи большего формата преобладают в верхних частях кладки. Вероятно, данное обстоятельство свидетельствует о двух разновременных строительных этапах. Сохранились только бойницы нижнего яруса. Они подобны вышеописанным бойницам этой стены и располагались с интервалами в $0,80—1,10$ м. Около входа на цитадель стена превращалась в сплошной массив сырцовых кирпичей, размером 8×8 м. Возможно, он являлся основанием для огромной башни или бастiona, фланкировавшего доступ на цитадель.

В центре южного склона на месте самой глубокой расщелины холма расчищены остатки въезда на цитадель. Он представлял собой широкий Г-образный пандус шириной около 5 м. Пандус начинался у юго-западного склона и шел сначала вдоль крепостной стены на длину 10—12 м, а потом поворачивал в северном направлении. С юга он был защищен пахсовой стеной толщиной 3,5 м. Эта стена прослежена в длину на 10 м. Она сохранилась в высоту

на 2 м. На западном окончании стены возвышалась небольшая прямоугольная башня, размерами $6,50 \times 5$ м, с внутрибашенной камерой $4 \times 2,5$ м. Наличие башни и значительная толщина стены, примыкавшей к ней, позволяет думать, что по этой стене шел проход к башне, защищенный с обеих сторон брустверами с бойницами.

Следующий этап истории укреплений цитадели связан с пристройкой к поздней стене полукруглых и квадратных башен (рис. 14, 16—21). Одна полукруглая башня шириной 4,5 м обнаружена на северном участке. Внутри нее имеется полукруглое помещение диаметром 2,1 м. Вследствие незначительной сохранности ее стен (от 0,2 до 1 м) у нас нет никаких данных для выяснения ее конструкции. В 9,5 м к западу от нее найдены остатки квадратной башни. Поскольку от нее сохранились только нижние ряды сырцовых кладки, мы можем отчетливо представить лишь ее внешние размеры. Башня шириной 4,5 м выступает за линию стены на 3,5 м.

Гораздо лучшей сохранности былины раскопаны на восточной и южной сторонах цитадели. Они лежат друг от друга на расстоянии $9—9,5—9,75$ м. Здесь чередуются полукруглые и прямоугольные башни. Северная башня VII полукруглая, диаметром 4,8 м с внутрибашенной камерой диаметром 2,25 м. Сохранились только нижние части стен высотой $0,75—0,8$ м, сложенные из сырцовых кирпичей размерами $0,4 \times 0,4 \times 0,14$ м; $0,4 \times 0,22 \times 0,14$ м. Для выравнивания поверхности земли, отлого спускающейся к востоку, под передней частью башни уложено еще два ряда кирпичей. Южнее находится прямоугольная башня V размерами $4,35 \times 3,5$ м. Внутри башни квадратное помещение 2×2 м. Стены башни прослежены на высоту 1,35 м. Они сложены из сырца $0,36(0,35) \times 0,36(0,35) \times 0,10(0,11)$ м и реже $0,5 \times 0,5 \times 0,11$ м. В южной стене башни найдена прямая бойница. В 9,75 м к югу лежит полукруглая башня IV диаметром 4,5 м. Башня сложена из разноформатных кирпичей, боковые грани которых равняются $0,37; 0,40; 0,50; 0,55$ м при толщине $0,11—0,13$ м. С наружной стороны, особенно в передней части, кладка стены постепенно расширяется к основанию.

Южная часть

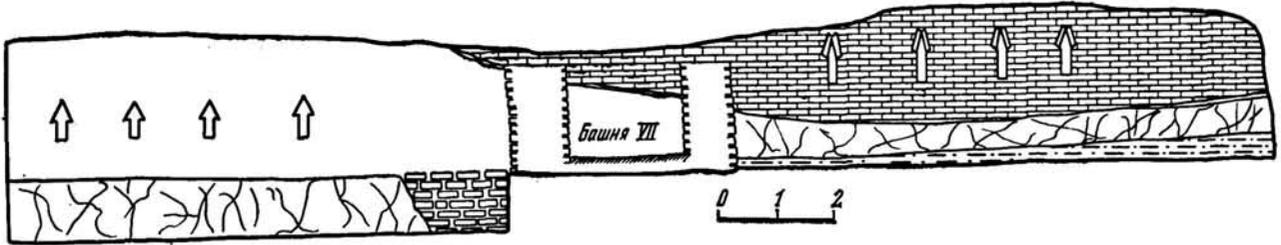
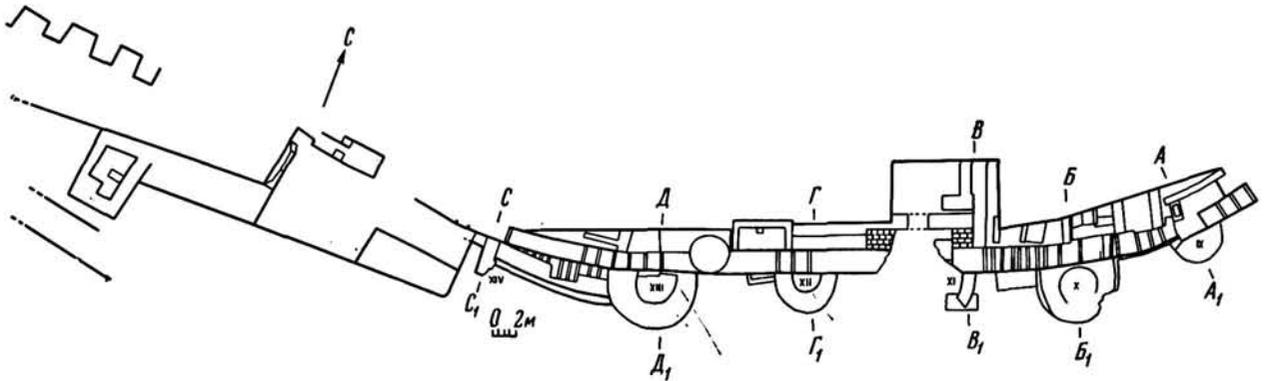

Рис. 19. Наружный фас восточной стены цитадели. Раскоп CVII. Южная часть

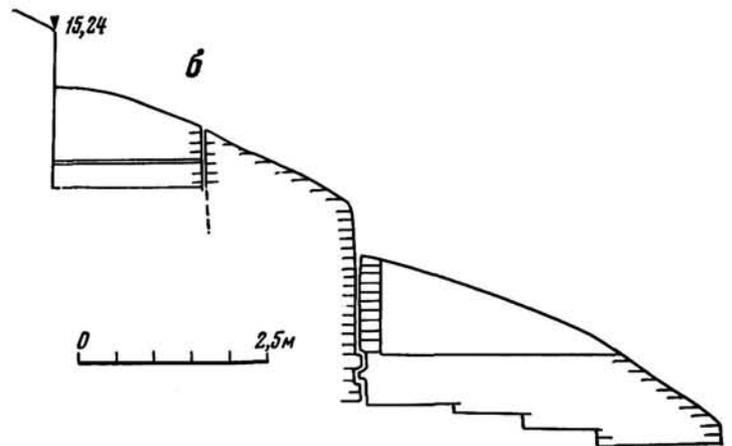
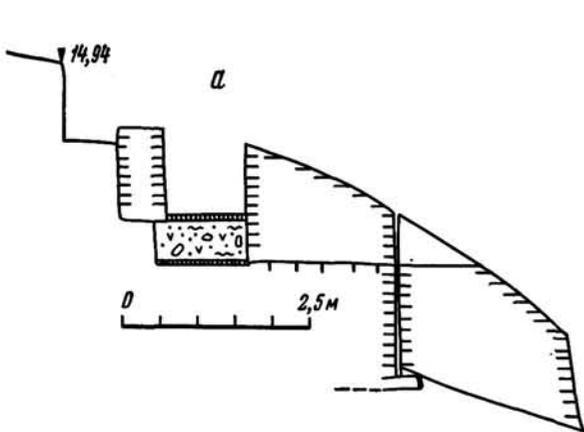
Рис. 20. Укрепления южной стороны цитадели. План раскопа CVIII

Подобную картину можно наблюдать и на башне IV. В северной и южной стенах устроены стреловидные бойницы, направленные вдоль стен цитадели (рис. 4, 23). Бойницы прямые высотой 0,5 и шириной 0,3 м. Еще южнее, на расстоянии 9,5 м находится другая прямоугольная башня III. Так как она перекрыта сверху более поздней башней, можно сказать, что ее внешние размеры достигают 5,25×4,25 м. Видимые кирпичи ее измеряются 0,37×0,37×0,10 м. В последующее время вместо пришедшей в негодность прямоугольной башни возводится большая полукруглая башня диаметром 6 м. Боковые стены ее сделаны с небольшим отко-

сом от центра. Башня, сложенная из кирпичей, размерами 0,37×0,37×0,10 м на желтоглиняном растворе, сохранилась на высоту 1,25–1,90 м. Снаружи она обмазана штукатуркой. Внутри-башенная камера была круглой в плане диаметром 3,15 м. Пол ее выстлан сырцовыми кирпичами того же формата.

От башни VIII, лежащей на расстоянии 12,50 м, сохранился только очень незначительный фрагмент южной стены длиной 1,75 м, шириной 0,75 м при высоте 0,4–0,5 м. Судя по внешней грани южной стены, эта башня была полукруглой. На юго-восточном склоне цитадели раскопана прямоугольная башня VI

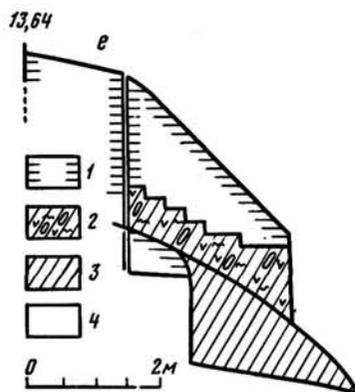
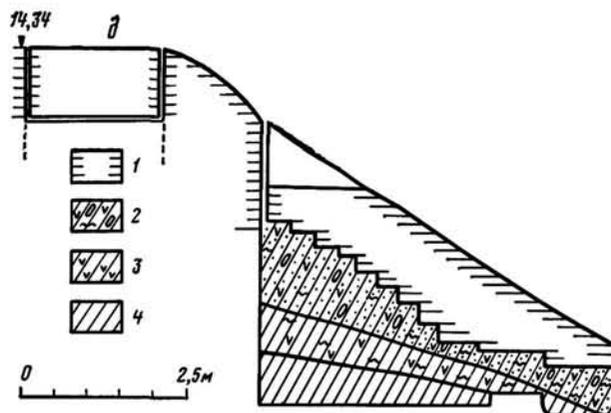
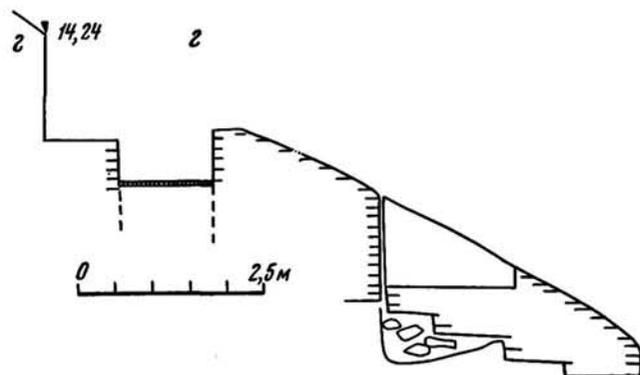
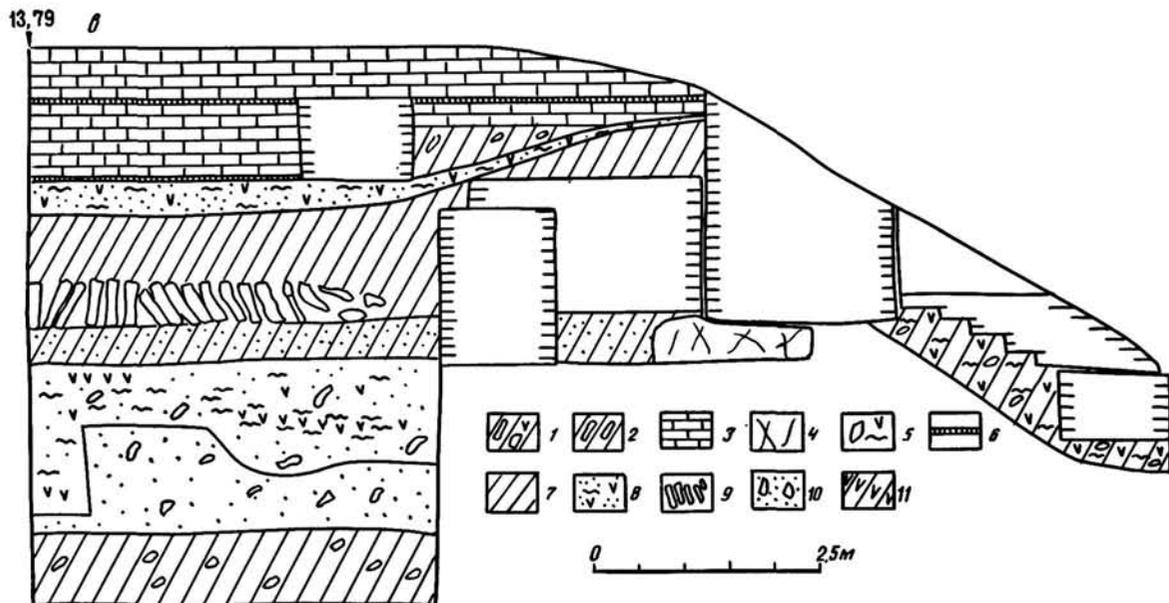

Рис. 21. Раскоп CVIII. Разрезы через южную стену цитадели
a — по линии А—А; *b* — по линии Б—Б; *e* — по линии В—В; *e* — по линии Г—Г; *б* — по линии Д—Д; *e* — по линии Е—Е; 1 — суглинок с включением углей и кусков кирпичей; 2 — супесь с включением кусков кирпичей; 3 — кирпичная кладка; 4 — нахса; 5 — супесь с включением золы, углей и сырцовых кирпичей; 6 — глинобитные полы; 7 — коричневый суглинок; 8 — супесь с горелыми включениями; 9 — завал сырцовых кирпичей; 10 — супесь с кусками сырцовых кирпичей; 11 — суглинок с углями

Рис. 22. Галерея северной стороны цитадели с хумами

шириной 4 м. Она выступает за линию стены на 3–3,5 м. Большая часть кирпичей, из которых сложена башня, имеет размеры $0,45 \times 0,30 \times 0,10$ м, но встречаются и кирпичи размерами $0,37 \times 0,37 \times 0,10$ м. В южной и северной стенах башни обнаружены нижние части бойниц шириной 0,20 м. На расстоянии 9,75 м находится полукруглая башня IX, диаметром 4,20 м. От нее сохранилась лишь нижняя часть, которая впоследствии была заложена сырцовыми кирпичами. Снаружи она покрыта плотным слоем глиняной обмазки, которая покрывала и внешнюю сторону поздней оборонительной стены. В 5 м к западу от нее лежит большая полукруглая башня X диаметром по верху 6 м с круглым внутрибашенным помещением диаметром 3 м. Внизу башня расширяется за счет уступов шириной 0,30 м. Башня сложена из кирпичей $0,36 \times 0,36 \times 0,11$ м и $0,38 \times 0,38 \times 0,11$ м, имела кирпичный пол и в целом аналогична башне III на восточном склоне. К западной стене башни примыкает контрфорс шириной 1,50 м и длиной 3,50 м, сложенный из

кирпичей размером $0,37(0,38) \times 0,37(0,38) \times 0,10$ м. Его высота 0,70–1,10 м. По-видимому, он был сооружен вследствие угрозы обвала оборонительной стены. Западнее башни X, на расстоянии 5 м от нее находятся остатки небольшой полукруглой башни XI. От нее сохранилась только восточная стена шириной 1 м, длиной 3 м. Любопытно, что южная часть с целью выравнивания поверхности была выстроена на предварительно сооруженной стене размерами $0,38 \times 0,38 \times 0,11$ м; $0,40(0,41) \times 0,40(0,41) \times 0,10$ м. В 0,70 м от северо-восточного угла прослежена бойница, обращенная на восток. По-видимому, ее внешние размеры, как и других полукруглых башен достигали 5 м. На расстоянии 5 м от вышеописанной башни лежит другая полукруглая башня XII диаметром 5 м. Стены толщиной 1–1,50 м ограничивают внутрибашенную камеру диаметром 2,20 м. Башня, сложенная из кирпичей $0,35 \times 0,35 \times 0,11$ м, сохранилась на высоту 0,50–1,50 м. Дальше к западу на расстоянии 5 м расчищена еще одна, третья по счету, большая полукруглая башня XIII. Ее диаметр 7,5 м при внутрибашенной камере в 3 м. Она также имела пол из сырцовых кирпичей. Но в отличие от ранее описанных аналогичных башен (III, X) внутреннее помещение ее было не круглым, а полукруглым. Другое отличие ее состояло в том, что наружные фасы ее не расширялись к основанию, а наоборот сужались ступеньками. Стены, сооруженные из кирпичей, размерами $0,40 \times 0,40 \times 0,12$ м, сохранились на высоту 1 м. В 10 м к западу от нее найдена стена шириной 1 м из кирпичей размерами $0,37 \times 0,37 \times 0,11$ м. Эта стена отходит под прямым углом от фаса поздней оборонительной стены. На южном конце видны следы ее поворота на восток. Скорее всего, данная стена является остатком прямоугольной башни XIV. Защита южного фаса завершалась большой башней или бастионом, фланкировавшим въезд на цитадель. За исключением больших полукруглых башен, все остальные башни обладали глинобитными полами. Стены башен частично закрывали некоторые амбразуры поздней оборонительной стены цитадели. Часть бойниц выходила во внутрибашенные камеры. Все это свидетельствует о одновременности строительства стены и башен. Во многих бойницах оказались заложены сырцовые кирпичи. Вероятно, ко времени сооружения башен бойницы потеряли свое значение и замуровываются, а изнутри замазываются глиняной штукатуркой. А сами стены наращиваются укладкой новых рядов сырцов. В самом строительстве видна поспешность, о чем свидетельствуют разномастные кирпичи, взятые наспех из разных ранних построек. Для выравнивания поверхности на полого спускающихся по склонам мусорных слоях, под передние части стен ба-

шен подкладываются дополнительные ряды кирпичей. Основания башен покоятся на одном и том же глинистом комковатом слое синева-коричневого цвета. Это свидетельствует о довольно коротком хронологическом отрезке, в который они были сооружены. Но, естественно, они не были одновременны. Для определения очередности их строительства ничего не дают ни размеры кирпичей, ни наблюдения за уровнями залегания нижних рядов стен башен и их полов. В одних случаях основания прямоугольных башен лежат ниже оснований полукруглых; в других случаях наблюдается обратное явление. То же можно сказать и об уровнях их полов. Считается, что для античного фортификационного искусства более характерными являются квадратные или прямоугольные башни, хотя изредка встречаются и округлые⁴⁸. На территории Южной Бактрии полукруглые башни появляются в эпоху бронзового века (Дашлы-1). Засвидетельствованы они на ахеменидских памятниках Алтын Дилар-тепе, Чор-Булак. Встречаются они на городище античного времени (Джигга-тепе). Ключом к решению данного вопроса является глиняная обмазка. На юго-восточном участке поздней оборонительной стены хорошо сохранилась глинобитная обмазка. Она составляет единое целое с обмазкой полукруглой башни IX. В то же самое время соседняя квадратная башня VI своими стенами закрывает эту обмазку. Таким образом, башня IX и, вероятно, все остальные полукруглые башни возведены ранее квадратных. Полукруглые башни располагались на расстоянии 18 м друг от друга. Несколькими позднее между ними возводятся квадратные башни. На южной стороне цитадели для защиты наиболее опасного участка, каковым всегда являлся вход, полукруглые башни стояли ближе друг к другу — на расстоянии 10 м. Вместе с тем, большая полукруглая башня III перекрывает остатки ранее сооруженной квадратной башни, можно сказать, что данный тип является самым поздним по времени. Установление относительной хронологии не исключает того факта, что хорошо сохранившиеся ранние башни могли функционировать в поздние периоды.

В последующее время, после общего разгрома города, башни и оборонительные сооружения использовались в качестве жилых и хозяйственных построек.

Хронология

Установление времени возникновения фортификационных сооружений и различных строительных работ, связанных с их реконструкциями и ремонтами, вызывает значительные трудности. Бесспорно, наибольший отрезок времени городской жизни относится к кушанской

эпохе. Как известно, сам по себе вопрос о датировках кушанского времени весьма сложен и противоречив. В своей работе мы принимаем наиболее распространенную точку зрения, отправным моментом которой является датировка начала правления Капишки I — 78 г. н. э.

Как отмечалось выше, самым ранним оборонительным сооружением на городище Дильберджи является пахсовая стена, открытая па цитадели. Сравнение ее с другими памятниками подобного рода заставляет предварительно отнести ее к концу ахеменидского периода. Керамика, происходящая из разреза стены и прикладки к ней, в основном представлена фрагментами цилиндроконических кубков, различных размеров, и хумов, сделанных из розовой глины с белой обмазкой снаружи. Такая керамика типична для памятников конца ахеменидского времени⁴⁹. Вероятно, первое поселение, укрепленное ранней стеной, основывается несколько позже времени присоединения Бактрии к державе Ахеменидов — скорее всего в V в. до н. э. Укрепленное поселение находилось на естественном холме. У основания холма был выкопан ров, глина из которого использовалась для возведения стены. Вокруг подножья холма располагалось неукрепленное поселение, которое почти полностью было уничтожено при последующих строительных работах. Именно этим обстоятельством объясняется факт находки ахеменидской керамики в сбросе за городской чертой на раскопе XI и в грунте платформы цитадели, сооруженной позднее. Несколько позже, по-видимому, уже в IV в. до н. э., ранние укрепления подвергались подновлению, выражавшемуся в прикладке к внешней стороне старой пахсовой стены, также пахсовой обкладки. Причем эта прикладка покрывала и естественный склон холма. В толще прикладки также найдены фрагменты цилиндроконических кубков.

Второй этап существования фортификационных сооружений на городище Дильберджи связан с созданием города в его теперешних границах. Вся территория вокруг раннего поселения огораживается городской стеной, имеющей форму почти правильного квадрата. Ахеменидское укрепление оказалось в геометрическом центре нового города. Тип прямоугольного или квадратного в плане города встречается в эллинистическом, парфянском и кушанском градостроительном искусстве. Нет никакого сомнения, что па формирование регулярного города Центральной Азии оказала большое влияние эллинистическая традиция. Широкая градостроительная политика, проводимая Александром Македонским и его преемниками, породила новый тип города, окруженного стенами и башнями, идущими по прямым линиям. Это объяснялось тем фактом, что па обширных просто-

рах азиатских плоскогорий и равнин не всегда удавалось найти подходящую возвышенность для основания города, защищенного, помимо стен, условиями рельефа. Таковыми были общие очертания Александрии, Никеи, Дамаска, Селевкии на Тигре, Александрии Эсхата, Антиохии Маргианской и многих других городов. Традиция создания города прямоугольной или квадратной формы сохранилась в греко-бактрийский период. Сочетание прямоугольной формы города с регулярной планировкой городской территории служит бесспорным свидетельством большого влияния эллинистического градостроительного искусства на греко-бактрийское градостроительство. По такому принципу было построено в III в. до н. э. городище на месте современного Термеза⁵⁰, сооружена основанная во II в. до н. э. Капаса (городище Беграм)⁵¹, воздвигнута крепость II в. до н. э. Кухна-кала⁵², построено городище III—II вв. до н. э. Кей-Кобад Шах⁵³ и др. Подобные принципы градостроительства продолжали бытовать в кушанскую эпоху⁵⁴. Зачастую греко-бактрийские города обладали цитаделю, смещенной к одной из городских стен (Дальверзин-тепе)⁵⁵. На городище Дильберджиин, как уже отмечалось выше, в северо-восточном углу имелось самостоятельное укрепление, отделявшееся от остальной городской территории стеной, аналогичной по конструкции городским укреплениям и составлявшей единое целое с ранней стеной нижнего города. По всей видимости, внутри этого самостоятельного укрепления находились важнейшие общественные и культовые сооружения, в том числе и главное городское святилище.

Немаловажное значение для датировки ранних городских укреплений имеет изучение строительных приемов и материалов, из которых они возведены. Выше указывалось, что ранние городские стены представляют собой комбинированную пахсово-сырцовую кладку. Аналогичный строительный прием используется и при сооружении укреплений, возникших в греко-бактрийское время (III—II вв. до н. э.): Дальверзин-тепе, Хайрабат-тепе, Кей-Кобад Шах, Карабаг-тепе. Подобная техника строительства встречается на памятниках Хорезма IV—II вв. до н. э. Г. А. Пугаченкова отмечала, что сочетание пахсовой и сырцовой кладок характерно для строительного дела последних веков до нашей эры⁵⁶.

Следует обратить внимание и на размеры самих кирпичей. При строительстве ранней городской стены использовался кирпич размерами 0,40 (0,42) × 0,40 (0,42) × 0,09 м, 0,49 (0,50) × 0,49 (0,50) × 0,09 (0,10) м. Кирпичи подобных крупных размеров использовались при возведении ранних укреплений на Дальверзин-тепе (0,44—0,46 × 0,44—0,46 × 0,10—0,12 м) и Карабаг-тепе (0,41 × 0,40 × 0,10 м)⁵⁷, в Мерве, Хорезме,

Нисе и городище Ай Хапум (0,40—0,44 × 0,40—0,44 × 0,10—0,14 м)⁵⁸.

Принципиально важное значение для датировки фортификационных сооружений имеют исследования главного городского храма, имевшего длительную и сложную строительную историю. Как известно, самый первый строительный период существования святилища называется И. Т. Кругликовой с поздним греко-бактрийским временем⁵⁹. Этот ранний храм был сооружен, как и первоначальные городские укрепления, из комбинации пахсы и сырцовых кирпичей. Причем, размеры последних совпадают с размерами сырцовых кирпичей, использовавшихся при возведении фортификационных сооружений. Но самое главное состояло в том, что ранний храм и первые городские укрепления имеют единый уровень пола, бесспорно свидетельствующий об их одновременности.

На городище Дильберджиин были обнаружены находки, которые несомненно восходят к греко-бактрийскому периоду⁶⁰. Особое место среди этого материала принадлежит монетам. Находки монет селевкидских и греко-бактрийских царей свидетельствуют о непрерывности жизни в послеахеменидское время. Вышеперечисленные разнообразные данные позволяют отнести время строительства первых фортификационных сооружений, одновременных времени создания раннего святилища, к концу III—первой половине II в. до н. э., т. е. к концу греко-бактрийского периода. Именно в этот период небольшое поселение превращается в город со своими укреплениями, святилищами и другими компонентами, присущими городским центрам.

В то же самое время на цитадели предпринимаются огромные работы. Старые укрепления (стены и рвы вокруг них) засыпаются пластами глины и суглинка. Они полностью скрыли под собой остатки ахеменидского укрепления. В результате была создана колоссальная платформа. Находки в слоях этой платформы фрагментов исключительно ахеменидской керамики указывает на то, что при ее создании было почти полностью уничтожено ранее существовавшее поселение. Эти находки дают *terminus post quem* при определении времени возведения платформы. Платформа занимала территорию значительно большую площади ахеменидского укрепления. Но если по южной и северной сторонам она была шире только на 3 м, то с восточной стороны платформа расширялась на 7 м. В настоящее время нельзя судить с определенностью о цели создания такой гигантской платформы, поскольку она вскрыта лишь на незначительной площади. Вполне возможно, она предназначалась для создания новой цитадели или дворца правителя. Не исключено, что она могла быть задумана как подий,

для создания какого-то грандиозного святилища. Судя по тому, что никаких монументальных остатков, связанных с этой платформой не обнаружено, можно думать, что проект так и остался неосуществленным. Данные работы следует связать, скорее всего, также с концом греко-бактрийского периода. Большой объем работ, потребовавший не только значительной затраты сил, но и времени, был прерван начавшимся в середине II в. до н. э. вторжением на территорию Бактрию юечжей.

К следующему третьему строительному периоду принадлежат лишь небольшие по масштабам ремонтные работы. Они выразились в первую очередь в обкладке с наружной стороны юго-западной угловой башни города сырцовыми кирпичами. Причем, размеры кирпичей этой кладки (0,42×0,42×0,10 м) весьма близки кирпичам рапшей стены, что, вероятно, свидетельствует о временной близости между строительством городской стены и ее подиумными.

На цитадели, несколько выше платформы засвидетельствовано два строительных периода. Остатки их весьма невыразительны. Часть стен была вырублена в самом массиве платформы. Некоторые из стен могли выполнять оборонительные функции. Расположение этих строительных остатков между более ранними сооружениями греко-бактрийского времени и несколько поздними постройками эпохи Великих Кушан позволяют видеть в них следы строительной деятельности второй половины II—I вв. до н. э. С этими строительными остатками связаны находки тонкостенных красноглиняных бокалов, близкие по формам бокалам, найденным при раскопках нижнего горизонта Большого дома⁶¹.

Новый четвертый этап в развитии городских укреплений Дильберджица выразился в строительстве вокруг всей городской территории новой линии укреплений. Причем старые городские стены там, где они сохранились, были включены в систему новых фортификационных сооружений. Пространство между старыми и новыми городскими стенами было засыпано и превращено в галерею. В город вело несколько ворот, фланкированных с двух сторон башнями.

На цитадели этому времени, очевидно, соответствуют остатки, которые лежат непосредственно под основанием оборонительной галереи более позднего времени. Как указывалось, они прослежены почти по всем склонам. Причем, с наружной стороны они везде ограничиваются пахсовой стеной, за которой находятся жилые помещения. Наличие этой стены по всему периметру цитадели и ее расположение по краю поселения не может не свидетельствовать о ее оборонительном характере.

В четвертый строительный период была предпринята реконструкция фортификационных сооружений города. С наружной стороны линии городских стен была сооружена дополнительная стена. Северо-восточные ворота закладываются кирпичами, и в них оставляется только узкая калитка. На месте южного въезда создается единый бастион. Само место ворот переносится на прясло степы восточнее первоначального въезда. Северо-восточный угол усиливается за счет прикладки с внешней стороны пахсово-кирпичной обкладки. Находка двух монет с легендой Сотери Мегаса позволяет установить *terminus post quem* для этого строительства. Одна из них найдена в пахсе пандуса, ведущего к новым городским воротам. Другая обнаружена среди кирпичей обкладки северо-восточного угла.

На этом основании предшествующий — третий строительный период, связанный с созданием новой линии укреплений, вместо приписанной в негодность старой, можно отнести к правлению Кадфиза I, с именем которого и связываются указанные монеты, т. е. к концу I в. до н. э. — началу I в. н. э. Если же мы вновь обратимся к наблюдениям за строительными периодами в храме, то увидим, что крупные перестройки в главном городском святилище также датируются временем Куджулы Кадфиза. Причем, уровень пола этого строительного периода соответствует уровню основания новой городской стены на северной стороне городища Дильберджица.

Эта дата тем более кажется вероятной, что новое государство должно было вначале укрепить и только потом приняться за укрепление оборонеспособности своих городских центров. На первых же этапах существования купаны использовали старые городские укрепления, оставшиеся от греко-бактрийского времени, и лишь по мере необходимости реставрируя их (как это было в юго-западном углу городища). При преемнике основателя купанского государства Кадфизе II были предприняты ремонтные работы, выразившиеся в основном в усилении углов за счет сырцовых и сырцово-пахсовых прикладок.

Пятый период. Новые крупные работы несомненно произошли в период наивысшего расцвета Кушанского государства в правление Канишки в конце I — начале II в. Создание дополнительной стены фактически являлось созданием еще одной линии обороны города. Косвенным подтверждением большой строительной деятельности на городище, проводимой в правление Кадфиза I и Канишки служат наблюдения за строительными периодами главного святилища города. Именно с периодами их правлений связываются крупные строительные работы в храме.

Не менее важные строительные работы предпринимаются на цитадели. Поверх старых сооружений проводятся планировочные работы, заключающиеся в срывании верхних частей предыдущих построек и засыпке их глиной, а местами и сырцовыми кирпичами. На выравненной таким образом поверхности возводится сплошная круглая галерея. Находок керамики, которые можно с уверенностью отнести ко времени ее сооружения и существования, крайне немного. Среди них преобладают фрагменты розовоглиняных кубков, розовоглиняных и сероглиняных, чернолощенных мисок с кольцевыми углублениями в донной части. Керамика подобной формы, обнаруженная на городище Дальверзин-тепе, датируется эпохой Великих Кушан⁶². Аналогичные формы керамики, датируемые французскими археологами этим же временем, найдены на городище Ай-Ханум⁶³. На это же время указывает и найденная у основания галереи монета Канишки. На основании вышеказанного оборонительную галерею можно датировать концом I — началом II в. н. э.

Шестой период. Спустя некоторое время происходят значительные изменения городских укреплений, связанные с периодом упадка и частичных разрушений. Оборонительная галерея на цитадели превращается в складское помещение. Ее бойницы, частично закрытые хумами, закладываются кирпичами и замазываются глиняной штукатуркой. Однако сама по себе стена еще продолжала выполнять свои оборонительные функции, как на это указывает факт проведения против нее осадных мероприятий (подкоп и действие степобитных машин). При этих же военных действиях пострадали и укрепления нижнего города. Они заключались в частичном разрушении передней стены и повреждении верхних частей раннего бастиона и башен на южной стороне городища.

Седьмой период. Через некоторое время разрушенные городские укрепления Дильберджикина восстанавливаются. Но при этом они претерпевают значительные изменения. Пришедшая в негодность передняя стена срывается, но не до основания, а только до высоты около 2 м. При этом уровень земли между основной городской стеной и остатками передней стены был немного приподнят. В результате сразу за рвом, окружавшим с внешней стороны город, но впереди городской стены, образовался мощный эскарп, препятствовавший действию степобитных орудий и доступу к укреплениям города. Поскольку передняя стена перестала существовать, исчезла и необходимость в проходах, ведущих к ее бойницам. Первоначально оставленная в северо-восточных воротах калитка и проход, прорубленный в предшествующий период у юго-восточной угловой башни, закла-

дываются кирпичами. Башни с паружной стороны обкладываются паховыми обкладками, в которых были продолжены амбразуры, ведущие из внутрибашенных помещений. По самые большие перестройки затронули бастион, фланкировавший подступы к воротам. Впереди старой галереи строится повая, большая по размерам. Внутреннее помещение старой галереи превращается в святилище Геракла. Автор раскопок Г. А. Пугаченкова датирует этот этап существования городских укреплений концом II — началом III в. В таком случае некоторый упадок фортификационных сооружений Дильберджикина приходится на II в. н. э. События, связанные с осадой города и разрушением его укреплений, следует отнести к концу третьей — началу четвертой четверти II в. н. э.

Одновременно восстанавливаются и укрепления на цитадели. В тех местах, где ранняя стена достаточно хорошо сохранилась, она была включена в состав поздних укреплений. На других участках строится повая стена с совершенно отличной системой бойниц. Находка монеты Васудевы II в слое рухнувших сырцовых кирпичей у ее основания на северной стороне холма и аналогичной монеты из кладки этой стены на южном фланге укреплений, позволяют считать период правления этого кушацкого царя временем создания поздней оборонительной стены на цитадели.

Таким образом, седьмой строительный период укреплений Дильберджикина довольно точно датируется концом II — началом III в. н. э. Указанные работы также соответствуют значительным перестройкам храма.

В последующий восьмой период строительство новых укреплений Дильберджикина велось в основном на цитадели. Оно выразилось в подполнении верхней части стены и в пристройке к ней башен. Выше уже разбирались очередность в их строительстве — полукруглые, квадратные, большие полукруглые с круглой внутрибашенной камерой. Усиление оборонительных укреплений цитадели связано с возрастанием военной опасности. Использование разномастных кирпичей, взятых из различных построек, и возведение их непосредственно на мусорном грунте, свидетельствует о той поспешности, с которой они сооружались. Такая военная угроза в первой половине III в. н. э. возникла для кушаки со стороны государства Сасанидов. Таким образом, строительство первых двух типов башен следует отнести к указанному времени.

Археологические исследования оборонительных укреплений Дильберджикина показывают, что они прекратили свое существование в результате военных действий. Во многих местах на лагах башен и входов в них обнаружены брошенные глиняные ядра, которые несомненно

были подготовлены для отражения штурма. Но принятые меры не предохранили город от захвата и разгрома. После этой катастрофы старые фортификационные сооружения утратили свое значение. Стены и башни ветшают, во внутривагонных помещениях и галереях, ведущих к ним, скапливается надувной песок и куски рухнувших кирпичей с затечными следами. В некоторых местах (по южной стороне города) входы в башни и коридоры, ведущие к ним и на верхний ярус стены закрываются пристроенными вплотную жилыми комплексами кушано-сасанидского времени.

В последующее время, относящееся уже к кушано-сасанидской эпохе, городская жизнь на городище была сосредоточена на цитадели. Два верхних строительных горизонта, на основании многочисленных находок кушано-сасанидских монет датируются концом III—IV вв. н. э. И если в ранний кушано-сасанидский период укрепления на цитадели еще возвышались, хотя использовались уже как жилищно-хозяйственные постройки, то в позднее время поселение на цитадели не имело следов укреплений.

В нижнем городе этим двум периодам соответствуют два уровня полов, относящихся к периоду использования остатков городских укреплений в качестве жилищ и хозяйственных построек.

При эфталитах городская жизнь на городище прекращается, о чем свидетельствуют находки двух погребений этого времени, совершенных на заброшенных городских укреплениях: одно — на стене бастиона, другое — в верхней части заполнения внутривагонного помещения ранней юго-западной угловой башни.

Любопытно отметить, что предлагаемая датировка различных строительных периодов городских укреплений Дильберджины совпадает в своих основных чертах с датами перестроек оборонительных сооружений Северной Бактрии, расположенных на территории нашей страны. Так, на городищах Дальверзин-тепе, Карабаг-тепе, Кей-Кобад-Шах, основания которых относятся к III—II вв. до н. э., крупные перестройки оборонительных стен относятся ко времени Великих Кушан⁶⁴. В Карабаг-тепе, помимо реконструкций в правление Каннишки, засвидетельствованы новые работы при Васудеве II.

Таким образом, существование поселения и его укреплений на городище Дильберджины имеет длительную и сложную историю. Изучение фортификационных сооружений показывает картину становления, периодов расцветов и упадков, гибели городской жизни. Городище Дильберджин с его укреплениями представляет собой пример бактрийского города, непрерывно существовавшего на протяжении нескольких столетий. Возникшее в ахеменидское время поселение обладало типичным для данного государства укреплением в виде паховой круглой в плане стены. Созданный на его месте греко-бактрийский город обладал укреплениями, которые имеют аналогии в других памятниках античной Бактрии. После включения территории Южной Бактрии в состав кушанского государства укрепления города перестраиваются в соответствии с приемами и строительными материалами, характерными для кушанской фортификации и архитектуры данного региона. Постепенное угасание городской жизни на городище и запустение его укреплений отражает те исторические процессы, которые переживала Бактрия в конце IV—V вв. н. э.

¹ Воронина В. Л. Из истории среднеазиатской фортификации.— СА, 1964, № 2, с. 42. Ров (Ширина 20 м и глубина 5 м) окружал укрепления нижнего города городища Ай Ханум (*Leriche P. Ai Khanoum un rempart hellénistique en Asie Centrale.*— RA, 1974, Paris, p. 232, fig. 2).

² Пугаченкова Г. А. Новое в изучении Дальверзин-тепе.— СА, 1971, № 1, с. 187; *Альбаум Л. И. Бала-лык-тепе.* Ташкент, 1960, с. 41; *Юркевич Э. Л. Городище кушанского времени на территории Северной Бактрии.*— СА, 1965, № 4, с. 159.

³ Кругликова И. Т. Дильберджин. М., 1974, с. 10 и сл.; *Пугаченкова Г. А. К познанию античной и ранне-средневековой архитектуры Северного Афганистана.*— В кн.: *Древняя Бактрия.* М., 1976, с. 137.

⁴ Кругликова И. Т. Дильберджин, с. 49 и сл.

⁵ Кругликова И. Т. Дильберджин, с. 56.

⁶ Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, с. 48 и 52.

⁷ Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, табл. 34 и рис. 66.

⁸ Кругликова И. Т. Дильберджин, с. 49.

⁹ Раппопорт Ю. А., Трудиновская С. А. Городище Гяур-

Кала.— Тр. ХАЭЭ, М., 1970, т. II, с. 350 и сл.; *Толстов С. П. Древний Хорезм.* с. 90.

¹⁰ *Le Berre M., Schlumberger D. Observation sur les remparts de Bactres.*— MDAFA, Paris, 1969, t. XIX, p. 76, pl. XXXIV—XXXIX.

¹¹ Воронина В. Л. Из истории..., с. 43.

¹² Пугаченкова Г. А. Пути развития..., с. 48.

¹³ Кругликова И. Т. Дильберджин, с. 52, 53.

¹⁴ Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 90, рис. 19, 20; Воронина В. Л. Из истории..., с. 49, 50; Пугаченкова Г. А. Пути развития..., с. 46, 47, 52; *Кошелев Г. А. Парфянская фортификация.*— СА, 1953, № 2, с. 62, 68, рис. 7.

¹⁵ Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 47, 90, рис. 19, 20; *Кой-Крылган-кала.* М., 1967, с. 43; *Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е.* Археологические работы в Хазараспе в 1958—1960 гг.— *Материалы ХАЭЭ, М., 1963, VI, с. 195; Воробьева М. Г. Работы на Капарасе.*— АО 1973 г. М., 1974, с. 502.

¹⁶ *Hopkins C. The Fortifications. The Excavations at Dura-Europas.*— Preliminary report of 5 season of work. New Hawen, 1934, с. 1—11; *Кошелев Г. А. Парфянская фортификация,* рис. 5; *Дурдыев Д. Кырк-тепе.*— Тр. ИНАЭ АН Туркм. ССР, Ашхабад,

- 1959, V, с. 126.
- ¹⁷ Литвинский Б. А. Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфганском районе (в Ворухе).— КСИИМК, М., 1956, вып. 64, с. 72, рис. 30.
- ¹⁸ Кругликова И. Т. Дильберджин, с. 53 и сл.
- ¹⁹ Пугаченкова Г. А. Пути развития..., с. 52; Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 90, рис. 28.
- ²⁰ См. статью Г. А. Пугаченковой «Раскопки южных городских ворот Дильберджина» в данном сборнике, и иллюстрации к ней.
- ²¹ Пугаченкова Г. А. К познанию..., с. 141.
- ²² Leriche P. Ai Khanoum..., p. 239.
- ²³ Кузьмина Е. Е., Певзнер С. Б. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад шах.— КСИИМК, М., 1956, вып. 64, с. 80.
- ²⁴ Пугаченкова Г. А. К познанию..., с. 141.
- ²⁵ Пугаченкова Г. А. К познанию..., с. 142.
- ²⁶ Ранее Г. А. Пугаченкова отрицала существование рва вокруг города. (Пугаченкова Г. А. К познанию..., с. 143).
- ²⁷ Пугаченкова Г. А. К познанию..., с. 135, рис. 64; некоторые из знаков встречаются и при раскопках памятников античной эпохи на территории нашей страны. См.: Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, с. 115; Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 94; Раппопорт Ю. А., Трудновская С. А. Городище Гяур-Кала.— Тр. ХЭ, М., 1958, II, с. 354; Воронина В. А. Строительная техника древнего Хорезма.— Тр. ХЭ, М., 1952, I, с. 89—90; Дьяконов М. М. Древняя Бактрия.— В кн.: По следам древних культур. М., 1954, с. 225; Филанович М. И. Сырцовые кирпичи с клеймами древнего Мерва.— Изв. АН Туркм. ССР, сер. Обществ. наук, 1961, I, с. 43.
- ²⁸ Пугаченкова Г. А. К познанию..., с. 143.
- ²⁹ Пугаченкова Г. А. Пути развития..., с. 40.
- ³⁰ Her., I, 178—181; Wetzel F. Die Stadtmauern von Babylon. Leipzig, 1930, p. 7.
- ³¹ ВИА. М., 1970, т. I, с. 292, рис. 1.
- ³² Her., I, 98.
- ³³ Dienelouy M. L'acropole de Suse. Paris, 1890, fasc. 2.
- ³⁴ Safar F. Hatra and the First Season of Excavations. Sumner, 1951, N 1, p. 3—16.
- ³⁵ Литвинский Б. А. Предварительный отчет о работах Хутталевского отряда в 1954 г.— Тр. АН Тадж. ССР, 37. Сталинабад, 1959, с. 81.
- ³⁶ Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 169, рис. 106, 107.
- ³⁷ Пугаченкова Г. А. К познанию..., с. 143.
- ³⁸ Пугаченкова Г. А. Пути развития..., с. 29.
- ³⁹ Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 100, рис. 35.
- ⁴⁰ Пугаченкова Г. А. Пути развития..., с. 19 и 20.
- ⁴¹ Воронина В. Л. Из истории среднеазиатской фортификации.— СА, 1964, № 2, с. 51.
- ⁴² Пугаченкова Г. А. Пути развития..., с. 29, 39, 40.
- ⁴³ Кругликова И. Т., Сарияниди В. И. Пять лет работы Советско-Афганской археологической экспедиции.— В кн.: Древняя Бактрия. М., 1976, с. 6, рис. 2; Сарияниди В. И. Памятники монументальной архитектуры Бактрии.— СА, 1977, № 1, с. 203 и сл., рис. 1, 3.
- ⁴⁴ Кругликова И. Т., Сарияниди В. И. Пять лет работы..., с. 12, рис. 9 и 10.
- ⁴⁵ Кругликова И. Т. Кушанское городище Емши-тепе в Северном Афганистане.— КСИИМК, 1973, вып. 136, с. 106; Кругликова И. Т., Сарияниди В. И. Пять лет работы..., с. 18, рис. 14.
- ⁴⁶ Пугаченкова Г. А. Жига-тепе.— В кн.: Древняя Бактрия. М., 1979, вып. 2, с. 63 и сл.
- ⁴⁷ Раскопки опровергли первоначальное предположение, что цитадель была прямоугольной (Кругликова И. Т. Дильберджин, с. 9, рис. 1). Действительную форму цитадели отражает план, снятый В. Н. Ягодиным. См.: Krouglikova I. Les Fouilles de la mission archéologique Soviëto-Afghane sur le site gréco-kushan de, p. 408, fig. 1; Dilberdjin en Bactriane (Afghanistan).— CRAIBL, 1977, Octobre; p. 408, fig 1; Кругликова И. Т. Настенные росписи в помещении 16 северо-восточного культового комплекса Дильберджина.— В кн.: Древняя Бактрия, М., 1979, вып. 2, с. 121, рис. 1.
- ⁴⁸ Воронина В. Л. Из истории среднеазиатской фортификации, с. 47; Сарияниди В. И. Исследования памятников Дашлинского оазиса.— В кн.: Древняя Бактрия. М., 1976, с. 22; Кругликова И. Т., Сарияниди В. И. Пять лет работы..., с. 12, рис. 10.
- ⁴⁹ Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян).— МИА, М.: Л., 1953, № 37; Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы.— МИА, 1959, № 73; Тереножкин А. П. Согд и Чач.— КСИИМК, 1950, вып. 33; Сагдуллаев Т., Хакимов Э. Археологическое изучение городища Кызыл-тепе.— В кн.: Бактрийские древности. Л., 1976, с. 26 и сл., рис. 1—2; Запаров Ш. Х., Ргвеладзе Э. В. Раскопки древнебактрийского поселения Талашкан-тепе I.— В кн.: Бактрийские древности. Л., 1976, с. 21 и сл., рис. 1.
- ⁵⁰ ВИА. М., 1970, т. I, с. 352, 353.
- ⁵¹ Гиришман Р. Раскопки французской археологической делегации в Бергаме (Афганистан).— КСИИМК, 1946, XII, с. 13 и сл.
- ⁵² Литвинский Б. А. Предварительный отчет..., с. 69.
- ⁵³ Кузьмина Е. Е., Певзнер С. Б. Оборонительные сооружения..., с. 78.
- ⁵⁴ Юркевич Э. А. Кушанская культура на территории Афганистана, Пакистана и Индии.— Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1968, с. 8.
- ⁵⁵ Тургунов Б. А. Оборонительные сооружения..., с. 39 и сл., рис. 1, 4; Альбаум Л. И. Балалык-тепе, с. 13.
- ⁵⁶ Пугаченкова Г. А. Пути развития..., с. 29; Она же. К истории античной строительной техники Бактрии — Тохаристана.— СА, 1963, № 4, с. 76; Leriche P. Ai Khanoum..., p. 238.
- ⁵⁷ Тургунов Б. А. Оборонительные сооружения, с. 44, 45.
- ⁵⁸ Пугаченкова Г. А. К истории..., с. 73.
- ⁵⁹ Кругликова И. Т. Настенные росписи Дильберджина.— В кн.: Древняя Бактрия. М., 1976, с. 93.
- ⁶⁰ Кругликова И. Т. Дильберджин, с. 98.
- ⁶¹ Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А. Дильберджин. М., 1977, ч. 2, с. 17, 32, рис. 16, 26.
- ⁶² Пугаченкова Г. А. Новое в изучении Дальверзин-тепе.— СА, 1971, № 4, с. 192 и сл.
- ⁶³ Как любезно сообщил руководитель французской археологической миссии в Афганистане П. Бернар.
- ⁶⁴ Тургунов Б. А. Оборонительные сооружения..., с. 44, 45; Кузьмина Е. Е., Певзнер С. Б. Оборонительные сооружения..., с. 80.

RÉSUMÉ

«LES FORTIFICATIONS DE LA VILLE DE DELBARJIN

par V. S. Dolgoroukov

Le site urbain de Delbarjin représente un spécimen typique de la ville de l'Asie Centrale qui se composait d'une cité fortifiée, d'une citadelle et d'une banlieue qu'aucun rempart ne défendait. L'histoire de la subsistance du site et de ses fortifications est longue et compliquée. La première apparition de la population et l'édification de ses remparts primitifs remontent à l'époque des Achéménides. A ce qu'il paraît, à ce temps — là, en ces lieux n'existait qu'un site peu important qui était composé d'une fortification de dimensions non élevées occupant seulement une partie du terrain où une citadelle postérieure, se dresserait et d'une zone construite non fortifiée qui l'entourait. Les remparts datant de l'époque des Achéménides étaient constitués de lits de pakhsa. Le tracé de cette forteresse était de forme circulaire. Probablement juste à la fin de cette époque les remparts furent réparés, notamment on appliqua des glacis de pakhsa à la face extérieure de l'ancienne muraille.

Quoiqu'actuellement on n'a pas encore dégagé avec netteté, sur le site, une couche rattachable à l'époque gréco — bactérienne on a lieu à supposer que la vie sur le site ne cessât pas. Le sondage stratigraphique creusé sur la citadelle (chantier de fouille CVII) a montré que sous les fortifications achéménides se dressait une puissante plateforme en pakhsa, épaisse de deux à trois mètres, sur laquelle fut montée une muraille plus récente, assez importante, constituée aussi de lits de pakhsa. Dans le coin nord-est du site on a fouillé une tour (le local N 8), qui faisait partie du système de fortification le plus ancien de la ville basse. Il est à noter que la tour est située à proximité immédiate du temple. Il est fort probable que ce dernier dont l'état ancien est attribuable, d'après Mme I. T. Krouglikova, à la fin de l'époque gréco-bactérienne et ladite tour aient fait partie d'un seul ensemble. On pourrait croire que la tour fut synchronique au mur partant de l'angle sud-est de cette construction. Postérieurement par suite de l'édification des remparts qui avaient clôturés toute l'aire de la ville la muraille ci — mentionnée devint le mur intérieur d'une large galerie, dont la longueur révélée seulement de la partie orientale de l'angle nord-est de la ville monte à 95 m.

Cependant la majorité de fortifications de Delbarjin est attribuable à l'époque kouchane. Ce fut à cette période qu'on édifia les remparts sur tout le périmètre de la ville. Quant au quartier résidentiel se localisant au sud de la ville et à des constructions situées au — delà de la muraille orientale on les bâtit, semble-t-il, plus tard, une fois tout le territoire de la ville intra muros occupé par des constructions. Les murailles d'enceinte constituées pour la plupart de cas des briques crues des dimensions de $0,38 \times 0,19 \times 0,14$ m et plus rarement de celles des dimensions de $0,38 \times 0,39 \times 0,38$ — $0,39 \times 0,14$ m atteignaient l'épaisseur de 5,20 m. Ces murs furent renforcés par des tours espacées de 17 à 20 m. Chaque face de l'enceinte de ville en comportait douze sans compter les tours doubles près de la porte nord-est et de la porte sud et les tours angulaires.

Les murs ne sont autres que des maçonneries massives, sans creux, constituées des briques brutes. Une plate-forme étroite ouverte destinée aux archers les parcourait de tout leur long, du côté intérieur. Derrière les tours il y avait des galeries de petite largeur d'où l'on pouvait pénétrer dans les locaux intérieurs et atteindre les crêtes plates des murailles. Dans la ville on entraînait par plusieurs portes situées entre deux tours doubles. L'une de

ces portes est dégagée dans le coin nord-est du site, une autre au centre de la face méridionale des remparts. On peut s'attendre à découvrir les portes semblables pratiquées à la face occidentale et à celle septentrionale des fortifications de la ville. L'extrémité sud — est de la cité est décentrée à l'est et, de ce fait, la largeur de la galerie varie vers le bout septentrional de la face orientale de la muraille de ville. Ce qui semble témoigner en faveur de l'existence d'une ligne ancienne des remparts qui faisait les bâtisseurs de la prendre en considération pendant leurs travaux. Les menaies battues sous Soter Megas mises au jour dans les murailles remaniées lors de la deuxième période de construction offrent terminus post quem pour déterminer l'époque des travaux cités.

Compte tenu de la date suffisamment précise de la deuxième période de construction des fortifications de la ville qu'on rattache à la fin du Ier-début du IIe siècle de notre ère l'édification des premiers remparts sont à remonter à l'ancienne époque des Kouchans. Il est fort peu vraisemblable que les travaux d'une si grande envergure ayant pour but de fonder une ville et de l'entourer par des constructions de fortification auraient pu être entrepris par ceux qui venaient d'abandonner leur situation nomade peu après leur conquête de la Bactriane à la seconde moitié du IIe siècle avant notre ère. Il est plus plausible que la transformation de Delbarjin en une grande ville et l'édification des murailles qui la cernèrent aient eu lieu quelque temps après la naissance de l'Etat des Kouchans, plutôt aux confins du Ier siècle avant notre ère et du Ier siècle de notre ère. Le plan des fortifications de la citadelle aux débuts de l'époque kouchane n'est pas entièrement clarifié. Probablement il est à y rapporter la muraille constituée des briques crues, qui atteint à peu près 3 m d'épaisseur. Cette muraille se dresse sur les vestiges du mur en pakhsa datant de l'époque gréco — bactérienne mais elle est inférieure aux soubassements de la galerie. Un creux parcourant la base de la colline de la citadelle nous donne lieu à supposer la subsistance d'un second fossé.

A la période de la puissance sublime des Kouchans les fortifications de la ville de Delbarjin subirent des modifications notables.

La porte de ville nord-est fut partiellement bouchée avec des briques et il n'en resta qu'un portillon. La porte de ville méridionale fut également murée. L'emplacement d'une autre porte fut transféré plus au sud à la courtine de la muraille. Pour installer une récente porte de ville méridionale les maçonneries des briques crues furent décomposées jusqu'au socle des remparts aussi en briques. On accédait jusqu'à la porte par une pente douce construite en pakhsa. En même temps deux tours anciennes qui avaient protégées la porte initiale se trouvèrent transformées en un puissant bastion car une galerie d'archers y fut adjointe du côté de la muraille extérieure. A la face extérieure du rempart méridional on accola une muraille complémentaire qui se prolongeait de la porte principale jusqu'à l'angle sud-est de la ville. Sur la citadelle fut montée une galerie de défense, de tracé circulaire, renforcée, par endroits, des contreforts, qui embrassait toute la colline actuelle. A ce qu'il paraît, ce fut à l'édification de la galerie de défense entourant la citadelle que fut dédiée une inscription dont on a trouvé les fragments au cours du dégagement du temple. Les investigations sur la citadelle ayant mis au jour des ensembles résidentiels implantés à l'étroit, à une architecture et

à des mobiliers relativement pauvres ces travaux sont plutôt à mettre en rapport avec l'édification d'une construction aussi importante qu'était une galerie de défense. Cette date est aussi confirmée par une monnaie battue sous Kaniška, découverte à la base de la galerie. Une monnaie frappée sous Vāsudeva II, retrouvée dans la plante du pied de la statue d'Héraclès provenant du sanctuaire qui était anciennement un des locaux de la galerie du bastion appartenant à la porte occidentale donne lieu à rattacher le troisième état de la première construction des remparts de la ville à la fin du Ier-au début du IIe siècle de notre ère.

L'étape suivante de la subsistance des constructions de fortification de Delbarjin est attribuable à l'époque du règne de Vāsudeva II. L'ancien bastion près de la porte principale méridionale fut renforcé par l'édification d'une nouvelle galerie de défense qu'on adjoignit à sa face extérieure. Dans la galerie ancienne on installa un sanctuaire d'Héraclès. On boucha définitivement le portillon qui existait encore sur l'emplacement de l'ancienne porte de ville nord-est. La monnaie ci — mentionnée retrouvée dans le pied de la statue d'Héraclès permet de dater, de façon sûre, ce travail de la fin du IIe-début du IIIe siècle de notre ère. La galerie de défense de la citadelle fut transformée, sous les successeurs de Kaniška, en des khoum-khanas. Ensuite ces locaux furent ruinés au cours de quelques actions d'assauts ennemis. Pendant les hostilités la garnison de la citadelle assiégée utilisaient divers mécanismes de guerre et menaient des sapes. Sous Vāsudeva II, au-dessus des vestiges de la galerie, fut monté une nouvelle muraille de fortification trouée de deux rangées de meurtrières. Là où les murs de l'ancienne galerie étaient conservés plus au moins bien ils furent inclus dans la système de fortifications tardives de la citadelle.

Les rangées inférieures des meurtrières furent destinées à porter atteinte à l'ennemi qui étaient aux abords des murs. Tandis que des archères des rangées supérieures on tirait sur les ennemis se trouvant assez loin de la citadelle, au — delà de son fossé. Il est à noter que les meurtrières inférieures assuraient le passage direct des projectiles. Celles de la rangée supérieure dont la nombre montait à trois étaient disposées en éventail. La disposition des meurtrières à l'intérieur de la galerie était telle

qu'un combattant pouvait, sans changer de place, tirer à travers cinq archères (dont deux appartenaient à la rangée inférieure et trois à celle supérieure). Ces faisceaux de meurtrières se trouvaient à la distance de trois mètres l'un de l'autre. Ayant défini que la longueur de la circonférence de la galerie atteignait 518 m et que pour desservir un faisceau de meurtrières on avait besoin d'un seul guerrier on peut calculer que pour défendre toute la citadelle il aurait fallu 178 personnes. Outre cela on avait besoin d'un certain nombre de combattants pour défendre les portes, les portillons l'entrée et aussi une réserve peu nombreuse pour des sorties et pour attaquer l'ennemi au cas où ce dernier pénétrerait dans la ville. Probablement le nombre total de défenseurs ne dépassait guère 240—250.

À la fin de la période kouchane, probablement en face d'une menace de l'invasion des Sassanides on renforça le rempart de la citadelle en y ayant accolé les tours de tracées rectilignes et demi-circulaires. À ce qu'il paraît, ce furent justement à ces événements que furent dus les travaux de réparation des tours de la muraille d'enceinte méridionale, qui reçurent des garnitures de pakhsa.

Les recherches sur les constructions de fortification de Delbarjin montrent que ces dernières cessèrent de subsister par suite des événements de guerre. Dans plusieurs endroits, sur les sols et à l'entrée des locaux des tours on a découvert les amoncellements de balles de fronde en argile qu'on avait sans doute préparées pour repousser les attaques. Comme le montrent les couches épaisses de matériaux apportés par les eaux de précipitation qu'on a signalées sur les sols et au-dessus des seuils d'entrées dans les locaux des tours les fortifications de porte de la face méridionale de la ville étaient en abandon pendant un long laps de temps et se ruinaient.

À l'époque kouchano — sassanide la vie de la ville était concentrée sur la citadelle. Compte tenu de nombreuses trouvailles des monnaies battues sous les Sassanides on date les deux périodes de construction supérieures de la fin du IIIe — IVe siècle de notre ère. Aux débuts de l'époque kouchano — sassanide les constructions de fortification de la citadelle se draissaient encore.

Г. А. Пугаченкова

РАСКОПКИ ЮЖНЫХ ГОРОДСКИХ ВОРОТ ДИЛЬБЕРДЖИНА

В 1973—1974 гг. автором статьи проводилось археологическое изучение главных городских ворот Дильберджина (рис. 1). Раскопки осуществлялись при участии инспектора Института археологии Афганистана М. Самани и некоторое время также А. Гауса.

Эти ворота располагаются в центре южной стены городища, т. е. некогда были обращены в сторону главной дороги к столичному Балху-Бакрам. В микрорельефе здесь до производства работ выделялись глубокая седловина въезда, выступающий наружу массив огромного привратного сооружения типа бастиона с западной стороны и оплыв небольшой башни — с восточной.

Раскопками был охвачен участок этих сооружений с прилегающими отрезками крепостной стены (рис. 2). Общее протяжение вскрытой площади 80 м, ширина от 5—7 до 35 м в районе главного бастиона. Высотные отметки здесь сильно колеблются, достигая в наивысшем участке до 10 м. Для соблюдения точных соотношений различных архитектурных и стратиграфических уровней на самой возвышенной точке главного бугра был установлен репер, относительно которого засекались полуметровые ярусы (они отмечены на чертежах) (рис. 2, а, б).

Установлено, что привратные сооружения — особенно главный бастион — претерпели ряд перестроек, архитектурно-фортификационных добавлений и существенных изменений самих своих функций. В истории этих видоизменений выявлено шесть основных периодов.

I период связан с начальным возведением городской крепостной стены Дильберджина. Два участка этой стены, вскрытые с восточной и западной сторон от привратных строений, имеют толщину 3,8 м и включают внутрстенную галерею (0,8—1 м). Из нее ведут выходы к стрелковым камерам, на отдельных участках устройства ступени, позволяющие спускаться или подниматься на разные уровни укреплений. Снаружи стена и восточная башня имеют небольшие докольные выступы (на 40 или 20 см). Кладка выполнена очень тщательно из сырца 39—38×38×12 см, с широкими швами, скрепленными глиняным раствором (рис. 3). Эта кладка особенно хорошо сохранилась ввиду восточного отрезка стены, где ее сберегли много-

вековые оплывы. Одновременно со стеной, вперевяз с ее кладкой, и из того же сырца были возведены восточная башня и западное сооружение. Их состояние значительно хуже — расчистки выявили здесь глубокие пробоины, явный след ударов степобитных машин.

Восточная башня шириной 8 м выступает на 4,8 м за линию стены и включает стрелковую камеру (3,75×1,8 м), со временем подвергавшуюся переделкам.

Западное укрепление было значительно сложнее (рис. 4, 1). Оно представляло прямоугольное двухбашенное сооружение 24,8 м в длину, выступавшее относительно стены на 7 м и включавшее два яруса стрелковых камер (камеры 4/12, 3/17, 5/13, 19/18¹). Они прямоугольные в плане и несколько варьируют в размерах: до 2 м по ширине при длине от 5 до 7 м. Связь этажей путем спуска или подъема осуществлялась через небольшие галереи 9 и 10 со ступенями. Отметки полов нижних камер относительно репера 6,5—6,8 м, верхних камер — 3,2—3,5 м. Перекрытия камер были сводчатыми. В нижнем этаже они сохранились целиком (хотя в камере 18 свод и находится в аварийном состоянии), в верхнем же ярусе разрушены и лишь в камере 3 видны начальные ряды кладки. Все своды выведены отрезками из специально формованного сырцового кирпича клиновидной формы (размеры 36×28—25×10 см, 37×27—24×11 см); на одной из постелей часто оттиснуты ладонь с пятью пальцами, иногда два-три пальца руки. Форма свода коробовая, приближающаяся к полуциркульной. Стены и своды камер оштукатурены, причем поверх первичной плотной глиняной штукатурки нанесен толстый, ныне отслаивающийся слой глиняно-саманной штукатурки, которая местами закрывает закладки первоначальных бойниц.

Бойницы камер второго этажа сохранились лишь в камерах 3 и 4 на высоте 1 м выше полов. Их по две: одна прямая, другая косая. У прочих же камер они нарушены позднейшими проломами, а по восточному и западному фасадам разрушены вплоть до нижних рядов кладки сами стены. Таким образом, общее число верхних бойниц неизвестно, но можно по аналогии предполагать, что во всех четырех верхних камерах были пучки прямых и косых бойниц. В нижнем этаже часть бойниц оказа-

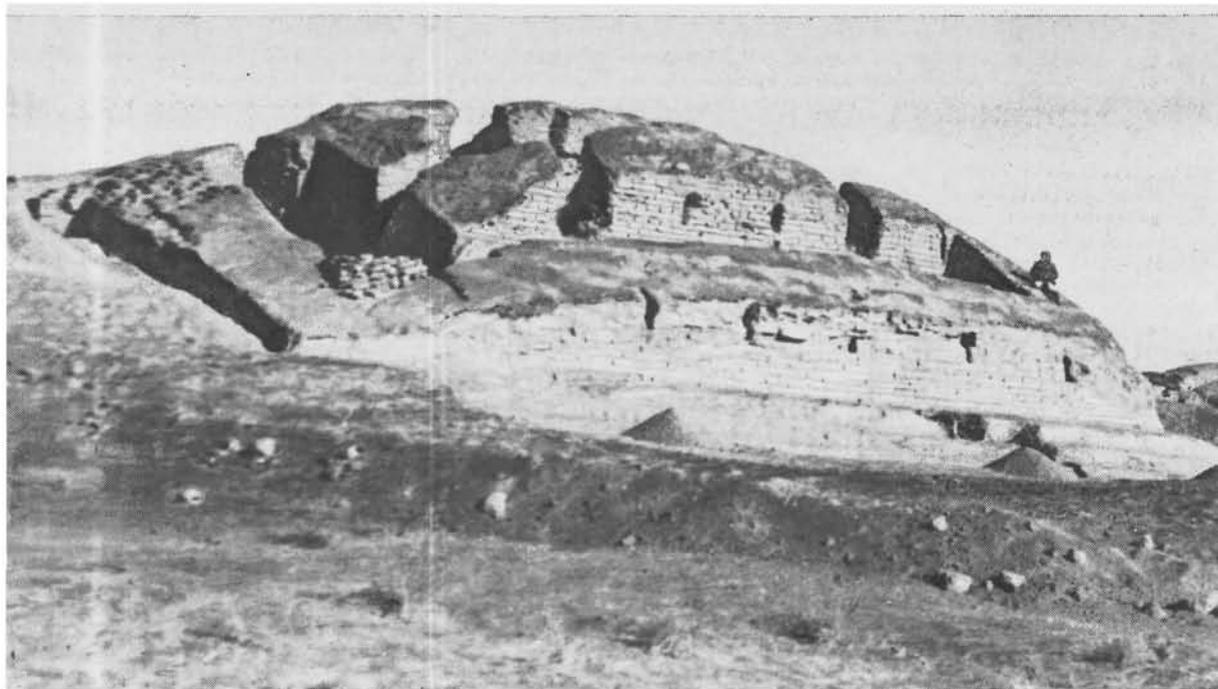
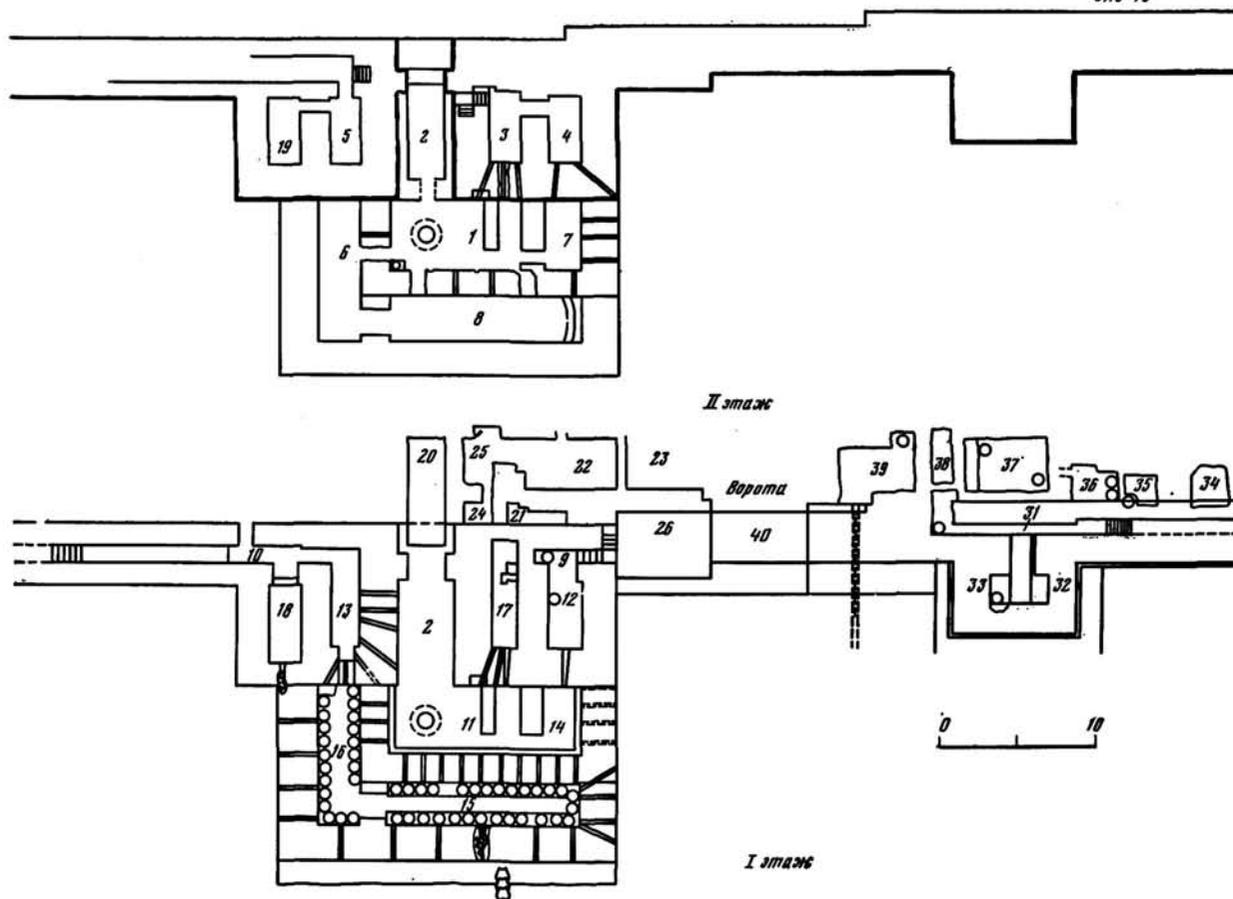

Рис. 1. Южные ворота Дильберджина. Главный бастион

Рис. 2. Сооружения у южных ворот Дильберджина. План первого и второго этажа. Жирной линией выделены очертания стен I периода

САЭ-75

лась прикрыта поздними закладками и штукатурками; удалось выявить две косых в камере 17, три прямых и три косых в камере 13, кроме того, в камерах 12 и 17 оказались щелевидные амбразуры для освещения, расположенные несколько выше бойниц.

В планировке описываемого сооружения особняком выделяется его центральная часть (помещение 2). Обращает внимание значительно больший, нежели в камерах, пролет этого отдела — 3,6 м и отсутствие замыкающей южной стены. Он оказался заложен на большую высоту, что потребовало извлечения до 100 куб. м сырцовых и глиняных забутовок. При этом было выяснено, что здесь-то первоначально и располагался высокий двухбашенный въезд в город. Стены выведены из того же сырца, что и вся первоначальная городская стена, на них сохранилась плотная глиняная штукатурка. В северной щипцовой стене обнаружен проем ворот, перекрытый аркой. Она была выведена радиальной кладкой сырца тычком, сохранившейся на семь рядов лишь с западной стороны.

Пол (или, точнее, утопанный слой глины) обнаружен на отметке 8 м от репера. На западную щелевую стену выходили из камеры 13 четыре бойницы, но на восточной стене симметричных бойниц, как можно было бы ожидать, не оказалось. Бойницы щелевидные, прямоугольные, нижняя грань их, идущая со скосом, на 1,2 м выше пола.

Примечательно, что общая система устройства южных центральных ворот Дильберджики аналогична воротам у северо-восточного угла восточной стены городища², совпадают пролет и конструкция арки въезда, но башни здесь крупней и число стрелковых камер большее.

II период ознаменован усилением оборонной системы (рис. 4, II). В эту пору первоначальные ворота с башнями преобразуются в мощный бастион, восточнее которого в стене пробиваются новые ворота. Перестройка бастиона осуществляется из сырца 35—36×35—36×10—11 см. К башням первоначальных ворот снаружи пристраивается длинная стрелковая галерея 1/11 (размером 12,6×4,5 м), которая соединяется под прямым углом наподобие буквы Г с былым проездом 2. Пол ее находится на отметке 7,45 м. В южной стене новой галереи внизу имеется десять высоких прямых бойниц, в западной — три, видимо, столько же было и на восточной (здесь большие разрушения). В верхнем же ярусе на южной стене было лишь пять бойниц, на восточной — три, на западной — две. Все бойницы прямые, форма нижних стреловидная (рис. 5), верхних прямоугольная. Вдоль нижних бойниц проходит полуметровая по высоте приступка шириной 45 см — для удобства опирающихся на нее коленом

Рис. 3. Стена и бойница I периода у восточной башни (а, б)

стрелков. Расположение же стрелков у верхних бойниц, видимо, обеспечивал легкий настил на деревянных консолях или стойках. В западной части новой галереи был вырыт колодец диаметром 1 м, снабжавший защитников бастиона водой.

С перемещением новых ворот во II строительном периоде к востоку от бастиона кладки первоначальной стены в избранном для въезда участке разбирают на ширину до 6,5 м. По обе стороны от него возвышаются нарастающие сырцовые массивы, где, очевидно, располагались камеры стражников, но главная система защиты обеспечивалась из бастиона и восточной башни.

Раскоп, заложенный вдоль въезда и поперечно к нему, показал, что сырцовые кладки проезжей части ворот возвышаются на 1,3 м над материком и что к ней подступает снаружи отлогий пандус, выложенный плотной забутовочной глиной.

В рассматриваемый период под стеной меж-

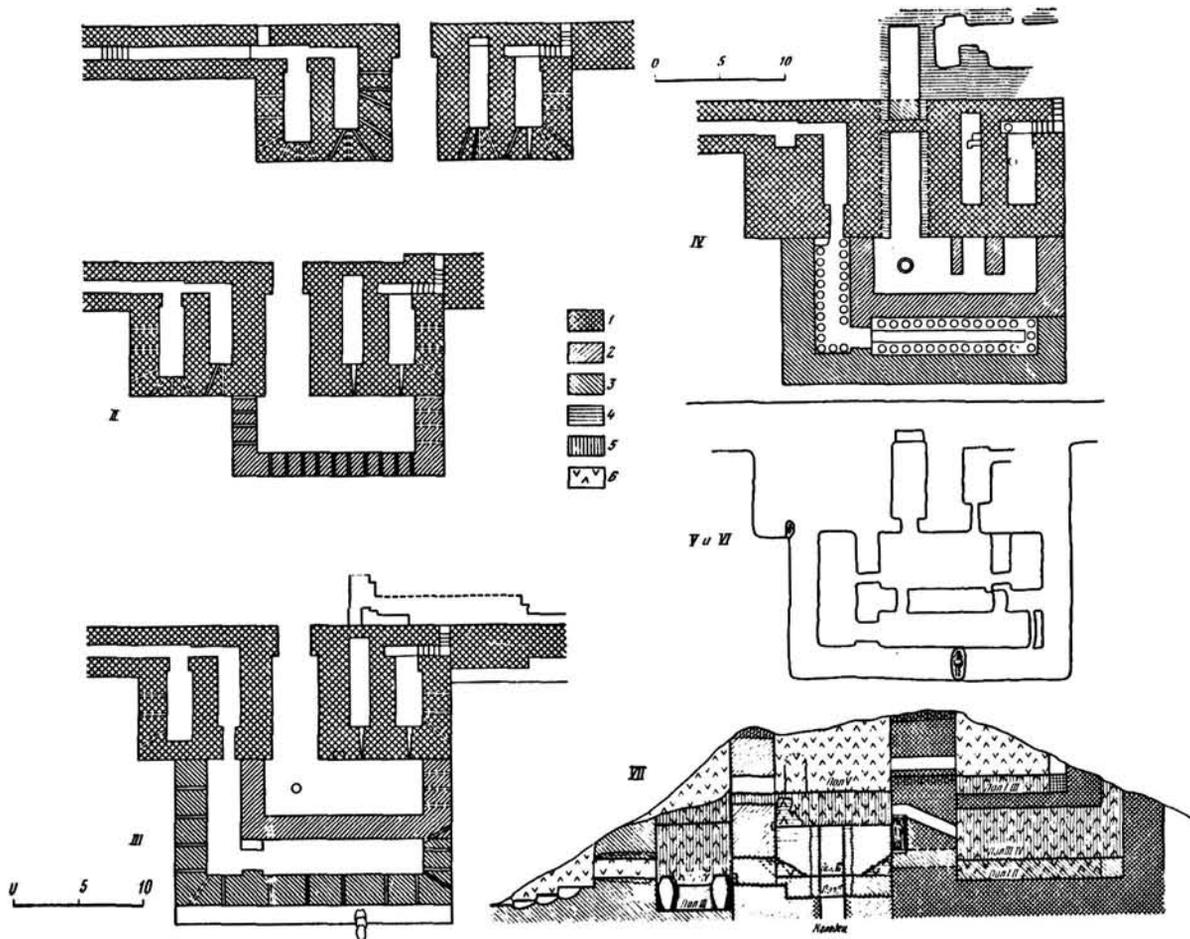

Рис. 4. Изменения плана привратных сооружений по периодам. Стратиграфический разрез с выделением периодов. (Бойницы первого этажа на планах переданы линиями, второго этажа — пунктиром)

I—VI — строительные периоды; VII — разрез; 1 — стены I периода; 2 — стены II периода; 3 — стены III периода; 4 — стены IV периода; 5 — стены V периода; 6 — заполненные периоды запустений и разрушений

ду восточной башней и новым проездом ворот сооружается городское сточное устройство, служившее для отвода со стороны города атмосферных вод, скапливавшихся у стен изнутри. С этой целью на глубине 2 м ниже подошвы стены укладывается три керамических кобура (они уходят вовне) диаметром 18 и 14 см. Котлован над ними закладывают сырцом 35×35×10 см, а над этой кладкой выводят разгрузочную арку в два переката пролетом 90 см. К кобурам, очевидно, подводил поглощающий колодец, но каково было его устройство на поверхности, неизвестно, так как позднее в этом участке появилась застройка (помещение 39) и водоотвод уже не действовал.

К концу II периода привратные укрепления претерпевают некоторые разрушения. На обра-

щенной к въезду стороне бастиона и восточной башне видны глубокие повреждения сырцовых кладок, видимо, удары стенобитных орудий, в дальнейшем еще разрушенные непогодой. Некоторые разрушения кладок водой и ветром видны и внутри галереи 1/11 в уровне нижних бойниц.

III период связан не только с починкой повреждений, но и дальнейшим усилением оборонных сооружений у ворот (рис. 4, III; 6). По обе стороны от въезда, вдоль его сырцовых устоев и по периметру восточной башни, выводятся паховые обкладки (1,8 м, 0,9 и 0,8 м толщиной). Забутовываются пахой верхние поврежденные участки этой башни. Главный же бастион получает существенное добавление — вдоль его южного и западного фаса выводится новая двухъярусная обводная галерея 8/15 (размеры 12,6×3 м) и 6/16 (размеры 9,1×3 м) (рис. 2). Уровень ее пола на отметке 8 м. Материал постройки — сырец размерами 33—34×33—34×9—10 см. В первом ярусе в западной стене устраиваются четыре прямые бойницы, в южной — шесть также прямых, а в восточной (игравшей главную роль в обороне ворот, когда враг приближался к ним) — две

прямые и две косые. Форма всех бойниц стреловидная. Стены второго этажа сохранились на небольшую высоту и потому расположение верхних бойниц остается неизвестным. Междуэтажное перекрытие было деревянным — на северной стене на уровне 4—4,3 м от пола видны круглые гнезда от балок.

Снаружи бастиона вдоль южного фаса была проложена сырцовая вымостка. Примерно в середине на ней уложены три входящие друг в друга половины хумов, образующих водосток для отвода дождевых и талых вод (рис. 7).

С появлением новой галереи 8/15 и 6/16 происходят переделки и других помещений: в камере 13 пробивается широкий проход, частично уничтоживший первоначальные бойницы. В камерах 12, 17, 19 выкладываются новые полы на 0,8—1 м выше первоначальных. В галерее 1/11 также появляется новый пол на 0,5 м выше предыдущего, над забутовкой из глины с разного рода культурными отходами, в частности с золой и керамическими шлаками. Этот пол частично перекрывает нижние бойницы камер первого периода на северной стене галереи 1/11 и потому их забутовывают глиной и кусками сырца. Особый интерес имеет ниша, выбитая в этой стене на высоте 1 м над уровнем нового пола, со статуей Геракла, о которой будет сказано дальше.

В рассматриваемый период со стороны города появляется новая застройка, примыкавшая к привратным сооружениям. Возле галереи 9 выводится продолговатая камера 21 (рис. 2), служившая арсеналом, в которой обнаружен целый склад глиняных ядер. Здесь же появляется какое-то сводчатое помещение 22 с нахсовыми стенами, а с противоположной стороны помещения 39 оба почти подступают к проему ворот и может быть были предназначены для охранников.

IV период ознаменован полной утратой оборонного значения степ, привратного бастиона и самих ворот (рис. 4, IV). Вдоль вскрытого нами восточного участка крепостной стены (а судя по микрорельефу и дальше за ним) оказались пристройки чисто бытового назначения (помещения 34—38). Камера внутри восточной баптии перегораживается надвое стенкой из сырца 34×34×10 см и преобразуется в две каморки 32 и 33. В большинстве из этих новых помещений стоят хумы, во многих устроены суфы и печи-тануры. Архитектура небрежна, углы комнат не всегда прямые, кладки то отвесны, то со скосом. Застройка бытового характера появляется и к северу от западного бастиона (помещения 20, 25).

Особенно наглядны переделки, связанные с изменением функций самого бастиона. Галерея 2 закладывается сырцовым кирпичом на 3,8 м выше пола II периода. Сырец разнофор-

Рис. 5. Бойница (II период). В ней лежали глиняные статуэтки

матный, взятый, очевидно, из различных пришедших в эту пору в упадок зданий Дильберджина и его фортификационных сооружений: квадратный (37—38×37—38×11 см, 36×36×10—11 см, 33×33×9—10 см — в одном из таких кирпичей оказалась монета Васудевы I), прямоугольный (54×34×11—12 см, 50×34×11—12 см), клиновидный (38×30—25×10 см, 37×27—24×11 см). Почти все кирпичи с простыми или фигурными знаками (рис. 8, а). В уровне нового пола вдоль стен выводится обкладка в один ряд сырцового кирпича, а в северном торце помещения устраивается ниша, на стены которой наносится роспись.

В восточной половине галереи 1/11 возводятся две поперечные стенки (одна из них отсекает помещение 14) и затем осуществляется забутовка, как и галерее 2, разноформатным кирпичом (рис. 8, б). Новый уровень пола здесь находится на отметке 4,7 м, т. е. на 2,1 м выше предыдущего. При этом наращивается по кругу обкладка колодца, который, таким образом, еще используется в данный период.

Галереи 15 и 16 преобразуются в хумханы (рис. 9, 10). Полы их посередине наращивают на 90 см сырцом и между этими полами и стенами ставят вереницы хумов. В помещении 15 их найдено 27 (судя по двум промежуткам, первоначально там было 29 хумов, но два уже в древности были изъяты), а в помещении 16 —

Рис. 6. На первом плане вымостка ворот II—III периодов; за ними восточная башня и внутренний коридор

Рис. 7. Водосток из вставленных друг в друга половинок хумов

20 хумов. Они очень крупные (все дошли до нас со сбитым на одну треть или наполовину верхом) при диаметре 70—80 см и первоначальной высотой до 1 м. Перед установкой хумов в помещении 15 бойницы северной стены, т. е. II периода, были заложены снаружи вертикально поставленными сырцовыми кирпичами, видимо, для того, чтобы из них на хумы не сыпалась глина забутовок. Внешние бойни-

цы также утратили свою оборонную роль судя по тому, что хумы частично закрывали их прорезы, да и сами по себе не давали стрелцам подступа к стене.

В IV период еще используются в практических целях те из стрелковых камер, в которых хорошо сохранились своды — культурные остатки этого времени отмечены в камерах 12, 17, 13. Но уже верхняя камера 5 превращена в место свалки битой посуды, сносившейся сюда долгое время.

Ворота, как таковые, теряют свое значение — кладка привратных устоев разрушается, сами ворота превращаются в крутой пандус — въезд на территорию города, стены которого уже не служат его защитой.

V период. Для него характерен дальнейший процесс упадка (рис. 4, V, VI). В помещении 2 на 80 см выше пола IV периода выкладываются новые кирпичные забутовки, живопись от этого уровня в нише сбивают, саму пишу забутовывают, а с противоположной стороны возводят стену с дверным проемом. Толстый зольный слой, окаленные и закопченные стены свидетельствуют о бытовом использовании данного помещения на этом последнем этапе его существования.

Помещение 1 заполняют на 1,2 м по высоте над полом IV периода следы естественных разрушений — обрушенные кладки стен и надув-

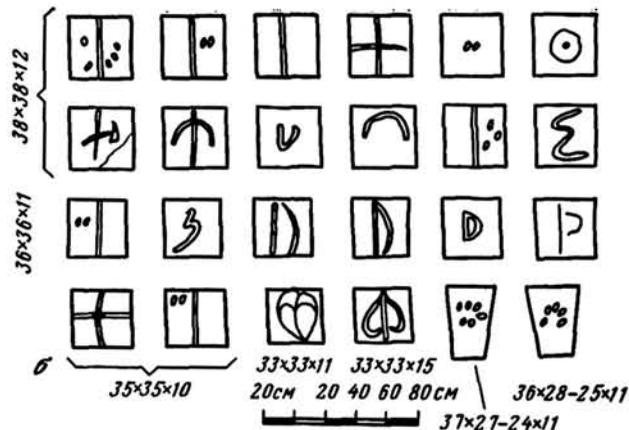
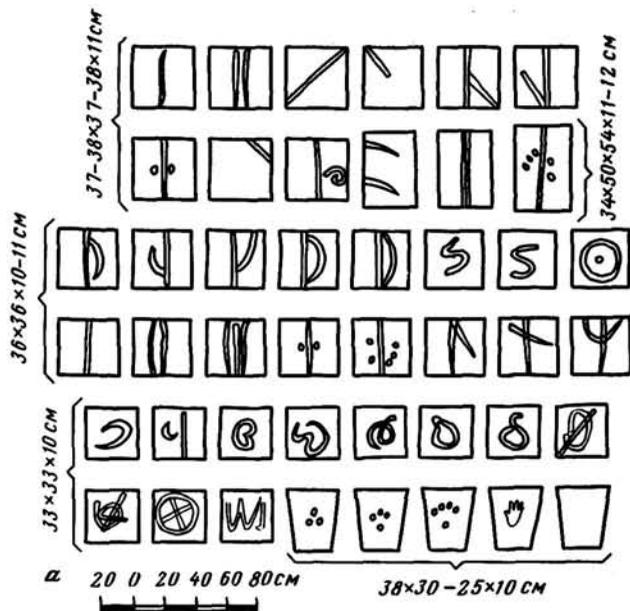
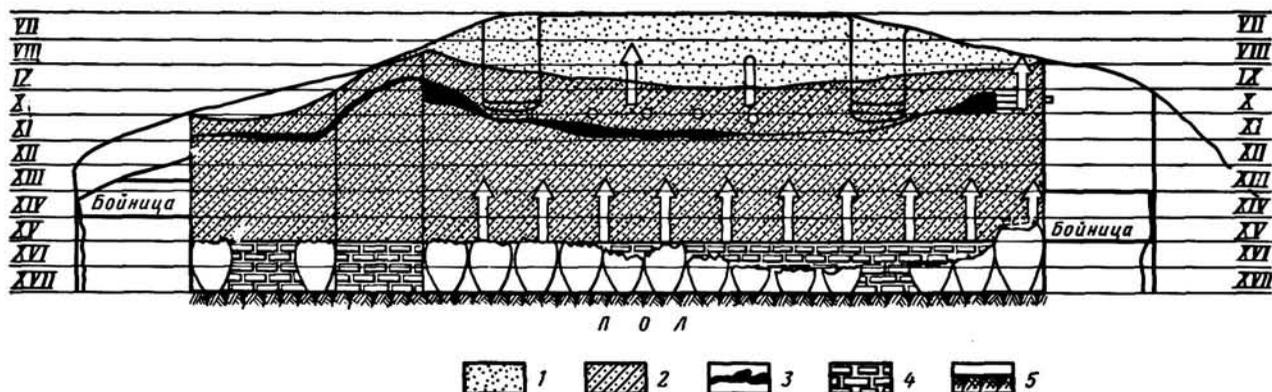

Рис. 8. Клейма на кирпичах из закладок
а — галереи I/II; б — помещения 2

Рис. 9. Разрез через галереи 6/16 и 8/15

ной песок. Но над этим слоем (на отметках 3,3–3,45 м) отмечается два слоя смазок новых полов с хозяйственными остатками на них.

В помещениях 6 и 8 накапливаются запасы песка и глины, но на отметках 1,4–1,5 м в них сосредоточены большие зольные линзы — показатель того, что здесь разводились очаги. В западной части помещения 8 на этом уровне была выведена несколько вкрявь суфа в четыре ряда сырца (34×34×10 см). Для связи использовавшихся в эту пору помещений 1, 2, 5, 6, 12 на том же уровне в стенах пробиваются соединяющие их проемы. Возможно, что еще используются некоторые нижние камеры с прочными сводами.

VI период. Бугры многих давно покпнутых сооружений Дильберджина: Д–V, Д–VII, а также бастиона Д–VIII становятся местом погребений. Захоронение ребенка, лежащего на спине головой на юг, обнаружено вверху

камеры 19, над бойницей. Другое погребение было опущено на южной стене бастиона в провал одной из центральных бойниц 1-го яруса, которую расширили и несколько углубили (следовательно, белая двухъярусная стена к этому времени сохранилась лишь частично по высоте). Костяк неполон, первоначальное положение его потревожено, но при расчистке мы обнаружили монету эфталитского чекана, которая дает хронологическую веку для датировки VI и последнего периода истории главного привратного сооружения Дильберджина.

Проблема абсолютных датировок достаточно четко решается для пяти выделенных по стратиграфическим данным периодов (рис. 11) — за исключением первого. В пахсе пандуса на 0,7 м ниже уровня проезда II периода обнаружена монета Сотера Мегаса. Она дает очень важный terminus post quem для данного периода, свидетельствуя, что преобразование бастиона и

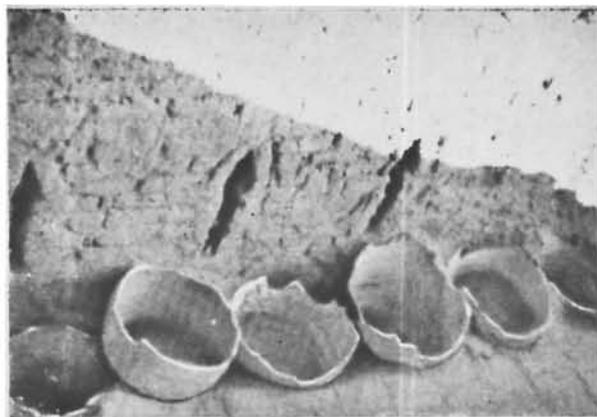
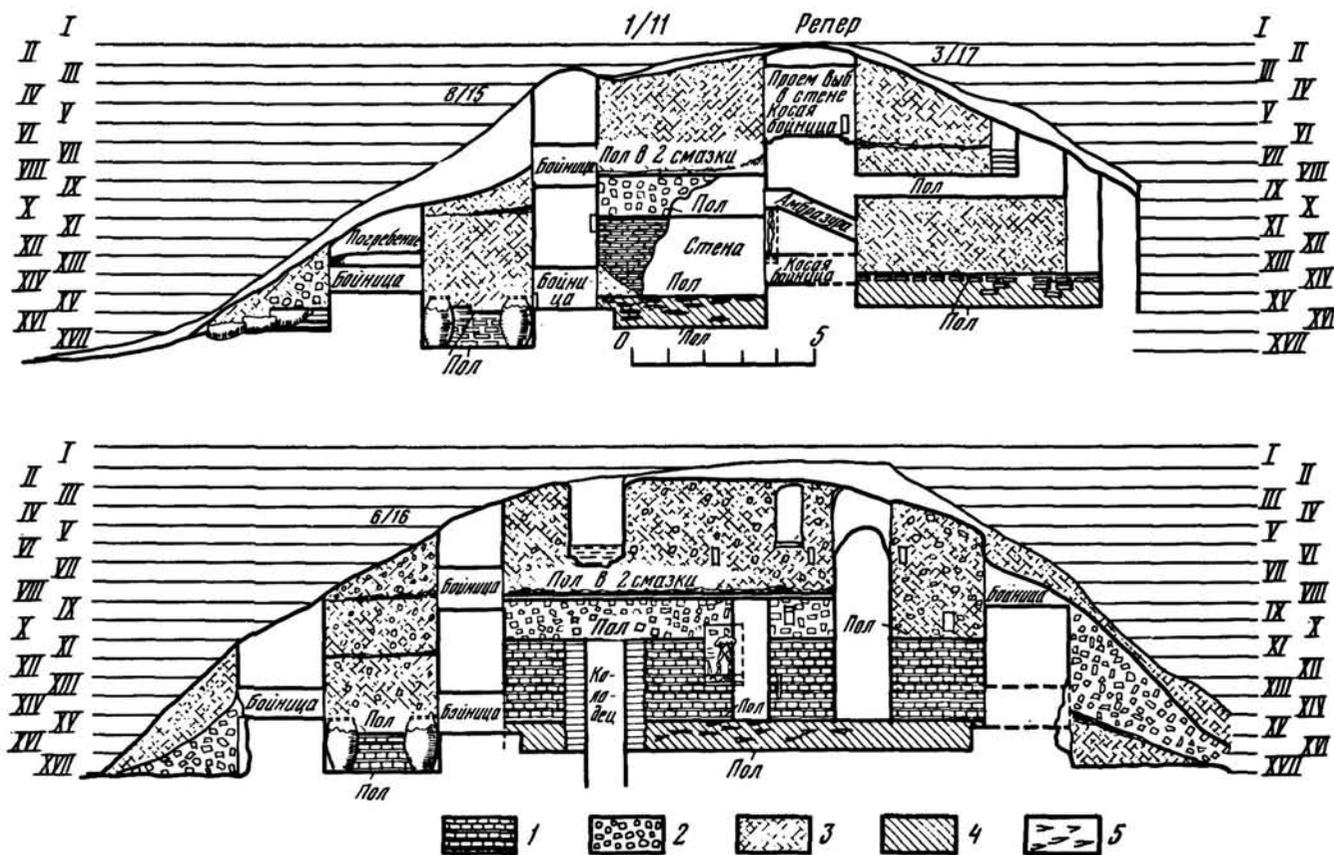

Рис. 10. Хумхана в галерее 6/16

Рис. 11. Главный бастион. Поперечный и продольный разрезы

1 — сырцовая забутовка; 2 — куски разрушенных кладок; 3 — надувной песок и глина; 4 — глина с хозяйственными остатками; 5 — зольные линзы и горелые слои; I—XVII — ярусы

перенос въезда на новое место произошли не ранее I в. н. э. III период также имеет уточненную дату благодаря тому, что при установке статуи Геракла в нише помещения 1/14 скульптор заложил в подошву его ноги медную монету безусловно из тех, что ходили в ту пору. Она принадлежит чекану Васудевы II (avers — государь прямо, слева алтарь; реверс — богиня Ардохшо на троне). Таким образом, III период датируется временем правления этого последнего из Великих Кушан, т. е. концом II — началом III в. н. э. Соответственно датировка

II периода уточняется, исходя из следующих данных. Создание взамен ворот I периода мощного бастиона наместо усилило оборонные качества нового главного въезда в город. После того протекает достаточно долгий срок его использования, но далее происходят какие-то военные события, когда в ход идут стенобитные машины, нанешие бреши в стенах. В силу этого при Васудеве II возникла необходимость в ремонте, перестройках и достройках центральных сооружений (III период).

Исходя из сказанного, датировка II периода,

скорее всего, может быть отнесена к концу I — началу II в. и связана с порой наивысшего могущества государства Великих Кушан при Капишке, когда во многих городах кушанской державы осуществляется большое фортификационное строительство. В пользу этого говорят крупный масштаб перестроек, перенос и расширение самих въездных ворот, работы по благоустройству (колодец в галерее 1/11).

Датировку II и III периодов пополняет также состав керамики из соответствующих стратиграфических слоев (рис. 12; 13). Среди характерных форм — чаши: раскинутые стенки со слегка загнутой внутрь или отогнутой закраиной, невысокий рельефный поддон с прогибом к середине; черенок плотный красноватого или кирпичного цвета, нередко двусторонний красный ангоб (иногда чаши без ангоба), на дне встречается вихревое лощение. Миски: глубокий резервуар с легким S-образным выгибом, нередко с оттянутой наподобие борта закраиной, поддон, как у чаш, ангоб чаще светлый, иногда красный. Кубки: широкий резервуар, иногда с перехватом, в одном случае с легкими

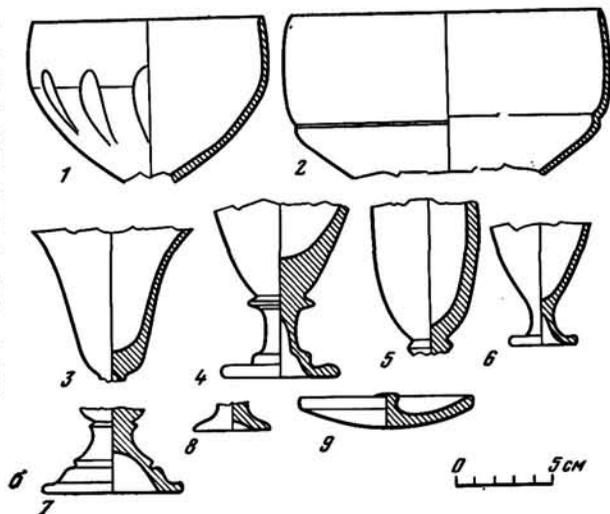
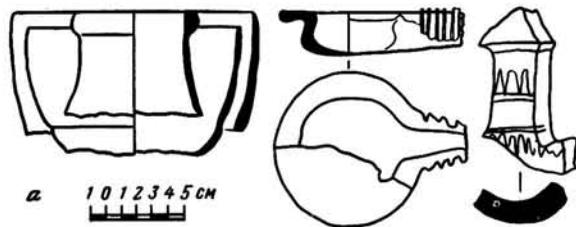

Рис. 12. Керамика

а — из слоя I—II периодов; б, в — из слоя II—III периодов

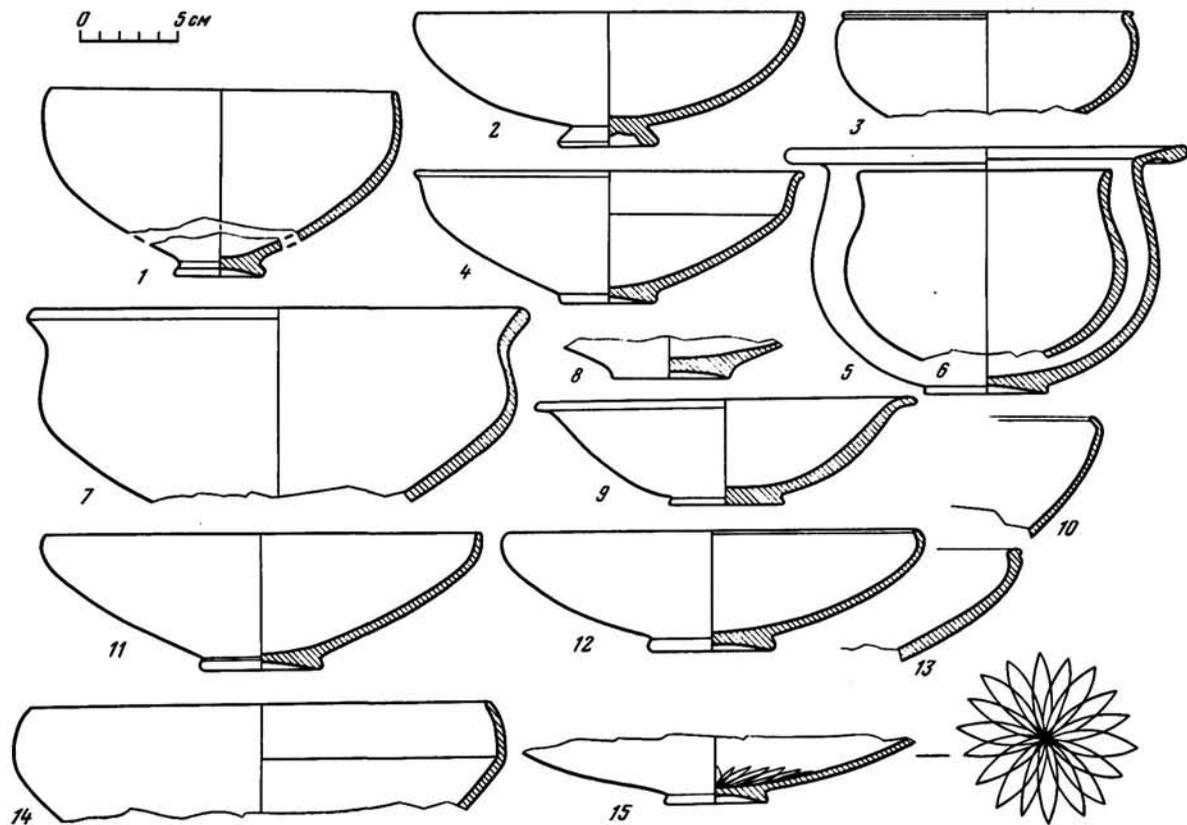

Рис. 13. Миска и чиряг (III период)

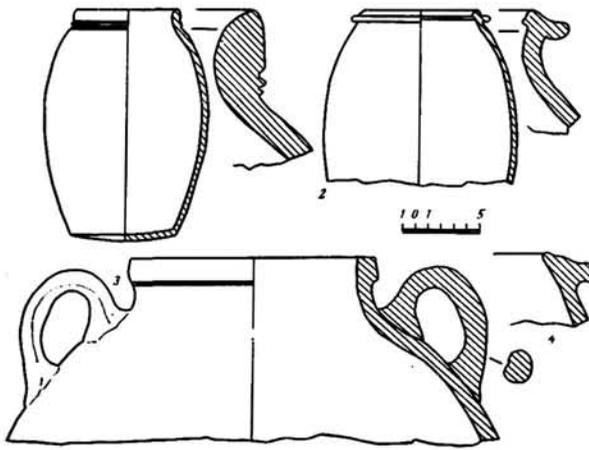

Рис. 14. Хумы

1 — II периода; 2—4 — IV—V периодов

миндалевидными вмятинами, полуконический поддон. Бокалы: рюмковидные, на профилированном, иногда довольно высоком полуконическом поддоне. Кубки и бокалы тонкостенные, черепок их плотный, красного или кирпичного цвета; двусторонний ярко-красный или вишневый ангоб, иногда полосчатое лощение. Кувшины (лишь во фрагментах) с выпуклой, иногда профилированной закраиной и плавно расширяющимся горлом, покрытие светлоангобное. Характерны небольшие крышки для кувшинов в форме выпуклого диска с шишечкой в середине. Чираги — светильники: круглые с отогнутым носиком (один из них был вмонтирован в стену помещения 1/11 напротив колодца). Встречаются фрагменты массивных светильников с профилированным стволом и чашевидным резервуаром. Хумы — выпуклый венчик с одним-двумя перехватами его у шейки, чуть выгнутое днище (рис. 14); черепок их плотный — розоватый или кирпичный по цвету, снаружи светлый ангоб. Имеются фрагменты лепных котлов с невыраженной закраиной, в тесте их — дресва.

Все эти сосуды находят полную аналогию в составе керамики из раскопок Д—V и Д—VII в слоях, датированных монетами Великих Кушан.

IV и V периоды восходят к III—IV вв. Об этом прежде всего свидетельствуют 6 монет кушано-сасанидского чекана из соответствующих стратиграфических слоев V периода помещений 1, 5, 6, 8. Монеты медные, мелкого номинала (диаметр от 10 до 12 мм), тоненькие, изображения печатные. Там, где последние прослеживаются, виден профиль государя вправо, а на реверсе аташдан (алтарь огня), причем на трех экземплярах на нем возвышается полуфигура с воздетыми руками³.

Существенным дополнением служит находка двух остраков; один обнаружен в свалке керамики в камере 5, а другой — над верхним полом нижней камеры 17, где вкупе с другими черепками отмечает последний этап пребывания в ней людей⁴.

Комплекс керамики этого времени заметно отличен от керамики периода Великих Кушан, хотя некоторая преемственность форм еще сохраняется (рис. 15—17). Кубки и бокалы исчезают. Черепок заметно грубеет, он тяжел, нередко с отягчающими примесями песка, цвет его в изломе бурый, иногда с перекалом. Основные виды сосудов: горшки с широким резервуаром, большим плоским дном и слабо выраженной горловиной, под которой иногда до обжига наносился какой-нибудь несложный знак. Котлы с как бы сплюснуто-округлым туловом и уплощенным дном. Кувшины двуручные или с одной ручкой, плоскодонные; по форме сходны с кушанскими, но грубей по выделке, черенок зеленоватого цвета, ангоба нет. Миски и чаши с глубоким резервуаром и преимущественно плоским дном — они тяжелы, бывают покрыты красновато-бурым ангобом, напесеным мазками. Имеются мелкие, небрежной лепки косметические сосудики. В свалке помещения 5 встречено несколько фрагментов с несложными штампами в виде овального листика или розетки — эти мотивы известны уже в кушанское время. Хумы и хумчи: в тесте большая примесь песка, венчик иного профиля, чем ранее, — с сильно оттянутой наружу закраиной. Во всем налицо резкое ухудшение гончарной технологии, небрежная выделка, огрубление форм. Впрочем, встречаются сосуды индивидуального характера. Такова небольшая фляга-мустахара — двухручная с надломами профиля и овальными вмятинами с двух сторон (рис. 18, 1). Своеобразен круглодонный кувшинчик с отверстиями в небольших отростках ручек для подвешивания, вокруг которых — напесные кружки.

VI период в истории приватных сооружений Дильберджина определяет монета эфталитского чекана из упомянутого выше погребения. Она из низкопробного серебра, с большой добавкой меди; диаметр 29 мм, вес 2,13 г. На аверсе в обводке огрубленно выполненный про-

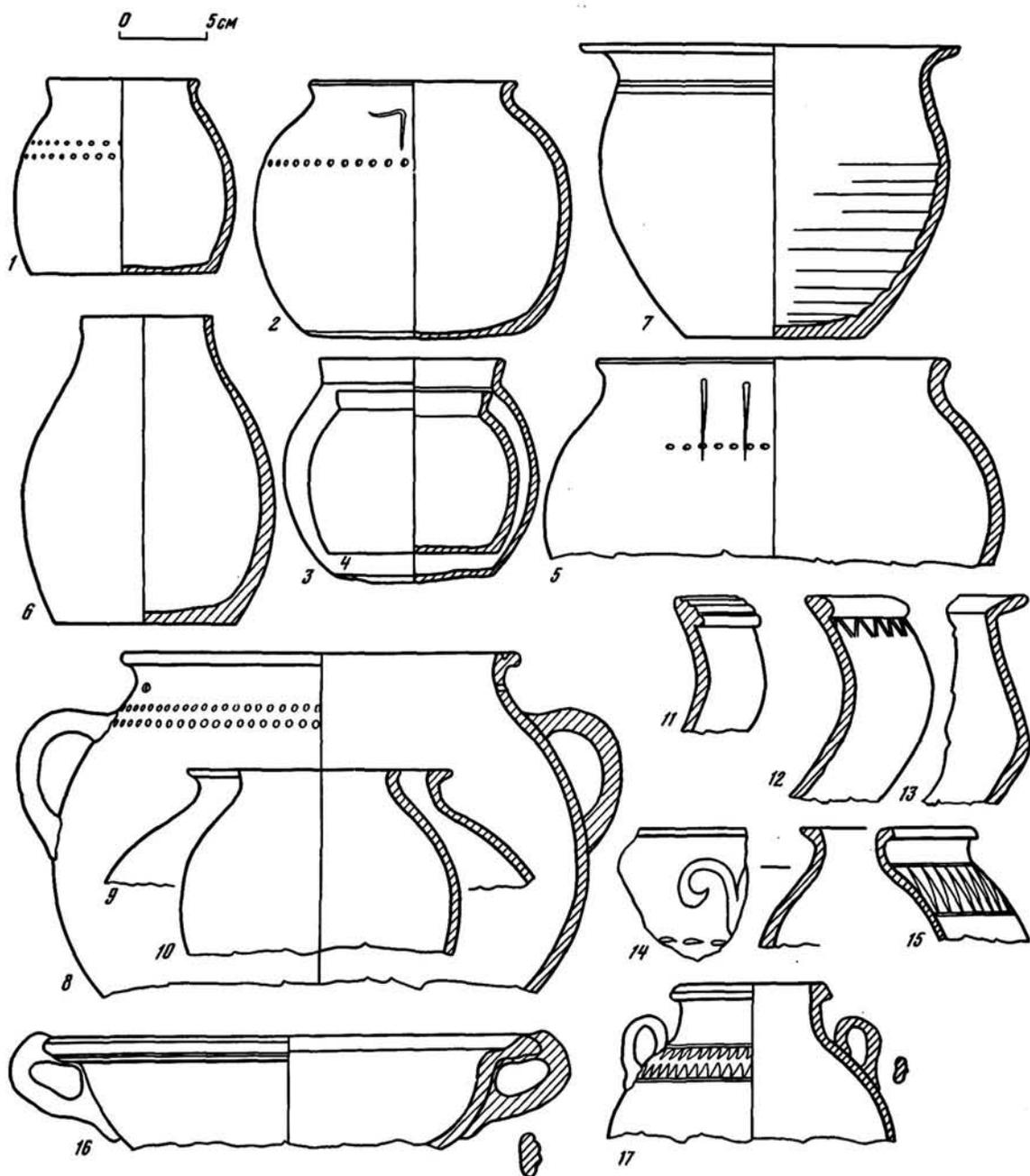

Рис. 15. Сосуды из свалки в камере 5 (1—17)

7, 14—17 — III периода; 6, 9—13 — IV—V периодов

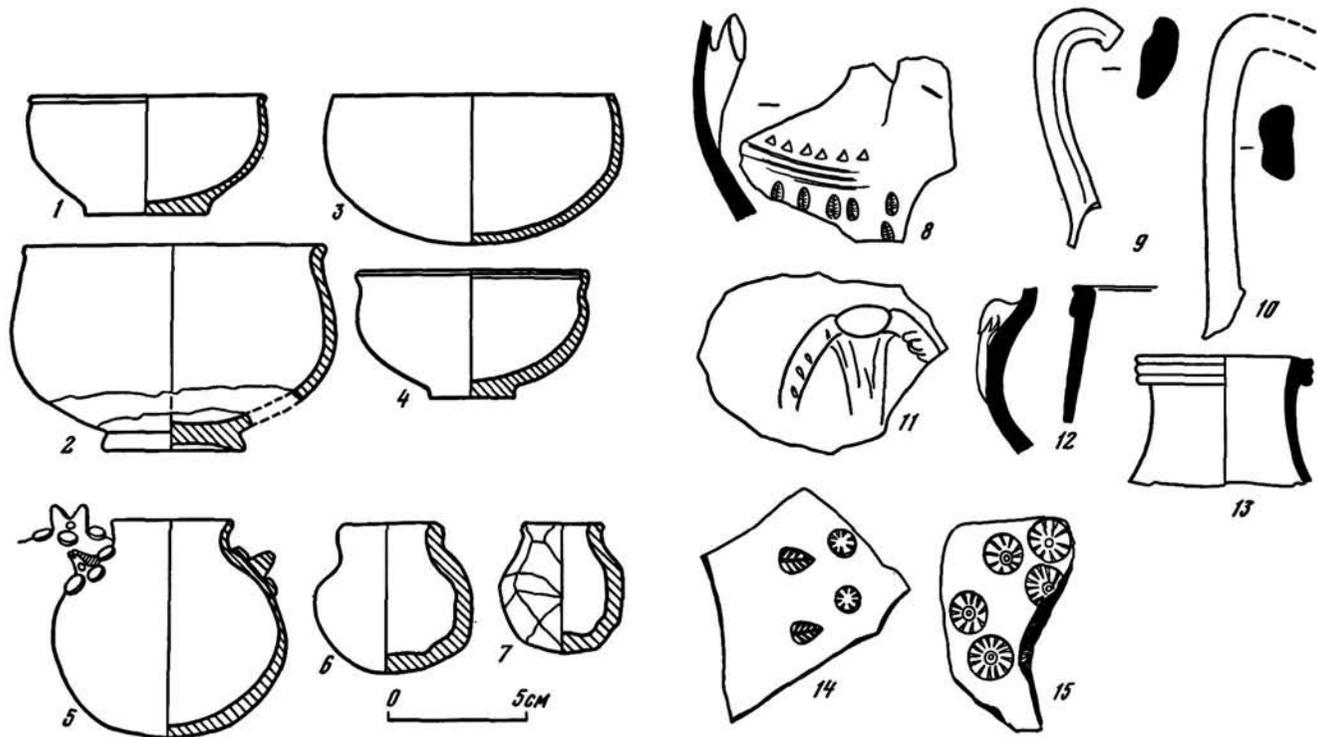

Рис. 16. Сосуды из камеры 5 (III—IV периоды)

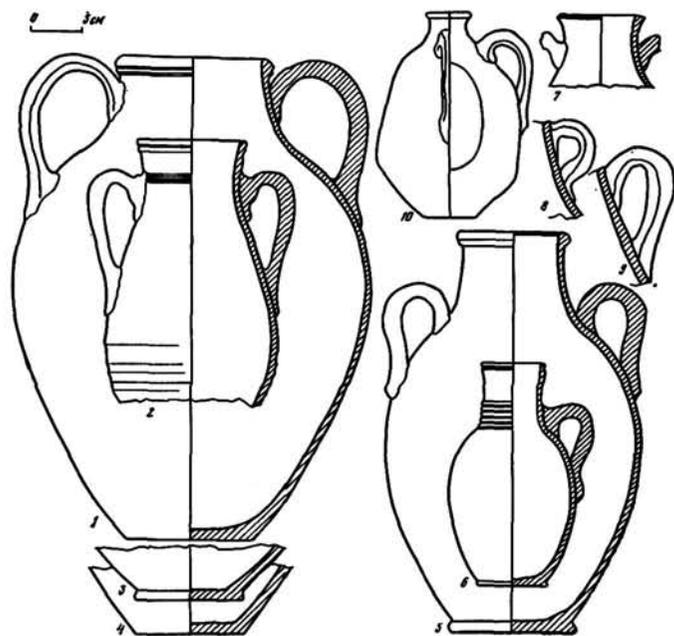

Рис. 17. Сосуды IV—V периодов

Рис. 18. Горшки и кувшины IV—V периодов

филь государя вправо в головном уборе наподобие клобука, от которого сзади развевается лента; над затылком в поле, пересекая ободок — полумесяц с точкой. На реверсе в круговом ободке схематичное изображение аташдана с пылающим огнем, в верхней части ствола которого — две свисающие ленты, основание же выделено чертой; по обе стороны две фигуры, шапки которых поднимаются над ободком. Монета принадлежит к тем эмиссиям, которые Р. Гёббл объединяет как чекап *Alxon-Khingila* и датирует 430—490 гг.⁵

Эта дата вносит уточнение и в датировку двух предшествующих периодов. Поскольку от последнего обживания помещения 8, когда еще были целы его стены и перекрытия и до разрушения тех и других, когда около середины V в. н. э. было опущено в уровень нижней бойницы эфталтское погребение, должно было пройти по меньшей мере несколько десятилетий, датировка V периода не выходит за пределы IV — начала V в. и, видимо, приходится на время кидаритов. Соответственно IV период датируется временем от вторжения в Бактрию Шапура I и до прихода кидаритов, т. е. примерно от середины III до середины IV в.

Итак, пока не определенной остается датировка I периода. Она связана с вопросом об изначальном возведении всей оборонительной стены вокруг квадрата городской территории Дильберджина, который пока не решен. Во всяком случае существенное различие самих приемов фортификации ворот (в I периоде — разобщенные камеры, во II — единая галерея, в I — размещение въезда между двумя односторонними башнями, во II — создание выдвинутого бастиона, с которым взаимодействует восточная башня, в I — веерное расположение бойниц, во II — параллельное) свидетельствует об эволюции, которая потребовала значительного временного отрезка. Исходя из исторических ситуаций, I период пока может быть отнесен либо к раннекушанскому времени (около начала н. э.), либо к позднему греко-бактрийскому (средняя треть II в. до н. э.).

Помимо ценных данных по крепостной архитектуре Древней Бактрии, раскоп Д-VIII дал ряд вещественных находок. Найдено до сотни ядер из плотной необожженной глины. Они были сконцентрированы в виде небольшого арсенала в комнате 21 (рис. 19), а также найдены по отдельности в камерах 5 и 18. Диаметр ядер в основном от 8—10 до 12 см — это ядра для метательных машин, но есть и мелкие — диаметром 3—4 см для пращи. Подобные ядра диаметром 5—6 см были ранее найдены и на одной из верхних площадок восточных ворот Дильберджина⁶.

Скопление ядер у бастиона свидетельствует, что наверху его располагались площадки для

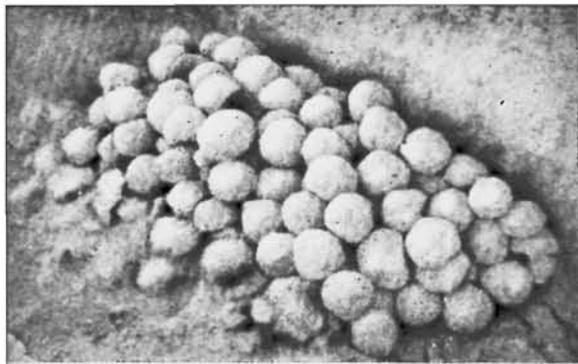

Рис. 19. Арсенал керамических ядер

Рис. 20. Налеп на сосуде и терракотовая статуэтка

каменьетных машин. Таким образом, обстрел осуществлялся в трех уровнях: вверху на площадках преимущественно артиллеристами и пращниками, а из камер и галерей — лучниками.

Терракоты. В помещении 7 у стены лежала обезглавленная статуэтка сидящей богини с руками, сложенными у лона (рис. 20, 1). Оттиск штампом с подправкой пожом с боков и тыльной стороны. Имеются следы красного ангоба. Фигурки пагой богини уже известны в составе бактрийских терракот⁷. В помещении 2 найдены фрагменты статуэток лепного всадника и конька (рис. 21, 1, 2), а в помещении 14 — торс конька с седлом и сбруей. Данный тип выполненных ручной лепкой терракот был широко распространен во всем бактрийско-кушанском регионе, часто встречаются они и в Дильберджине. Севернее помещения 20 на поверхности поднят отбитый уже в древности налеп от керамического сосуда: человекообразная личина с ощеренным ртом, клыками и высунутым языком, выполненная оттиском с матрицы (рис. 20, 2). Близкие по типу налепы широко представлены в находках из Хотана, где имеют датировку II—III вв.⁸

Среди металлических изделий упомянем бронзовое зеркало (диаметр 9,6 см, рукоятка

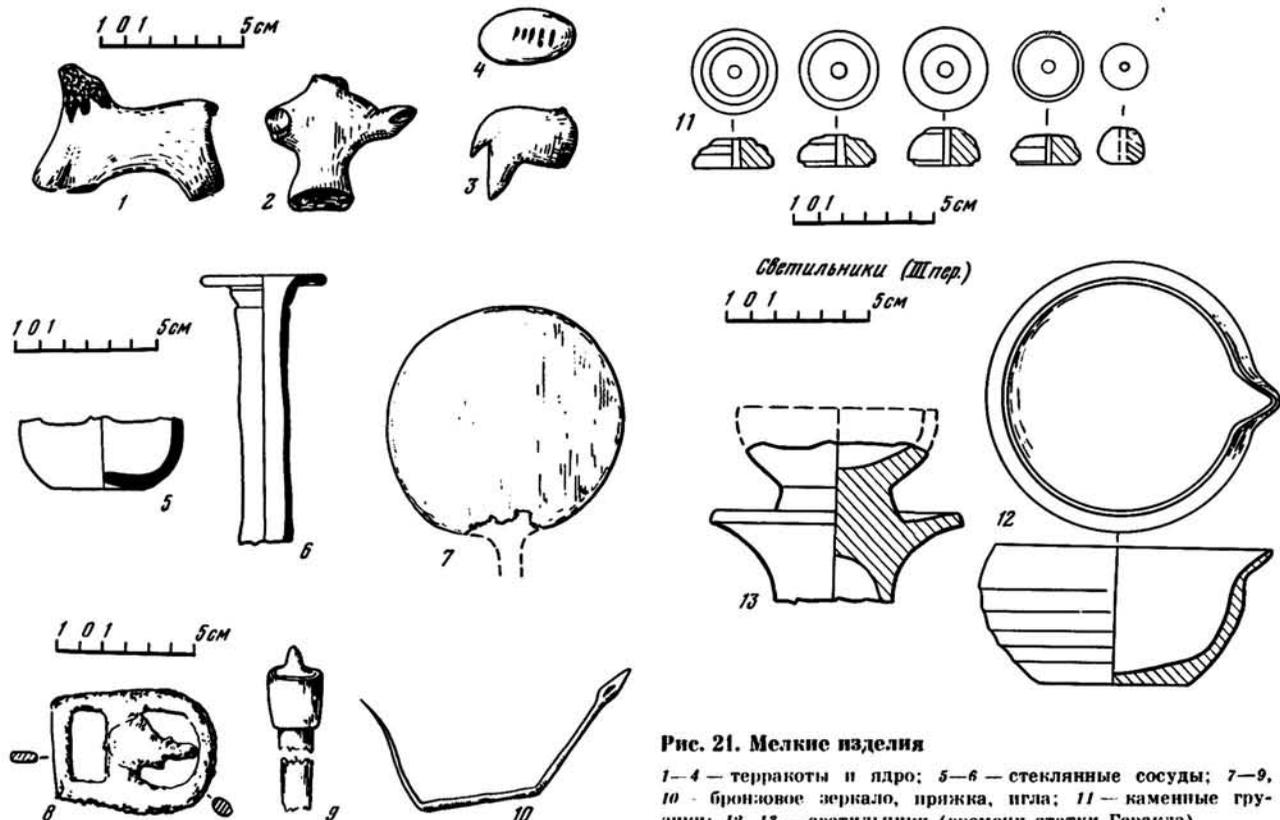

Рис. 21. Мелкие изделия

1—4 — терракоты и ядро; 5—6 — стеклянные сосуды; 7—9, 10 — бронзовое зеркало, пряжка, игла; 11 — каменные бусинки; 12, 13 — светильники (времени статуи Геракла)

не сохранилась) из помещения 6 (рис. 21, 7), массивную бронзовую пряжку (7,3×5,3 см) из помещения 39 (рис. 21, 8) и большую деформированную бронзовую иглу (рис. 21, 10).

В свалке помещения 5 обнаружены фрагменты двух стеклянных сосудов (рис. 21, 5, 6). Один голубоватого толстого стекла с округленным дном, по-видимому от бальзамария. Другой — из бурога (может быть, от времени) стекла — часть очень длинной горловины (11,6 см, диаметр 4,8 см) с широким бортиком по краю.

Там же извлечена небольшая деревянная чашка, полуистлевшая от времени, но сохранившая свою отлого-сферическую форму, — интересный показатель применения в быту деревянной посуды наряду с керамической.

Особый интерес имеют произведения искусства, обнаружение которых в крепостном сооружении было для нас большой неожиданностью. В числе их статуя Геракла из помещения 1/11⁹.

Статуя располагалась в нише, вырубленной на высоте 1 м от пола в сырцовый кладке северной стены, в центре. Размеры ниши 1,5×0,95 м при глубине 65 см. Расчистка ее выявила неожиданную картину: оказалось, что статуй было две. Обе выполнены в круглом объеме из хорошо отмученной серой скульптурной глины, на внутреннем каркасе из толстых деревянных стержней, от которых остались глубокие

полости. Обе были окрашены. Первоначальная статуя вскоре разрушилась — потому ли, что оказался смещенным центр тяжести, или не был достаточно армирован ее корпус. От нее остались близко расположенные ступни ног и возле правой из них — бугорок для опоры дубинки. Эти детали вошли в забутровку, послужившую основанием новой статуи. Ноги второй из статуй для лучшей устойчивости были расставлены значительно шире, в спину введено три деревянных стержня, вделанных в стенку ниши. В IV периоде ниша была забита сырцом и глиной — к этому времени у статуи были отбиты голова, руки по локоть, половой орган.

В процессе консервации и изъятия из ниши торса и отдельных фрагментов обеих скульптур, осуществлявшихся реставраторами Института археологии Афганистана Мухаммедом Тахиром, в ногах нижней статуи была обнаружена уже упоминавшаяся монета Васудевы II.

Вторичная статуя имела до 1 м в высоту. У нее художавый торс обобщенно выполненной лепкой форм, коротковатые ноги; близ правой ноги лежала обломанная дубинка. Фигура была окрашена поверх розоватого грунта в густокрасный цвет, возможно, что это поновление поблекшей первоначальной окраски. Вокруг шеи белилами нарисовано ожерелье из кружков, с овальной подвеской. От головы сохрани-

лись фрагменты розовой щеки и несколько мелких спиралевидных налетов — завитков волос, которые, так же как бровь и зрачок, окрашены черным.

В верхней трети ниши была орнаментальная роспись. Она современна первоначальной статуе, при установке же (или поновлении) второй была перекрыта слоем побелки. Роспись выполнена клеевыми красками по белому пигменту: белая, красная, желтая полосы, затем широкая красная полоса с белым побегом виноградной лозы и под ней полукружия свисающей черной цепи с крупными звеньями, перевитой красными лентами со спускающимися концами.

Роспись эта иллюстрирует локальные видоизменения классического мотива, достаточно широко известного в греко-римском искусстве. Побег лозы схематизирован и изменен в деталях, традиционные свесы гирлянд, перевязанных лентами, заменены свесами цепей, что в общем-то отвечает суровому духу святилища, устроенного внутри бастиона городских ворот.

Почитание Геракла в областях Греко-Бактрийского царства подтверждает нумизматика. В качестве божества-покровителя он фигурирует в III—II вв. до н. э. на монетах многих греко-бактрийских басилевсов¹⁰, при дворах которых несомненно были святилища со статуями героя. Но вполне вероятно также и существование в это время и позднее городских храмов, посещавшихся не только потомками греческих колонистов, но и эллинизированной по своей культуре частью коренного населения. Факт сооружения подобных храмов эллинских божеств и их длительного использования уже засвидетельствован открытием в Дильберджине храма Диоскуров с живописным изображением божественных близнецов по обе стороны от главного входа¹¹.

Статуя Геракла из Дильберджина не оставляет сомнений в значении этого культа в области Бактр. Иконографически же, хотя он и был представлен в наиболее традиционной позиции классического искусства, он заметно отличается от своих прототипов общими пропорциями, постановкой ног, лепкой торса, в которой нет атлетических мышц, но господствует та сглаженная пластика нагого тела, которая была присуща индийскому канону. Необычную для греческого героя деталь представляет также ожерелье с подвеской. Мужские шейные украшения на Востоке были регалией знатности — этот чуждый греческому воззрению на образ божества признак придан ему в кушано-бактрийской интерпретации.

Глиняная статуя, открытая в Дильберджине, сближается с изображением божества ПРАКІАО, на уникальном статере Хувишки из Британского музея¹². Мы полагаем, что и этот статер, и наша статуя, и упомянутые терра-

котовые плитки из Балха и Дальберджина повторяют какую-то монументальную статую, украшавшую главный бактрийский храм Геракла—Шивы—Окшо. Причем этот храм мог располагаться не обязательно в столичных Бактрах, но, подобно храму Диоскуров в Дильберджине, в одном из крупных городов Балхской области, в котором он чтился в качестве верховного покровителя.

Преобразование при Васудеве II галереи 1/11 в особую внутреннюю молельню или святилище для солдат и офицеров дильберджинского гарнизона свидетельствует, что Геракл почитался ими как бог-покровитель воинов, духу которых импонировали его физическая мощь и славные подвиги. Вместе с тем создание этого святилища в бастионе крепостных ворот одного из пограничных городов Балхской округи позволяет предполагать, что подобно этрусскому Гераклу он слыл охранителем городских укреплений и национальных границ¹³.

Почти напротив ниши с Гераклом в заложенной наполовину бойнице была обнаружена интересная группа глиняных статуэток (рис. 22). Все они выполнены грубоватой ручной лепкой из желтоватой или серой, плохо отмученной глины. Эти фигурки двух типов: мужские и женские¹⁴. Первые значительно крупнее, выполнены они в трех-четвертном объеме, с плоской тыльной стороной с тем, чтобы быть прикрепленными на каком-то гладком фоне, причем головы и торсы выполнялись вначале в примерном объеме, а затем на них как бы надевали лицевую маску и одежду, руки и ноги изготовлялись одновременно с торсом из глиняных колбасок. Все они дошли лишь во фрагментах. Еще один фрагмент статуэтки этого типа оказался в бойнице помещения 2, представлявшего собой во II—III периодах единую с 1/11 Г-образную галерею.

Статуэтки второй группы круглообъемные, устойчивые, сделанные из толстых глиняных валиков, плоско срезанных у основания. Головы и лицевые черты их выполнены зацепками, руки — вытянутые или воздетые — у одной из фигурок прилепные, у прочих просто оттянуты из общего кома глины.

Выразительна мужская голова, сколотая по шее (размеры 9×9×5,5 см). Совершенно плоская маска лица миндалевидного овала оттянута от грубо сформованного сзади кома глины. Брови, нос, усы, рот наклепные, глаза и косые насечки волос прочерчены острием. Лоб низкий, брови единой рельефной дугой следуют от виска к виску, рот — овальный наклеп. Статуэтка была окрашена: лицо покрыто белым пигментом, брови, усы, борода, глаза — черной краской. Имеется несколько небольших фрагментов от аналогичной по типу и размерам другой головы.

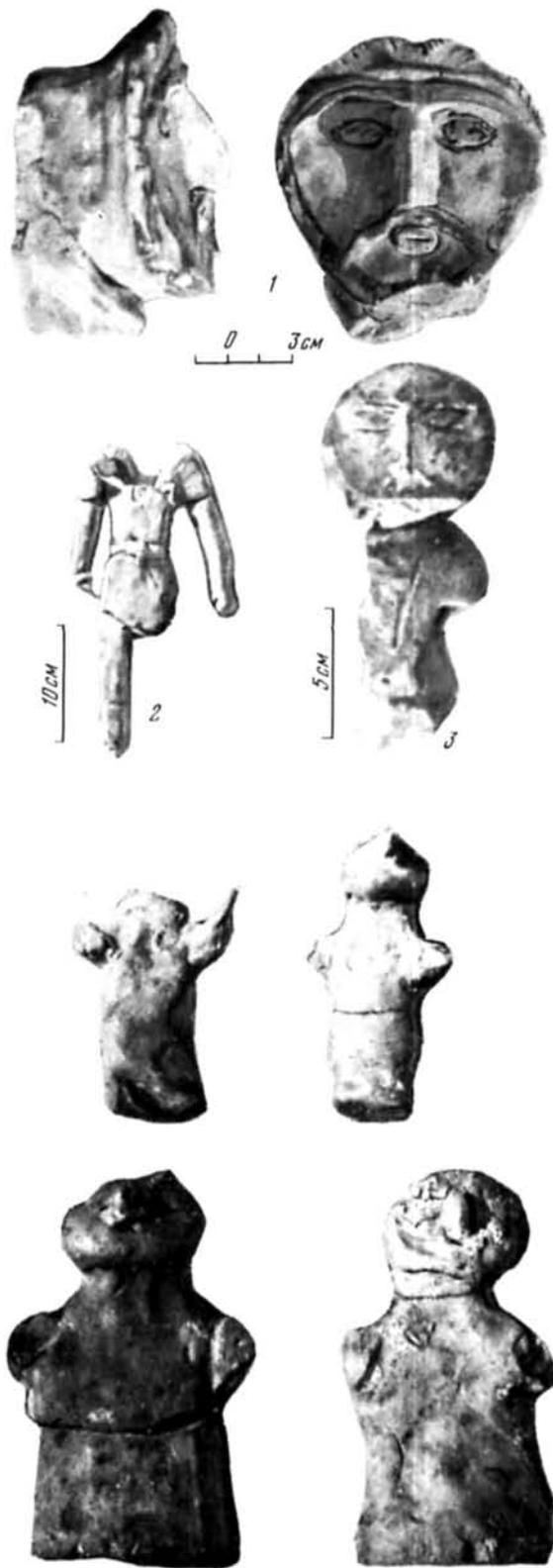

Рис. 22. Глиняные статуэтки из бойниц

От двух меньших по размерам статуэток дошли фрагменты торсов, рук и ног (высота одной 27 см, другой 15 см, с головами они достигали 32 и 25 см). Оба персонажа в облегających, перепоясанных кафтанах с треугольным воротом и вкось идущим от пояса к левому бедру запахом и в узких, подпоясанных у щиколотки шароварах. Одежда у одного темно-красная, у другого белая. От статуэтки из бойницы помещения 2 сохранились частично голова с такими же налешными чертами лица, как у вышеописанных, и часть торса в красном кафтане с треугольным воротом (размеры $15,5 \times 6,5 \times 2-3$ см).

Женские статуэтки высотой 10–8 см имеют очень массивные пропорции, тело покрыто длинным до пят платьем, формы не выделены. Головы приподняты вверх, лица широкие, с закатанным лбом, горбатым носом и тяжелой челюстью, глаза намечены мелким врезом. На лицах и одежде — следы красной и белой окраски, брови и волосы окрашены черным.

Несмотря на известную примитивность (или обобщенность?) пластической передачи, иконография мужских статуэток имеет определенный круг аналогий в бактрийском этносе¹⁵. Костюмы же их характерны для кушано-бактрийской среды, причем это не царские одеяния с их широкополыми кафтанами и пышными шароварами, а более скромная одежда лиц не царского ранга.

По-видимому, эти малые ленные статуэтки были связаны с культом, распространенным преимущественно в кушано-бактрийской военной среде. Что касается женских фигурок, то это скорее всего служительницы—оранты, принимавшие участие в определенных ритуалах того же культа. В Северном Причерноморье сходные терракотовые статуэтки связывают с культом божества земледелия¹⁶, но в Бактрии они могли иметь и иные функции.

Очевидно, при Васудеве II, когда была создана статуя Геракла, напротив нее был установлен небольшой киот, в котором вдоль стенок располагались мужские фигурки, а рядом стояли статуэтки женщины — обрядовых служительниц. Характерно, что наверху в этом участке стены сохранилось закопченное гнездо от стоящего здесь светильника—чирага.

Статуя Геракла и описанные статуэтки из дильберджинского бастиона побуждают вспомнить гипсовый с окраской барельеф из Сузмакалы, расположенный в 120 км к западу от Балха¹⁷, который исследователи относят к эпохе Кушан и видят в нем амальгаму иконографии Геракла и Шивы. Иконографическая близость бородатых профильных изображений этого трехликого божества и бородатых голов из святилища в бастионе Дильберджина указывает на какую-то глубокую семантическую связь

этих образов с культом Геракла—Шивы—Окшо в кушанской Бактрии — культом синкретичным и во многом еще нам непонятным.

Остановимся на живописном фрагменте, сохранившемся на западной стенке ниши IV периода в помещении 2. На забутованном ее куске (ширина 18 см, высота до 75 см) видны на красном фоне нижние половины мужских фигур, стоящих в легком обороте вправо. Все они в просторных кафтанах с оторочками, перехваченных у щиколотки шароварах, в обуви с каблуками; руки положены на подвешенный у пояса кинжал в орнаментированных кружках и полосками ножнах. Живопись нанесена по черным линиям предварительного рисунка, который корректировался при окраске. Краски

потускнели, местами облетели — можно различить цвета красный, розовый, белый, черный, желтый.

По-видимому, в общей композиции здесь на торцовой стене в центре ниши (размер ее 2,7××0,8 м) располагался главный персонаж — божество или правитель, к которому с двух сторон были обращены знатные предстоящие. Скорее всего, это был именно правитель, в силу чего в последующий V период изображение в центральной части ниши было начисто сбито и сама она замурована. Мы считаем возможным отнести этот факт ко времени захвата Бактрии кидаритами и уничтожением при этом всего, что могло быть связано с прославлением их предшественников.

- ¹ На чертежах номера помещений верхнего этажа — в числителе, номера помещений, соответствующих им в первом этаже, — в знаменателе.
- ² *Кругликова И. Т.* Дильберджин. М., 1974, с. 52, рис. 33, 34; *Пугаченкова Г. А.* К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана. — ДБ, 1976.
- ³ См. этот тип реверса на кушано-сасанидских монетах медного чекана (*Paruck F.* Sassanian Coins. Bombay, 1924, pl. XV; *Bivar A. D.* The Kushano-Sassanian Coin Series. — Journal of the Numismatic Society of India, Bombay, 1956, XVIII, pl. III; *Лукокин В. Г.* Культура сасанидского Ирана. М., 1969, с. 134, 138, табл. XXI).
- ⁴ *Лившиц В. А.* Два острака из Дильберджина. — В кн.: Древняя Бактрия, М., 1979, вып. 2, с. 95 и сл.
- ⁵ *Göbl R.* Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Wiesbaden, 1967, Bd. I, S. 58—61, Bd. III, Taf. 15, 16.
- ⁶ *Кругликова И. Т.* Дильберджин, с. 53, рис. 36.
- ⁷ *Пугаченкова Г. А.* Скульптура Халчаяна. М., 1971, с. 87, рис. 120; *Она же.* Новые данные о художественной культуре Бактрии. — В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973, с. 105 и сл., рис. 20, 21.
- ⁸ *Дьяконова Н. В., Сорокин С. С.* Хотанские древности. Л., 1960, с. 62 и сл., табл. 16—18.

- ⁹ *Пугаченкова Г. А.* Геракл в Бактрии. — ВДИ, 1977, 2, с. 77.
- ¹⁰ Le Page A. L'art monétaire des royaumes bactriens. Paris, pl. V.
- ¹¹ *Кругликова И. Т.* Дильберджин, с. 22 и сл., рис. 16, табл. 2, 3.
- ¹² *Whitehead R. B.* Catalogue of Coins in the Panjab Museum Lahore. Oxford, 1914, vol. 1, p. 214, pl. XX, 9.
- ¹³ *Bayet J.* Herclé. Etude critique des principaux monuments relatifs à l'Hercule Etrusque. Paris, 1926, p. 251.
- ¹⁴ *Пугаченкова Г. А.* Геракл в Бактрии. — ВДИ, 1977, 2, с. 87; *Кругликова И. Т.* Идолы из Дильберджина. — В кн.: История и культура античного мира. М., 1977, с. 86.
- ¹⁵ *Пугаченкова Г. А.* Геракл в Бактрии, с. 88.
- ¹⁶ *Кругликова И. Т.* Терракота из сельских поселений европейской части Боспорского государства. — В кн.: Терракоты Северного Причерноморья. — САИ, 1970, вып. 7—11, с. 100, 109, 110; *Она же.* Идолы из Дильберджина, с. 86—91.
- ¹⁷ *Fischer K.* Neue Funde und Forschungen zur indische Kunst in Arachosien, Bactrien und Gandhara. — Jahrbuch des deutschen archaologischen Institut. Archaeologische Anzeiger. Berlin, 1957, Bd. 72, S. 416, Fig. 1; *Пугаченкова Г. А.* Геракл в Бактрии, с. 91, рис. 6.

RÉSUMÉ

«PORTE DE LA FORTIFICATION DE DELBARJIN»

par Mme G. A. Pougatchénkova

En 1973—1974 les recherches archéologiques de la porte de ville principale de Delbarjin (chantier de fouilles D-VIII) ont été effectuées. La porte est située au centre de la muraille méridionale du site c'est-à-dire elle donne sur la route principale menant à la capitale de Balkh-Bactres. Là, dans le relief archéologique se dégagent la voie d'accès dans la ville, en selle creuse, un massif énorme de la construction flanquant l'entrée du côté occidental et les vestiges fondus d'une tour du côté oriental. Les fouilles ont montré que tout le système de fortification avait été refait et complété à plusieurs

reprises, et ses fonctions avaient subi des modifications. On distingue six période de la subsistance de l'objet de fouilles D-VIII.

La première période est marquée par la première édification de la muraille de fortification de Delbarjin. A proximité de la porte la muraille est épaisse de 3,8 m et comprend (à l'intérieur) une galerie d'où les passages mènent dans les chambres d'archers et les escaliers conduisent à des niveaux divers des fortifications. En même temps que la muraille on bâtit une tour du côté oriental et une nouvelle porte fut percée du côté occi-

dental. Les maçonneries de toutes ces constructions sont composées de briques crues, de dimensions de 39—38×39—38—12 cm, à large joints, posées sur du mortier d'argile. La tour orientale (8×4,8 m) comprend un local destiné à des archers. La construction attenante à la porte était d'un tracé rectiligne, munie de deux tours, ses dimensions mesuraient 24,8×7 m. Là il y avait aussi les chambres d'archers disposées à deux niveaux et une baie de porte dont la portée atteignait 3,6 m. Les locaux, des dimensions de 2×5—7 m et de plan rectangulaire, étaient couverts de voûtes en berceau composées de tranches successives fortement inclinées, en briques crues de forme trapézoïdale. Leurs murs sont troués des meurtrières dont les unes étaient de plan rectiligne, les autres obliques. Certains locaux comportaient des embrasures sous forme de fentes qui servaient à passer la lumière. La porte d'entrée en ville était couverte d'un arc de grandes dimensions.

La deuxième période est marquée par une solidification du système de fortifications. La porte de ville flanquée de tours fut transformée en un puissant bastion. Là, du côté méridional, on joignit une longue galerie d'archers et, du côté oriental, on perça dans la muraille une nouvelle porte. Pour ces reconstructions étaient employées des briques crues des dimensions de 35—36×35—36×10—11 cm. La galerie comportait grand nombre de meurtrières qui étaient, au niveau inférieur, sous forme de flèche et au niveau supérieur, de tracé rectiligne. Dans sa partie occidentale un puits fut creusé qui alimentait en eau les défenseurs de la forteresse.

À la baie de porte récente, large de 6,5 m environ, menait, du dehors, une pente douce assez inclinée recouverte de l'argile dense qui servait à boucher des trous. À proximité on bâtit une construction d'égout souterraine servant à évacuer les eaux de précipitation de la ville en dehors des murs.

À la fin de la deuxième période les constructions attenantes à la porte de ville furent atteintes de destruction. Sur le côté du bastion tourné vers l'accès en ville et sur la tour orientale sont signalés des endommagements profonds des maçonneries, dus probablement à des coups des béliers.

La troisième période est marquée par les travaux de réparation de ces constructions endommagées et par ceux visant à renforcer le système de fortification de la porte. Du côté extérieur on bâtit les glacis composés de lits de pakhsa (épais de 80 cm à 1,8 m). Le long des faces méridionale et occidentale du bastion on monta deux galeries récentes à deux niveaux, trouées de grand nombre de meurtrières. Leurs murs étaient composés des briques crues des dimensions de 33—34×33—34×9—10 cm. Au bas du pan méridional de la muraille on posa une bordure d'évacuation des eaux, composée de briques crues, sur laquelle fut mise une canalisation constituée des moitiés de khoums, qui servait à éloigner des eaux. On effectua les réfections de certains locaux où l'on installa de nouveaux sols surpassant les anciens de 0,5 à 1 m. Dans l'ancienne galerie deux locaux à tireurs nos 1 et 11 disposés l'un au-dessus de l'autre furent transformés en lieux de célébration des prières. Là une statue d'Héraclès fut installée dans une niche spéciale. Du côté de la ville on construisit plusieurs locaux (pour abriter les gardes et aussi un entrepôt d'obus).

Lors de la quatrième période les murailles de fortification, le bastion attenante à la porte de ville et la porte elle-même perdent totalement leur valeur de défense. La porte fut transformée en un accès de ville ouvert sous forme de pente douce. Aux murailles de fortification on joignit, du côté de la ville, les constructions destinées exclusivement à des fins de ménage et d'habitation où se trouvaient des khoums, des soufas et des fours dits tanours. Les locaux nos 1 et 11, 2 et 14 de l'ancienne galerie furent bouchés, jusqu'à la hauteur surpassant son second niveau, avec des briques crues de diverses formes et dimensions empruntées de quelques constructions

abandonnées. Dans le local N 2 on installa aussi une niche décorée de peintures. Là sur son fragment qui tient encore on voit les figures masculines vêtues de cafetans et de pantalons bouffants, aux poignards suspendus à la ceinture. Les locaux nos 15 et 16 de la galerie en question furent transformés en khoumkhanas où l'on suréleva les sols qui cachèrent ainsi les meurtrières et on y installa des dizaines de khoums.

À la cinquième période est propre la ruine incessante de la majorité de locaux que remplissaient les maçonneries effondrées et les sables apportés par les vents. Ce n'étaient que certains d'entre eux qu'on utilisait toujours à des fins de ménage et d'habitation. Cela est confirmé par des couches de cendres et des murs couverts de suie qui sont dégagés là-bas. Dans le local N 2 le sol fut surélevé de 80 cm, la peinture de la niche fut en partie enlevée des murs, en partie cachée par les bouchages.

Lors de la sixième période les ruines abandonnées, à contours fondus, de l'ancien bastion servaient les lieux d'enterrements occasionnels. Notamment en haut de l'un de ces locaux est dégagée la sépulture d'un enfant. Une autre sépulture se trouva dans le trou de la meurtrière appartenant au premier niveau de la galerie. Quant à d'autres traces de la présence des hommes en ces lieux aux temps jadis elles n'existent plus.

Le total des données archéologiques obtenues donne lieu à résoudre avec certitude le problème des datations absolues pour cinq des périodes dégagées du point de vue stratigraphique. Une monnaie battue sous Soter Megas découverte dans les matériaux de remplissage de la pente douce rattachables à la deuxième période présente, pour cette dernière, un très important terminus post quem qui n'est pas antérieur au Ier siècle de notre ère. La troisième période est aussi datée avec précision compte tenu des données numismatiques car en ayant installé la statue d'Héraclès le sculpteur mit dans la plante de son pied une monnaie en cuir frappée sous Vâsudeva II. Cela permet de placer cette date dans les limites de la fin du IIe—du début du IIIe siècle de notre ère. Par conséquent, la deuxième période occupe une position intermédiaire et est rattachable, à ce qu'il paraît, à l'époque de Kaniška (fin du Ier—début du IIe siècle) quand dans plusieurs villes du royaume kouchan furent entrepris les travaux de fortification de grande envergure. Les dates des périodes deuxième et troisième sont également déterminées par la céramique de caractère propre à l'époque, qui révèle des analogies étroites avec celle provenant des chantiers de fouilles D—V et D—VII et datée par les monnaies frappées sous les Grands Kouchans.

Les périodes quatrième et cinquième sont attribuables aux IIIe—IVe siècles. Cela est confirmé par la trouvaille des six monnaies battues sous les Kouchans-Sassanides et des deux tessons comportant des inscriptions faites, selon V. A. Livchits, en écriture bactrienne particulière rattachable aux IIIe—IVe siècles. L'ensemble de céramique provenant de ces couches se diffère sensiblement de celui de la période des Grands Kouchans: la technique de production devint plus grossière et les formes de poterie se modifièrent quoique certaines d'elle se maintenaient toujours.

La sixième période est déterminée par une monnaie battue sous les Hephtalites. Elle fait partie des émissions que P. Göbl réunit sous le nom commun d'Alxon-Khingila et date cet ensemble des années 430—490. L'installation de la sépulture étant séparée de la cinquième période par une époque durable de la destruction de la muraille au pied de laquelle le tombeau se trouva, la période en question ne doit pas dépasser les limites du IVe—début du Ve siècles et semble coïncider avec le temps des kidarites tandis que la quatrième période dure depuis l'intrusion de Shapur I en Bactriane jusqu'à l'invasion des kidarites.

Pour le moment reste indéterminée la date de la première période liée avec le problème de la première édification de toute la muraille de fortification de Delbarjin. Compte tenu des situations historiques on pourrait la

rattacher ou bien aux débuts de l'époque des Kouchans (à peu près le début de notre ère) ou bien à l'époque gréco-bactrienne tardive (le tiers médian du IIe siècle avant notre ère).

En surplus des objets déjà mentionnés tels céramique, monnaies, tessons à inscription le chantier de fouilles D-VIII a livré plusieurs autres trouvailles aussi importantes. Notamment on peut citer à peu près une centaine de grosses balles d'argile du diamètre de 8 à 12 cm (destinées à l'artillerie projetant des pierres et semblables) et des balles plus petites, du diamètre de 5 à 6 cm, pour la fronde. Les terres cuites: une statuette sans tête représentant une déesse nue assise, les fragments des figurines du cavalier et de petits chevaux, une moule sous forme d'une effrayante masque antropomorphe. Les objets métalliques: un miroir de bronze, une agrafe massive, une aiguille de dimensions élevées. Il y avait aussi les fragments des deux récipients de verre et une tasse de bois à moitié pourrie. Ce qui est le signe de l'utilisation, à des fins de ménage, de la vaisselle de bois aussi bien que de celle de céramique.

Un intérêt particulier est suscité par des sculptures provenant du bastion, surtout celle d'Héraclès, qui était installée dans la niche du local à deux niveaux N 1/11. Son nettoyage a abouti à une chose inattendue: il s'agissait des deux statues. Toutes les deux étaient de ronde bosse, faites de l'argile bien lévigée et montées sur de grosses tiges de bois. Leurs surfaces furent peintes. La première statue se ruina vite ce qui était dû à quelque défaut technique. Et il n'en resta que les deux pieds très rapprochés et une bosse insuffisante pour y appuyer une massue. Ces détails se trouvèrent dans le matériaux de remplissage dont fut formée la base d'une autre statue, plus récente. Les jambes de cette dernière furent écartées beaucoup plus que celles de la statue initiale en vue d'en assurer la meilleure stabilité. Dans le dos de la sculpture récente furent introduites trois tiges en bois qu'on encastra dans la paroi de la niche. A la quatrième période lors du bouchage du local on enleva la tête de la statue, ses bras jusqu'aux coudes et d'autres détails tandis qu'elle-même fut ensevelie dans les matériaux de remplissage.

La statue d'Héraclès atteint environ 1 m de hauteur, son corps dont les formes sont généralisées est plutôt maigre, aux jambes raccourcies. A proximité de celle droite gisait une massue cassée. La statue est peinte de couleur rouge foncée. Autour du cou est dessiné, avec la couleur blanche, un collier à un pendentif. Les fragments du visage comportent la peinture rose. Un sourcil noir, une prunelle de l'oeil et les mèches de cheveux tordues en spirales moulurées étaient également peints en noir. La partie haute de la niche était décorée de peinture d'ornements sur un fond blanc. C'étaient des bandes étroites rouges et jaunes et une large bordure rouge à un cep de vigne blanc au-dessous duquel on voyait les moitiés de maillons d'une chaîne noire qui pendait entrelacée des rubans rouges.

Le culte d'Héraclès que l'on vénérât en Bactriane est confirmé par les données numismatiques. Son effigie en tant que celle d'un dieu protecteur figure aux IIIe — IIe siècles avant notre ère sur les monnaies battues sous plusieurs basileus gréco-bactriens. A l'époque des Kouchans une divinité nommée HPAKIJIO figure sur les monnaies frappées sous Huvishka (le IIe siècle). Mais généralement à cette époque-là l'Héraclès grec s'unit à un Shiva indien qui influença son iconographie et ses attributs ainsi qu'avec une divinité bactrienne Okro-Okcho dont le nom trahit visiblement les rapports avec celui du Vakhch — Oxus — Amudaria.

Il semble que ce fût justement la Bactriane qui fût la région principale de l'Etat des Kouchans où l'on vénérât le culte d'Héraclès sous cette forme synchrétique. Dans le palais de Halthayan des premiers Kouchans du clan

d'Héraïa le buste d'Héraclès faisait partie, ainsi que ceux d'Athènes et de Niké de la composition sculpturale se dressant au-dessus des figures du souverain et de son épouse qui trônaient. L'Héraclès de la suite de Dionisos figure sur le plateau provenant du trésor des Miris de Badakhshan. Héraclès et Alceste sont représentés sur le plateau bactrien aux sujets des drames d'Euripide. Les carreaux en terre cuite à l'image d'Héraclès sont mis au jour lors des fouilles de Balkh et de celle de la maison D-VII à Delbarjin.

Du point de vue d'iconographie la statue d'Héraclès est conforme à une représentation traditionnelle du héros se tenant debout. Mais elle se différencie notablement des prototypes gréco-romains par ses proportions générales, par la manière de représenter le torse plus aplati presque sans faire ressortir ses muscles (cela revêt des analogies étroites avec la plastique du corps nu propre au canon indien) et par un collier autour du cou (à l'Orient c'est le signe de la noblesse). Il y a tout lieu à supposer que la sculpture de Delbarjin représentant une divinité nommée HPAKIJIO et décorant le statère de Huvishka et les carreaux de terre cuite provenant de Balkh et de Delbarjin imitent quelque statue monumentale qui ornait le temple bactrien principal vénérant Héraclès-Shiva-Okcho. Et ce n'était pas obligatoirement dans la capitale de Bactres que ce temple avait dû se trouver mais, comme cela avait lieu avec le temple des Dioscures de Delbarjin il pouvait se situer dans une des grandes villes de la région de Balkh où son culte du protecteur suprême était célébré.

La galerie du bastion de la porte de ville étant transformée sous Vasudeva II en un temple intérieur particulier destiné aux soldats et officiers cela nous incline à penser qu'Héraclès était vénéré comme dieu protecteur des combattants. La création du sanctuaire consacré à son culte dans une des villes de la région de Balkh, situées à la frontière, donne lieu à croire qu'aussi que l'Héraclès des Etrusques ce dieu était surtout vénéré comme défenseur des fortifications de ville et des frontières d'Etat.

Dans deux meurtrières à moitié bouchées des locaux nos 1-2 de la galerie (dont l'une était persée juste en face de la niche abritant Héraclès) on a mis en évidence plusieurs statuettes d'argile, modelées à la main, couvertes de couleurs qui représentaient des hommes et des femmes. Celles masculines sont de taille beaucoup plus grande, elles sont en haut relief, ce qui était fait probablement en vue de les fixer ensuite sur un fond plat vertical. Tandis que les statuettes féminines, d'aspect très primitif, étaient de ronde bosse, stables et coupées à plat à la base.

Quoique l'image plastique des statuettes d'hommes soit assez primitive leur iconographie, notamment leurs visages barbus et leurs vêtements, présentent certaines affinités dans l'ethnos et l'art bactro-kouchans. Ces figurines étaient probablement en rapport avec le culte fréquent par prédominance dans les milieux militaires locaux. Quant aux statuettes féminines c'étaient, à ce qu'il paraît, les servantes orantes qui prenaient part dans certaines cérémonies rituelles de ce culte.

Les sculptures provenant du bastion de Delbarjin évoquent un bas-relief de gypse, peint, mis au jour à Suzma-kaly à 120 km de Balkh, qui représente une figure demi nue, à trois têtes, à quatre bras mais au torse unique, armée d'une massue et d'un trident. Le visage à position frontale, sans barbe, aux cheveux crépus, mais à ses côtés deux autres visages, de profil, barbus, au nez busqué, qui revêtent des analogies extrêmement étroites avec ceux des statuettes d'argile en provenance de Delbarjin. Nous sommes en présence des liens étroits sémantiques qui réunissent toutes ces images dans le culte syncrétique d'Héraclès-Shiva-Okcho vénéré dans les milieux kouchano-bactriens.

КЕРАМИКА ДЖИГА-ТЕПЕ

(из раскопок 1976 г.)

В 1976 г. один из отрядов советско-афганской археологической экспедиции продолжал археологические раскопки на городище Джига-тепе, расположенном в 5 км восточнее городища Дильберджин. Первоначально городище было названо Жига-тепе. Результаты первого сезона раскопок Жига-тепе, которые были начаты в 1974 г., опубликованы Г. А. Пугаченковой¹.

В 1976 г. исследование проводилось с целью получения стратиграфии городища. Для этого заложили стратиграфический раскоп длиной 25 м и шириной 5 м по оси СЮ до основания цитадели. Позднее верхняя — северная часть раскопа была расширена к западу. Общая площадь раскопа — около 275 кв. м. В результате исследования выявлено 10 строительных горизонтов общей мощностью 14,6 м.

Раскоп дал довольно выразительный керамический материал, характеризующий основные периоды существования городища, и позволил получить общее представление о материальной культуре его жителей в различные периоды обживания. Особенно полно на раскопе представлена керамика греко-бактрийского, раннекушанского и кушано-сасанидского времени. Вместе с тем, ввиду ограниченности изучения слоев кушанского времени, материалы этой эпохи на раскопе представлены плохо, что много усложнило прослеживание эволюции керамических форм. Всего на площади раскопа найдено 2046 фрагментов сосудов. Отметим, что при подсчете за условную единицу принимались венчики, донца, ручки и целые сосуды. Фиксацию керамических находок в помещениях вели по уровням полов, а в шурфе — по ярусам (0,5 м).

Керамика переходного периода

Самый древний керамический материал на городище Джига-тепе обнаружен в шурфе: условно мы его назвали керамикой переходного периода. Общая мощность этого древнейшего слоя — около 2,5 м, (XIII—IX ярусы). Слой лежит непосредственно на материке. В нем собран довольно значительный керамический материал (рис. 1), который почти весь, кроме котлов, изготовлен на гончарном круге быстрого вращения. В изломе — основная масса керамики розоватого оттенка. Встречается и свет-

логлиняная керамика. Отмучка керамики хорошая, наличие примесей каких-либо веществ не наблюдается, обжиг хороший, черепок звонкий, тонкий. Снаружи большинство сосудов чаще всего покрыты ангобом различного оттенка, реже черным. Здесь отмечены кубкообразные горшки, чаши, кувшины, хумча, хумы и котлы. Доминирующее положение занимают кубкообразные горшки (рис. 1, 1—7). У них плоское дно, стенки плавно поднимаются вверх, образуя округлую форму, и заканчиваются слегка загибающимся внутрь венчиком. Кубкообразные горшки обычно покрывали красным, реже черным ангобом до середины сосуда. Нижняя половина их сохраняла цвет черепка.

Чашы в слое представлены тремя типами. Судя по целой форме, у чаш первого типа плоское дно, стенки поднимаются плавно и заканчиваются слегка загнутым внутрь венчиком (рис. 1, 1—19). У чаш второго типа венчик отогнут наружу (рис. 1, 9—11), стенки более толстые. Диаметр чаш обоих типов колеблется от 13 до 19 см, высота 6—7 см. Чашы описанных типов часто встречаются в памятниках Средней Азии, а хронологическая рамка их довольно широка. Третий тип чаш представлен всего одним экземпляром. Диаметр чаш 14 см, профиль венчика Т-образный (рис. 1, 12).

Кувшины, судя по фрагментам, сравнительно небольших размеров, плоскодонные, венчик у них слегка утолщен и отогнут наружу. Все они узкогорлые и, видимо, без ручек (рис. 1, 23—35). К сожалению, в настоящее время мы не можем судить о форме тулова кувшинов.

Другие формы керамической посуды найдены в единичных экземплярах. Заслуживают упоминания среди них фрагменты котлов, хумчи и хума. Котлы представлены двумя типами. У них широкие открытые устья, венчики котлов первого типа слегка отогнуты наружу (рис. 1, 20, 21), второго — внутрь (рис. 1, 22). Котлы обоих типов изготовлены от руки, но очень тщательно, стенки их довольно тонкие. Глина промешана хорошо, в качестве отощителя в тесто добавлен шамот. Кроме шамота, в тесто включены и органические вещества. Поверхность котлов серая и красноватая с лиловатым оттенком.

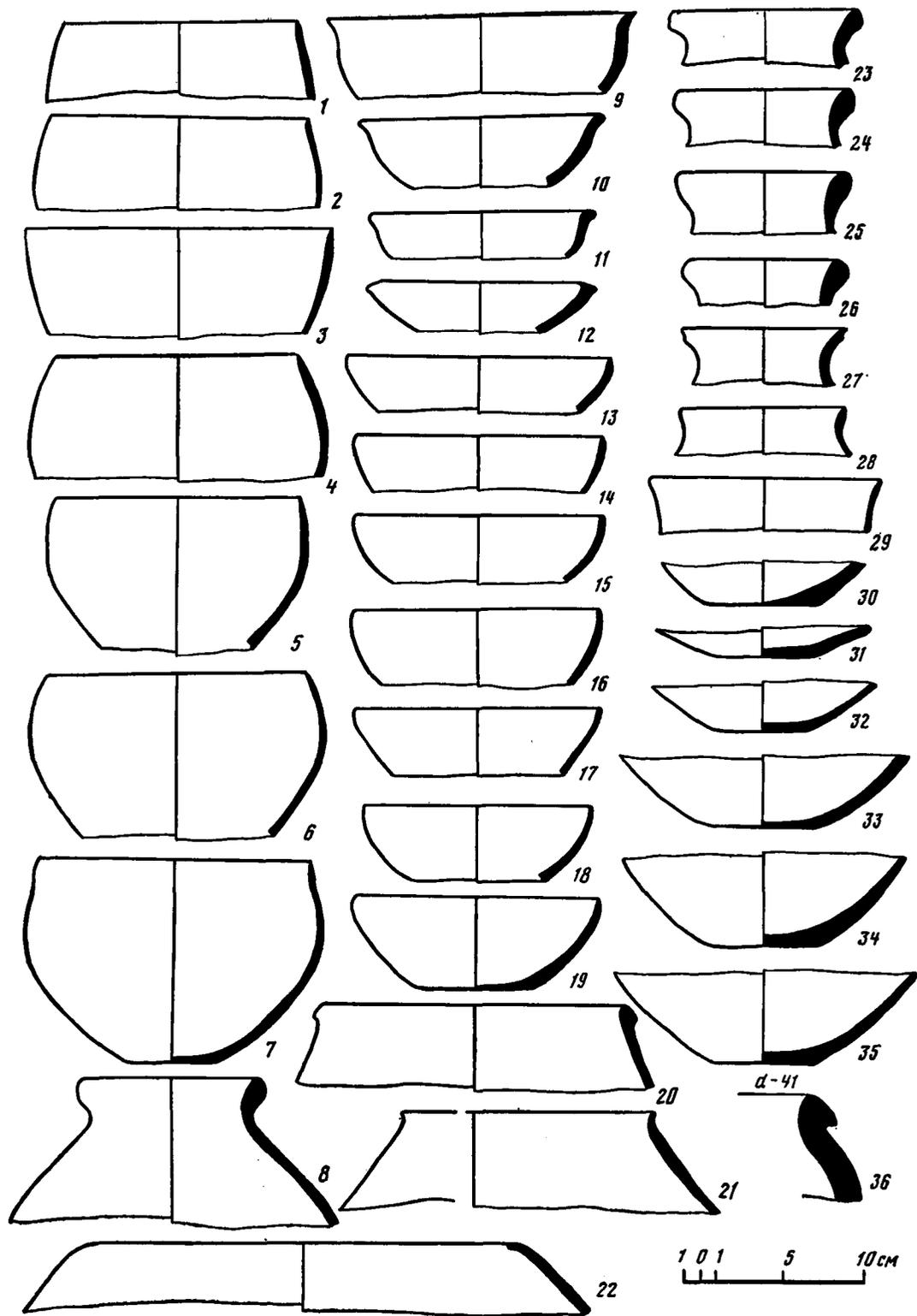

Рис. 1. Керамика переходного периода

1—7 — кубкообразные горшки; 8 — горшки; 9—11 — чаши II типа; 12 — чаша III типа; 13—19 — чаши I типа; 20—22 — котлы (20, 21 — тип I; 22 — тип II); 23—25 — кувшины (устья — 23—29, донья — 30—35)

На территории древней Средней Азии известен ряд памятников, содержащих материал, сходный с описанной керамикой Джига-тепе. Так, аналогичные джигатепским кубкообразные горшки были встречены на городище Ай-Ханум², в Дильберджине эллинистического времени³, в слое Кобадиян I, датированном М. М. Дьяковым VI—IV вв. до н. э.⁴, в Хорезме архаического времени (VI—V вв. до н. э.)⁵ и на многих других памятниках, датированных в пределах V—III вв. до н. э. Венчики кувшинов находят аналогии в материалах Дильберджина⁶. На городище Афрасиаб они обнаружены в слоях, датированных IV—III вв. до н. э.⁷

Очень характерно наличие в керамике Джига-тепе переходного периода чаш с Т-образным профилем венчика. Ареал аналогичных по форме чаш довольно широк: они встречаются почти во всех памятниках Средней Азии и характерны в основном для слоев греко-бактрийского времени.

Таким образом, на основании аналогий описанный материал можно датировать в широких хронологических рамках — VI—III вв. до н. э. Однако учитывая отсутствие в комплексе керамики Джига-тепе таких характерных для VI — начала IV вв. до н. э. классических форм, как цилиндроконические сосуды, хумы и хумча с манжетовидным венчиком, наличие чаш с отогнутым или вогнутым венчиком, чаш с Т-образным венчиком, кувшином, их единичность, обусловленную их характерностью для последующих периодов, наличие сосудов, покрытых красным и черным ангобом, позволяет нам датировать данный керамический комплекс второй половиной IV — началом III вв. до н. э.

Предлагая такую датировку, мы учли и то, что слой Афрасиаб II, с материалами которого очень сходна керамика нижнего слоя Джига-тепе, датируется монетой Антиоха и наконецниками стрел⁸.

Синхронное существование архаической формы посуды и формы древнего периода на городище Джига-тепе свидетельствует о существовании переходного периода. В настоящее время наблюдается аналогичная картина повсеместно: в Согде, Хорезма, Маргиане. Так, в частности, по данным М. И. Филанович, на городище Афрасиаб этот переходный период выделяется довольно четко и датируется IV в. до н. э.⁹ Многие исследователи связывают появление новых форм керамики в областях древней оседлой культуры Среднего Востока с влиянием греческой культуры. Этого отрицать нельзя: влияние греческой культуры было значительным, но в более позднее время, а переход от архаической к будущей форме сосудов произошел намного раньше появления греков на Востоке, что справедливо отметила М. И. Филанович. Не будет ли верным связать это с ка-

чественным усовершенствованием технологии гончарного производства в результате разложения первобытнообщинного строя на территории Средней Азии, вызвавшего расцвет городской культуры, торговли и ремесел, в том числе и гончарного.

Керамика греко-бактрийского времени

Комплекс керамики, полученный из слоев греко-бактрийского времени, довольно значителен количественно и весьма выразителен. Здесь мы наблюдаем дальнейшую качественную эволюцию керамических форм предшествующих периодов. В это время все характерные для греко-бактрийской эпохи классические формы сложились окончательно. Ассортимент керамики стал еще более разнообразным. Значительно усовершенствовалась техника выделки сосудов, о чем свидетельствует хорошее качество керамики. Керамика Джига-тепе этого времени отличается изяществом форм, тонкостью черепка, звонкостью, плотностью черепка в изломе, мелкопористостью его и розоватым оттенком. Помимо ангоба, сосуды в этот период стали покрывать лощением, украшать процарапанным орнаментом, который наносили до обжига. Однако самым существенным новшеством того времени было появление сероглиняной керамики. Всесторонний анализ керамики Джига-тепе еще раз подтверждает правильность высказываний многих исследователей о расцвете керамического производства античного времени именно в греко-бактрийский период. По нашему мнению, в улучшении технологии керамического производства и увеличении ассортимента посуды заметную роль сыграло ознакомление ремесленников с греческой культурой.

На основании стратиграфических данных керамику Джига-тепе греко-бактрийского времени можно разделить на два типа. Основным признаком для выделения комплекса керамики раннего этапа послужило изменение одних форм керамики и исчезновение других. К исчезающим формам относятся кубкообразные горшки, чаши с Т-образными и Г-образными венчиками.

Керамика первого этапа представлена в шурфе VI—V ярусов и в помещении 8 на уровне 3 пола (IX строительный горизонт сверху). Основную массу керамики первого этапа составляет посуда, изготовленная на гончарном круге. Сосуды ручной лепки встречаются в незначительном количестве и обычно являются кухонной посудой. Ассортимент столовой посуды довольно большой: здесь найдены кубкообразные горшки, цилиндроконические кубки, бокалы, чаши пяти типов, кувшины и т. д. Кухонная керамика менее разнообразна.

Кубкообразные горшки этого времени не претерпели каких-либо изменений, за исключе-

нием того, что стали покрываться ангобом полностью (рис. 2, 1—5).

Кубки в нижней части имеют вид усеченного конуса, в верхней — цилиндра. В месте перехода от конической части к цилиндрической образуется коленчатый перегиб (рис. 2, 15) (в дальнейшем мы будем их называть цилиндроконическими кубками). Как обычно, с внутренней стороны цилиндрические кубки покрывались ангобом полностью, а снаружи — до перегиба.

Бокал из этого слоя на раскопе представлен одним экземпляром (рис. 2, 6). Судя по всему, тулово бокала колоколовидное. С двух сторон он покрыт красным ангобом и лощением.

У чаши первого типа поддон обычно невысокий, стенки, плавно округляясь, поднимаются вверх и заканчиваются закругленным внутри венчиком (рис. 2, 19—22). Чаши этого типа все красноглиняные и покрыты красным ангобом.

К чашам второго типа относятся те, стенки которых ровно расширяются кверху, образуя конический резервуар (рис. 2, 7—9). У некоторых чаш этого типа венчик слегка отогнут наружу. Обычно у чаш с отогнутым наружу венчиком диаметр меньше, а стенки слегка округлые. В последующие периоды они, несколько модифицируясь, приобрели вид отлогого бортика.

У чаш третьего типа поддон плоский или невысокий, стенки плавно поднимаются вверх и кончаются Т-образным профилем венчика (рис. 2, 23—27). Этот тип чаш был отмечен в предыдущем слое. Однако в отличие от них венчики их стали более выразительными. Встречаются чаши и красноглиняные, и сероглиняные. Обычно чаши этого типа поверх ангоба имеют лощение.

У чаш четвертого типа, как правило, поддон невысокий, стенки плавно расширяются вверх, образуя конический резервуар, и заканчиваются отогнутым наружу клювовидным венчиком (рис. 2, 10—14). Чаши этого типа часто имеют углубление в донной части. Чаши с клювовидным венчиком покрывались красным ангобом различных оттенков и черным. Отмечены чаши красноглиняные и светлоглиняные.

Для чаш пятого типа характерен Г-образный в сечении венчик (рис. 2, 28). В слое этот тип чаш представлен всего одним экземпляром.

Кувшины из этого слоя представлены двумя обломками венчиков, поэтому в настоящее время трудно судить об их форме (рис. 2, 16, 17). Профилировка венчика разная: у одного в виде утолщенного валика, у другого — Г-образная. По сравнению с предшествующим периодом горловина кувшинов стала более длинной.

Как уже отмечалось выше, ассортимент кухонной посуды менее разнообразен, к тому же

форма их более стойка. Так, хумча этого этапа по сравнению с предшествующим периодом не претерпела существенных изменений.

Хумы имеют слегка утолщенный прямой венчик, цилиндрическое тулово с изломом в придонной части, при переходе к выпуклому донцу.

Котлы этого этапа по форме отличаются от котлов предшествующего периода. У них шаровидное тулово, широкое горло, венчик в виде утолщенного валика слегка отогнут наружу (рис. 2, 30).

Из числа новых керамических форм, найденных на Джига-тепе, заслуживают упоминания кухонная тагара с вогнутым внутрь венчиком, изготовленная на гончарном круге (рис. 2, 39), и фляга. Фляга на раскопе найдена всего одна, но целая. Тулово ее двояковыпуклое, причем одна из сторон уплощеннее второй. У нее низкая и узкая горловина. Фляга покрыта красным ангобом.

Интересна форма сосуда, тулово которого, как и у фляги, двояковыпуклое. Одна из сторон ее круглая, другая, видимо, ближе к цилиндрической форме, горлышко сосуда узкое и невысокое (рис. 2, 34).

Набор керамики первого периода дополняется типами кубков, найденными на Джига-тепе в 1974 г.¹⁰

Описанный керамический комплекс больше всего близок керамике Дильберджина¹¹, Ай-Ханум¹², Бактр¹³, Дальверзина III—II вв. до н. э.¹⁴, Халчаяна III—III, датировемых IV—II вв. до н. э.¹⁵ Много общего с материалами слоя Афрасиаб II—III¹⁶ и керамикой нижних слоев Китабского городища в Согде¹⁷. В целом ряде форм весьма схож с керамикой перечисленных памятников (например, цилиндрические кубки, чаши с Т-образным в сечении венчиком, чашки с закругленным внутри венчиком и др.). Отдельные формы керамики находят аналогию и в более отдаленных районах, в частности в Хорезме¹⁸ и Маргиане¹⁹.

Таким образом, ареал керамики, аналогичной описанной, довольно широк. Она датируется III—II вв. до н. э., что позволяет отнести керамику первого этапа греко-бактрийского периода Джига-тепе к этому же времени. В пользу этой датировки свидетельствует монета греко-бактрийского царя Антимаха Теоса, найденная в пурфе на уровне VI яруса, рядом с флягой. Диаметр монеты 21 мм. На аверсе — бюст царя вправо, на голове — панамы, волосы в виде завитков, нос крупный, прямой, глазные впадины глубокие, щеки мясистые. На реверсе влево изображено стоящее божество. Головной убор — в виде короны. Правой приподнятой рукой он опирается на трезубец, левая рука опущена и держит щит или лук. Слева и справа надписи, к сожалению, плохой сохранности. Справа в поле остатки легенды ...ΛΣ..., слева

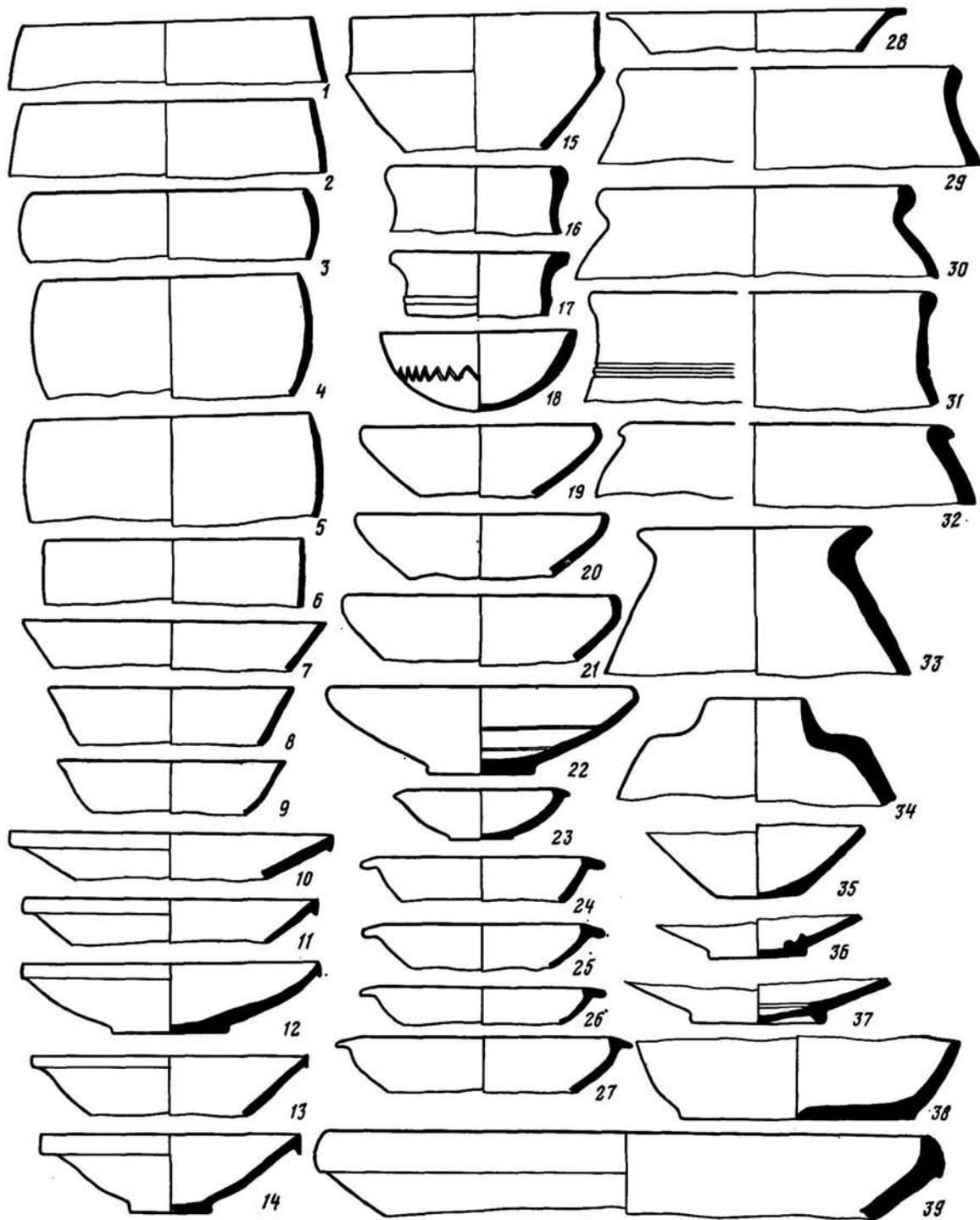

Рис. 2. Керамика греко-бактрийского времени первого этапа

1-5 — кубообразные горшки; 6 — бокал; 7-9 — чаши II типа; 10-14 — чаши IV типа; 15 — кубок; 16-17 — кувшины; 18 — вариант чаш I типа; 19-22 — чаши I типа; 23-27 — чаши III типа; 28 — чаши V типа; 29-33 — верхние части горшков; 34 — фляговидный сосуд; 35, 38 — донья горшков; 36, 37 — донья мисок; 39 — край тагары

1 0 1 5 10 см

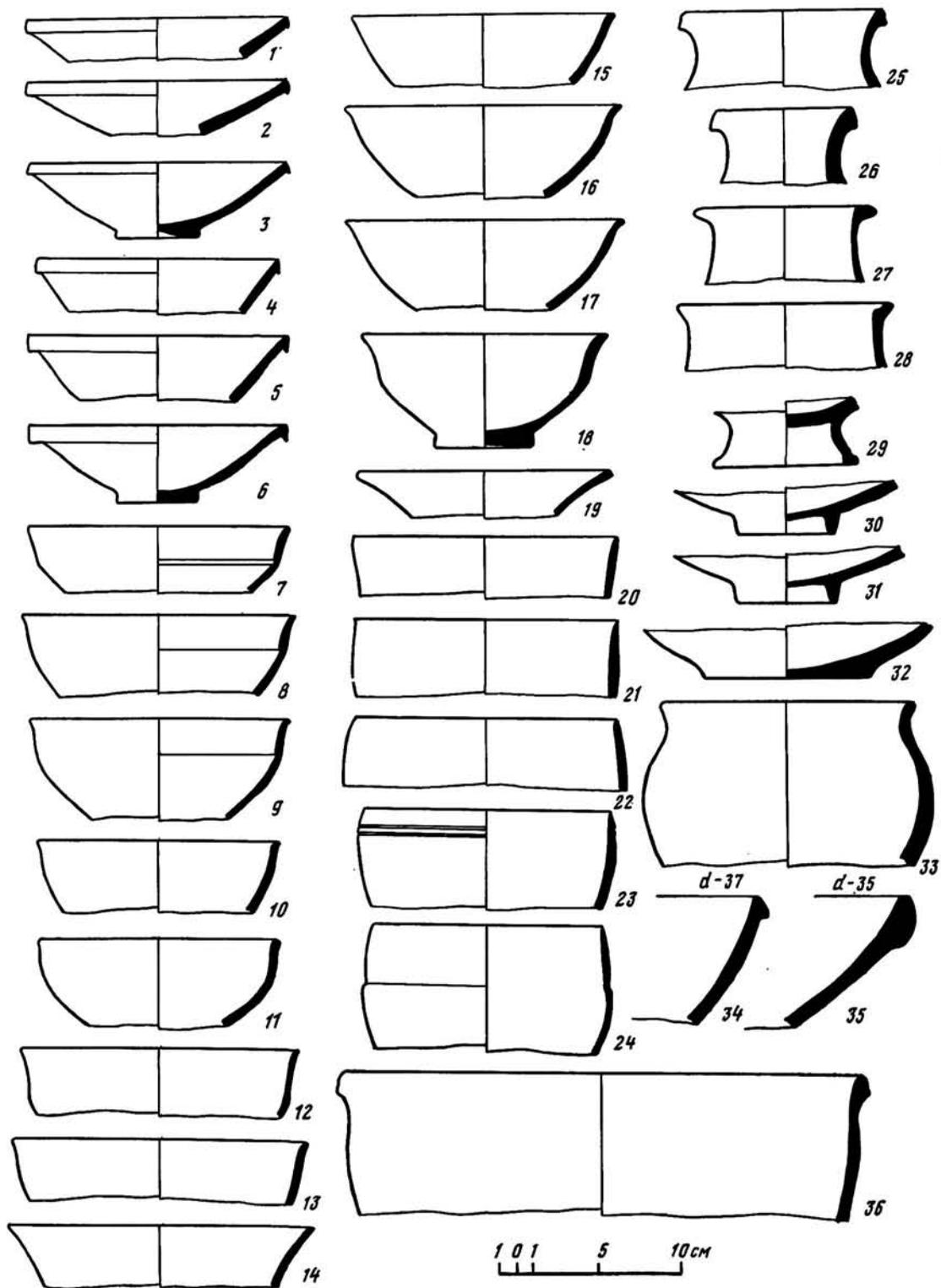

Рис. 3. Керамика греко-бактрийского времени второго периода

1—19 — чаши; 20—24 — цилиндро-конические кубки; 25—28 —
кувшинны; 29—32 — донья; 33 — горшок; 34—36 — тагора

...V... Известно, что Антимак Теос правил в первой половине II в. до н. э.

Керамика *второго этапа греко-бактрийского времени* существенно не отличается от предшествующего этапа (рис. 3). Она найдена в помещении 8 на уровне второго пола (VIII строительный горизонт сверху). К этому времени исчезают кубкообразные горшки, чаши с Т-образным венчиком, цилиндроконические кубки несколько изменяются. Стенки их становятся более округлыми, а перегиб более плавным (рис. 3, 22–24). Существенно изменяются и чаши с клювовидным венчиком. Диаметр их венчика увеличивается, а клюв становится менее выразительным (рис. 3, 1). Бокалы, как и в предшествующем этапе, имеют колоколовидное тулово. К этому времени окончательно сложились чаши на невысоком поддоне с плавно расширяющимися вверх стенками (5 тип) (рис. 3, 10–18). На этом этапе появляются чаши с плавно расширяющимися вверх стенками и заметным перегибом внутри, выше которого стенки принимают вид отлогого борта (рис. 3, 7–9), хотя и не такого выразительного, как в последующем периоде. Изменяются и кувшины, появляются кувшины с треугольным профилем венчика (рис. 3, 25, 26). Не остались без изменений и кухонные тагора. У них слегка округлились стенки, а венчик стал в сечении треугольным.

Керамика второго этапа находит прямые аналогии в комплексах керамики, датированных III–I вв. до н. э. Особенное сходство она обнаруживает в материалах шурфа III–IV Халчаяна, датированного Г. А. Пугаченковой II–I вв. до н. э.²⁰ и Старого Термеза — III–I вв. до н. э.²¹ Датировка данного слоя уточняется стратиграфическими данными. Слой, в котором был обнаружен описанный керамический комплекс лежал над строительным горизонтом, давшим материалы первого этапа, датированного нами III–II вв. до н. э. Учитывая, что средняя продолжительность существования глинобитных построек обычно определяется в 50 лет²², этот слой можно датировать второй половиной II в. до н. э.

Керамика раннекушанского времени

Обнаружена в верхних слоях помещений 7, 8 и в «коридоре» (рис. 4). Отдельные формы керамики предшествующего этапа продолжают бытовать, но в несколько измененном виде. Так, у чаш с клювовидным венчиком увеличивается диаметр устья. Появляются столовые тагора, по-видимому, в результате дальнейшей эволюции чаш с клювовидным венчиком. Как мы уже отмечали, вначале увеличивался диаметр их устья, на следующем этапе в зеркалах чаш появились концентрические неглубокие линии, а потом процарапанный волнистый ор-

намент и штамп (рис. 4, 21–23). Доминирующее положение среди керамики этого этапа занимают чаши с плавно отходящими стенками (рис. 4, 1–8). От чаш предшествующего периода они отличаются более отлогими стенками, которые у чаш с заметным перегибом внутри устья становятся еще более отлогими (рис. 4, 9–12), приближаясь к формам тарелок, чаши с закругленным внутрь венчиком сохраняют прежний облик (рис. 4, 13–14).

Цилиндроконические кубки этого времени отличаются от кубков предшествующих периодов округлыми стенками и относительно высокой профилировкой (рис. 4, 15–19). Здесь уже нет кубков с прямыми стенками и резко выраженным перегибом.

У кувшинов венчик профилированный (рис. 4, 27–30). Появляются кувшины с ручкой (рис. 4, 27 и 31) и волнистым орнаментом на горловине (рис. 4, 28). Хумы, хумча и тагора не отличаются по форме от хумов, хумча и тагора предшествующих периодов.

В раннекушанский период количество керамики сероглиняной несколько сокращается; качество керамики по сравнению с греко-бактрийским временем ухудшается. Керамика этого этапа сходна с цилиндроконическими кубками, чапами, кувшинами и столовыми тагорами Айртамского могильника, датированными II–I вв. до н. э.²³ Тульхарского могильника последней трети II в. до н. э. — начала I в. н. э.²⁴, поселений Мирзакультепа раннекушанского времени²⁵ и слоем Кубадан II²⁶. Основываясь на аналогии и стратиграфических данных, этот комплекс керамики предварительно можно датировать I в. до н. э. — началом I в. н. э.

Керамика среднекушанского периода

В этот период продолжалось ухудшаться качество керамики. Стенки сосудов стали более толстыми, даже в тесте столовой посуды отмечено наличие различных примесей.

Керамика среднекушанского периода представлена всего несколькими экземплярами сосудов, среди которых заслуживают упоминания лишь чаши на высоких ножках с конусообразным выемом внутри (рис. 5, 1–3) и столовые тагора (рис. 5, 11–12). Стенки чаш довольно массивные, покрыты плотным темно-красным ангобом.

У столовых тагора стенки отлогие, закапчивающиеся клювовидным венчиком. Внутренняя часть одного из представленных столовых тагора украшена штампованным орнаментом в виде стилизованного изображения дерева, второй — в виде квадрата, вписанного один в другой. Ножка цилиндроконического кубка представлена одним экземпляром. Кроме упомянутых форм, здесь найдены хумча, котлы и кухонная тагора, которые по сравнению с посудой пред-

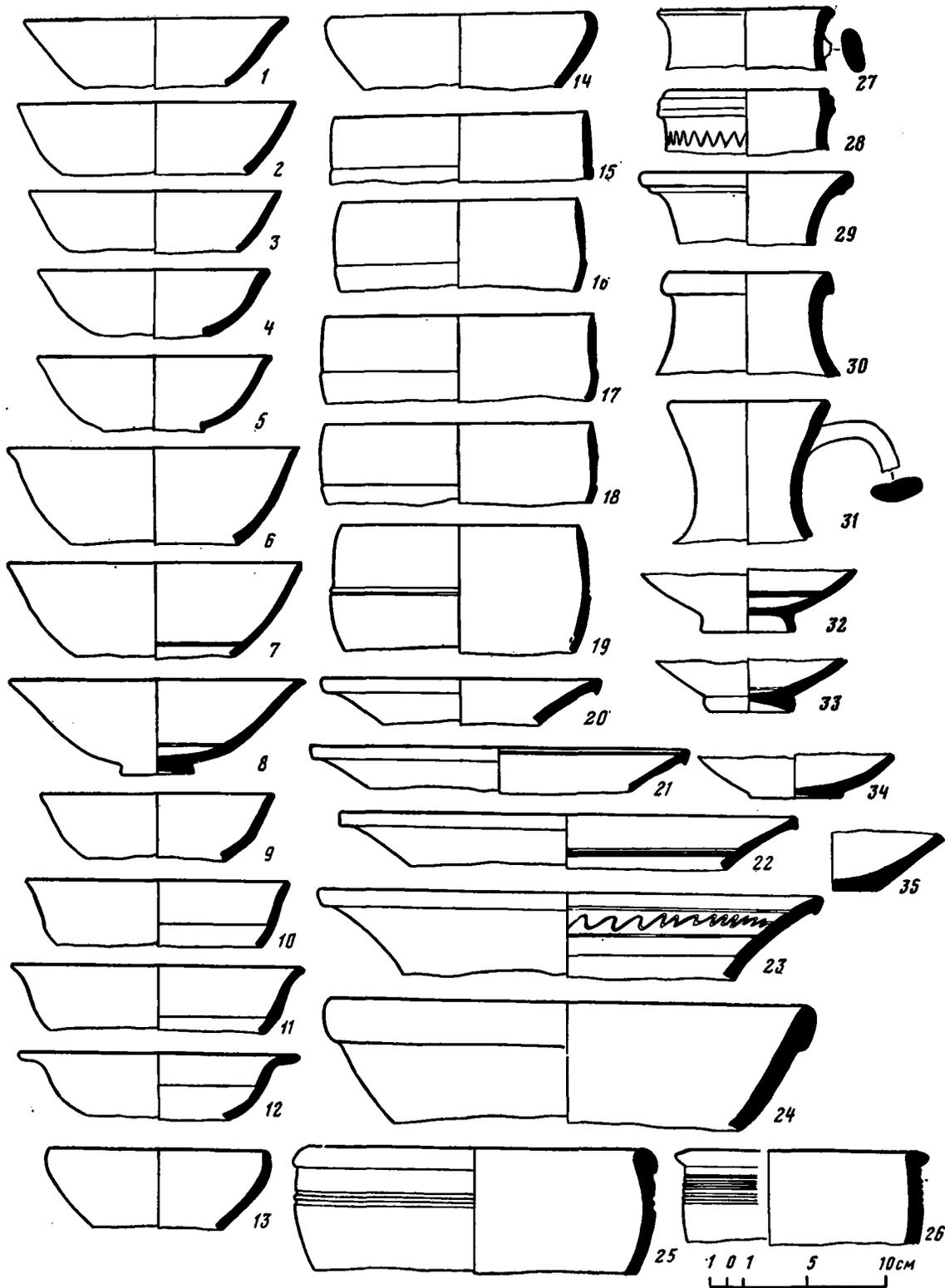

Рис. 4. Керамика раннекушанского времени

1—14 — чаши; 15—19 — цилиндрические кубки; 20—22 — чаши; 23—26 — тагора; 27—31 — кувшины; 32—35 — донья

шествующих периодов не претерпели существенных изменений. В настоящее время представленную керамику среднекушанского периода можно датировать приблизительно II в. н. э.

Слой *позднекушанского периода* на Жигатепе в 1976 г. почти не были исследованы, и поэтому керамика этого периода здесь не представлена.

Для керамики кушано-сасанидского времени характерно большое разнообразие и изящество форм, тонкость черепка, насыщенность орнаментом. Вся керамика этого времени, кроме кухонной посуды, изготовлена на гончарном круге быстрого вращения. Керамика кушано-сасанидского времени была найдена на уровне I, II и III строительных горизонтов сверху, в помещениях 1–6. Наиболее выразительный материал обнаружен в помещениях 4 и 5. Ассортимент керамики довольно разнообразен: кубкообразные чаши, чаши с характерным перегибом у венчика, кувшины, хумча, котлы, светильники, крышки и другие сосуды (рис. 6) ²⁷.

Чаши кушано-сасанидского времени представлены тремя типами. К первому относятся кубкообразные чаши, обнаруженные в большом количестве (рис. 6, 1–7). Почти все они найдены на уровне III строительного горизонта. У кубкообразных чаш — невысокое плоское дно, реже со слегка заметным конусообразным выемом внутри. Стенки плавно расширяются вверх, делают плавный перегиб, образуя цилиндроконическое тулово. Венчики кубкообразных чаш обычно прямые или слегка вогнуты внутрь, реже отогнуты наружу. Как правило, кубкообразные чаши с двух сторон покрывали красным ангобом различного оттенка. Нередко цилиндрическую часть этого типа покрывали поверх ангоба сетчатым лощением. Описываемые кубкообразные чаши очень схожи с цилиндроконическими кубками, что указывает на их генетическую общность. Однако по ряду признаков они отличаются от них. В частности, кушано-сасанидские чаши имеют более плавный перегиб, более округлые стенки и не так высоки, как цилиндроконические кубки раннекушанского времени.

Чаши второго типа представлены в значительно меньшем количестве, чем кубкообразные. В отличие от кубкообразных чаш у них относительно большое устье и меньше высота (рис. 6, 8–11). Нередко зеркала чаш этого типа покрывали поверх красного ангоба до перегиба сводчатым лощением (рис. 6, 8 и 11).

Чаши третьего типа представлены единичными экземплярами. У них полусферическое тулово со слегка загнутым внутрь венчиком.

Кувшины имеют профилированный треугольный или Г-образный венчик. Ширина горловины обычно средняя. Встречаются кувшины и одноручные, и двуручные, хотя преобладают

последние. Тулово кувшинов — грушевидное или шаровидное, дно — обычно плоское. Однако нередко кувшины на невысоком поддоне. Характерной особенностью кувшинов этого времени является оформление ручек кувшинов в нижней части в виде дугообразного налета с пальцевидными вмятинами (рис. 6, 22) ²⁸. Кувшины обычно покрывали ангобом частично. Нередко встречались кувшины, украшенные штампованным орнаментом. Как правило, им украшали шейку кувшина. Мотивы штампованных орнаментов преимущественно геометрические ²⁹.

От столовых тагора обнаружено 17 фрагментов, восстанавливается профиль лишь одного из сосудов. У него невысокий поддон, расширяющийся вверх, стенки профилированные и заканчиваются профилированным отлогим бортом, к которому прикреплены две вертикальные витые ручки с зубчатым налетом. Зеркала и борт тагора украшены процарапанным волнистым орнаментом и насечкой. Столовая тагора покрыта красно-коричневым ангобом.

Из кухонной посуды особого внимания заслуживают хумча, хумы и котлы. Доминирующее положение среди этих форм занимает хумчи. У них цилиндрическое тулово, широкая горловина и уплощенный профилированный венчик. Как правило, хумчи украшали процарапанным волнистым орнаментом, а иногда и штампом.

Хумы этого времени представлены двумя типами. К первому относятся хумы с грушевидным туловом и уплощенным валообразным венчиком, к хумам второго типа — хумы с грушевидным или цилиндрическим туловом, округлым дном и фигурным венчиком (рис. 6, 27). Как правило, хумы второго типа изготавливали из глины с большой процентной примесью дресвы и кварца, черепок пережжен.

Котлы также представлены двумя типами. У котлов первого типа шаровидное тулово, венчик загнут внутрь в виде клюва. Шейки этого типа котлов обычно украшали процарапанным волнистым орнаментом или насечкой (рис. 6, 24). У котлов второго типа венчик утолщенный, тулово более вытянутое, горловина по сравнению с котлами первого типа шире (рис. 6, 25). Котлы первого и второго типов изготавливали из глины с примесью дресвы.

Весьма интересны светильники с двойным дном и ладьевидным резервуаром (рис. 6, 26). Верхнюю и нижнюю половины светильников изготавливали отдельно, затем прикрепляли друг к другу. Место прикрепления тщательно сглаживали, после чего светильник покрывали красным ангобом. Кроме описанных форм здесь были найдены крышки (рис. 6, 19–21) и различные миниатюрные сосуды (рис. 6, 15–18).

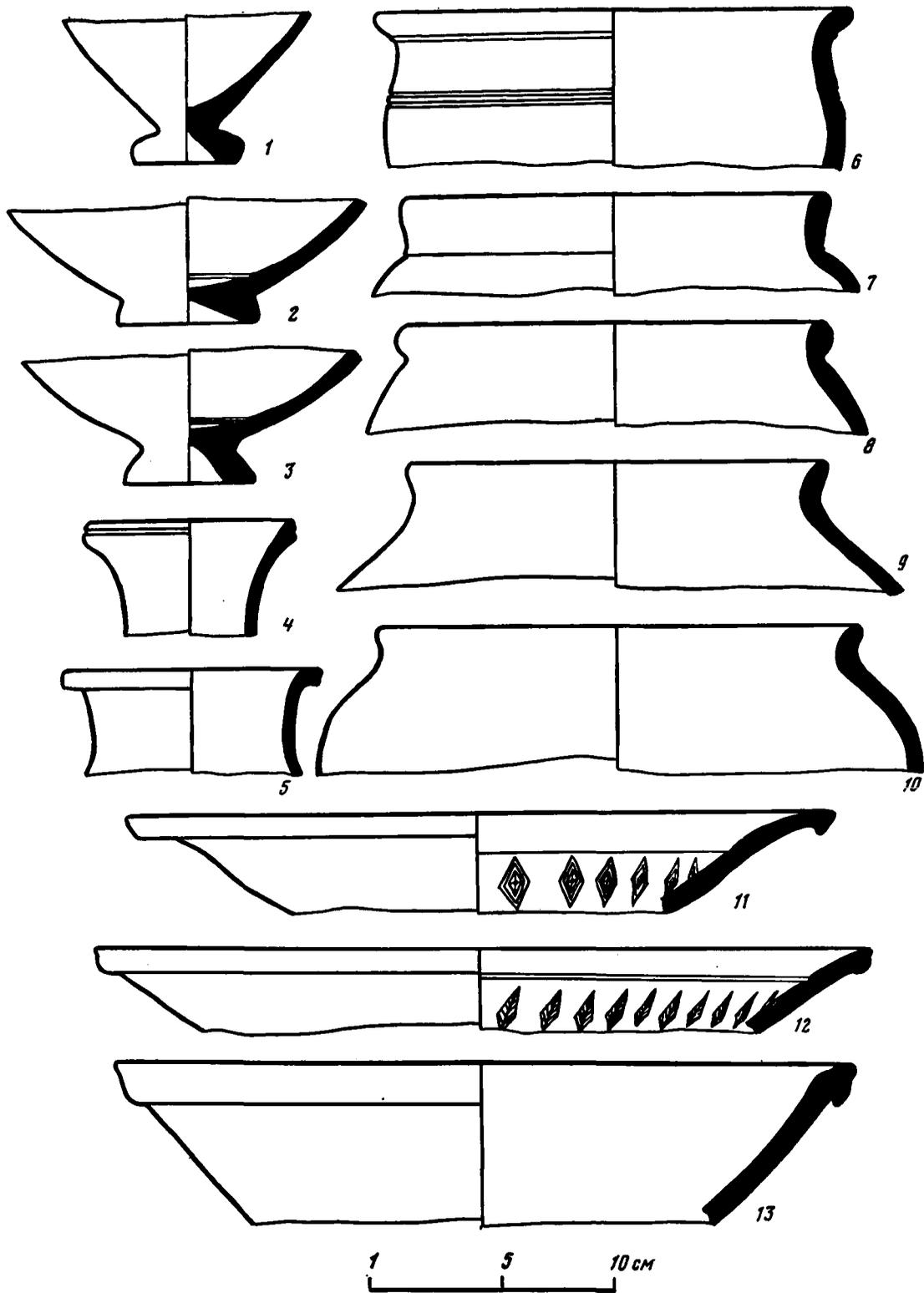

Рис. 5. Керамика среднекушанского периода

1—3 — донья чаш на высоких ножках; 4, 5 — горла кувшинов; 6—10 — горшки; 11—13 — тагора

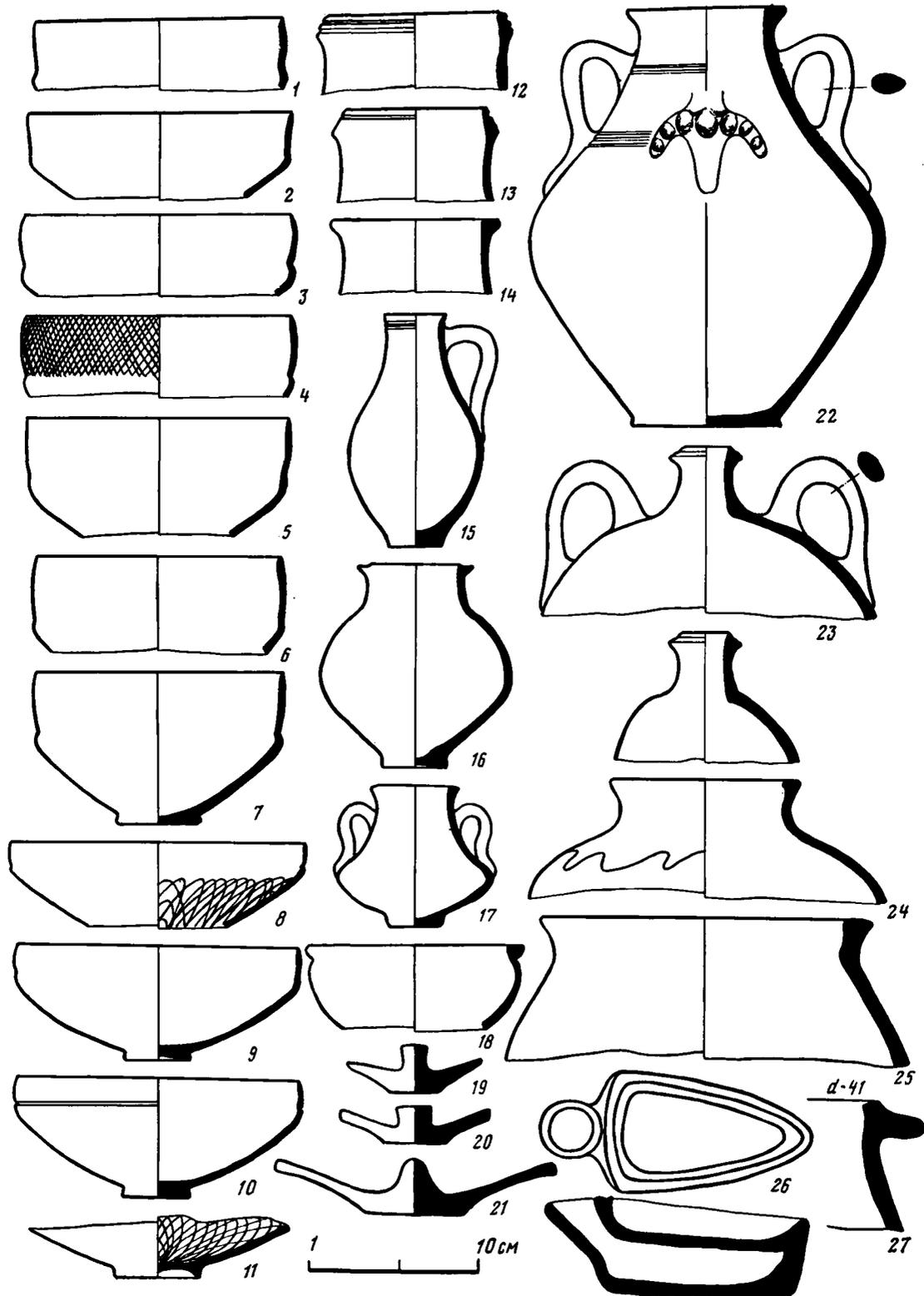

Рис. 6. Керамика кушано-сасанидского времени

1—7 — чаши I типа (кубкообразные); 8—11 — чаши II типа;
 12—14, 22 — кувшины; 15—18 — миниатюрные сосуды;
 19—21 — крышки; 23 — флига; 24, 25 — котлы; 26 — светиль-
 ники; 27 — край хума

Многие сосуды описанного керамического комплекса широко распространены в памятниках Средней Азии и датируются в широких хронологических рамках — III—V вв. н. э. В частности, кубкообразные чаши с характерным перегибом у венчика и столовые тагора имеют аналогии в комплексах керамики верхних слоев соседнего Дильберджины и керамики Чакалakteпа близ Кундуза³⁰. В северной Бактрии они найдены на городище Дальверзин позднекушанского времени³¹, в верхних слоях Зартепа³², Аккургана³³, Явана³⁴, в буддийском монастыре Каратепа³⁵.

Керамику этих памятников объединяет не только форма посуды, но и техника украшения и мотивы орнаментации. Вместе с тем, в изучаемом комплексе керамики Джига-тепе отсутствуют обычные для других памятников полушарические чаши с налестами у венчика. Возможно, отсутствие их связано с хронологическими расхождениями или является локальной особенностью.

При раскопках на уровне II и III строительных горизонтов на Джига-тепе было собрано значительное количество монет. Среди них лишь одна монета принадлежала чекану кушанского царя Васудевы, остальные, судя по раз-

меру и весу, относятся к типу монет, называемых кушано-сасанидскими и паходившихся в обращении с IV по VI вв. н. э. К сожалению, ни одна из монет кушано-сасанидского типа еще не определена. Основываясь на монетных находках и аналогиях керамического материала, описанный керамический материал датируется V в. н. э., а возможно, и началом VI в. н. э.

Следует отметить, что керамика, обнаруженная на уровне I—II строительного горизонта сверху и включенная в кушано-сасанидский период, несколько отличается от керамики III горизонта. Здесь почти отсутствуют кубкообразные чаши и чаши с характерным перегибом у венчика, что свидетельствует о хронологической разнице существования этих горизонтов.

При сравнении керамического комплекса Джига-тепе кушано-сасанидского времени и других памятников Бактрии с керамикой этого же времени Согда, Хорезма, Маргианы, Ферганы бросается в глаза их отличие, начавшее проявляться еще в раннекушанский период, но затем все увеличивавшееся. Возможно, это связано с политической самостоятельностью каждой из этих областей или же с развитием керамического производства.

¹ Пугаченкова Г. А. Жигатепе (раскопки 1974 г.). — В кн.: Древняя Бактрия, М., 1979, вып. 2, с. 63—94.

² Gardin J. C. Les ceramiques. Fouilles d'Al Khanoum. — MDAFA, Paris, 1973, XXI, I, pl. 143.

³ Кругликова И. Т. Дильберджин. М., 1974, с. 20, рис. 12.

⁴ Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадян) (1950—1951 гг.). — МИА, 1963, № 37, с. 279, 280, рис. 18.

⁵ Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода. Керамика Хорезма. — ТХАЭЭ, М., 1959, IV, рис. 4, 15.

⁶ Кругликова И. Т. Дильберджин, рис. 12.

⁷ Тереножкин А. И. Согд и Чач. — КСИИМК, 1950, XXXIII, с. 156, 157, рис. 70, 5; Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб. — В кн.: Афрасиаб. Ташкент, 1973, вып. 2, с. 56, рис. 12, 18; Шишкина Г. В. Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афрасиаба. — В кн.: Афрасиаб, Ташкент, 1969, вып. I, рис. 38, 18 и др.

⁸ Шишкина Г. В. Эллинистическая керамика Афрасиаба. — СА, 1975, № 2, с. 77.

⁹ Филанович М. И. К характеристике древнейшего населения на Афрасиабе. — В кн.: Афрасиаб, Ташкент, 1969, вып. I, с. 206—220.

¹⁰ Пугаченкова Г. А. Жигатепе, с. 76, рис. 13, 1, 5, 6.

¹¹ Кругликова И. Т. Дильберджин, с. 18—20, рис. 12.

¹² Gardin J. C. Fouilles d'Al Khanoum, p. 121—188, pl. 113—143.

¹³ Gardin J. C. Ceramiques de Bactres. — MDAFA, Paris, 1957, XV, pl. VIII.

¹⁴ Пугаченкова Г. А. Новое в изучении Дальверзинтепе. — СА, 1971, № 4, с. 188—190.

¹⁵ Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент, 1966, с. 31—37.

¹⁶ Тереножкин А. И. Согд и Чач, с. 156; Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб, с. 53—64, рис. 12, 13; Он же. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб. — СА, 1969, № 1,

с. 188—198; Шишкина Г. В. Материалы первых веков до н. э. из раскопок на северо-западе Афрасиаба, с. 227—228.

¹⁷ Кабанов С. К. Керамический комплекс из наслоений древнего городища в Китабе. — ИМКУ, Ташкент, 1962, вып. 3, с. 42—53.

¹⁸ Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного времени, с. 84—124, рис. 17.

¹⁹ Усманова З. И. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Глуур-кала. — ТЮТАКЭ, Ашхабад, 1963, т. XII, с. 189—196, рис. 20—25.

²⁰ Пугаченкова Г. А. Халчаян, с. 36—41, рис. 15—20.

²¹ Козловский В. А., Некрасова Е. Г. Стратиграфический шурф на цитадели древнего Термеза. — В кн.: Бактрийские древности. Л., 1976, с. 31—32, рис. 1.

²² Массон В. М. Поселение Джейтун. — МИА, 1971, 180, с. 59, 60.

²³ Тургунов Б. А. К изучению Айртама. — В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1974, с. 68, рис. 13—17.

²⁴ Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию — МИА, 1966, 136.

²⁵ Идаев Ш. Р. Мирзакультепа — памятник раннекушанского времени в Северной Бактрии. — В кн.: Бактрийские древности, 1976, с. 68—76, рис. 2, 3.

²⁶ Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадян), с. 292—287, рис. 20.

²⁷ Кроме приведенных в таблице типов, см. формы сосудов и их детали из слоев того же времени см.: Пугаченкова Г. А. Жигатепе, с. 82—90, рис. 19—24.

²⁸ Пугаченкова Г. А. Жигатепе, с. 83, рис. 19, 5; с. 84, рис. 20; с. 86, рис. 22, 1—11.

²⁹ Пугаченкова Г. А. Жигатепе, с. 86, рис. 22, 24.

³⁰ Seiichi Mizuno. Chagaloq-tepe, Fortified village in North Afghanistan excavation in 1964—1967. Kyoto Univ., 1970, Fig. 34.

- ³¹ Пугаченкова Г. А. Новое в изучении Дальверзинтепе, рис. 13.
³² Альбаум Л. И. Балалыктене. Ташкент, 1960.
³³ Пидаев Ш. Р. Некоторые данные о раскопках кушанского поселения Аккурган в Северной Бактрии. — СА, 1976, № 2, с. 187—196, рис. 2, 3.

- ³⁴ Юркевич Э. А. Городище кушанского времени на территории Северной Бактрии. — СА, 1965, № 4, с. 161—164.
³⁵ Сычева И. С. Керамика Каратене. — В кн.: Каратене в старом Термезе. М., 1975, с. 88—140.

RÉSUMÉ

«LA CÉRAMIQUE PROVENANT DE DJIGATÉPÉ

(les fouilles de 1976)»

par Ch. R. Pidaév

Le site de Djigatépé se trouve à 5 km à l'est de Dilbarjin. Les fouilles y ont été entamées sous la direction de G. A. Pougatchénkova en 1974 et poursuivies sous celle de Ch. P. Pidaév en 1976. La céramique la plus ancienne, livrée par la couche reposant sur celle vierge, remonte à la seconde moitié de IVe — début de IIIe siècles avant notre ère. Ici les récipients les plus communs sont: pots sous forme de gobelets (voir la fig. 1, 1—7) et bols (fig. 1, 9—19). Les chaudrons sont moins fréquents (fig. 1, 20—22).

L'ensemble céramique retrouvé dans les couches datant de l'époque gréco-bactérienne est beaucoup plus diversifié. Les récipients rattachables à la première étape sont: pots sous forme de gobelets entièrement couverts d'engobes variés (fig. 2, 1—5), gobelets dont la moitié supérieure de la paroi est verticale et celle inférieure est tronconique (à l'intérieur ils sont entièrement engobés; à l'extérieur seulement jusqu'à la ligne de cintrage (fig. 2, 15), coupes (fig. 2, 6), bols de cinq types (fig. 2, 19—22 type 1, fig. 2, 7—9 type 2, fig. 2, 23—27 type 3, fig. 2, 10—14 type 4, fig. 2, 28 type 5), cruches (fig. 2, 16—17). Le récipient à panse biconvexe (type goudre) (fig. 2, 34) et ceux à usage de cuisine (fig. 2, 30 et 39) suscitent le plus d'intérêt. Les récipients de la première étape se rapportent aux IIIe — IIe siècles avant notre ère.

La céramique de la seconde étape de l'époque gréco-bactérienne ne se diffère pas sensiblement de la poterie de première étape. On ne signale plus les pots sous forme de gobelets. La forme des gobelets dont la partie supérieure est à paroi verticale et celle inférieure tronconique change (fig. 3, 22—24), l'aspect des bols modifie aussi (fig. 3, 7—18). Les cruches aux lèvres de section triangulaire apparaissent (fig. 3, 25, 26).

La céramique de la seconde étape pourrait être datée du IIe siècle avant notre ère.

Aux débuts de l'époque kouchane on signale, sur les bols, les ornements estampés et ciselés (fig. 4, p. 21—23); les terrines évasées, à larges flancs, deviennent prédominantes (fig. 4, 1—8), chez les bols cintrés les flans deviennent plus larges (fig. 4, 9—12). Les panses des gobe-

lets à paroi verticale dans la haute partie et tronconique dans celle basse deviennent plus arrondies (fig. 4, 15—19). Les cruches à lèvres profilées (fig. 4, 27—30) comportant l'ornement ondulé sur le col apparaissent (fig. 4, 28). La poterie à grès gris devient moins commune.

La céramique rattachable à la période moyenne de l'époque kouchane: sa qualité s'empire notablement, la paroi devient plus épaisse, la pâte d'argile comporte plus d'additions. Suscitent le plus d'intérêt les gobelets à haute piedouche, à cavité tronconique à l'intérieur (fig. 5, 1—3) et les tagors (pots) de table (fig. 5, 11—12).

Les couches remontant à l'époque kouchane tardive n'ont pas été objet de fouilles en 1976. D'où l'absence de la céramique rattachable à ce temps.

L'époque kouchano-sassanide se caractérise par les formes de poterie plus variées et élégantes, la paroi moins épaisse et les ornements plus denses.

Il y en a trois types de bols (fig. 6, 1—7 type 1 et fig. 6, 8—11 type 2). Les récipients du type 3 ont la panse demi-sphérique, les lèvres sont légèrement rentrants. Les cruches étaient décorées d'ornements estampés, sous les anses il y avait des moulures (fig. 6, 22); les khoumtchas ont la panse cylindrique, le col large et les lèvres aplaties profilées; quant aux khoums il y en a deux types: à lèvres en bourrelet arrondi et à lèvres moulurées (fig. 6, 27). Les chaudrons sont de deux types: à panse sphérique, à lèvres cornée à l'intérieur sous forme de bec (fig. 6, 24) et à panse plus effilée, à l'embouchure plus large et à lèvres épaisses (fig. 6, 25). Les lampadaires, à fond double et à réservoir sous forme de barque (fig. 6, 26), engobés de rouge, couvercles (fig. 6, 19—21) et récipients miniatures (fig. 6, 15—18) suscitent de l'intérêt.

Si l'on compare l'ensemble de céramique provenant de Djigatépé, rattachable à l'époque kouchano-sassanide, et celui, de la même époque, mais recueilli à la Sogdiane, Khoresmie, Marghiane et Fergana il est lieu de constater que ces ensembles se distinguent sensiblement. Ce qui est dû, paraît-il, à l'autonomie politique de ces régions.

Б. И. Вайнберг, И. Т. Кругликова

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ ИЗ РАСКОПОК ДИЛЬБЕРДЖИНА (II)

Настоящая статья продолжает и одновременно завершает публикацию всех определенных монет из раскопок СААЭ в Дильберджине¹. Впервые здесь предлагается каталог монет из раскопок 1974—1977 гг. Самые общие выводы о составе монетных находок уже высказывались в предыдущей статье, но комплекс вновь публикуемых находок заставляет сделать ряд уточнений. Как уже отмечалось, наиболее массовыми являются кушанские, сасанидо-кушанские и кушано-сасанидские монеты.

В первой публикации отмечалось отсутствие монет Вимы Кадфиза, сейчас можно указать на наличие девяти бесспорных экземпляров монет этого царя (раскопы I, II, XVI). Монеты Вимы Кадфиза найдены совместно с монетами Канишки (раскоп I — храм), монетами безымянного царя «Сотер Мегаса» и даже Васудевы (раскоп XVI, помещение 5)². Какими-либо дополнительными данными о времени чекана монет «Сотер Мегаса» мы не располагаем. О расцвете жизни на памятнике в кушанское время уже писалось неоднократно. Исключительно полный кушанский комплекс монет получен из раскопа XVI, помещения 5 (Вима Кадфиз — 3 экз., Канишка — 6 экз., «Сотер Мегас» — 4 экз., Васудева и подражания его чекану — 4 экз.). В нем, как и в других случаях, отсутствуют монеты Хувишки, весьма редкая находка на Дильберджине. Монеты этого царя найдены в двух экземплярах (№ 49 и № 63 из раскопа III, помещения 13 и раскопа VI, помещение 5). Может быть, этот факт не свидетельствует о каком-либо кризисе в жизни данного поселения, так как очень небольшое количество монет Хувишки по сравнению с другими монетными выпусками Великих Кушан, отмечается и в Сурхандарьинской области Узбекистана (правобережная Бактрия)³, и причины этого явления могут быть общими, но пока они неясны.

Особо следует обратить внимание, что на Дильберджине теперь можно отметить находки экземпляра варварского подражания чекану Гелиокла (раскоп X, помещение 3) и вместе с ним обола Герая (№ 160, 161), так как отсутствие подражаний Гелиоклу в Дильберджине выдвигалось в качестве существенного аргумента при выяснении ареала этих монет⁴.

Ничего существенного по новым материалам из Дильберджина нельзя добавить к выводу

вопроса о хронологическом соотношении монет Васудевы и сасанидо-кушанского и кушано-сасанидского чеканов. Во всех раскопах на цитадели встречены именно этот комплекс находок (небольшое количество равных монет, как правило, встречено изолированно в отдельных помещениях. Например, раскоп СII, помещение 22; раскоп СIII, восточная галерея; раскоп CV, северная сторона башни). Но по-прежнему можно отметить дополнительно к названному ранее⁵ чисто кушанские комплексы — раскопы VII и XVI, где не встречены сасанидо-кушанские и кушано-сасанидские монеты. Интересно отметить, что в раскопе X, в помещении I были найдены кушано-сасанидские и сасанидо-кушанские монеты, а в кладке южной стены этого же помещения была найдена монета Васудевы или подражание его чекану (№ 157)⁶.

Среди новых материалов можно отметить находку двух экземпляров хорезмийских мелких медных монет в одном из помещений на цитадели (раскоп CVI, помещения 162 и 167, нижний слой — № 220, 221).

Ниже приводится список монетных находок из раскопок Дильберджина в 1974—1977 гг. (дополнение к списку находок 1973—1974 гг. см. в конце). Данные о монетах, как и в предыдущей публикации, сведены в каталог, составленный по раскопам. Нумерация монет сквозная, продолжает список находок 1970—1973 гг. Принцип составления каталога тоже идентичен предыдущему. Во всех случаях, когда монеты медные, это не оговаривается. Все указания на расположение различных деталей на монетном кружке даны в цифрах часового циферблата. Литература, упоминаемая в каталоге, приведена в конце его.

¹ Вайнберг Б. И., Кругликова И. Т. Монетные находки из раскопок Дильберджина. — В кн.: Древняя Бактрия. М., 1976. с. 172 и сл.

² Ср. замечание об отсутствии совместных находок монет «Сотера Мегаса» и Вимы Кадфиза в Узбекистане. — Рувалдаэ Э. В., Пидиев Ш. Р. Каталог древних монет Южного Узбекистана. Ташкент, 1981. с. 37.

³ Рувалдаэ Э. В., Пидиев Ш. Р. Каталог..., с. 40, 74—77.

⁴ Рувалдаэ Э. В., Пидиев Ш. Р. Каталог..., с. 7, где приведена и литература вопроса.

⁵ Вайнберг Б. И., Кругликова И. Т. Монетные находки..., с. 172.

⁶ Вайнберг Б. И., Кругликова И. Т. Монетные находки..., с. 172 и сл.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Монеты из раскопок Дильберджина 1974–1977 гг.

№ пп	Лицевая сторона	Оборотная сторона	Сохранность и металлы ²	Диаметр, мм	Вес, г	Определение	Место находки	№ по левой оплски и год нах.
<i>Раскоп I</i>								
120	Голова царя вправо (?)	Горбатый бык, под полосой надпись	Средняя	16×15	2,77	Артпих I или II (280–261 гг. до н.э. или 261–256 гг.)	Восточный портик перед храмом, над полом А, гл. 0,7 м	1, 1974
121	?	?	Оч. плохая	15×17	0,71	Подражание монете Хувишки эфталитского периода (Vв.) ?	Портик к востоку от храма	2, 1974
122	Фигура правителя во весь рост	Нечитаема	Оч. плохая	15×15	0,820	Васудева (?)	Восточный портик перед храмом, гл. 1,63 м	3, 1974
123	Фигура правителя правой рукой опирается на копье, левая опущена вниз. Лицо стерто	Шива, стоящий перед быком	Плохая	15×17	2,200	Васудева или подражание его чекану	Восточный портик перед храмом на полу А	4, 1974
124	Голова царя вправо в короне с крыльями внутри точечного ободка. Локоны сзади. Четыре симметричные рельефные точки на полях монетного кружка	Алтарь и две фигуры по сторонам внутри точечного ободка (аташдап)	Серебро. Хорошая. края монеты обломаны	29×30	2,45	Подражание чекану Пероза. Эмиссия 287, по Р. Гёблю	Южный, внутренний коридор, гл. 1 м от поверхности степ	1, 1975
125	Стоящий царь с рукой, опущенной к алтарю. Трезубец и палица. На 9–12 ч. остатки легенды. Сзади на 2 ч. тамга 	Шива с быком вправо	Хорошая	22×26	14,95	То же, что № 126. Вима Кадфиз	Храм. В дверном проеме между ном. 2 и 5 на полу В	7, 1976
126	Царь с рукой, опущенной к алтарю, перед ним трезубец, сзади на 2 ч. тамга . От 6–7 ч. легенда кончается на 1 ч. под тамгой палица (?)... МЕГАС ООНОМ КАД	Шива с быком вправо. Возможно, легенды следы	Хорошая	25×26	14,82	Вима Кадфиз. Ср. Зеймаль, с. 63, № 5, рис. 4, 5	То же	8, 1976
127	То же, что № 126	Стерта	Средняя	29×28	14,80	Вима Кадфиз.	» »	9, 1976
128	Изображение почти ушло за край на 12 ч. Несколько знаков легенды между 9–11 ч.	Верх изображения ушел за край	Хорошая	26×25	14,47	Вима Кадфиз. Кругок не совсем правильный. То же что № 125–127.	» »	10, 1976
129	То же. Палица наклонно. Легенда от 1 ч. ВАСІЛЕУС ВАСІЛЕΩΝ ΣΩΤΗΡ ΜΕΓΑΣ... ΙΧΝΣ	Под погами быка видна часть легенды	Хорошая	27×28	15,28	Вима Кадфиз. Тип тот же, что № 125–128	» »	11, 1976
130	Стоящий у алтаря царь. На 3 ч. часть легенды... ΔΟΚΑ...	Стоящая фигура божества	Хорошая	25×25	15,32	Канишка. См. Зеймаль, рис. 8, 2, по надписи другая	Храм, в дверном проеме между ном. 2 и 5 на полу	12, 1976

№ пп	Лицевая сторона	Оборотная сторона	Сохранность и металл?	Диаметр, мм	Вес, г	Определение	Место находки	№ по левому описи и год нах.
131	Стоящий царь у алтаря влево, левая рука поднята. Следы легенды (на 10 и 1 час.)	Стоящая фигура божества влево, с вытянутой вперед правой рукой. Надпись между 1 и 4 ч.	Хорошая	24×25	16,32	Канишка. Зеймаль, рис. 8, 2	То же	13, 1976
132	Стоящий царь у алтаря. Лево рукой опирается на жезл. Между 9 и 10 ч. следы легенды... ОК ... и между 2 и 3	Фигура стоящего божества влево. Слева тамга. Справа следы надписи	Средняя	25×25	14,13	Канишка, то же, что № 131	» »	14, 1976
133	Стоящий царь перед алтарем	Стоящее божество. правая рука вытянута вперед, левая согнута у бедра	Средняя	25×26	15,61	Канишка	» »	15, 1976
134	Стоящий царь перед алтарем	(по типу Зеймаль, рис. 8, 4) бегущий Вад. Надписи нет, ушла за край монеты, следы тамги	Средняя	24×25	15,50	Канишка	» »	16, 1976
135	Выпуклая, Голова правителя вправо. Волнистый обрез шеи. Возможно, есть бороздка	Сдвинута вверх, скачущая лошадь. Легенда: EYΘYΔHMO	Хорошая	19×19	4,52	Греко-бактрийская монета Евтидема	Храм, южный внутренний коридор, под полом Г	17, 1976

Раскоп II

136	Стоящий царь прямо	Стоящий царь	Оч. плохая	13×15	1,21	Подражание монетам Васудевы (сер. V в.)? IV стадия	Расчистка южного дверного проема в пом. 12	5, 1974
137	Стерта	Неясна	Оч. плохая	14×10	1,56	Кушано-сасанидская монета, возможно, кушаншах Хормизд	Южный портик, зачистка пола перед пом. 11	6, 1974
138	Половина медной монеты		Оч. плохая	18×13	4,54	Возможно, греко-бактр. царя Евтидема	Южный портик против пом. 11	7, 1974
139	Стоящая фигура царя. Левая рука приподнята, видимо, держит копье, но копье не попало на монетный кружок, правая опущена к алтарю	К кругу из слившихся точек Шива с быком	Плохая	18×17	1,570	Чекан династии Великих Кушан - Васудева I или подражание чекану Васудевы	Пом. 11 в золоту у сев. стены	8, 1974
140	Голова царя в короне Пероза	Алтарь	Оч. плохая край обломки	10×11	0,350	Сасанидо-кушанская	Пом. 16 б на первом полу	2, 1975
140а	Фигура царя в полный рост	Шива и бык?	Плохая	12×12	0,650	М. б., кушано-сасанидская гр. В, по Луконию	То же	3, 1975
141	Голова царя в двухрогой (?) короне	Аташдац	Оч. плохая	12×10	0,360	М. б., Варахрац, /7 по Луконию	» »	4, 1975
142	Голова правителя вправо с диадемой и лентами. Вокруг головы точки	Всадник с поднятой рукой вправо, вокруг легенда	Хорошая	21×22	8,62	Сотер Мегас	Расчистка кирпичной обкладки у древней башни № 8 между 3 и 4 рядами кирпичей	1, 1976

№ пп	Лицевая сторона	Оборотная сторона	Сохранность и металл ²	Диаметр, мм	Вес, г	Определение	Место находки	№ по левой и описи и год нах.
143	Стоящий царь	Нечитаема	Плохая	15×16	1,980	Подражание Васудеве	Пом. 34, средний слой	1, 1977
144	Стоящий царь	Шива перед быком, точечный ободок	Средняя	21×2	6,685	Кадфиз (?)	Пом. 26. в завале	2, 1977
145	Голова правителя вправо. Корона типа «е»	Аташдан с божеством, держащим трезубец	Оч. плохая	15×16	1,580	Варахран (?)	Пом. 16 б на полу сверху	15, 1977
<i>Раскоп VIII</i>								
146	Голова царя вправо в диадеме в точечном ободке	Всадник	Хорошая	—	—	Сотер Мегас	В пахсе за проемом ворот II периода	9, 1974
147	Царь, стоящий прямо	Шива с быком	Средняя	18×15	2,900	Васудева	Пом. 2, X ярус в забутовоч. кирпиче	10, 1974
<i>Раскоп IX</i>								
148	Стоящая фигура царя. Правая рука протянута к алтарю, левая опирается на копье. Среды надписи.	В круге из крупных точек Шива, стоящий перед быком, Левая рука поднята, правая вытянута вперед	Хорошая	22×20	8,305	Васудева	Пом. 3	11, 1974
149	Голова царя вправо в короне типа f (Варахрана) по В. Г. Луконину)	Аташдан с божеством в пламени	Хорошая	12×12	1,255	Сасанидо-кушанская, Варахран	Винодельня	12, 1974
<i>Раскоп X</i>								
150	?	Шива с быком	Оч. плохая	16×17	1,61	Кушано-сасанид. Кушаншах Пероз (?)	Пом. 1, гл. 6,55 м	13, 1974
151	Голова правителя вправо в трехрогой короне	Фигура божества, сидящего на троне под аркадой храма. В одной руке венец, в другой посох.	Средняя	21×18	1,900	Сасанидо-кушан. Арташир, тип в/5, легенда не читается	Пом. 1, гл. 6,60 м	14, 1974
152	Голова правителя вправо в короне (?)	Аташдан с божеством (?)	Оч. плохая	10×12	0,625	Сасанидо-кушанская (?)	Пом. 1, гл. 5,9 м	15, 1974
153	Стоящий царь, левая рука приподнята, видимо, опирается на копье. Правая рука опущена к алтарю	Шива с быком, но голова не попала на кружок	Плохая	20×19	3,500	Чекан Васудевы	Пом. 14, гл. 3,7 м	16, 1974
154	Стоящий царь с копьем в левой руке. Правая рука вниз над алтарем	Солнечный бог Митра влево с диском вокруг головы, одет как царь. Правая рука вытянута вперед. Под ней 	Средняя	25×25	14,95	<i>P. Gardner</i> , XXVII, 4. Канишка по Зеймалю (см. рис. 5, 2) 1-я фаза	Пом. 13, гл. 0,9 м	5, 1975
155	Голова царя вправо	Всадник и тамга 	Средняя	19×19	6,100	Сотер Мегас	Пом. 15, гл. 1,20 м	6, 1975
156	?	?	Оч. плохая	18×18	3,620	Васудева или подражание его чекану	Пом. 3, пол В	7, 1975
157	?	?	Оч. плохая	16×16	—	То же	Пом. 1 из кладки южной стены, гл. 0,2 м от поверхности	8, 1975

№ пп	Лицевая сторона	Оборотная сторона	Сохранность и металл ²	Диаметр, мм	Вес, г	Определение	Место находки	№ по левой колонке и год нах.
158	Стоящий царь	Шива с быком	Плохая	17×19	2,120	По типу Васудева	Пом. 1, период «Б»	9, 1975
159	Нечитаема	Стерта	Оч. плохая	16×15	4,005	Неопределима	Пом. 15, гл. 1,35 м	10, 1975
160	Голова правителя вправо. Диадема в виде ленты над лбом. Усы, массивный нос, большие миндалевидные глаза	Грубо выполненное стоящее божеество вправо. Правая рука согнута. Слева надпись ΠΔΑΝΟ Одежда выше колен	Серебро. 1/2 монеты отломано	11×09	0,405	Обол Герая I в. до н. э.	Пом. 3, на нижнем полу	4, 1977
161	Голова правителя вправо, диадема в виде ленты, профиль печеткий ободок	Неоседланная лошадь влево с поднятой передней ногой. Горизонтальная черта, надпись нечеткая слева, внизу и справа	Хорошая	28×30		Варварское подражание тетрадрахме Гелиокла, поздний тип, конец II – первая половина I в. до н. э.	То же	6/№, 1977
<i>Раскоп XII</i>								
162	Фигура царя. Руки и плечи изображены схематично дугой	Шива с быком	Оч. плохая	12×10	0,815	Подражание чеканке Васудевы или кушано-сасанидская	Гл. 0,3 м	6, 1976
<i>Раскоп XIII</i>								
163	Фигура царя. Голова и ноги обрешаны монетным кружком	Шива с быком	Средняя	14×15		Подражание чекану Васудевы	Пом 1 над полом	
<i>Раскоп XVI</i>								
164	Стоящий царь	Шива с быком (?)	Плохая	16×16	1,170	Подражание чекану Васудевы или Васудева I	Пом. 5, верхн. слой гл. 0,8 м в хуме 2	3, 1977
165	Нечитаема Стоящий царь (?)	Шива с быком (?)	Оч. плохая	18×17	2,760	Васудева I или подражание	Пом. 5, верхн. слой гл. 1 м	5, 1977
166	Царь, стоящий над алтарем, правая рука над алтарем, левая поднята, опираясь на копье	Стоящая богиня вправо, правая рука согнута в локте	Средняя	25×24	14,835	Канишка	Пом. 5, верхн. слой гл. 1,5 м	6, 1977
167	Царь стоит влево, правая рука над алтарем, левая согнута у бедра. Справа жезл и знак 	Шива с быком вправо (?) надпись по кругу	Средняя	28×28	14,980	Кадфиз II	Пом. 5, верхн. слой гл. 1,5 м	7, 1977
168	Царь стоит влево, правая рука вытянута вниз, левая на бедре. Справа над плечом	Шива стоит, сзади бык, слева знак и трезубец	Средняя	21×25	12,600	Кадфиз	То же	8, 1977

№ пп	Лицевая сторона	Оборотная сторона	Сохранность и металл ²	Диаметр, мм	Вес, г	Определение	Место находки	№ по левой колонке и год нах.
169	Царь, стоящий влево, правая рука над алтарем, левая согнута, опирается на копьё	Божество с нимбом (НЛЮС) (?)	Очень Плохая	21×21	6,395	Канишка I <i>Altheim E, Stiel R., tabl. 2, 21</i>	Пом. 5, верхн. слой гл. 1 м	9, 1977
170	Царь, стоящий влево, правая рука над алтарем, левая согнута, опирается на копьё	Бегущий бог влево. Руки вытянуты в стороны	Плохая	24×25	15,140	Канишка (?)	То же	10, 1977
171	Царь влево, правая рука над алтарем, левая согнута на бедре	Стерта, м. б., бегущий бог ветра Оадо. Изображение сдвинуто вправо	Плохая	22×22	13,490	Канишка. <i>Gardner P., XXVII, 6</i>	Пом. 5, гл. 1,5 м	11, 1977
172	Бюст царя вправо, в диадеме с лучами вокруг головы; справа перед лицом в руке наконечник копья; сзади знак 	Царь на лошади вправо, правая рука поднята, длинные ленты за спиной; перед лошадью знак 	Хорошая	20×19	12,660	<i>Sotep Meras Gardner P. XXIV, 3</i>	Пом. 5, в 5 м от зап. стены, гл. 1,5 м	12, 1977
173	То же, но выбойна на месте лица	Царь на лошади вправо, внизу линия, под ней буквы	Средняя	19×18	7,040	Сотер Мерас	То же	13, 1977
174	То же	То же	Плохая	19×19	7,050	То же	» »	14, 1977
175	Царь стоит влево, правая рука вытянута вперед, левая согнута на бедре	Шива перед быком, стоящим вправо. Слева следы надписи	Плохая	26×26	14,400	Вима Кадфиз	Пом. 5, гл. 0,95 м в хуме 1	16, 1977
176	Стоящий царь влево, правая рука над алтарем, левая опущена	Стоящее божество	Плохая	23×25	15,010	Канишка	Пом. 5, гл. 0,95 м в хуме 2	17, 1977
177	Стоящий царь влево. Правая рука вытянута над алтарем, левая поднята, опирается на копьё	Стерта	Плохая	24×25	16,035	Канишка	Пом. 5, гл. 1,40 м	18, 1977
178	Стоящий царь влево, правая рука над алтарем, левая на бедре. Высокий головной убор справа знак и палица. Следы надписи по кругу	Шива перед быком, бык вправо, высокий горб	Плохая	26×26	13,550	Куджула Кадфиз	Пом. 5, гл. 0,70 м	19, 1977
179	Стоящий царь вправо, голова и ноги не поместились на кружке	Шива с быком влево	Плохая	15×15	1,715	Подражание Васудеве или Васудева I	Пом. 5, гл. 1,5 м	20, 1977
180	Царь прямо	Печитаема	Оч. плохая	13×12		Подражание Васудеве (?)	Пом. 5, гл. 1,5 м	21, 1977
181	Бюст царя вправо	Царь на лошади	То же	20×18		Сотер Мерас	Случ. нах. на поверхности.	22, 1977

№ п/п	Лицевая сторона	Оборотная сторона	Сохранность и металл ²	Диаметр, мм	Вес, г	Определение	Место находки	№ по полевой описи и год изв.
<i>Цитадель. Раскоп CIV</i>								
182	Голова в короне (?)	Часть Аштадана	Оч. плох.	11×14	0,380	Фрагмент по типу Сасанидо-Кушанск.	Пом. 117	17, 1974
183	Царь (?) стоит	Богиня Ордохшо, сидит (?)	То же	17×17	1,850	Васудева I или подражание	Пом. 122, верхн. гор.	18, 1974
184	Часть стоящей фигуры, левая рука которой приподнята	Может быть, стоящая фигура Шивы (?)	Оч. плох.	10×14	0,510	М. б., Васудева I (?)	Пом. 122	19, 1974
185	Царь вправо в короне b	Фигура божества сидящего на троне под аркадой	То же	10×10	0,430	М. б. Сасанидо-Кушанская (Арташир, по Луконину b/5??)	То же	20, 1974
186	Фигура царя в рост	Шива и бык	» »	18×16	1,750	Группа B по Луконину. Кушано-сасанид.	Пом. 129, верхн. горизонт	21, 1974
187	Царь стоит	Шива с быком (?)	» »	14×14	0,500	По типу чекана Васудевы	Пом. 130, верхн. горизонт	22, 1974
188	Голова правителя вправо в короне Варахрана (тип e)	Стерта	» »	12×9	0,335	Сасанидо-кушанск. Варахран (до 388 г.)	То же	23, 1974
189	Стоящий царь	Шива с быком	Плохая	16×17	2,370	Васудева I или подражание	Пом. 132, верхн. горизонт	24, 1974
190	То же	» »	Оч. плох.	18×18	2,670	То же	»	25, 1974
191	Голова царя вправо в короне Варахрана (тип e)	Аташдан	Плохая	11×19	0,330	Сасанидо-кушанская, по Луконину e/7 Варахран (правил кушанами до 388 г.)	Пом. 134, верхний горизонт	26, 1974
192	Стерта	Стерта	Оч. плох.	14×10	0,700	Неопределима. По типу — кушано-сасанидский период	То же	27, 1974
193	Стоящая фигура (?)	Стерта, но м. б. Шива с бычком	То же	17×18	1,330	Сасанидо-кушанская (?), м. б. Пероз или тип c/6 по Луконину (?)	Пом. 137	28, 1974
194	Голова правителя вправо в короне типа f (?)	Аташдан (?)	» »	10×9	0,235	Сасанидо-кушанская. Варахран II (389—440 гг.)	Пом. 154	29, 1974
<i>Цитадель. Раскоп CV</i>								
195	Голова вправо в лавровом венке	Аполлон, стоящий влево, левая рука опирается на лук, правая согнута в локте. Следы надписи слева ...ТОХО	Хорошая	11×11	1,450	Эллинистич.	Северная сторона башни	30, 1974
196	Стоящий царь (детали не читаются)	Стерта	Плохая. Часть монеты обломана	20×16	5,650	Чекан Великих Кушап	—	31, 1974
197	Нечитаема	Стерта	Оч. плохая	20×21	2,830	По типу монетного кружка м. б., греко-бактрийская	Северная сторона башни	32, 1974
198	Голова царя вправо в короне типа e	Неясно, м. б. Аташдан	Плохая	12×13	1,500	Сасанидо-кушанская, м. б., (e/7) Варахран IV	То же	33, 1974

№ инв.	Лицевая сторона	Оборотная сторона	Сохранность и металл ?	Диаметр, мм	Вес, г	Определение	Место находки	№ по легенде, описи и год нах.
199	Голова царя вправо. Корона типа e (?)	Неясно, м. б. Аташдан с божеством в пламени	Плохая	12×11	0,310	Сасанидо-кушанская, Варахран IV	Ворота. Восточная щекковая стена, средний слой	34, 1974
200	Голова царя вправо в короне типа d	Аташдан с божеством в пламени	То же	13×12	0,870	Сасанидо-кушан., d/7 по Лукопину. Хормизд.	Ворота. Восточная щекковая стена	35, 1974
201	Различим только точечный ободок	Аташдан	Оч. плохая	10×10	0,870	Сасанидо-кушан., (?)	Ворота. Восточная щекковая стена	36, 1974
202	Голова царя вправо в короне типа d Хормизда	Правитель, получающий венец от сидящего на троне божества	Плохая	15×13	1,755	Тип, d/4 по Лукопину, сасан.-кушан. (Bivar, II, 17 и V, 1)	Ворота. Восточная щекковая стена	37, 1974
203	Голова царя вправо	Аташдан с божеством в пламени	То же	13×11	0,800	Сасанидо-кушанский чекан. Обр. стор. 7, по Лукопину. Корона стерта	Восточная сторона ворот, нижний слой	38, 1974
204	Стоящий царь	Шива с быком	» »	20×18	5,875	Васудева I	Восточная сторона ворот, нижний слой	39, 1974
205	Стоящий царь	Испорчена	Оч. плох.	10×12	0,430	Кушано-сасанидская (?)	То же	40, 1974
206	Повреждена	Аташдан (?)	То же	»	0,800	Сасанидо-кушанская (?)	» »	41, 1974
207	Стерта	Стерта	» »	18×17	6,445	По типу Васудева, или подражание его чеканке	Верх восточной стены ворот, помещ. 1	42, 1974
208	Стоящий царь	Неясна	Плохая	17×17	2,895	Васудева или подражание	»	43, 1974
209	Стоящий царь.евой рукой опирается на копье. Следы легенды	Шива с быком	Плохая	13×15	1,350	Кушано-сасанидская. Группа В, по Лукопину	Западная сторона ворот, нижний слой	44, 1974
210	Нечитаема	То же	Оч. плох.	13×13	1,120	По типу Васудевы	К западу от башни	45, 1974
211	То же	»	То же	14×15	1,125	По типу кушано-сасанидских	Западная щекковая стена ворот, верхний слой	46, 1974

Цитадель. Раскоп CVI

212	Стоящий царь	Стерта	Оч. плох.	21×20	4,500	Великие Кушаны	Пом. 150	47, 1974
213	Голова правителя в короне типа f	То же	»	10×10	0,595	Варахран (389–440 г.), Сасанидо-Кушанская	Пом. 151	50, 1974
214	Распалась	?	»	12×11	0,55	Кушано-сасанидская?	Пом. 151, второй пол	39, 1975
215	Голова царя	Аташдан (?)	»	11×13	0,575	Сасанидо-кушанская (?)	Пом. 151, северная часть, нижний слой	14, 1975
216	Стоящий царь	Шива с быком?	»	15×16	1,000	М. б. Васудева	Пом. 151, нижний слой	15, 1975
217	Стоящий царь (сильно стерта)	Шива с быком	»	13×13	0,495	Кушано-сасанидская группа В (по Лукопину)	Пом. 155	48, 1974
218	Стоящий царь	Шива с быком?	Плохая	16×18	1,080	М. б., кушано-сасанидская или Васудева	Пом. 157, нижний слой	16, 1975

№ пп	Лицевая сторона	Оборотная сторона	Сохранность и металл ²	Диаметр, мм	Вес, г	Определение	Место находки	№ полевой описи и год нах.
219	Фигура стоящего царя левая рука поднята, в ней трезубец (?)	То же	То же	19×15	1,20	Кушано-сасанидская	Пом. 158, 3-й строит. горизонт	5. 1976
220	Портрет царя вправо	Тамга 	Оч. плох.	12×14	1,43	Хорезмийская, тип Б ² 16	Пом. 162	49. 1974
221	Лицо вправо	В точечном ободке тамга и возможно, буквы легенды	То же	11×9	0,700	Хорезмийская, тип Б ² 14 или 15 (Вайнберг Б. И. с. 56, табл. XVII)	Пом. 167, нижний слой	17. 1975
222	Стерта	Аташдан	» »	10×8	0,600	Сасанидо-кушанская по Лукони-ну ?/7	Пом. 167, на полу	19. 1975
223	Голова царя вправо	Стерта	» »	20×20	3,020	Сотер Мегас	Пом. 167, нижний слой	20. 1975
224	Портрет царя вправо, корона не различима	То же	» »	16×15	1,905	Кружок массивнее, чем у кушано-сасанидск. монет	Пом. 169, 3-й строит. горизонт, на полу	3. 1976
225	Следы стоящей фигуры	Стерта	Оч. плох.	12×10	0,678	По типу кушано-сасанид.	Пом. 169, 3-й строит. горизонт, на полу	4. 1976
226	?	?	То же	12×11	0,71	Неопределима	Пом. 176, над полом	40. 1975
227	Стерта	Аташдан (?)	Плохая	12×15	1,100	М. б., сасанидская?	Пом. 176, нижний слой	20. 1975
228	?	?	Оч. плох.	10×12	0,67	Кушано-сасанидск.?	Пом. 176, на 1 полу	3. 1975
229	Стерта	Шива с быком (?)	То же	11×12	0,705	М. б., кушано-сасанидская?	Пом. 185	21. 1975
230	Стоящий царь перед алтарем. В левой руке копьё	Шива с быком	Плохая	20×20	5,30	Васудева	Пом. 187	22. 1975
231	Стоящий царь	Шива с быком	Оч. плох.	15×15	1,780	По типу Васудевы	Пом. 187, верхний уровень	23. 1975
232	Голова царя вправо	Аташдан	То же	12×9	0,550	Кушано-сасанидск. тип ?/7, обломана, видна плохо, м. б., Варахрап	Пом. 187	24. 1975
233	Голова царя вправо в короне	Аташдан с божеством в пламени. Оч. мелк. изобр.	» »	11×12	0,445	Сасанидо-кушанская?	Пом. 187, верхн. горизонт	25. 1975
234	Стоящий царь	Шива с быком	Оч. плох.	12×11	1,150	Кушано-сасанидская	Пом. 187, верхний горизонт	27. 1975
235	Стоящий царь	Стерта, м. б., Ордохшо	То же	18×18	5,670	Васудева (?)	Пом. 188, верхний слой	28. 1975
236	Стоящий царь (плечи и средняя часть тулова)	Аташдан	» »	9×12	0,675	—	Зачистка поздней оборонительной стены	29. 1975
237	?	?	» »	16×16	2,37	Неопределима	У внешней границы 2-й оборонит. стены (башня № 1)	30. 1975
238	?	?	» »	10×12	0,70	Кушано-сасанидск.?	То же	31. 1975
239	?	?	» »	10×12	0,95	То же	» »	32. 1975
240	Царь прямо (?)	Стоящее божество	Плох.	25×25	15,69	Кавишка?	Зачистка поздн. оборонит. стены	34. 1975

№ пп	Лицевая сторона	Оборотная сторона	Сохранность и металл ²	Диаметр, мм	Вес, г	Определение	Место находки	№ по полному описанию и год нах.
241	?	?	Оч. плох.	10×13	0,65	Кушапо-сасанид.?	То же	35, 1975
242	?	?	Плох.	14×14	1,06	То же	На поверхности верхн. оборонит. стены	36, 1975
243	Стоящий прямо царь, левая рука согнута, правая опирается на копьё (?)	Шива с быком	Плохая	22×21	5,75	Васудева	К западу от башни № 1, у нижней стены	12, 1975
244	Царь прямо в кафтане с широкими рукавами и заостр. полами	Богиня Отдохшо сидит прямо на троне	Оч. плох.	15×15	1,125	Васудева II	У основания паховой стены	13, 1975
245	Стоящий царь	Шива с быком	Оч. плох.	15×15	3,080	По типу Васудева, М. б., кушапо-сасанидская	Восточный край у основания галереи	14, 1975
246	?	Аташдан с божеством в пламени	То же	12×15	0,900	Сасанидо-кушапская	На поверхности	51, 1974

Цитадель. Раскоп CVII

247	Стоящий царь	Шива с быком	»	20×18	5,770	Васудева	Верхн. горизонт	30, 1975
248	То же	Стоящая фигура, левая рука поднята, правая вытянута вперед	Плохая	19×17	5,980	Канишка	Верхн. горизонт	31, 1975
249	Фигура стоящего царя	Стерта	Оч. плох.	20×17	3,915	Неправильный кружок по типу чекапка Васудевы	В осыпи на юго-восточн. склоне вне галереи	2, 1976
250	Царь стоит вправо, правая рука над алтарем, левая поднята вверх, согнута, опирается на копьё	Царь вправо, правая рука вперед. Левая согнута, на бедре	Оч. плох.	20×17	3,915	—	В осыпи на сев.-вост. склоне ниже поздних построек	18, 1976

Цитадель. Раскоп CVIII

251	?	?	»	13×10	—	Нечитаема, необычный тип монеты	Промоина у основания внутренней стены галереи	1977
252	Голова царя вправо в короне типа «с»	Стерта	Края обломаны	12×10	—	Сасанидо-кушапская. Варахран, тип E/7 (?), по В. Г. Луконину	То же	1977
253	То же	То же	Оч. плох.	12×12	—	То же	» »	1977

№ инв.	Лицевая сторона	Оборотная сторона	Сохранность и металл ²	Диаметр, мм	Вес, г	Определение	Место находки	№ по полевой книге и год нах.
254	Царь в короне типа f	Аташдап с Шивой	Оч. плох.	12×12		Сасанидо-кушанская. Варахран великий царь Кушан	Раскоп I, на северной стене	1. 1973
255	Царь в короне типа e. Следы надписи перед лицом	Аташдап с Шивой	Хорошая	14×13	—	Сасанидо-кушанская. Варахран	СIII, западный раскоп, 1 горизонт, пом. 8	2. 1973
256	Голова вправо	Неясна	Плохая	12×19	—	По типу «Сотер Мегас»	СIII, зап. раскоп, пом. 13, на полу	3. 1973
257	Стоящий царь	Следы изображения	То же	18×18	—	Васудева	СIII, зап. раскоп, 1 горизонт, пом. 23	4. 1973
258	Стоящая фигура	Стоящая фигура	» »	16, обломана	—	М. б., подражание кушанскому чекану	СIII, зап. раскоп, пом. 39, 1 гориз.	5. 1973
259	Царь в короне типа b	Шива на троне	» »	—	—	Сасанидо-кушанская. По типу Арташир	СIII, зап. раскоп, пом. 16, 1 гориз.	1. 1974
260	Стоящая фигура царя вправо. Правая рука — над алтарем (?), левая согнута в локте и поднята	Стоящая фигура вправо. Правая рука поднята, левая опирается вбок	» »	15×15	—	Производная от кушанского типа. М. б. сопоставима с № 258	CVI, пом. 168	1. 1974
261	Стерта	Часть изображения Шивы с быком	—	—	—	Вероятно, поздпекушанская, м. б., Васудева	CVI, пом. 152	26. 1975

Добавление к списку находок 1970—1973 гг.

Вайнберг В. И. Монеты древнего Хорезма. М., 1974.
Зеймаль Е. В. Монеты Великих Кушан в Государственном Эрмитаже.— В кн.: Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1967, т. IX, «Нумизматика», вып. 3, с. 55—87.
Bivar A. D. H. The Kushano-Sasanian Coin Series,—

Journal of the Numismatic Society of India, XVIII, pt., 1956.
Gardner P. The coins of the Greek and Scythic kings of Bactria and India. London, 1886.
Göbl R. Dokumente zur Geschichte der Iranischen Hunnen in Baktrian und Indian. Wiesbaden, 1967, Bd. 1—4.

RÉSUMÉ

«LES MONNAIES PROVENANT DES FOUILLES DE DILBARJIN»

par B. I. Vainberg et I. T. Krouglikova

Dans l'article sont publiées les monnaies qui ont été trouvées au cours des campagnes de fouilles de 1974—1977 et quelques monnaies des fouilles précédentes (1973—1974) qui n'ont pas été insérées dans la liste éditée plus tôt (Drevnyaya Bactriya. Moscou, 1976, pp. 175—182).

Outre des monnaies des Grands Kouchans (Kaniška, Huviška, Vāsudeva), les monnaies kouchano — sassanides et celles sassanido — kouchanes dont la grande quantité a été rencontrée également pendant les fouilles des années 1970—1973, on a trouvé, pour la première fois, les

monnaies de Vima Kadphisèse (nos 125—129), une imitation barbare de monnayage d'Hélioklès (N 161), un obol de Heraüs (N 160) et deux monnaies de monnayage de Khorezmie (nos 220—224). Aussi, comme lors des fouilles des années précédentes, on a mis au jour les monnaies isolées des rois hellénistiques: celle d'Antiochus (N 120), celle d'Euthydème, roi gréco — bactrien. Un peu plus fréquentes sont les monnaies de Soter Megas, roi sans nom. Les monnaies de Vāsudeva et les imitations de son monnayage sont prédominantes ainsi que les monnaies des souverains sassanides.

Монеты (номера соответствуют номерам в списке)

Монеты

150

151

154

155

161

195

160

219

220

163

166

164

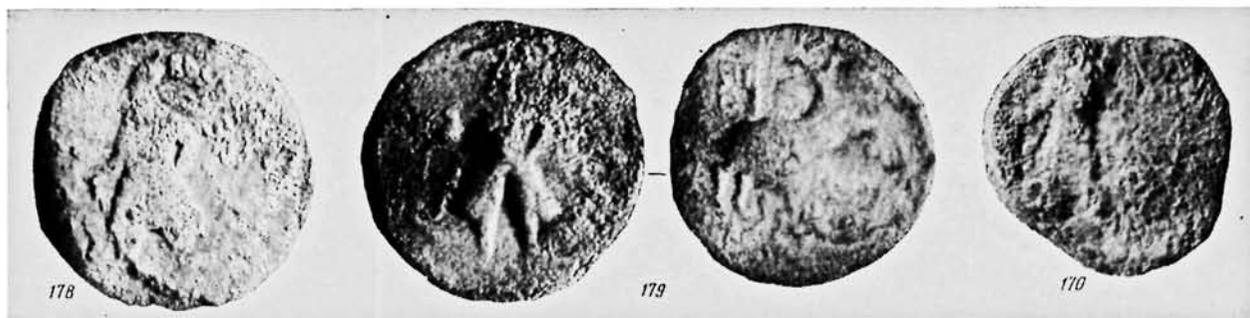
167

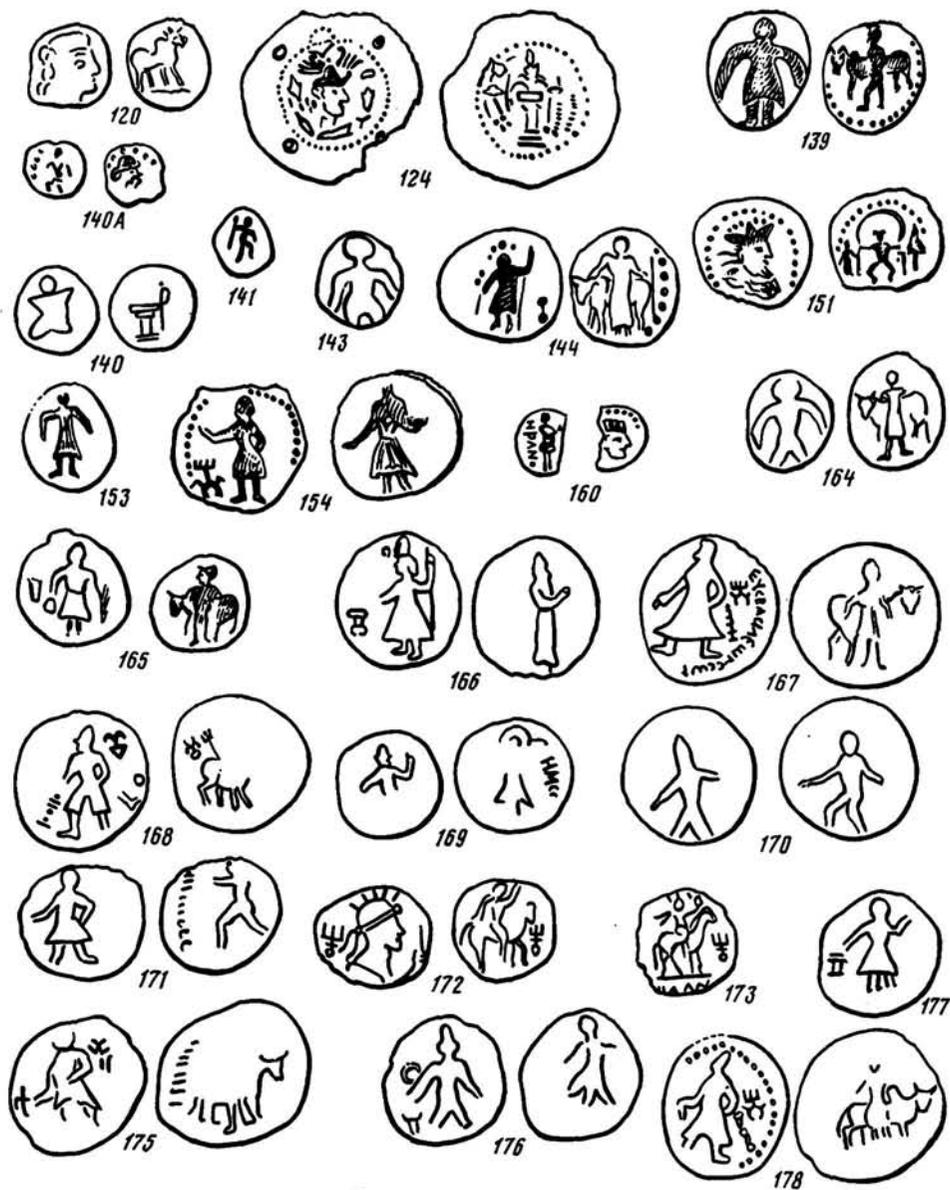
172

209

Монеты

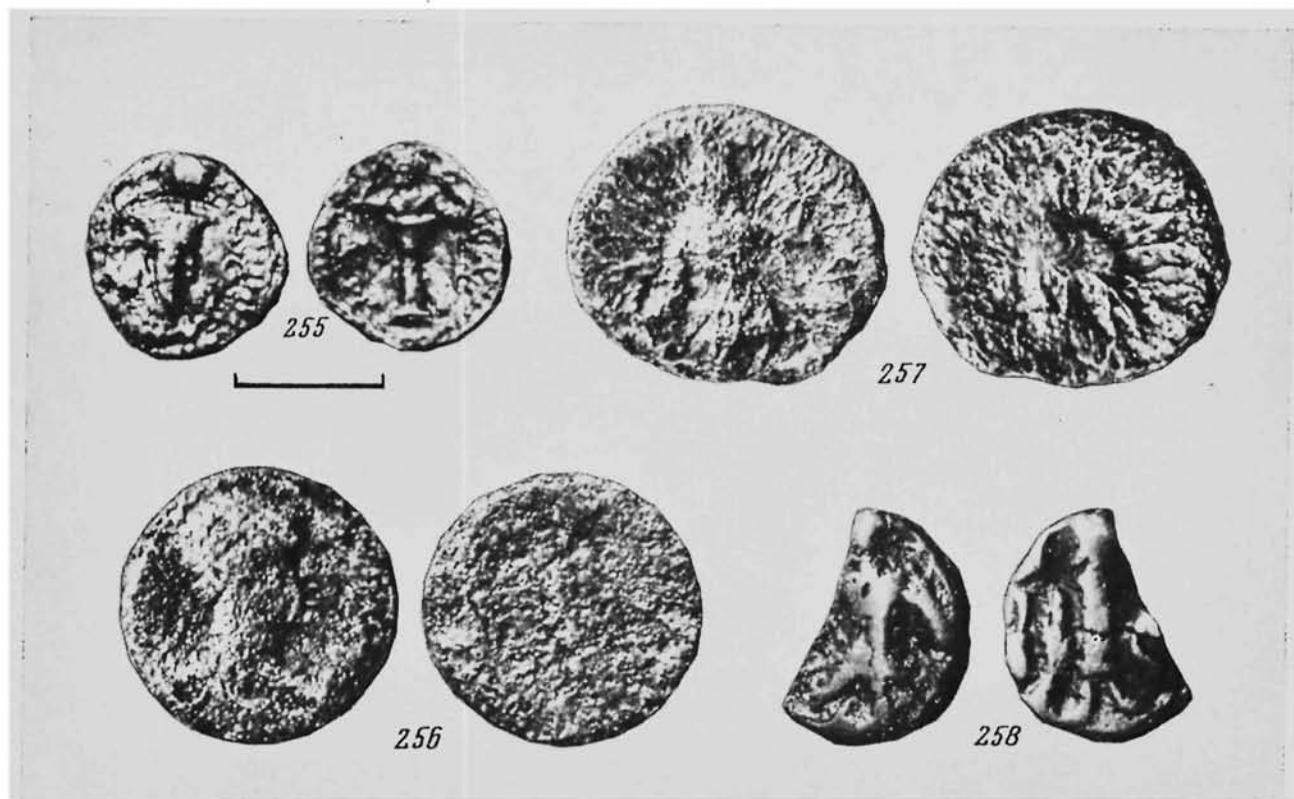
Монеты, прорись

Монеты

Монеты, прорисы

Монеты

БУЛЛЫ ИЗ ДЖИГА-ТЕПЕ

В 1976 г. при раскопках поселения Джига-тепе (Балхская провинция в Северном Афганистане) на полу помещения 5, относящегося к третьему строительному горизонту¹ были найдены 32 буллы — небольшие куски глины, которые обволакивали узлы бичевок, связывавших товары или бумажные свитки. К одной из сторон такой глиняной ленточки обычно прикладывали печать. Две буллы, выделяющиеся своими крупными размерами и совсем иной формой печати и стилем ее изображения были найдены на полу второго горизонта в помещении 2.

Сохранность булл различная, от некоторых сохранились лишь обломки. Печати, которыми делали оттиски на буллах, очень разнотипны. Они различаются размерами, формой, сюжетами изображений и, судя по стилю, временем изготовления. На некоторых печатях были вырезаны надписи с именами владельцев. Удастся выделить не менее чем 12 различных печатей, которые были приложены к сырому куску глины, позднее высушенному и затвердевшему. Некоторые из булл были оттиснуты одной и той же печатью, т. е. были отправлены в Джига-тепе одним и тем же адресатом. Так одна и та же печать типа 2 была оттиснута на 7 буллах, печать типа 3 — на трех буллах, печать типа 1 — на двух. Часть булл побывали в огне и их глина имеет темный иногда черный цвет.

Сюжеты изображений позволяют распределить все печати, которыми были сделаны оттиски на три группы: 1 — изображения людей; 2 — изображения животных; 3 — символические изображения. Выделяются не менее 12 типов изображений, в том числе в первой группе их 6, во второй — 4 и в третьей — 2. Большая часть печатей имели овальную форму и выпуклую поверхность.

Группа 1. Изображения людей

1. Тип 1 — голова бородатого мужчины вправо (рис. 1, 1; инв. № 2). Пышная прическа, перехваченная диадемой надо лбом. Сзади волосы спускаются до плеч туго завитыми локонами в виде 8 трубок, заканчивающихся кружочками. Глаз рельефный в профиль с углублением на месте радужной оболочки. Нос прямой, крупный, в ухе серьга в виде подвески

из одного большого и двух маленьких шариков, на шее ожерелье из крупных бус с каплевидной подвеской. При профильном повороте головы плечи развернуты почти в фас и каплевидная подвеска находится в центре груди. Волосы на голове тщательно завиты, и локоны переданы кружочками. Над ухом рельефный знак, напоминающий спираль. Над пухлыми губами — небольшие усы, борода длинная, овалом подрезанная, уложенная четырьмя ярусами в виде четырех полос из параллельных прямых линий. По сторонам головы и вверху — надпись на лапидарном пехлеви (среднеперсидском пехлеви), характерном для памятников III—IV вв. В. А. Лившиц прочел ее как «Хормизд сын Хормизда» ('Whrmzdy...). На плечах складки одежды.

Размеры буллы 31×32 мм, толщина 11 мм, размеры оттиска печати 23×26 мм. Поверхность печати выпуклая, изображения вдавленные. На булле соответственно наоборот, фон вдавлен, изображения выпуклые. Сохранилось сквозное отверстие от нити, которая тянулась сверху вниз. Глина буллы коричневатая, с одной стороны обожжена до черноты.

2. Изображение идентичное (рис. 1, 2; инв. № 1). Размеры буллы 57×22 мм, толщина 15 мм. Левая сторона сбитая. Оттиск той же печатью, что и № 1.

3. Тип II — голова бородатого мужчины в кулахе (рис. 1, 3а, инв. № 3). Голова повернута в профиль, плечи в фас. Кулахе усыпан перлами в виде шариков. Сбоку на кулахе — рельефный знак в виде тамги, напоминающий трехлепестковую розетку с двумя расходящимися полукругами вниз . Прическа в виде шести туго скрученных кос, борода такого же типа, как и у персонажа печати типа I. Усы с загнутыми вверх к уху концами. Ухо передано двойной линией, под ним серьга из трех шариков — двух маленьких вверху и большого внизу, аналогичная серьге на оттиске типа I. Ожерелье на шее в виде валика, может быть это гривна. На груди остроугольный вырез одежды. На плечах — следы трех диагональных складок. Сзади видны концы лент с поперечными полосами от диадемы или налобной ленты. Вокруг головы надпись — билингва. По определению В. А. Лившица, среднеперсидская

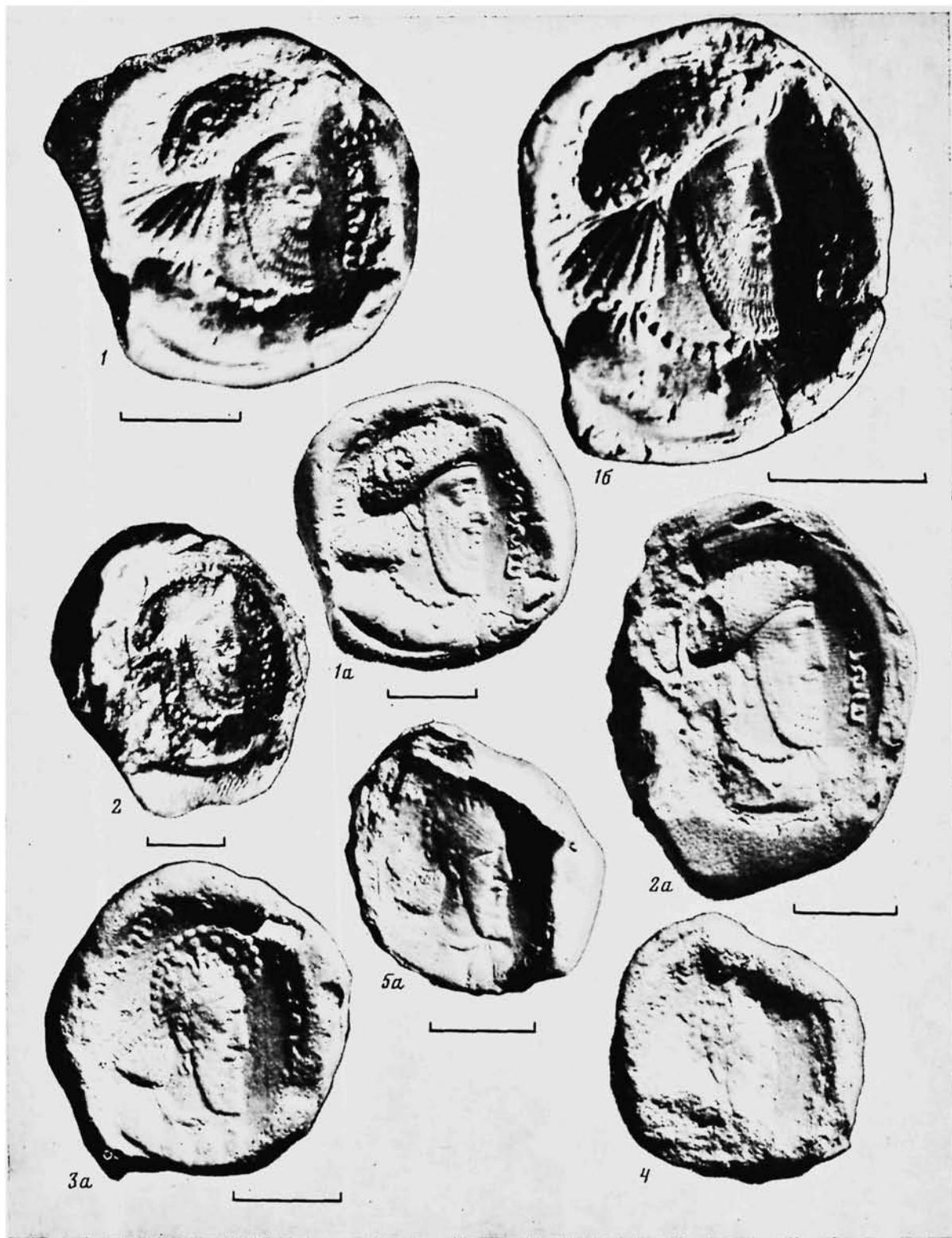

Рис. 1. Буллы № 1—5 (а, б — фотографии со слепков)

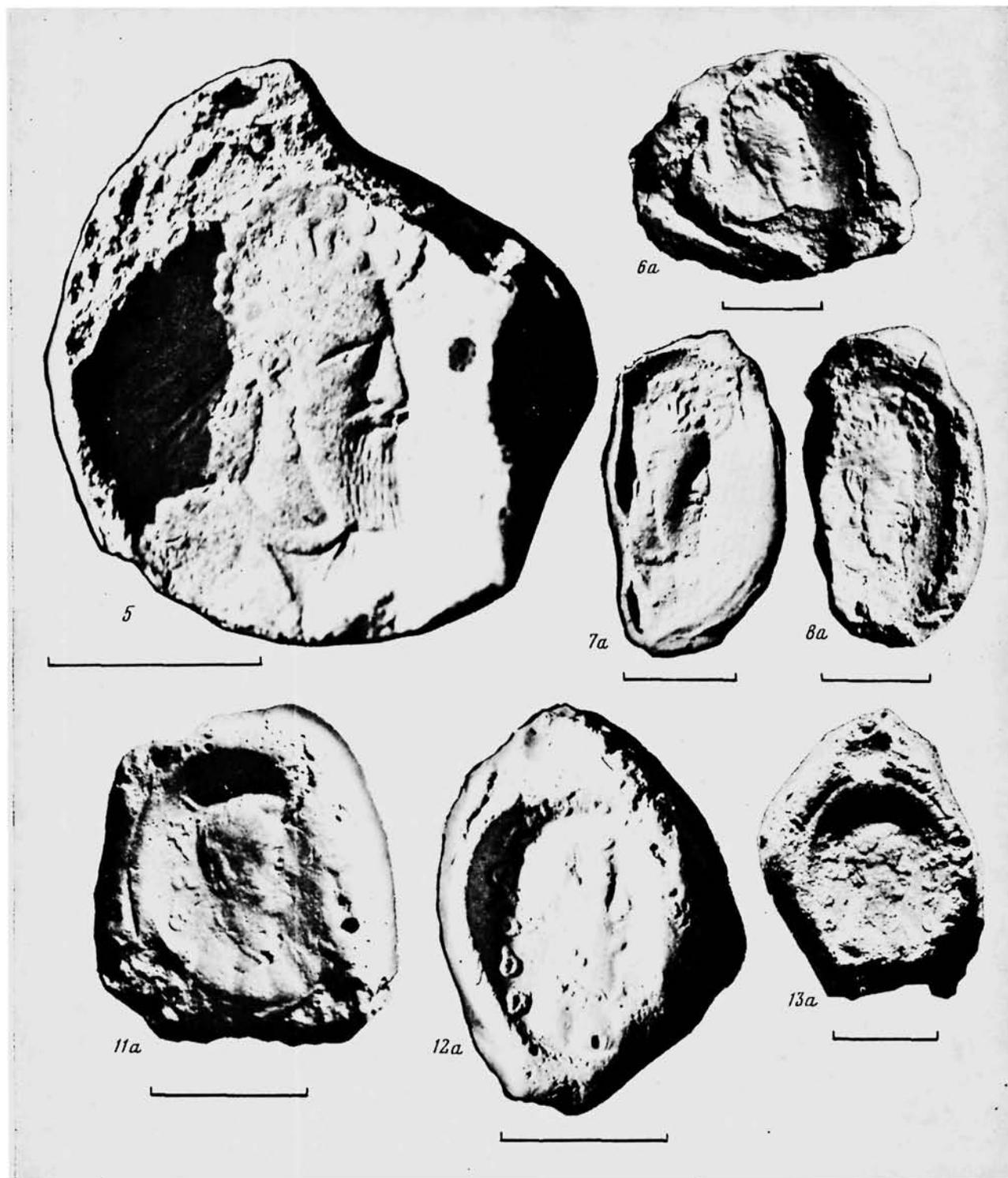

Рис. 2. Буллы № 5—8, 11—13 (а — фотографии со слепков)

(лапидарный пехлеви) и бактрийская курсивная. На гипсовых слепках булл и фотографиях В. А. Лившиц смог разглядеть в среднеперсидской надписи только ...mrgum... а в бактрийской ...o/αρο... ..., так как ни на одном из отпечатков надпись полностью не сохранилась.

Размеры буллы 25×25 мм, толщина от 7 до 11 мм. Глина коричневатая. Одна сторона буллы обожжена до черноты.

Размеры эллипсоидного оттиска 20×22 мм. По-видимому, таковы были размеры камня с резным изображением, находящегося в оправе перстня. Камень — инталя был выпуклым со сферической поверхностью.

Крупный нос, выпуклые глаза со слегка припухшими веками близки чертам лица на печати Хормизда сына Хормизда (тип I).

4. *Изображение идентичное*, оттиснутое той же печатью, что и № 3. Нижняя часть буллы отбита (рис. 1, 4; инв. № 4).

Размеры буллы 25×23 мм, толщина 14—17 мм. Глина обожжена до черноты.

5. *Оттиск той же печати*, что и № 3. Булла обломана со всех сторон (рис. 1, 5а; рис. 2, 1, инв. № 6). Глина светло-коричневая, лишь с обратной стороны, где отверстия от выходившего шнура, она слегка закончена.

Размеры буллы 20×25 мм, толщина 18 мм.

6. *Оттиск той же печати* (рис. 2, 6а; инв. № 8). Размеры буллы 25×22 мм, толщина от 8 до 12 мм. Сколы внизу и слева.

7. *Сохранилась только правая сторона буллы*. Оттиск той же печатью, что и № 3—6 (рис. 2, 7а; инв. № 11). Глина серая, оборотная сторона черная. Размеры буллы: 30×14 мм; толщина 10—12 мм.

8. *Сохранилась только правая половина буллы*. Оттиск той же печатью, что и № 3—7 (рис. 2, 8а; инв. № 12). Размеры буллы 21×15 мм; толщина 7—10 мм. Глина коричнево-серая, с правой стороны черная.

9. *Сохранилась лишь левая сторона буллы*: часть надписи, волосы, часть кулаха. Размеры буллы 27×12 мм, толщина от 9 до 15 мм. Глина черная снаружи, коричневая внутри. Оттиск той же печати, что и у № 3—8. Инв. № 25.

10. Тип II А. Отличается от типа II лишь отсутствием надписи и трактовкой бороды — отсутствием параллельных линий и ярусов. Впрочем, не исключено, что это плохой оттиск. Не отпечатался и валик гривны на шее. Сохранилась только нижняя часть буллы, поэтому трудно установить принадлежала ли печать к типу I или к типу II. Размеры сохранившейся части 18×9 мм (инв. № 21).

11. *Тип III — погрудное изображение женщины (?) вправо* (рис. 2, 11—13). Голова в профиль, плечи в 3/4 поворота. Сверху и по сторонам бактрийская курсивная надпись, более

или менее полно сохранившаяся лишь на одной из булл (инв. № 20; рис. 2, 13). В. А. Лившиц, сопоставив остатки надписи на всех трех оттисках, прочел ее: $\alpha\alpha\rho\xi\omicron\gamma\alpha\nu\omicron \dagger \alpha\beta\iota\sigma\tau\alpha\nu\omicron$ «Евнух Варзган». Слово «евнух» среднеперсидское в бактрийской передаче ($\dagger \alpha\beta\iota\sigma\tau\alpha\nu\omicron = \text{šābestān}$). На булле № 11 оттиск печати нечеткий (рис. 2, 11а). У изображенного гладкая прическа, надо лбом выступ, вероятно, чуб волос, образовавшийся от перетянутой лентой или диадемой прически. Такие выступающие пряди волос мы видим на монетах бактрийского царя Гелнокла² и на селевкидских буллах³.

На шее валик, может быть, это гривна или ворот одежды, на левом плече складки одежды. На экземплярах 12 и 13 четко заметна серьга-подвеска с круглым шариком внизу и маленьким сверху.

Размеры буллы 21×17 мм, толщина 22 мм. Края буллы обломаны. Размер оттиска 15×12 мм. Глина черная. Печать была вставлена в перстень с узкой гладкой оправой и с выступающим шариком над верхней частью изображения. Такие шарики на перстнях-печатах известны для сасанидского времени⁴. По-видимому они облегчали установить верхнюю и нижнюю части печати. Оттиск шарика хорошо заметен на буллах.

12. *Оттиск той же печати*, что и у № 11, но несколько более четкий (рис. 2, 12; инв. № 19). Выделяется крупный нос, пухлые губы, большой подбородок. Вероятно, на инталье было портретное изображение. Размеры буллы 25×18 мм.

13. *Оттиск той же печати* (рис. 2, 13; инв. № 20). Отломана нижняя часть. Надпись сохранилась со всех сторон. Размеры буллы 28×25 мм, толщина 11—13 мм. Глина светло-коричневая.

14. Тип III, вариант А — погрудное изображение женщины вправо в профиль, анеписграфное (рис. 3, 14). Черты лица крупные, волосы короткие или убраны в узел, сзади копец налобной ленты или диадемы, на шее обруч или ожерелье. Булла маленькая, оттиск овальной печати. Размеры буллы 20×16 мм, толщина от 7 до 10 мм. Размеры оттиска 10×6 мм. Печать была вставлена в перстень с выступающим шариком (инв. № 24). Глина буллы серо-коричневая, обожженная до черноты, только сверху, где оттиск, глина светлая.

15. Тип III, вариант Б — голова в профиль, вправо. Оттиск нечеткий. Плечи в фас, на груди острый вырез одежды, на шее ожерелье (?) (рис. 3, 15; инв. № 23). Печать-гемма (инталя) была сильно выпуклая, вставлена в перстень с шариком сверху изображения. Диаметр оттиска 10 мм.

Рис. 3. Буллы № 14—23

16. Тип IV — *погрудное изображение женщины (?) в оригинальном головном уборе*. Голова в профиль, плечи в фас. Вокруг головы надпись. По определению В. А. Лившица, это может быть билингва (?) на кхарошти и раннесогдийском (III—IV вв.). Надпись на кхарошти сохранилась целиком. В. А. Лившиц прочел ее: *Vadanaša gāyasa* «Князя Ваданаша (?)», в согдийской надписи уцелели лишь первые четыре буквы: *w'd'* — начало того же имени. Печать круглая диаметром 18 мм. Нижняя и левая части оттиска отбиты (рис. 3, 16, 16а; инв. № 28). Гемма была вставлена в перстень с шариком вверху изображения. Головной убор — в виде шляпы с полями и с острыми выступами спереди, сзади и над висками, с плоским верхом, длинные волосы, спускающиеся на плечи в виде длинных, слегка изогнутых линий. Отвороты одежды, запахивающейся на груди образуют острый вырез. Особенностью буллы является двойной силуэт изображения в результате повторного оттиска.

Булла крупная размером 32×24 мм, толщина 10—12 мм. Глина светло-коричневая, правая сторона черная.

17. Тип V — *погрудное изображение мужчины в шлеме вправо*, в профиль (рис. 3, 17; инв. № 7), плечи в 3/4 поворота. На голове широкополый шлем типа шлема на монетах бактрийских царей, например Евкратиды⁵, на плечах плащ. Печать выпуклая, овальная, размером 15×10 (?). Ее левая часть не оттиснулась. Она была вставлена в перстень с тонким ободком и с выступающим шариком.

Булла размером 26×11 мм, толщиной 8—10 мм. Глина светло-коричневая, с одной стороны обожжена до черноты. Сзади два отверстия через которые входили 2 конца тонкого шнура, еще два отверстия сверху и снизу отпечатка геммы.

18. Тип VI — *погрудное изображение вправо*. Оттиск очень нечеткий (рис. 3, 18; инв. № 14). Печать овальная, изображение схематичное. Возможно, это бородатый мужчина в профиль. Размеры отпечатка 17×15 мм. Размеры буллы 25×20 мм, толщина от 8 до 18 мм. С оборотной стороны отпечатки двух крученых шнуров, узел которых был скреплен буллой. Глина светло-коричневая.

Группа 2. Изображения животных

Все печати этой группы овальные, выпуклые, изображения вырезаны, надписей нет.

19. Тип VII — *группа животных* (рис. 3, 19; инв. № 26). Три фигуры: петух, идущий влево, против него лежит четвероногое животное, сверху, может быть, гусь, шагающий вправо. Изображение нечеткое. Размеры буллы 23×15 мм, толщина 10—15 мм. Глина светло-

коричневая. Оттиск печати размером 10×8 мм, с левой стороны круглое углубление диаметром 2 мм, вероятно, от выступа на перстне шарика.

20. *Идущее влево четвероногое животное*. По размерам головы можно предположить, что это львица, но под ней как будто фигурки двух детей, четко видны две круглые головки. Если это так, то идущее животное может быть небольшим изображением волчицы с Ромулом и Ремом. Над спиной животного — птица, перед его мордой еще какое-то маленькое животное (рис. 3, 20; инв. № 5).

Размеры буллы 31×26 мм, толщина 10—15 мм. Размеры оттиска печати 14×8 мм. Глина обожжена до черноты. Изображения волчицы, кормящей Ромула и Рема известны на сасанидских печатях IV и V вв. из собрания Британского музея⁶ и на италъях Лувра и Вены⁷.

21. Тип VIII — *одно животное. Стоящий олень вправо*. Глаз в виде ямки. Рога ветвистые, рот в виде двух полосок (рис. 3, 21; инв. № 10).

Размеры буллы 16×13 мм, толщина 6—10 мм. К задней стороне буллы расширяется до 20×17 мм. Размеры оттиска печати 10×8 мм.

22. *Горный козел вправо с подогнутыми ногами*. Может быть, символ бога Хварены. Изображение выполнено небрежно, особенно, ноги в виде прямых параллельных полос (рис. 3, 22; инв. № 9).

Размеры буллы с лицевой стороны 18×12 мм, с противоположной 22×21 мм, толщина 8—12 мм. С задней стороны 2 отверстия для шнура не толще 1 мм. Глина светло-коричневая. Размеры оттиска печати 18×12 мм.

23. *Четырехногое животное вправо* (рис. 3, 23; инв. № 27). По овалу печати ободок из точек. Печать вырезана примитивно либо изображение сильно стилизовано: не пропорционально большая голова, толстая шея, короткое туловище и очень короткие ноги, особенно задние в виде двух параллельных овалов, большой рот, показанный прорезанной полосой.

Размеры буллы 20×14 мм, толщина 13 мм. Оттиск печати 12×6 мм. Глина светло-коричневая со следами обжига с одной стороны.

24. Тип IX — *фантастические существа*. На булле оттиснулась лишь верхняя часть фантастического крылатого животного (рис. 4, 24; инв. № 16). Изображение ног отсутствует, что вместе с нечеткостью оттиска головы, затрудняет определение животного. Может быть, это грифон. Однако двойное очертание линии крупа позволяет предположить, что это животное имело меевидный хвост, свившийся кольцом.

Размеры буллы 25×20 мм, толщина 8—15 мм. Размеры отпечатка 11×9 (?) мм. Глина светло-коричневая.

Изображения грифона часто встречаются на сасанидских геммах⁸, но аналогий данному оттиску нет.

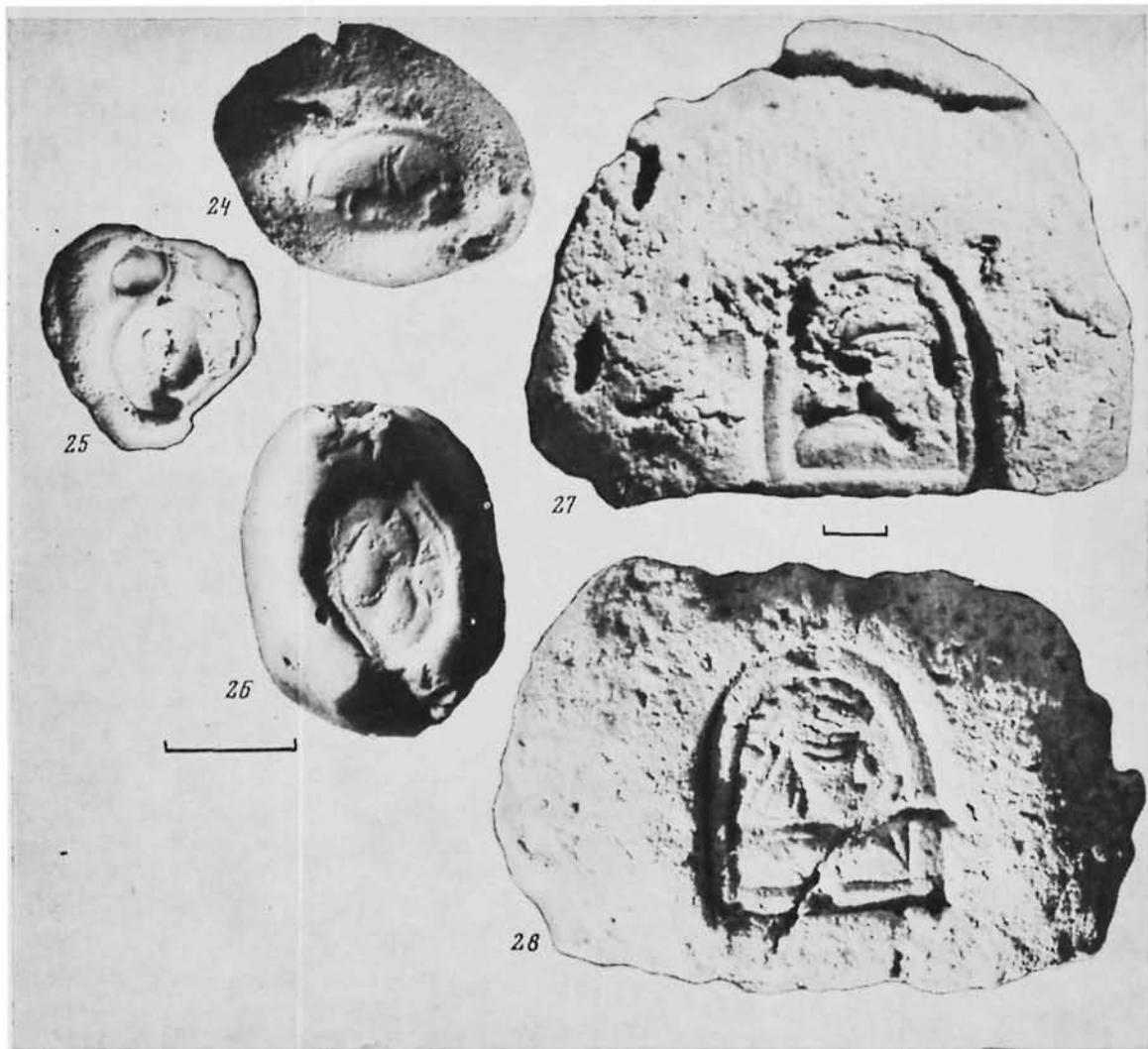

Рис. 4. Буллы № 24—28

Груша 3. Символические изображения

25. Небольшая почти квадратная булла 15×15 мм, толщиной от 5 до 12 мм. Оттиск круглой печати диаметром 5 мм, на которой изображено правое ухо с серьгой в виде шарика с подвеской (рис. 4, 25; инв. № 17). Низ буллы отломан, глина светло-коричневая, одна сторона черная. Печать была вставлена в перстень с шариком. Сохранился оттиск узла шнура и каналы от двух его концов.

Печать с изображением уха с серьгой-подвеской из двух маленьких и одного крупного шариков и пехлевийской надписью имеется в коллекции Лувра⁹.

На остальных буллах отпечатки либо не сохранились либо настолько нечетки, что атрибуция изображений почти невозможна, или может быть сделана лишь приблизительно. К последним относятся буллы № 26 и 27.

26. Возможно, протомы двух лошадей (?) (рис. 4, 26; инв. № 15). Размеры буллы 23×15 мм (вверху), где оттиск печати 23×23 мм с противоположной стороны, толщина 11—16 мм. Размеры отпечатка 10×15 мм. Глина светло-коричневая, внизу черная. Вверху два отверстия от шнуров. Изображение напоминает еще более схематично выполненную протому лошади на плоской гемме из Урбниси¹⁰.

27. Возможно, фигура стоящего человека с правой рукой, опущенной вниз и поднятой левой (инв. № 30). Размеры буллы 24×26 мм, толщина 13 мм. Размеры печати 16×12 мм.

Кроме этих небольших булл, найденных в помещении 5, интересны две крупных плоских буллы, на которых сохранились оттиски одной и той же печати в форме полуовала с сильно стилизованным погрудным изображением человека вправо, в профиль при фронтальном положении плечей (рис. 4, 27 и 28). На голове изображен-

ного — головной убор, обшитый перлами. Волосы от уха до плеча в виде треугольника с параллельными полосами-локонами, большой миндалевидный глаз с припухшими веками, большой нос. По контуру печати — ободок. Глина этих булл более грубая, чем у предыдущих, светлая, плохо промешанная. Размеры булл: 90×75 мм, толщиной 30 мм и 90×54 мм, толщиной 35 мм. Оттиск печати 35×30 мм. Эти буллы предназначались для запечатывания более крупных тюков.

Форма печати в виде полуовала необычна для сасанидского периода¹¹. Она, а также очень сильная стилизация изображения, заставляют считать эту печать самой поздней, чему не противоречит и стратиграфия находок булл с ее оттисками.

Арабские и персидские историки и поэты, описывая обычай сасанидского двора, сообщают о том, что при утверждении в любой должности — гражданской, жреческой или военной — сасанидский шах-аншах жаловал своему придворному инсигнии будущей его власти: шанку (кулах), пояс (камор) и перстень с печатью. Личная печать потом сопровождала деловые письма, приказы и распоряжения этого должностного лица¹². На официальных печатях вельмож и жрецов часто вырезался их портрет со всеми регалиями, соответствовавшими их сану. Портрет мог сопровождаться надписью, содержащей официальные титулы владельца перстня.

Печати, оттиски которых на буллах из Джига-тепе, вероятно, принадлежали разным лицам.

Среди изображений на буллах наибольший интерес представляют погрудные портреты с надписями, а особенно погрудное изображение высокопоставленного лица в кулахе на буллах № 3—9. Вряд ли эта печать полностью отражает реальный портрет этого персонажа. Скорее всего здесь мы имеем некоторый обобщенный стереотипный профиль. Существовал определенный канон в передаче черт лица высших сановников сасанидской администрации. Поэтому общие черты лица на портретах разных персонажей очень близки, хотя в отдельных деталях они различаются. Стандартным в манере изображения является поворот лица в профиль при развороте плеч в фас, одинаковая манера изображения прически, формы бороды и усов, форма серьги и головной убор. Все это с небольшими вариантами повторяется на многих изображениях членов царской фамилии и высших должностных лиц.

На знаменитом наскальном рельефе из Накш-и Рустам с изображением царя Варахрана II в окружении двора, датируемом III в., мы видим аналогичную прическу, форму бороды и усов¹³. Этот же тип прически встречается на рельефах других шах-аншахов III в., на монетах Арташира I, Хормизда I, Варахрана I и Нарсе¹⁴. Головной убор в виде высокого кула-

ха, обшитого драгоценными камнями и напоминающего по форме фригийский колпак, мы видим на многих сасанидских печатях¹⁵ и на портрете конца III в. нитиаша Папака на серебряном блюде из Мцхета¹⁶. Кулах такой формы, но без нашитых украшений на голове главного визири в сцене инвеституры Нарсе на рельефе из Накш-и Рустама¹⁷.

При этом знаки, помещенные на кулахе, сбоку над виском, различны, а иногда отсутствуют совсем. Эти знаки Э. Херцфельд считал монограммами, составленными из букв имени изображенного, однако В. Г. Луконин считает более вероятным, что эти знаки соответствуют определенным титулам или являются обозначениями храмов, если кулах носил жрец¹⁸.

Наиболее близки изображению на буллах из Джига-тепе портреты с аналогичной формой кулаха на группе резных камней, хранящихся в разных музеях мира. К ним относятся: 1) амстист из Эрмитажа с портретом Рувакан Виста (?) мартпата (советника царя или военачальника)¹⁹; 2) гемма из Британского музея с парфянской надписью «Тиридат, ведущий счет царских сокровищ»²⁰; 3) гиацинт из Британского музея с портретом Арташира I²¹; 4) сердолик из Флоренции с портретом Гушака, который был независимым или полузависимым владельцем III—IV вв.²²; 5) гемма из частного собрания в Париже с портретом Хумарваза (?) верховного жреца (?) и судьи²³; 6) сердолик из Эрмитажа с портретом Папака, магупата, датируемый IV в.²⁴; 7) сердолик из Вены с портретом и надписью Шахруе мага²⁵.

Их объединяет одинаковая форма головного убора, прически, форма бороды и усов, способ изображения, наличие надписей по обеим сторонам головы. Однако знаки на кулахах у всех различны. Различия также есть в украшении головного убора: кулахи персонажа на булле из Джига-тепе и Арташира I на гиацинте из Британского музея украшены перлами по всей поверхности, а у остальных перлы нашиты лишь по гребню кулаха.

Круг аналогий заставляет датировать печать, оттиски которой сохранились на буллах из Джига-тепе III, началом IV в. Именно для этого времени характерны подобная прическа, головной убор, одежда²⁶. Судя по надписям, печати этой группы принадлежали высшим должностным лицам сасанидского государства. Среди них были: маг, судья, военачальник, мартпат (советник царя) и ведающий денежными хозяйством дворца. Поскольку им разрешалось иметь печать, близкую по типу к печати с именем царя Арташира I, это были приближенные к царю лица.

В. Г. Луконин, анализируя надписи на геммах, где изображенное лицо носило кулах в форме фригийского колпака, приходит к выводу,

что этот тип головных уборов носят главным образом представители светской администрации, тогда как жрецы чаще всего изображались в кулахах яйцевидной формы²⁷, как и последники престола.

Форма знака Ψ на кулахе булл № 3—9 из Джига-тепе не находит аналогий ни на одном из известных мне изображений кулахов. Верхняя часть этого знака в виде трех лепестков имеет сходство с некоторыми из тамг, встречающихся у кабардинцев и у западно-кавказских горцев²⁸. Скорее всего, и знак на булле из Джига-тепе был родовой тамгой, хотя нельзя совсем исключить возможность определения знака как символа ранга или титула должностного лица.

Особый интерес вызывает наличие на буллах надписи на двух языках. Кроме пехлеви — среднеперсидского языка, характерного для сасанидов, на печати, как уже указывалось выше, была бактрийская курсивная надпись. Это позволяет предположить, что владлец печати занимал важный пост именно в Бактрии, может быть, он был наместником сасанидского царя в Бактрии или в какой-либо из ее частей, управлял городом или областью. Вместе с назначением он получил от сасанидского шах-аншаха печать, которая предназначалась для скрепления деловых посланий его бактрийским подчиненным. Не исключено, что высокопоставленный вельможа и сам был бактрийцем, находящимся на службе у шах-аншаха. Но скорее всего, это был приближенный царя, может быть, один из членов его семьи.

Близок изображениям этого вельможи и портрет на буллах № 1 и 2 (рис. 1, 1 и 2), где вместо высокого головного убора воспроизведена пышная прическа из завитых локонов с диадемой в виде охватывающей голову ленты с возвышающимся над лбом пиктоком и с прикрепленным на боку у виска знаком, напоминающим спираль \odot . Отличается от оттисков № 3—9 и массивное ожерелье с подвеской, а также надпись. Большой размер печати и идентичность трактовки черт лица, усов и бороды на буллах типа I и II позволяют отнести данную печать, так же как и печать буллы типа II, к числу печатей приближенных к двору сасанидского царя, возможно его высших чиновников.

Аналогичная трактовка прически, но без диадемы, встречается на инталях из собрания Эрмитажа в том числе с надписями: Вараз Хормизд, Михрмах (сын) Хормизда; Хосров, маг, сын Атурфарбага²⁹, а также на гемме из Женевы, датируемой примерно 300 г., возможно с изображением Арташира I³⁰ с надписью, прочитанной Р. Гоблем: «Ардасер справедливый». Все эти надписи говорят о высоком положении изображенного и владельца печати. Однако только на оттиске из Джига-тепе над ухом имеется

знак. Сколько-нибудь близких аналогий этому знаку среди многочисленных знаков на сасанидских рельефах, на печатях, буллах и монетах³¹, найти не удалось.

Среди других булл из Джига-тепе выделяется единственный оттиск печати с надписью «Князь Ваданаш» на кхарошти и согдийском (рис. 3, 16, 16а). Эта булла указывает на связи с Согдом и заставляет вспомнить найденный в 1974 г. на поверхности Джига-тепе остракон с согдийской надписью³² и более поздний остракон из Балха³³, показывающие, что эти связи не были случайными.

Очень любопытен головной убор представленного на булле № 16 персонажа. Это шлем, или шляпа, с полями, имеющими не менее трех заостренных выступов. Аналогичный головной убор, но с заостренным верхом мы видим на печати из Парижа (Национальная Библиотека)³⁴ с изображением бога Либеры — синкретического божества в сасанидском костюме с молотком и с весами в руках и палицей около него. Шапки с заостренными полями характерны для тюркских племен³⁵, но они отличаются формой верха.

Кхарошти была одной из официальных письменностей в Кушанском царстве. Она могла сохранить свое значение и в кушано-сасанидское время. Время с тем высоким качеством резьбы на печати не позволяет отнести ее выполнение к позднему времени, а заставляет думать о греко-бактрийском периоде.

В. А. Лившиц по палеографии условно датировал обе надписи — кхарошти и согдийскую на этой печати — III—IV вв. Он отмечает, что титул «гауа», являющийся прокритским соответствием санскритскому гаја (раджа), не раскрывает сущности административной должности лица, приказавшего вырезать на гемме свое имя и титул двумя письменами. Он условно переводит это слово «Князь». По-видимому, это лицо не было связано с сасанидским двором. Впрочем, имея дело только с оттиском на булле, нельзя быть уверенным в одновременности нанесения на печать надписи и изображения.

К более раннему времени, чем сасанидский период, относится, вероятно, и исполнение изображения на булле № 17, где представлен персонаж в шлеме бактрийского типа.

На сасанидских геммах часто встречаются изображения птиц и животных, в том числе и таких же, как на буллах из Джига-тепе: горного козла, оленя, льва, волчицы. Обычны для них и погрудные портреты людей. Итак, набор сюжетов, описанных выше булл, вполне укладывается в круг тем сасанидских печатей.

Художественная ценность печатей и мастерство нанесения резьбы на эти миниатюрные произведения искусства камнерезов, судя по отпечаткам на джигатепинских буллах, сильно

различались, впрочем, так же как и качество выполнения всех известных булл сасанидского времени.

Но сам факт паходки булл с отпечатками такого большого количества печатей в одном по-

мещении позволяет предполагать, что в нём хранились какие-то документы-рукописи, скрепленные буллами и, вероятно, сгоревшие при пожаре.

- ¹ Третий горизонт датирован Г. А. Пугаченковой III—IV вв. (Древняя Бактрия, М., 1979, с. 81), а В. Н. Ягодин, продолжавший раскопки Джигатепе (Жига-тепе) в 1977 г., склонен отнести его к первой половине V в.
- ² *Curiel R., Fussman G. Le trésor monétaire de Qunduz.*—MDAFA, Paris, 1965, t. XX, tabl. XL—XLI.
- ³ *Rostovtzeff M. Seleucid Babylonia: Bullae and Seals of Clay with Greek Inscription.* Yale classical Studies by Austin M. Harmon. New Haven, 1932, pl. V, 4.
- ⁴ *Лукониц В. Г. Искусство древнего Ирана.* М., 1977, с. 156.
- ⁵ *Curiel R., Fussman G. Le trésor...* tabl. X—XXI, N 119—247.
- ⁶ *Bivar A. D. H. Catalogue of the Western Asiatic Seals in British Museum, Stamp Seals II: The Sassanian Dynasty.* London, 1969, pl. 12, 1, 2 (EA 1 and 2).
- ⁷ *Pope A. U., Ackerman Ph. A Survey of Persian Art from prehistoric times to the present.* Oxford, London, 1938, vol. 2, p. 805; vol. 4, pl. 256. FF. Мне представляется ошибочным толкование Ф. Аккерманом изображений на табл. 256 z как сцену кормления белой козой Маша и Машана (сасанидское изображение знака зодиака — Близнецов, с. 802, 803). На инталье z из Вены отчетливо видны соски волчицы, а не вымя козы. Думаю, что это изображение волчицы с близнецами (*Göbl R. Der sāsānidische Siegelkanon. Handbücher der mittelasiatischen Numismatik.* Braunschweig, 1973, Bd. IV, Taf. 14, 40 d, e.
- ⁸ *Bivar A. D. H. Catalogue...* Pl. 13, 19, E (V Bek).
- ⁹ *Göbl R. Der sāsānidische...* Taf. 6, 9, a; *Mordtmann A. Studien über Geschnittene Steine mit Pehlevi-Inschriften.*—In: *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.* Leipzig, 1864, Bd. 18, S. 24, N 51.
- ¹⁰ *Джавашивили К. А. Памятники глиптики города Урбнис. Тбилиси, 1972, табл. V, 73.*
- ¹¹ Несколько приближается к этим оттискам форма интальи на гранате из Бостонского музея с пехлевийской надписью «Хормизд сын Марое» (*Pope A. U., Ackerman Ph. A Survey...* 255, H). Однако Р. Гёбль считает ее подделкой (*Göbl R. Der sāsānidische...* taf. 37, 1).
- ¹² *Борисов А. Я., Лукониц В. Г. Сасанидские геммы.* Л., 1963, с. 9.
- ¹³ *Ghirshman R. Iran, parthes et sassanides.* Gallimard, 1962, fig. 212.
- ¹⁴ *Лукониц В. Г. Иран в эпоху первых сасанидов.* М., 1961, с. 42—44.
- ¹⁵ *Bivar A. D. H. Catalogue...* pl. 1, 1, 2 (AA 1 and 2);
- Лукониц В. Г. Иран в эпоху...*, табл. X, 1—4, 9, 10, 13, 15.
- ¹⁶ *Лукониц В. Г. Иран в эпоху...*, с. 53, табл. XVI.
- ¹⁷ *Pope A. U., Ackerman Ph. A Survey...* vol. VII, p. 162, fig. B.
- ¹⁸ *Лукониц В. Г. Иран в эпоху...*, с. 53.
- ¹⁹ *Лукониц В. Г. Резной аметист с изображением царицы Денак.* В кн.: Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели. М.; Л., 1960, с. 382, рис. 1. Эту гемму опубликовал Э. Херцфельд. Он прочел надпись: «Рувакан Вист(?) снахбад (военачальник) Согда», но В. Г. Лукониц уточнил чтение титула — «мартпат». Он предполагает, что этот титул принадлежал советнику царя или военачальнику. Возможно, это должностное лицо было связано с владением землями, что поручалось евнухам (*Лукониц В. Г. Иран в эпоху...* с. 45, табл. X, 1).
- ²⁰ *Лукониц В. Г. Иран в эпоху...*, с. 46, табл. X, 3; *Bivar A. D. H. Catalogue...*, pl. 1, 1, AA, 1; А. Бивар переводит надпись: «Бухгалтер Тавриза».
- ²¹ *Лукониц В. Г. Иран в эпоху...*, табл. X, 4.
- ²² *Лукониц В. Г. Иран в эпоху...* с. 49, табл. X, 9.
- ²³ Там же, с. 48, табл. X, 10.
- ²⁴ Там же, с. 50, табл. X, 13.
- ²⁵ Там же, табл. X, 15; на с. 42 автор ошибочно относит ее к коллекции Британского музея (*Bivar A. D. H. Catalogue...*, p. 39; *Göbl R. Der sāsānidische siegelkanon.* tab. 5, 2).
- ²⁶ *Лукониц В. Г. Резной аметист...*, с. 381.
- ²⁷ *Лукониц В. Г. Иран в эпоху...*, с. 54.
- ²⁸ *Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья.* Киев, 1975, табл. XXII, 41 и XXIII, 13.
- ²⁹ *Борисов А. Я., Лукониц В. Г. Сасанидские геммы,* № 7—14.
- ³⁰ *Göbl R. Der sāsānidische...* Tabl. 5, 7a(13); *Vollenweider M. L. Catalogue raisonné des sceaux cylindres et intalles.* Musée d'art et d'histoire de Genève. Genève, 1967, vol. 1, p. 85, N 99; tabl. 43, 1 et 6.
- ³¹ *Борисов А. Я., Лукониц В. Г. Сасанидские геммы,* с. 38—44.
- ³² На нее мне указал В. А. Лившиц (*Пугаченкова Г. А. Жига-тепе.*—В кн.: Древняя Бактрия. М., 1979, вып. 2, с. 74, рис. 12, 3).
- ³³ *Gardin J. C. Céramique de Bactres.*—MDAFA, Paris, 1957, t. XV, tabl. XVI, 7, p. 41.
- ³⁴ *Pope A. U., Ackerman Ph. A Survey...*, p. 814, pl. 256, YU; *Göbl R. Der sāsānidische...* taf. 1, 2a (увеличена).
- ³⁵ *Гафуров Б. Г. Таджики. М., 1972, с. 217.*

РÉСУМÉ

BULLES PROVENANT DE DJIGA-TÉPÉ

par I. T. Krouglicova

En 1976, lors des fouilles sur Djiga-tépé, sur le sol du local remontant à la troisième étape de construction qui date de l'époque kouchano — sassanide, on a trouvé 32 bulles intactes et fragmentées. Les empreintes sur les bulles donnent lieu à distinguer au moins 12 sceaux différents. Les sujets des représentations permettent de classer tous les cachets avec lesquels avaient été faites les empreintes sur les bulles en trois groupes: 1) les représentations des hommes (6 sceaux); 2) les représentations des animaux (4 sceaux); 3) les représentations symboliques (2 sceaux). Certains cachets comportent, outre les représentations, les inscriptions gravées. Notamment, deux bulles (les nos 1 et 2) sont munies d'une légende en perse moyen (pehlvi): «Hormizd, fils de Hormizd» ('Whrmzdy...). Un seul cachet, à l'inscription bilingue en perse moyen et en bactrien cursive, fut apposé sur sept bulles (les nos 3—9). La tête d'un grand seigneur, coiffé de haute tiare (kulah), qui figure sur ces bulles, revêt beaucoup de traits d'affinité avec celles des bulles nos 1—2. Les bulles nos 11—13 comportent une légende en bactrien cursive «Eunuque Varzgan» ($\sigma\alpha\rho\zeta\omicron\upsilon\alpha\upsilon\omicron$ $\rho\alpha\beta\tau\sigma\iota\alpha\upsilon\omicron$). Les bulles nos 14 et 15 où l'on voit un homme de profil n'ont d'inscriptions. La bulle N 16 où figure le buste d'un jeune homme ou d'une femme, de profil,

à couvrechef original, comporte une inscription en kharosthi et en sogdien. La légende en kharosthi est déchiffrée par V. A. Livchitz comme: «prince Vada-naša?» (Vadanaša rayasa). Les bulles nos 17—26 sont anépigraphiques. Parmi les bulles avec les représentations des animaux il y a celles à groupes d'animaux (les bulles nos 19 et 20) ainsi qu'à un seul animal (un cerf sur la bulle N 21, un bouc de montagne sur la bulle N 22, un animal stylisé sur la bulle N 23 et un animal fantastique ailé qui avait, probablement, une queue en serpent sur la bulle N 24). Sur la bulle N 25 figure une oreille à un boucle. Sur le sol remontant à la seconde étape de construction on a trouvé encore deux bulles nos 27 et 28. Celles — ci se distinguent par leurs dimensions élevées et par le style de représentations.

La majorité d'images empreintées sont effectuées avec des intailles serties dans les bagues qui, parfois, avaient de petites sphères saillantes. On distingue les cachets de formes circulaires et ovales. Les dimensions de la plus petite des bulles découvertes sont: 15×12 mm. Le diamètre du plus petit sceaux N 25 est de 5 mm. Sur quelques bulles sont conservées les traces des noeuds de minces rubans qui avaient été réunis par des bulles.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа	ТНИИЯЛИ — Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ВДИ — Вестник древней истории	Тр. СамГУ — Труды Самаркандского государственного университета
ВИА — Всеобщая история архитектуры	ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, Ашхабад
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии	ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана, Ташкент	ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
КСИММК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР, М.	BEFEO — Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient
СА — Советская археология	CRAIBL — Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus des séances. Paris
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР	MDAFA — Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan
МКТ — Материальная культура Таджикистана	RA — Revue archéologique
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции	
СА — Советская археология	
САИ — Свод археологических источников	
СААЭ — Советско-Афганская археологическая экспедиция	

СОДЕРЖАНИЕ

В. И. Сарьяниди Раскопки монументальных зданий на Дашлы-3	5
В. Н. Ягодин Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии	33
В. С. Долгоруков Оборонительные сооружения Дильберджина	58
Г. А. Пугаченкова Раскопки южных городских ворот Дильберджина	93
Ш. Р. Пидаев Керамика Джига-тепе (из раскопок 1976 г.)	112
Б. И. Вайнберг, И. Т. Кругликова Монетные находки из раскопок Дильберджина	125
И. Т. Кругликова Буллы из Джига-тепе	141
Список сокращений	151

SOMMAIRE

Sarianidi V. I. Les fouilles des batiments monumentaux sur Dachly-3	5
Yagodine V. N. Les pointes de flèche provenant de la Bactriane du sud	33
Dolgoroukov V. S. Les fortifications de la ville de Delbarjin	58
Pougatchénkova G. A. Porte de la fortification de Delbarjin	93
Pidaév Ch. R. La céramique provenant de Djiga-tépé	112
Vainberg B. I. et Krouglikova I. T. Les monnaies provenant des fouilles de Delbarjin	125
Krouglikova I. T. Bulles provenant de Djiga-tépé	141

